

16+

ISSN 2410-6070

№5-2-1/2026

**ИННОВАЦИОННАЯ
НАУКА**

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ ИННОВАЦИОННАЯ НАУКА

ISSN 2410-6070

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций ПИ № ФС77-61597 от 30.04.2015

Размещение в Научной электронной библиотеке elibrary.ru по договору №103-02/2015

Размещение в "КиберЛенинке" по договору №32505-01

Журнал размещен в международном каталоге периодических изданий Ulruch's Periodicals Directory.

Все статьи индексируются системой Google Scholar.

Учредитель: ООО «Аэтерна»

Registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications PI № FS77-61597 from 30.04.2015

Loading in the Scientific electronic library elibrary.ru under the contract №103-02 / 2015

Loading in "CyberLeninka" under contract №32505-01
The journal is located in the international catalog of periodicals Ulruch's Periodicals Directory.

All journal articles are indexed by Google Scholar.

Founder: LLC "Aeterna"

Цена свободная. Распространяется по подписке.

Все статьи проходят экспертную проверку. Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей.

Авторы статей несут полную ответственность за содержание статей и за сам факт их публикации. Редакция не несет ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи.

При использовании и заимствовании материалов ссылка обязательна

The price of free. Distributed by subscription

All articles are reviewed. The point of view of edition not always coincides with the point of view of authors of published articles.

Authors of the articles are fully liable for the content of articles and for the fact of their publications. The editorial staff is not liable for any damage caused by the publication of the article to the authors and/or the third parties and organizations.

When you use and borrowing materials reference is obligatory.

Верстка: Мартиросян О.В. | Редактор/корректор: Некрасова Е.В.

Учредитель, издатель и редакция

Международного научного журнала «Инновационная наука»:
450057, г. Уфа, ул. Пушкина 120 | +7 347 266 60 68
<https://aeterna-ufa.ru> | info@aeterna-ufa.ru

Подписано в печать 21.05.2026 г. Дата выхода в свет 21.05.2026 г.
Формат 60x90/8. | Усл. печ. л. 27.00. | Тираж 500.

Отпечатано в редакционно-издательском отделе ООО «Аэтерна»
450057, г. Уфа, ул. Пушкина 120 | +7 347 266 60 68
<https://aeterna-ufa.ru> | info@aeterna-ufa.ru

Главный редактор:

Сукхиясн Асатур Альбертович, к.э.н.

Редакционный совет:

Абдуллин Тимур Зуфарович, к.т.н.
Абидова Гулмира Шухратовна, д.т.н.
Авазов Сардоржон Эркин угли, д.с.-х.н.
Агафонов Юрий Алексеевич, д.м.н.
Алейникова Елена Владимировна, д.гос.упр.
Алиев Закир Гусейн оглы, д.фил.агр.н.
Андрейчев Алексей Владимирович, к.б.н.
Бабаян Анжела Владиславовна, д.пед.н.
Баишева Зия Вагизовна, д.фил.н.
Байгузина Люза Закиевна, к.э.н.
Булатова Айсылу Ильдаровна, к.соц.н.
Бурак Леонид Чеславович, к.т.н., PhD
Ванесян Ашот Саркисович, д.м.н.
Васильев Федор Петрович, д.ю.н., член РАЮН
Вельчинская Елена Васильевна, д.фарм.н.
Виневская Анна Вячеславовна, к.пед.н.
Габрусь Андрей Александрович, к.э.н.
Галимова Гузалия Абкадировна, к.э.н.
Гетманская Елена Валентиновна, д.пед.н.
Гимранова Гузель Хамидуллоевна, к.э.н.
Григорьев Михаил Федосеевич, д.с.-х.н.
Грузинская Екатерина Игоревна, к.ю.н.
Гулиев Игбал Адилевич, к.э.н.
Датий Алексей Васильевич, д.м.н.
Долгов Дмитрий Иванович, к.э.н.
Дусматов Абдурахим Дусматович, к. т. н.
Ежкова Нина Сергеевна, д.пед.н.,
Екшикеев Тагер Кадырович, к.э.н.
Епхиева Марина Константиновна, к.пед.н., проф. РАЕ
Ефременко Евгений Сергеевич, к.м.н.
Закиров Мунавир Закиевич, к.т.н.
Зарипов Хусан Баходирович, PhD.
Иванова Нионила Ивановна, д.с.-х.н.
Калужина Светлана Анатольевна, д.х.н.
Канарейкин Александр Иванович, к.т.н.
Касимова Дилара Фаритовна, к.э.н.
Киракосян Сусана Арсеновна, к.ю.н.
Киркимбаева Жумагуль Слямбековна, д.вет.н.
Кленина Елена Анатольевна, к.филос.н.
Клещина Марина Геннадьевна, к.э.н.,
Козлов Юрий Павлович, д.б.н., заслуженный эколог РФ
Кондрашихин Андрей Борисович, д.э.н.
Конопацкова Ольга Михайловна, д.м.н.
Куликова Татьяна Ивановна, к.псих.н.
Курбанаева Лилия Хамматовна, к.э.н.
Курманова Лилия Рашидовна, д.э.н.
Ларионов Максим Викторович, д.б.н.
Мальшикина Елена Владимировна, к.и. н.
Маркова Надежда Григорьевна, д.пед.н.
Мещерякова Алла Брониславовна, к.э.н.
Мухамедеева Зинфира Фанисовна, к.соц.н.
Мухамедова Гулчехра Рихсибаевна, к.пед.н.
Набиев Тухтамурод Сахобович, д.т.н.
Нурдавлятова Эльвира Фанисовна, к.э.н.
Песков Аркадий Евгеньевич, к.полит.н.
Половения Сергей Иванович, к.т.н.
Пономарева Лариса Николаевна, к.э.н.
Почивалов Александр Владимирович, д.м.н.
Прошин Иван Александрович, д.т.н.
Равшанов Махмуд, д.филос. н.
Саттарова Рано Кадыровна, к.биол.н.,
Сафина Зия Закировна, к.э.н.
Симонович Надежда Николаевна, к.псих. н.
Симонович Николай Евгеньевич, д.псих. н., академик РАЕН
Сирик Марина Сергеевна, к.ю.н.
Смирнов Павел Геннадьевич, к.пед.н.
Старцев Андрей Васильевич, д.т.н.
Танаева Замфира Рафисовна, д.пед.н.
Терзиев Венелин Крестев, д.э.н., член РАЕ
Трифопова Елена Николаевна, к.э.н.
Умаров Бехзод Тургунпулатович, д.т.н.
Хайров Расим Золимхон углы, к.пед.н.
Хамзаев Иномжон Хамзаевич, к. т. н.
Хасанов Сайдинаби Сайдиалиевич, д.с.-х.н.
Чернышев Андрей Валентинович, д.э.н.
Чиладзе Георгий Бидзинович, д.э.н., д.ю.н., член РАЕ
Шилкина Елена Леонидовна, д.соц.н.
Шкирмантов Александр Прокопьевич, д.т.н., член-РАЕ
Шляхов Станислав Михайлович, д.физ.-мат.н.
Шошин Сергей Владимирович, к.ю.н.
Юсупов Рахимьян Галимьянович, д.и. н.
Яковишина Татьяна Федоровна, д.т.н.
Янгиров Азат Вазирович, д.э.н.
Яруллин Рауль Рафаэлович, д.э.н., член РАЕ

СОДЕРЖАНИЕ

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ НАУКИ

- Charyberdiyev K., Yoldashov G., Jumagurbanov B.** 9
EQUINE PHYSIOLOGY AND GENETIC CONSERVATION: METABOLIC EFFICIENCY OF DESERT-ADAPTED HORSE BREEDS
- Charyberdiyev K., Yoldashov G., Hemrayeva G.** 11
GENOMIC PROFILES, THERMOREGULATORY MECHANICS, AND BIO-ENERGETIC INVARIANTS OF THE AKHAL-TEKE BREED

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

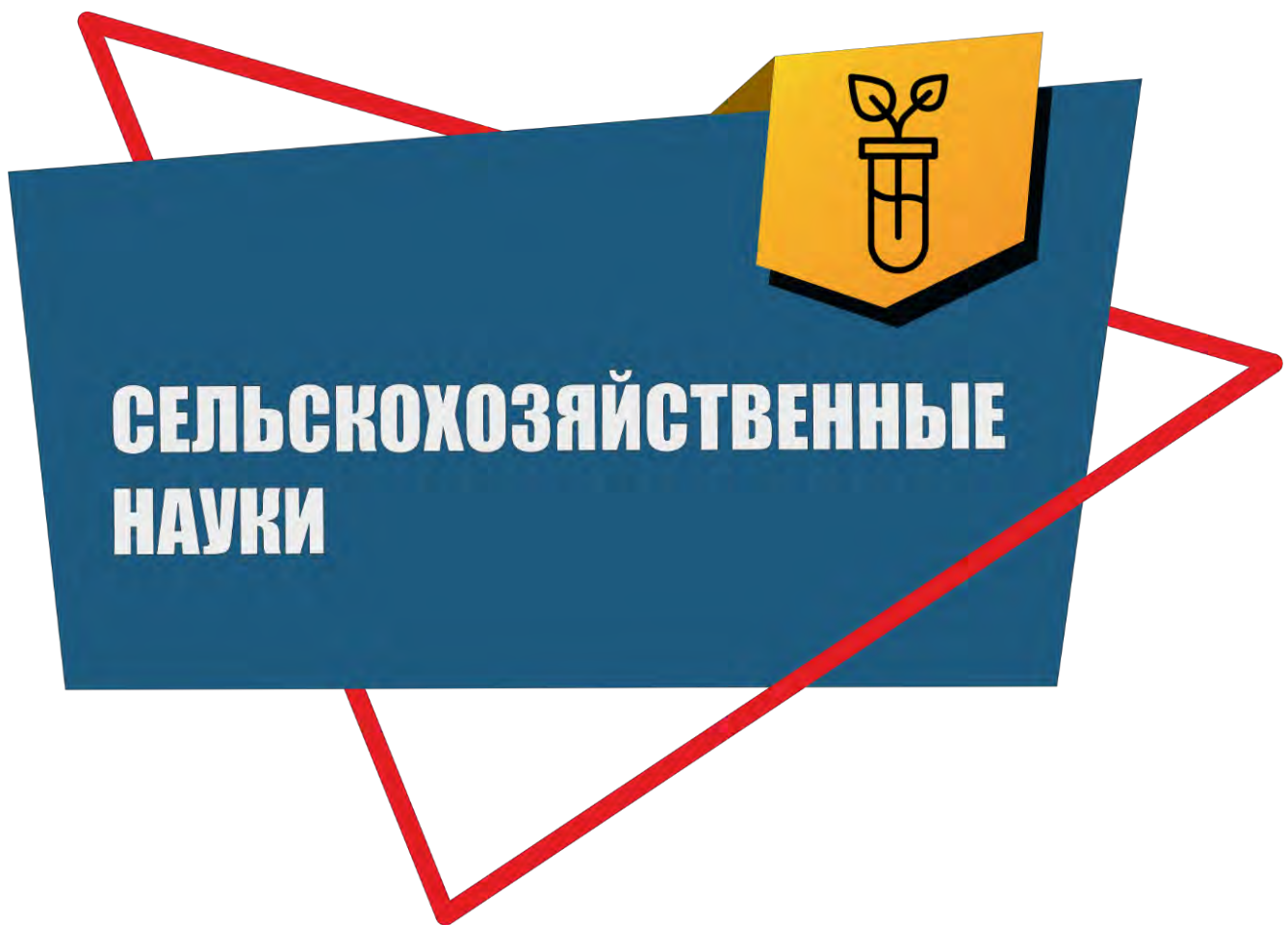
- Barsov F.P.** 16
SECURING THE RAW MATERIAL BASE FOR HIGH-TECH SECTORS
- Rakhimova A.I.** 18
DIGITALIZATION OF FINANCIAL FLOW AND INVENTORY MANAGEMENT IN INDUSTRIAL SYSTEMS
- Sabyrzhan T.** 23
GREEN TAXONOMY IN KAZAKHSTAN: SHAPING A SUSTAINABLE ENERGY FUTURE THROUGH NUCLEAR INTEGRATION
- Блохин Д.К.** 26
ОСОБЕННОСТИ ПОДХОДОВ К РАЗРАБОТКЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В СТРАНАХ БРИКС+
- Блохин Д.К.** 32
РОЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В ПОДДЕРЖАНИИ И УСКОРЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА БРИКС+
- Газизова Г.Р.** 37
МАЛЫЙ И СРЕДНИЙ БИЗНЕС В РОССИИ: МЕРЫ ГОСПОДДЕРЖКИ И ИХ ЭФФЕКТИВНОСТЬ
- Грушенцева В.А.** 40
СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНКЛЮЗИВНОГО ТУРИЗМА
- Егоров И.Д.** 42
РЕГЛАМЕНТАЦИЯ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ, СООТВЕТСТВИЯ ТРЕБОВАНИЯМ И ОПЕРАЦИОННОЙ УСТОЙЧИВОСТИ
- Краснова Д.Б.** 46
ДРАЙВЕРЫ ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛИ МЕЖДУ РОССИЕЙ И СТРАНАМИ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА
- Краснова Д.Б.** 49
ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПРЕПЯТСТВИЯ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛИ МЕЖДУ РОССИЕЙ И БЛИЖНИМ ВОСТОКОМ
- Кураев М.Т.** 53
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АРКТИЧЕСКОГО РЕГИОНА И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Кураев М.Т. ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ, СТРАТЕГИЧЕСКАЯ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ОБСТАНОВКА В АРКТИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ	58
Морозов К.Д. ТОРГОВЫЕ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ: ИНСТРУМЕНТЫ, ТРАНСФОРМАЦИЯ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ	64
Морозов К.Д. ЦЕЛИ И МОТИВАЦИЯ УЧАСТНИКОВ ТОРГОВЫХ ВОЙН В СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ	71
Непомнящий М.А. ПАРАДОКС СОЮЗНОГО РЕЖИМА: ЦЕНОВОЙ АРБИТРАЖ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВАМИ-ЧЛЕНАМИ ЕАЭС ПОСЛЕ РЕФОРМЫ ТРАНСГРАНИЧНОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛИ И РИСКИ ДЛЯ ИНТЕГРАЦИОННОГО ЭФФЕКТА	74
Непомнящий М.А. ЧЕТЫРЕ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ РЕГУЛЯТОРНЫХ ПРОЦЕССА В ТРАНСГРАНИЧНОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛЕ ЕАЭС И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: РАЗНЕСЕНИЕ, ОЦЕНКА ФИСКАЛЬНОЙ НАГРУЗКИ И РИСК «ЭФФЕКТА УТИЛЬСБОРА»	83
Орехов Г.А. СПЕЦИАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ВНУТРЕННЕЙ ОФШОРИЗАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ САР, ОЭЗ И ТОР	93
Орехов Г.А. ОФШОРНЫЕ ЮРИСДИКЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ КОНКУРЕНЦИИ ГОСУДАРСТВ	97
Савичев Л.О. СОВРЕМЕННЫЕ ПОЗИЦИИ КИТАЯ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛЕ ТРАНСПОРТНЫМИ УСЛУГАМ	100
Савичев Л.О. ВЛИЯНИЕ ТОРГОВОЙ ВОЙНЫ МЕЖДУ КИТАЕМ И США НА ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ КИТАЯ В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ТРАНСПОРТНЫХ УСЛУГ	104
Устюгов Ю.А. МАТЕМАТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МЕТОДОЛОГИИ ОПТИМАЛЬНОГО ONLINE КВАНТОВОГО АДАПТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯМИ НА ТЕРРИТОРИИ. ЧАСТЬ 7: МЕТОД ОРТ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ОБЩЕГО РЕСУРСА РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ, ОПРЕДЕЛЕНИЯ СИСТЕМНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК, ВОЗМОЖНОСТЕЙ И ПРИЗНАКОВОГО ПРОСТРАНСТВА ИССЛЕДОВАНИЙ, ОХВАТЫВАЕМЫХ МЕТОДОЛОГИЕЙ, ОРТ УРОВНЯ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ДЛЯ УДОВЛЕТВОРЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОТРЕБНОСТЕЙ В КОМПЛЕКСЕ “СЭР _V + СЭР _H + СЭР _W ”	107
Чумаков К.С. РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ВНЕШНЕ-ТОРГОВЫЕ ОПЕРАЦИИ В СФЕРЕ ХИМИЧЕСКОЙ ПРОДУКЦИИ	120
Шикин Ф.Р. ЦИФРОВАЯ ПОВЕСТКА ЕАЭС ДО 2025 ГОДА И ТРАНСГРАНИЧНАЯ E-COMMERCE: ЧТО РЕАЛЬНО ЗАРАБОТАЛО, А ЧТО ОСТАЛОСЬ ДЕКЛАРАЦИЕЙ	124
Шикин Ф.Р. ОСОБЕННОСТИ ВНЕШНЕТОРГОВОЙ ПОЛИТИКИ СТРАН ЕАЭС: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ	130

Якушкин В.В. ВЛИЯНИЕ САНКЦИОННЫХ УСЛОВИЙ НА ВОЗВРАТНОСТЬ КРЕДИТА И СПОСОБЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ	137
Якушкова О.Д. РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ ИНВЕСТИЦИОННОЕ ПАРТНЁРСТВО: СТРУКТУРА, СТИМУЛЫ, БАРЬЕРЫ (2023–2025)	139
Якушкова О.Д. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И КИТАЯ: ВОЗМОЖНОСТЬ РАСЧЁТОВ В КРИПТОВАЛЮТАХ	141
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Аппатов Р., Supanov H. OVERCOMING PROCRASTINATION: THE PSYCHOLOGICAL AND PHYSIOLOGICAL MECHANISMS OF INITIATING PHYSICAL EXERCISE	145
Bashimova M.S., Abdurahmanov A.S. THE IMPORTANCE OF PRONUNCIATION IN PERSIAN LANGUAGE EDUCATION	147
Hudayberdiyev M. EXPERIENTIAL FRAMEWORKS AND STRATEGIC MODELS IN ENTREPRENEURSHIP AND INDUSTRIAL EDUCATION	148
Shyhliyeva A.T. APPROACHES AND METHODS IN TEACHING ENGLISH: A METHODOLOGICAL OVERVIEW	151
Васильев М.А. THE IMPACT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE ON STUDENTS' ACADEMIC MOTIVATION	153
Аникина Ю.И., Зеленский В.Г., Пшеничников М.В. ИННОВАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ ПОДГОТОВКИ ИНЖЕНЕРНЫХ КАДРОВ: ОТ ШКОЛЫ ДО ПРОИЗВОДСТВА	154
Афанасьева К.В. ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗЕ	156
Ашырова А., Аннагулыева Г., Бабаева Б., Халымова Х. ЛОШАДИ БЕДУИНОВ: КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И ГЕНЕТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ АРАВИЙСКОЙ ПУСТЫНИ	158
Бахор Т.А., Любина Е.В., Фотина Т.А. СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК КОМПОНЕНТ ЭФФЕКТИВНОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО КОЛЛЕДЖА)	160
Белчуг В.В. СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ	162
Буковцова М.А. ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ ПИСАТЕЛЕЙ КАК СРЕДСТВО НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ	164

Гривкова Л.В., Клименко Н.А. КЛАСС-КОНЦЕРТ КАК МОТИВАЦИЯ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА СТУДЕНТОВ УЧЕБНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ СРЕДНЕГО ЗВЕНА	166
Евтенко Н.В. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПОСТРОЕНИЯ ПАРТНЁРСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ «ПЕДАГОГ – РЕБЁНОК»	172
Кугелев А.С. ЦИФРОВАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ УЧЕБНОЙ МОТИВАЦИИ СТУДЕНТОВ	173
Кукса О.А. С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ ОБУЧЕНИЕ ГРАМОТЕ	177
Курочкин А.В., Лысенко А.В. ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБРАЗОВАНИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ	179
Лукьянова Е.А. ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ПРОФИЛАКТИКИ ЗАВИСИМОСТИ ОТ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ	181
Маркарян К.А. К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (НА ОСНОВЕ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА РУССКИХ И АРМЯНСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ «ЧАСТИ ТЕЛА»)	183
Миροшникoвa O.В., Шемраева O.В., Яцына Н.В. РАЗВИТИЕ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ ЧТЕНИЮ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	189
Нестерова Ю.С. ТЕХНОЛОГИИ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНОЙ СТОРОНЫ РЕЧИ У ДОШКОЛЬНИКОВ С НАРУШЕНИЕМ СЛУХА	191
Новолокина П.В. АНАЛИЗ НОРМАТИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ В ПРЫЖКАХ НА АКРОБАТИЧЕСКОЙ ДОРОЖКЕ КАК ОСНОВА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СПОРТИВНОЙ ПОДГОТОВКИ	195
Огурцова А.Г. ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕМАТИКИ ПРИ ДИСТАНЦИОННОМ ФОРМАТЕ ОБУЧЕНИЯ FEATURES OF LEARNING MATHEMATICS IN DISTANCE LEARNING	199
Ралдугин Е.С. ЕВРОПЕЙСКАЯ ШКОЛА BUSINESS PROCESS MANAGEMENT: ПРЕДСТАВИТЕЛИ, КОНЦЕПЦИИ И ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ	201
Рзагулыева Л.А., Шамыева Дж.Ч. ВАРИАТИВНОСТЬ НОРМ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА: ПРИЧИНЫ, ТИПЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ	205

Ри С.Ч., Пак Чхоль Мин МЕТОДЫ ЗАПОМИНАНИЯ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ: ОПЫТ ПРЕПОДАВАНИЯ В КОРЕЙСКОЙ АУДИТОРИИ	206
Савич Е.И. КАК ОНЛАЙН-ФОРМАТ МЕНЯЕТ ПОДХОД К ЭКОЛОГИЧЕСКОМУ ОБРАЗОВАНИЮ СТАРШЕКЛАССНИКОВ	210
Толева Ф.Х. ЗНАЧЕНИЕ НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ ШКОЛЬНИКОВ	214
Тютюник Н.Н. ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ДИСЦИПЛИНЫ ИСТОРИЯ В СИСТЕМЕ СПО: ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ	216
Улякова Н.В. ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КЛАССНЫХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ, РАСПОЛОЖЕННЫХ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ	219
Чеснокова Е.А., Адаменко О.А., Лахина Л.С. ТЕАТРАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК УСЛОВИЕ УСПЕШНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА	223
Шапвалов Д.С. ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ УЧЕБНОЙ МОТИВАЦИИ СТУДЕНТОВ В ЦИФРОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ	225
Язбердыева А. МЕТОДИКА ТАНДЕМА КАК СОВРЕМЕННЫЙ СПОСОБ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ СРЕДИ СТУДЕНТОВ	229
Язбердыева А. РОЛЬ ТАНДЕМ-МЕТОДИКИ В ПОВЫШЕНИИ МОТИВАЦИИ СТУДЕНТОВ К ОБУЧЕНИЮ	231

УДК 63

Charyberdiyev K.

lecturer

Yoldashov G.

student

International Horse breeding academy named after Aba Annayev

Jumagurbanov B.

student

Pedagogical secondary vocational school named after Berdimuhamed Annayev of Arkadag city
Arkadag, Turkmenistan

EQUINE PHYSIOLOGY AND GENETIC CONSERVATION: METABOLIC EFFICIENCY OF DESERT-ADAPTED HORSE BREEDS

Abstract

Desert-adapted equine breeds represent a highly specialized evolutionary branch of *Equus caballus*, optimized over millennia to survive within hyper-arid environments characterized by extreme thermal variations and scarce hydric resources. This article examines the core physiological, genetic, and morphological dimensions of these specialized desert horses, focusing primarily on their unique skeletal frameworks, exceptional thermoregulatory mechanisms, and distinct metabolic efficiency. By evaluating the structural density of their cortical bone tissue, the genetic markers governing their high aerobic capacity, the hematological adaptations that facilitate sustained endurance, and the modern biotechnological protocols implemented for their preservation, this research outlines a comprehensive animal science framework. The study concludes that maintaining the genetic purity of these ancient lineages is essential not only for historical conservation but also for unlocking vital genomic data related to mammalian stress tolerance and athletic performance.

Keywords:

equine physiology, desert adaptation, morphological invariants, thermoregulation, aerobic capacity, genetic conservation, hematological metrics, cortical bone density.

Introduction

The natural selection and deliberate breeding of equines within arid zones have engineered some of the most resilient, architecturally distinct, and metabolically efficient organisms within the mammalian order. Among these, the ancient hot-blooded lineages developed in the harsh geographical corridors of Central Asia stand as premier examples of evolutionary optimization. These animals possess a phenotypic blueprint that radically diverges from cold-blooded or heavy draught equines, displaying structural and physiological adaptations specifically geared toward high-velocity endurance, rapid heat dissipation, and survival on low-nutrient forage. As veterinary science and genomics advance, the unique biological profile of these desert-adapted populations offers critical insights into cardiovascular efficiency, metabolic energy conversion, and muscular recovery. This article investigates the primary biological and structural pillars of these specialized desert horses, demonstrating how morphological frameworks, hematological metrics, and genetic conservation efforts operate in harmony to define their unique place in equine science.

Physiological Frameworks and Genetic Invariants of Desert Equines

Morphological Architecture and Aerobic Optimization for Hyper-Arid Climates

The physical blueprint of the desert-adapted horse is a masterclass in structural bio-mechanics, designed to maximize kinetic efficiency while minimizing internal thermal storage. These horses typically feature an elongated, streamlined silhouette, characterized by a long, slender neck, a high-set chest, and exceptionally long,

lean limbs. This specific surface-area-to-mass ratio significantly enhances passive radiative heat dissipation, allowing the animal to maintain homeostatic core temperatures during intense exertion in desert environments. Furthermore, their skeletal system displays unique bone density variations; micro-structural analysis reveals that their cortical bone tissue possesses a high mineral content and reduced porosity, providing immense structural resilience against mechanical stress while keeping the limbs lightweight. The skin of these equines is remarkably thin and highly vascularized, covered by an ultra-fine, silk-like hair coat that reflects solar radiation and accelerates the evaporation of sweat, making their external morphology an active thermoregulatory shield.

Hematological Invariants and Superior Cardiovascular Dynamics

Beneath their distinct external morphology lies a highly advanced cardiovascular and respiratory system optimized for extreme athletic endurance. Desert horses possess an exceptionally high heart-weight-to-body-mass ratio, which translates directly into superior stroke volume and maximum cardiac output during physical exertion. A defining physiological characteristic of these hot-blooded lineages is their massive splenic reservoir, which acts as a dynamic hematological buffer. Under conditions of acute physical stress or high-velocity galloping, an immediate sympathetic nervous system response triggers splenic contraction, injecting a massive volume of highly concentrated erythrocytes into the systemic blood circulation. This acute increase in hematocrit levels exponentially upgrades the oxygen-carrying capacity of the blood, fueling the slow-twitch (Type I) muscle fibers with a continuous stream of oxygen, thereby delaying the onset of anaerobic glycolysis and mitigating lactic acid accumulation.

Metabolic Plasticity and Forage Efficiency on Marginal Nutrition

Surviving within arid steppe environments requires a highly adaptive metabolic framework capable of extracting maximum nutritional value from lignified, low-protein vegetation. Desert equines have evolved exceptional metabolic plasticity, characterized by a highly efficient hindgut fermentation ecosystem. Their large cecum and colon house specialized populations of cellulolytic microbiota that break down complex structural carbohydrates with high efficiency, turning sparse desert scrub and dry grasses into volatile fatty acids that serve as a primary energy source. Concurrently, these horses demonstrate a remarkable physiological tolerance to dehydration; they can withstand significant fluid loss from their extracellular compartments without experiencing a dangerous rise in blood viscosity or cardiovascular collapse. When rehydrated, their gastrointestinal tract can rapidly absorb large volumes of water into the bloodstream without triggering osmotic shock or hemolysis, illustrating a profound cellular adaptation to unpredictable desert hydrology.

Genomic Footprints and the Mapping of Performance Alleles

Modern equine genomics has shed considerable light on the specific molecular pathways that underpin the extraordinary athletic performance and unique phenotypic traits of these ancient desert breeds. Whole-genome sequencing reveals a strong selection pressure on genes regulating metabolic homeostasis, cardiac muscle contraction, and skeletal development. Specifically, variations within the *MSTN* (myostatin) gene corridor, which controls muscle mass and fiber composition, are heavily biased toward configurations that favor endurance and long-range speed over explosive, short-duration bulk. Additionally, researchers have identified distinct upregulation in gene pathways linked to fatty acid oxidation and mitochondrial biogenesis, which grants these horses the cellular machinery to utilize lipid reserves with maximum efficiency during prolonged locomotion. Mapping these performance alleles provides animal scientists with an empirical blueprint of mammalian performance, identifying the genetic variants that protect tissues against oxidative stress and physical exhaustion.

Cryopreservation and Modern Biotechnological Strategies for Lineage Preservation

The final frontier of equine biological science is the implementation of advanced conservation technologies designed to preserve the genetic purity and architectural integrity of these irreplaceable lineages. Due to historical population bottlenecks, political upheaval, and global industrialization, many ancient desert horse lineages face significant loss of genetic diversity and increased inbreeding coefficients. To counteract this

genetic drift, veterinary institutions utilize advanced assisted reproductive technologies (ART), including intra-cytoplasmic sperm injection (ICSI), embryo transfer protocols, and the establishment of high-security somatic cell cryobanks. By preserving genetic material at ultra-low temperatures, reproductive biologists ensure that deep ancestral alleles remain accessible for future selection programs. This biotechnological safety net prevents the extinction of unique metabolic and structural phenotypes, ensuring that the evolutionary lessons encoded within desert horse DNA are preserved for future generations of veterinary researchers.

Conclusion. The comprehensive biological analysis of desert-adapted horses highlights the extraordinary capacity of natural and anthropogenic selection to sculpt an organism for maximum functional resilience. As this article has demonstrated, the intricate alignment of streamlined skeletal morphology, highly responsive hematological dynamics, efficient hindgut metabolic programming, and specific performance genotypes provides a cohesive biological framework for survival in extreme environments. The ongoing survival and academic exploration of these ancient lineages depend entirely on the capacity of international conservation networks to implement modern genomic monitoring and cryopreservation strategies. Ultimately, by safeguarding these unique equine populations from genetic degradation, contemporary animal science preserves a living masterclass in evolutionary biology, ensuring that these magnificent animals continue to serve as a vital model for athletic excellence, metabolic efficiency, and physiological resilience.

References list:

1. The Equine Genome, Chowdhary, B. P., Ames, 2013.
2. Equine Exercise Physiology, Hinchcliff, K. W., Kaneps, A. J., and Geor, R. J., Edinburgh, 2008.
3. Genomic Diversity and Evolution of the Horse, Schubert, M. and Orlando, L., Copenhagen, 2014 (Revised 2022).
4. Physiological Adaptations of Desert Mammals, Reproductive and Metabolic Strategies, Maloiy, G. M. O., Nairobi, 1979 (Reprinted 2020).
5. Breeds of Empire: The Biology and History of Elite Equine Lineages, Local Adaptations and Global Vectors, Mitchell, P., Oxford, 2009 (Revised 2025).

© Charyberdiyev K., Yoldashov G., Jumagurbanov B., 2026

УДК 63

Charyberdiyev K.

lecturer

Yoldashov G.

student

International Horse breeding academy named after Aba Annayev

Hemrayeva G.

student

Pedagogical secondary vocational school named after Berdimuhamed Annayev of Arkadag city

Arkadag, Turkmenistan

**GENOMIC PROFILES, THERMOREGULATORY MECHANICS, AND BIO-ENERGETIC
INVARIANTS OF THE AKHAL-TEKE BREED**

Abstract

The Akhal-Teke represents an extraordinarily specialized evolutionary branch of *Equus caballus*, structurally and metabolically optimized over millennia to survive within hyper-arid environments characterized

by severe thermal extremes and scarce resource availability. This article explores the definitive biological, physiological, and genetic architecture of this ancient lineage. By investigating the micro-structural configuration of their highly dense cortical bone tissue, the genomic markers regulating superior mitochondrial biogenesis, the hematological adaptations facilitating acute aerobic expansion, and the advanced cryopreservation protocols driving modern lineage preservation, this research outlines a comprehensive framework in equine science. The study concludes that maintaining the absolute genetic integrity of the Akhal-Teke is essential not only for biodiversity conservation but also for mapping vital mammalian genes associated with physical endurance, thermal resistance, and metabolic adaptation.

Keywords:

Akhal-Teke, equine genomics, cortical bone density, thermoregulatory mechanics, splenic contraction, metabolic plasticity, genetic conservation, bio-energetics.

Introduction

The natural selection and anthropogenic breeding of equines within the arid zones of Central Asia have engineered an organism exhibiting some of the most specialized anatomical profiles and efficient metabolic pathways within the mammalian order. Developed within the harsh desert corridors and volatile steppe environments of modern-day Turkmenistan, the Akhal-Teke stands as a premier manifestation of evolutionary optimization. This hot-blooded lineage possesses a phenotypic blueprint that radically diverges from traditional heavy draught or cold-blooded breeds, displaying structural and systemic adaptations explicitly geared toward high-velocity endurance, rapid heat dissipation, and survival on low-nutrient forage. As contemporary veterinary genomics and exercise physiology advance, analyzing the specific biological profile of this population offers profound insights into mammalian cardiovascular kinetics, cellular stress tolerances, and musculoskeletal elasticity. This article evaluates the primary biological, morphological, and genetic pillars of the Akhal-Teke, demonstrating how systemic physical frameworks and modern preservation strategies function in harmony to define the breed's unique status in global equine biology.

Physiological Frameworks and Genetic Invariants of the Akhal-Teke Breed

Morphological Engineering and Aerobic Adaptations for Thermal Dissipation

The structural architecture of the Akhal-Teke is a masterclass in evolutionary bio-mechanics, engineered to maximize kinetic output while minimizing internal heat storage. The breed features a distinct, elongated silhouette characterized by a long, straight neck, a high-set chest cavity, and exceptionally lean, long limbs. This specific surface-area-to-mass ratio enhances passive radiative heat loss, allowing the animal to maintain homeostatic core body temperatures during intense physical exertion under extreme desert sun. Micro-structural analysis of their skeletal framework reveals that their cortical bone tissue possesses a high mineral content and decreased porosity, providing massive structural resilience against mechanical stress while keeping the distal limbs exceptionally light. Furthermore, the skin of the Akhal-Teke is remarkably thin and highly vascularized, covered by an ultra-fine hair coat that lacks a prominent undercoat. This structure reflects solar radiation and accelerates the evaporation of sweat, making their external morphology an active thermoregulatory shield.

Hematological Kinetics and Cardiovascular Capacity for Sustained Endurance

Beneath their distinct external morphology lies a highly responsive cardiovascular and respiratory system optimized for long-range locomotion and rapid recovery. The Akhal-Teke possesses an exceptionally high heart-weight-to-body-mass ratio, translating directly into superior stroke volume and maximized cardiac output during intensive exercise. A defining physiological characteristic of this lineage is its large splenic reservoir, which acts as a dynamic hematological buffer. Under conditions of acute physical stress or high-velocity galloping, an immediate sympathetic nervous system response triggers automated splenic contraction, injecting a massive volume of highly concentrated, oxygen-carrying erythrocytes into the systemic blood circulation. This rapid

increase in hematocrit levels exponentially upgrades the oxygenation capacity of the blood, fueling the slow-twitch (Type I) muscle fibers with a continuous stream of oxygen, thereby delaying the onset of anaerobic glycolysis and mitigating lactic acid accumulation.

Metabolic Plasticity and Hindgut Fermentation Efficiency on Marginal Nutrition

Surviving within the arid Karakum Desert environment required a highly adaptive metabolic framework capable of extracting maximum nutritional value from highly lignified, low-protein desert vegetation. The Akhal-Teke evolved exceptional metabolic plasticity, supported by a highly efficient hindgut fermentation ecosystem. Their large cecum and colon house highly specialized populations of cellulolytic microbiota that break down complex structural plant carbohydrates with immense efficiency, turning sparse desert scrub and dry grasses into volatile fatty acids that serve as a primary metabolic energy source. Concurrently, these horses demonstrate a remarkable physiological tolerance to acute dehydration; they can withstand significant fluid loss from their extracellular compartments without experiencing a dangerous rise in blood viscosity or cardiovascular collapse. When water becomes available, their gastrointestinal tract can rapidly absorb large volumes into the bloodstream without triggering osmotic shock or hemolysis, illustrating a profound cellular adaptation to unpredictable desert hydrology.

Genomic Mapping and the Isolation of Performance Alleles

Modern equine genomics has shed considerable light on the specific molecular pathways that underpin the extraordinary athletic performance and unique phenotypic traits of the Akhal-Teke. Whole-genome sequencing reveals strong positive selection pressure on genes regulating metabolic homeostasis, cardiac muscle contraction, and skeletal development. Specifically, variations within the *MSTN* (myostatin) gene corridor, which controls skeletal muscle mass and fiber composition, are heavily biased toward configurations that favor long-distance endurance and stamina over short-duration, explosive bulk. Additionally, researchers have identified distinct upregulation in gene pathways linked to fatty acid oxidation and mitochondrial biogenesis, which grants these horses the cellular machinery to utilize lipid reserves with maximum efficiency during prolonged locomotion. Mapping these performance alleles provides animal scientists with an empirical blueprint of mammalian performance, identifying the genetic variants that protect cellular tissues against oxidative stress and physical exhaustion.

Assisted Reproductive Technologies and Preservation Protocols for Genetic Purity

The final frontier of Akhal-Teke biological science is the implementation of advanced conservation technologies designed to preserve the genetic purity and architectural integrity of this irreplaceable lineage. Due to historical population bottlenecks, geopolitical upheavals, and modern industrialization, the global Akhal-Teke population faces significant risks associated with the loss of founder alleles and increased inbreeding coefficients. To counteract this genetic drift, veterinary institutions utilize advanced assisted reproductive technologies (ART), including intra-cytoplasmic sperm injection (ICSI), embryo transfer protocols, and the establishment of high-security somatic cell cryobanks. By preserving genetic material at ultra-low temperatures, reproductive biologists ensure that deep ancestral alleles remain accessible for future selection programs. This biotechnological safety net prevents the extinction of unique metabolic and structural phenotypes, ensuring that the evolutionary lessons encoded within Akhal-Teke DNA are preserved for future generations of veterinary researchers.

Conclusion

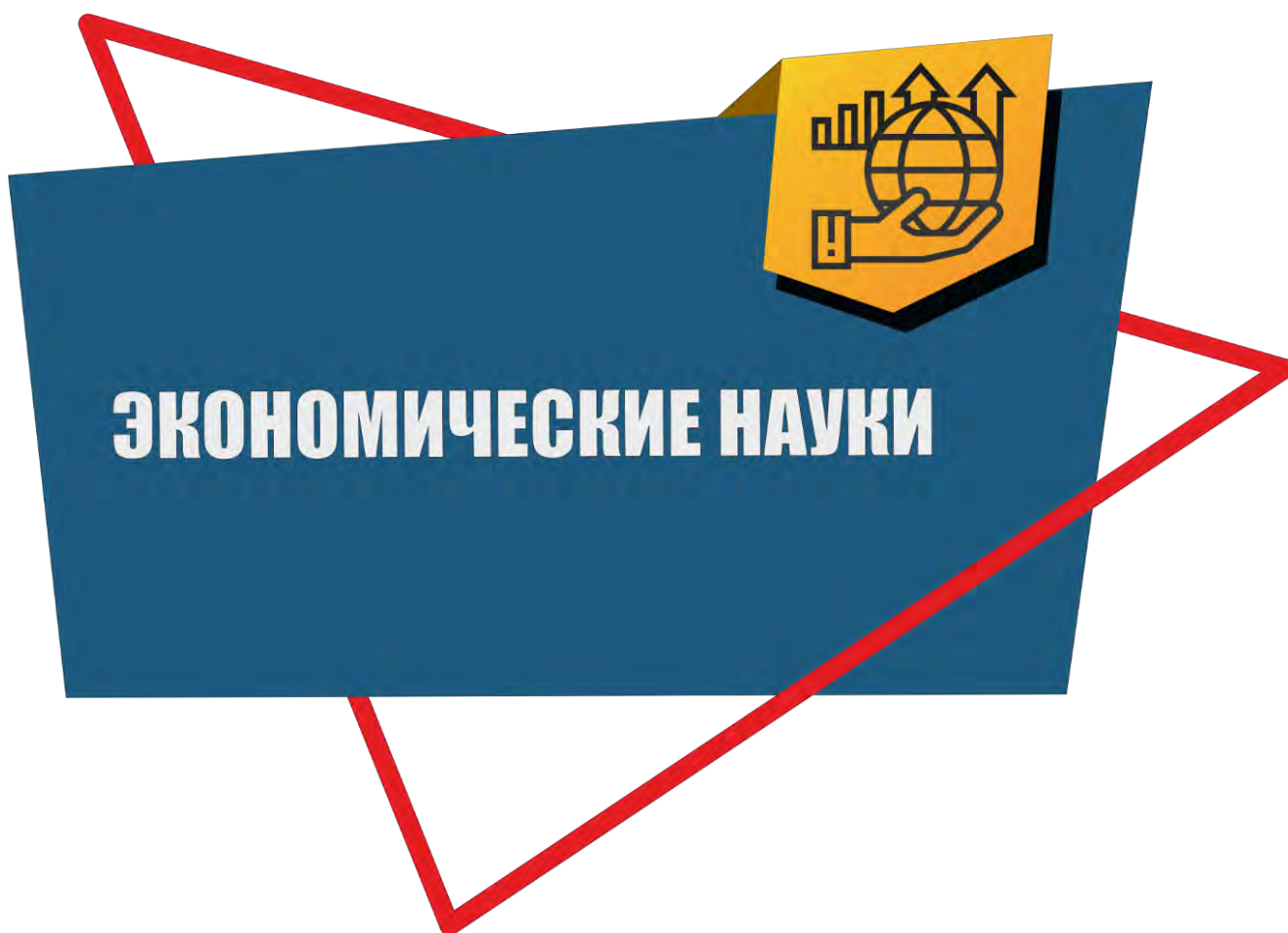
The comprehensive biological analysis of the Akhal-Teke highlights the extraordinary capacity of natural and anthropogenic selection to sculpt an organism for maximum functional resilience. As this article has demonstrated, the intricate alignment of streamlined skeletal morphology, highly responsive hematological dynamics, efficient hindgut metabolic programming, and specific performance genotypes provides a cohesive biological framework for survival in extreme environments. The ongoing survival and academic exploration of this ancient lineage depend entirely on the capacity of international conservation networks to implement modern genomic monitoring and cryopreservation strategies. Ultimately, by safeguarding the Akhal-Teke

population from genetic degradation, contemporary animal science preserves a living masterclass in evolutionary biology, ensuring that these magnificent animals continue to serve as a vital model for athletic excellence, metabolic efficiency, and physiological resilience.

References list:

1. The Equine Genome, Chowdhary, B. P., Ames, 2013.
2. Equine Exercise Physiology, Hinchcliff, K. W., Kaneps, A. J., and Geor, R. J., Edinburgh, 2008.
3. Genomic Diversity and Evolution of the Horse, Schubert, M. and Orlando, L., Copenhagen, 2014.
4. Physiological Adaptations of Desert Mammals: Reproductive and Metabolic Strategies, Maloiy, G. M. O., Nairobi, 1979.
5. Breeds of Empire: The Biology and History of Elite Equine Lineages, Mitchell, P., Oxford, 2009.

© Charyberdiyev K., Yoldashov G., Hemrayeva G., 2026

UDC 338.45

Barsov F.P.master's degree of National research Tomsk polytechnic university,
Tomsk, Russia**SECURING THE RAW MATERIAL BASE FOR HIGH-TECH SECTORS****Annotation**

The article addresses the problem of securing the raw material base for high-tech sectors under conditions of increasing demand and supply chain concentration. Critical raw materials required for electronics, renewable energy, aerospace, and advanced manufacturing are analyzed. Key supply risks related to limited substitution potential and market volatility are identified. Strategic approaches to strengthening supply security, including diversification, secondary resource utilization, and technological innovation, are considered. The importance of integrated solutions for enhancing supply chain resilience is emphasized.

Keywords:

critical raw materials, high-tech industries, supply security, resource diversification, circular economy, secondary raw materials, supply chain resilience.

Барсов Ф.П.магистр ТПУ,
г. Томск, РФ**ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ СЫРЬЕВОЙ БАЗЫ ДЛЯ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫХ СЕКТОРОВ****Аннотация**

В статье рассматривается проблема обеспечения сырьевой базы высокотехнологичных отраслей в условиях роста спроса и концентрации цепочек поставок. Анализируется значение критических сырьевых материалов для электроники, возобновляемой энергетики, аэрокосмической промышленности и передового производства. Выявляются ключевые риски, связанные с ограниченным потенциалом замещения и ценовой волатильностью. Рассматриваются стратегические подходы к укреплению устойчивости поставок, включая диверсификацию и использование вторичных ресурсов. Подчеркивается значение комплексных решений для повышения устойчивости цепочек поставок.

Ключевые слова:

критические сырьевые материалы, высокотехнологичные отрасли, устойчивость поставок, диверсификация ресурсов, экономика замкнутого цикла, вторичные ресурсы, цепочки поставок.

Introduction

Ensuring a stable and secure raw material base is a key prerequisite for the development of high-tech sectors such as electronics, renewable energy, aerospace, and advanced manufacturing, which depend on a limited group of strategically important materials. Increasing demand, supply concentration, geopolitical uncertainties, and environmental constraints significantly intensify risks associated with traditional resource supply chains, highlighting their vulnerability [1]. In this context, the transition toward diversified sourcing strategies, the use of secondary raw materials, and the integration of circular economy principles emerge as essential approaches to strengthening supply security and supporting the long-term technological sustainability of high-tech industries.

Critical raw materials for high-tech industries

High-tech sectors are characterized by a strong dependence on a limited group of critical raw materials whose functional properties cannot be easily substituted without performance losses [2]. These materials are essential for enabling key technological characteristics such as miniaturization, energy efficiency, thermal stability, and magnetic or optical functionality. At the same time, their supply chains are often highly concentrated geographically, which increases vulnerability to external shocks and structural disruptions [3]. Table 1 summarizes the most significant raw materials for major high-tech sectors and highlights their primary technological functions and key supply risks.

Table 1

Critical raw materials for high-tech industries and associated supply risks

High-tech sector	Key raw materials	Main technological function	Supply risk factors
Electronics and microelectronics	Rare earth elements, silicon, gallium	Semiconductor properties, signal processing, miniaturization	Supply concentration, export controls, high purification requirements
Renewable energy technologies	Neodymium, dysprosium, lithium	Permanent magnets, energy storage, efficiency enhancement	Growing demand, limited recycling, geopolitical dependence
Aerospace and defense	Titanium, rare earth elements, cobalt	High strength-to-weight ratio, thermal stability, magnetic systems	Strategic restrictions, high production costs
Advanced manufacturing and robotics	Tungsten, rare earth elements, nickel	Wear resistance, precision control, electromechanical performance	Resource scarcity, price volatility

The presented structure illustrates that the vulnerability of high-tech industries is determined not only by the physical availability of raw materials but also by their technological specificity and limited substitution potential. This creates objective prerequisites for the development of targeted strategies aimed at securing long-term access to critical resources.

Key challenges in securing raw material supply

Despite the recognized strategic importance of critical raw materials, ensuring their stable supply for high-tech sectors remains constrained by a combination of structural, technological, and institutional factors [4]. The most significant challenges can be summarized as follows:

- High supply concentration, as extraction and processing of many critical materials are geographically limited, increasing exposure to geopolitical and trade-related risks.
- Limited substitution potential, since the unique physical and chemical properties of many materials are difficult to replicate without compromising technological performance.
- Technological barriers to recycling, including complex material compositions, low concentrations in end-of-life products, and insufficient industrial-scale recovery technologies.
- Environmental and regulatory constraints, which increase production costs and limit the expansion of primary extraction and processing capacities.
- Price volatility and market uncertainty, complicating long-term planning and investment decisions for high-tech manufacturers.

These challenges highlight the need for integrated strategies that combine supply diversification, technological innovation, and policy support to enhance the resilience of raw material supply systems [5].

Strategic approaches to strengthening supply security

In response to the identified challenges, high-tech industries and policymakers increasingly implement coordinated strategies aimed at enhancing the resilience of raw material supply systems while preserving technological performance and economic feasibility. These strategies include the diversification of supply sources through the development of alternative mining regions and international partnerships, the expansion of secondary resource utilization by integrating recycling and urban mining into industrial supply chains, and technological innovation in processing to improve material efficiency, recovery rates, and the economic viability

of alternative raw material streams. In addition, strategic stockpiling and the use of long-term supply contracts are applied to mitigate price volatility and ensure supply stability for critical materials, alongside the alignment of industrial and regulatory policies to maintain consistency between sustainability objectives, resource security, and industrial competitiveness [6]. Collectively, these measures form the basis for a systemic transition toward more secure, flexible, and sustainable raw material supply frameworks for high-tech sectors.

Conclusion

Securing the raw material base for high-tech sectors represents a complex and multifactorial challenge that extends beyond simple resource availability and encompasses technological, economic, and institutional dimensions. The analysis demonstrates that high supply concentration, limited substitution potential, and growing regulatory and environmental pressures significantly increase supply risks for critical materials. Addressing these challenges requires an integrated approach that combines supply diversification, the development of secondary raw material streams, technological innovation in processing, and coordinated industrial policies. Such a framework contributes to strengthening supply chain resilience, reducing strategic dependencies, and supporting the long-term sustainability and competitiveness of high-tech industries.

References:

1. Bortnikov N.S., Volkov A.V., Galyamov A.L., Vikentiev I.V., Lalomov A.V., Murashov K.Y. Problems of the development of the mineral and raw-material base of high-tech industry in Russia // *Geology of ore deposits*. 2023. Vol. 65. № 5. P. 397-411.
2. Mahnoor M., Chandio R., Inam A., Ahad I.U. Critical and strategic raw materials for energy storage devices // *Batteries*. 2025. Vol. 11. № 4. P. 163.
3. Naidenova M. Cost optimization in procurement activities based on category analysis // *Professional Bulletin: Economics and Management*. 2025. № 4/2025. P. 17-23.
4. Kukula I. Critical materials for AI: securing supply for the technological innovation // *The scientific heritage*. 2025. № 173. P. 88-92.
5. Abdikeev N.M. Import substitution in high-tech industries under external sanctions // *Management sciences*. 2022. Vol. 12. № 3. P. 53-69.
6. Kukula I. Comparative analysis of traditional and innovative methods for rare earth element extraction // *International Journal of Research and Innovation in Applied Science*. 2025. Vol. 10(10). P. 996-1003.

© Barsov F.P., 2026

UDC 004.9

Rakhimova A.I.

Student at the Kazan National Research Technological University,
Kazan, Russia

DIGITALIZATION OF FINANCIAL FLOW AND INVENTORY MANAGEMENT IN INDUSTRIAL SYSTEMS

Abstract

This article examines the digitalization of financial flows and inventory management in industrial systems under conditions of increasing operational complexity. The relevance of the study is determined by the need to enhance resource management efficiency, reduce operational risks, and ensure transparency in enterprise financial activities. The purpose of the research is to analyse the mechanisms of integrating financial and material flows and to assess the impact of digital technologies on performance indicators.

The study employs methods of system analysis, comparative evaluation, and generalization of practical implementation experience. Key components of digital systems are analysed, including ERP platforms, analytical tools, and automation technologies. Particular attention is given to predictive analytics and cloud-based solutions as drivers of digital transformation.

The results demonstrate that integrating financial and inventory data into a unified digital environment improves forecasting accuracy, reduces operational costs, and accelerates managerial decision-making. It is concluded that a layered digital architecture is an effective model for industrial systems. The practical significance of the study lies in its applicability to the development of digital transformation strategies for industrial enterprises.

Keywords:

digitalization, financial flow management, inventory management, ERP systems, predictive analytics, industrial systems, automation, digital transformation.

УДК 004.9

Рахимова А.И.

студент ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский технологический университет»,
г. Казань, Россия

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ФИНАНСОВЫХ ПОТОКОВ И УПРАВЛЕНИЯ ЗАПАСАМИ В ПРОМЫШЛЕННЫХ СИСТЕМАХ

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы цифровизации финансовых потоков и управления запасами в промышленных системах в условиях возрастающей сложности производственно-логистических процессов. Актуальность исследования обусловлена необходимостью повышения эффективности управления ресурсами, снижения операционных рисков и обеспечения прозрачности финансово-хозяйственной деятельности предприятий. Целью работы является анализ механизмов интеграции финансовых и материальных потоков, а также оценка влияния цифровых технологий на показатели эффективности.

В ходе исследования применяются методы системного анализа, сравнительного подхода и обобщения практического опыта внедрения цифровых решений. Рассматриваются ключевые компоненты цифровых систем, включая ERP-платформы, аналитические инструменты и автоматизированные процессы. Особое внимание уделяется использованию предиктивной аналитики и облачных технологий.

Полученные результаты показывают, что интеграция финансовых и складских данных в единую цифровую среду способствует повышению точности прогнозирования, сокращению издержек и ускорению управленческих решений. Сделан вывод о целесообразности внедрения многоуровневой архитектуры цифровых систем. Практическая значимость работы заключается в возможности применения предложенного подхода при разработке стратегий цифровой трансформации промышленных предприятий.

Ключевые слова:

цифровизация, финансовые потоки, управление запасами, ERP-системы, предиктивная аналитика, промышленная система, автоматизация, цифровая трансформация.

Introduction

The rapid advancement of digital technologies has significantly transformed industrial systems, particularly in the domains of financial flow and inventory management. The integration of digital tools into operational processes enables enterprises to improve transparency, reduce transaction costs, and enhance decision-making

accuracy. In the context of increasing market volatility and global supply chain disruptions, the digitalization of financial flow and inventory management (DFIM) becomes not only relevant but also necessary for maintaining competitiveness [1].

The problem addressed in this study lies in the fragmentation of financial and inventory processes within industrial enterprises. Traditional systems often operate in isolation, leading to inefficiencies such as delayed financial reporting, inaccurate inventory forecasting, and increased operational risks [2]. Companies such as Siemens and General Electric have demonstrated that integrating digital platforms significantly improves coordination between financial and material flows.

The purpose of this article is to analyse the mechanisms and effects of DFIM implementation in industrial systems, identify key technological drivers, and evaluate their impact on operational efficiency. The study also aims to systematize approaches to integrating financial and inventory data streams and to propose a structured model of digital transformation in this domain.

Integrated digital architecture of financial and inventory systems

The digital transformation of industrial systems involves the integration of financial and inventory management into a unified architecture. This integration is typically implemented through enterprise resource planning (ERP) systems, advanced analytics, and cloud-based platforms [3]. The DFIM framework enables real-time synchronization of financial transactions with inventory movements, reducing discrepancies and improving forecasting accuracy.

One of the key components of DFIM is the use of real-time data processing technologies. These technologies allow companies to track inventory levels, monitor financial flows, and adjust operational strategies dynamically. For instance, SAP ERP solutions enable seamless data exchange between accounting and logistics modules.

Another important element is predictive analytics, which uses historical data to forecast demand and optimize inventory levels. Machine learning algorithms can identify patterns in purchasing behaviour and adjust procurement strategies accordingly. This reduces overstocking and minimizes financial losses associated with unsold inventory.

Table 1

Key components of DFIM systems [4]

Component	Description	Impact on efficiency
ERP Integration	Unified platform for financial and inventory data	Reduces data fragmentation
Predictive Analytics	Forecasting demand and stock levels	Improves planning accuracy
Cloud Infrastructure	Scalable data storage and access	Enhances system flexibility
Automation Tools	Automated financial and inventory operations	Reduces human error

The implementation of automation tools further enhances system performance. Automated invoicing, inventory tracking, and reporting processes reduce manual workload and improve data accuracy. Companies such as Amazon actively use automation to synchronize warehouse operations with financial systems.

In addition, blockchain technology is increasingly being used to ensure transparency and security in financial transactions. Distributed ledgers allow all participants in the supply chain to access verified transaction records, reducing fraud risks and improving trust between partners [5].

Another critical factor is interoperability between different digital systems. Industrial enterprises often use multiple platforms, and ensuring compatibility between them is essential for achieving full integration. APIs and middleware solutions play a key role in connecting disparate systems.

Finally, cybersecurity considerations must be addressed when implementing DFIM systems. The integration of financial and inventory data increases the risk of cyberattacks, making data protection strategies a crucial component of digital transformation.

Process optimization through digital financial flow management

The optimization of financial flows in industrial systems is closely linked to the implementation of digital technologies. Financial flow management involves the coordination of cash movements, payment processes, and financial reporting within an enterprise. Digitalization enhances these processes by enabling real-time monitoring and automated decision-making.

Below is Figure 1, illustrating a simplified DFIM process flow.

Figure 1 – Digital financial and inventory flow integration model [6]

The diagram demonstrates the interaction between data input, processing, and output optimization within a DFIM system. Financial and inventory data are collected and processed in a unified digital environment, enabling continuous feedback and adjustment.

The implementation of such systems significantly reduces processing time for financial transactions. Automated workflows eliminate delays associated with manual approvals and data entry. This leads to improved liquidity management and more accurate financial planning.

Moreover, digital financial flow systems enhance transparency and accountability. All transactions are recorded and traceable, allowing managers to identify inefficiencies and optimize resource allocation. This is particularly important for large-scale industrial enterprises with complex supply chains.

Another advantage is the ability to integrate external financial systems, such as banking platforms and payment gateways. This integration facilitates faster transactions and improves cash flow management.

Data-driven inventory optimization and performance metrics

The digitalization of inventory management relies heavily on data-driven approaches. By analysing large volumes of operational data, companies can optimize inventory levels and improve supply chain performance. The integration of DFIM systems allows financial constraints to be directly incorporated into inventory decisions.

Below is Figure 2, showing the relationship between digitalization and operational efficiency.

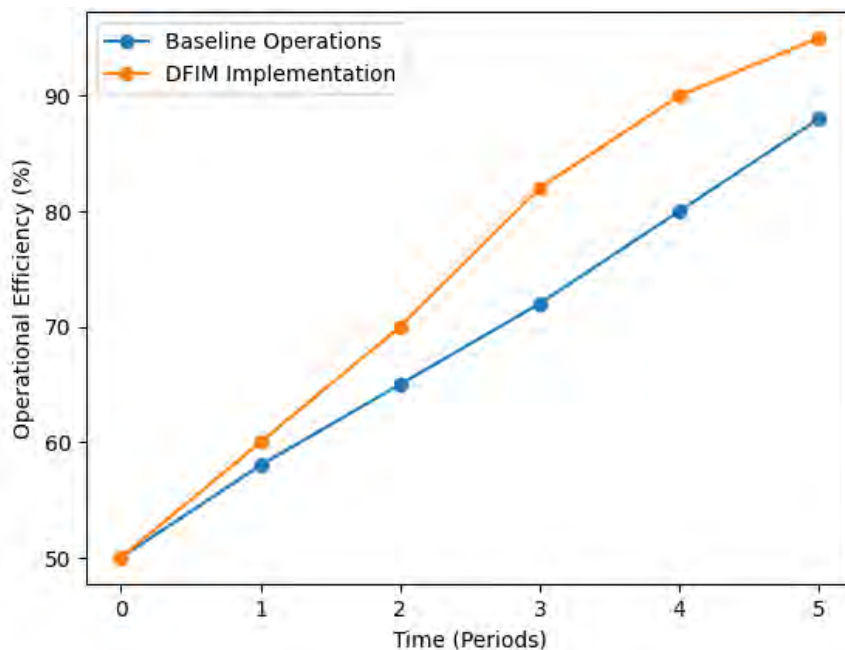

Figure 2 – Impact of digitalization on operational efficiency [7]

The graph illustrates a positive correlation between the level of digitalization and efficiency indicators over time. As digital tools are implemented, operational performance improves due to better coordination between financial and inventory processes.

One of the key performance metrics in this context is inventory turnover ratio. Digital systems enable more accurate tracking of stock movement, leading to faster turnover and reduced holding costs. This directly impacts the financial performance of the enterprise.

Another important metric is order fulfilment time. By integrating financial approval processes with inventory management, companies can reduce delays and improve customer satisfaction. Furthermore, data-driven systems allow for scenario modelling and risk assessment [8]. Enterprises can simulate different supply chain conditions and adjust their strategies accordingly. This increases resilience to external disruptions.

Finally, the use of real-time dashboards provides managers with actionable insights. Visualized data enables faster decision-making and improves strategic planning across all levels of the organization.

Conclusion

The conducted analysis confirms that the digitalization of financial flow and inventory management represents a critical factor in improving the operational efficiency of industrial systems. The integration of financial and inventory data within a unified digital architecture eliminates fragmentation, reduces transaction delays, and ensures higher accuracy in forecasting and planning. The proposed DFIM model demonstrates that the synchronization of financial and material flows creates a stable informational environment that supports real-time decision-making.

It has been established that the application of predictive analytics, automation tools, and cloud-based solutions significantly enhances system adaptability. The incorporation of data-driven approaches allows enterprises to optimize inventory levels while simultaneously maintaining financial stability. The introduction of layered digital architecture (Data, Analytics, Execution) provides a scalable framework that can be adapted to various industrial contexts, including manufacturing, logistics, and supply chain management.

From a practical perspective, the results of the study can be applied in the development of integrated ERP-based systems and digital transformation strategies. The proposed approach contributes to reducing operational risks, improving transparency, and increasing the resilience of industrial enterprises under conditions of market uncertainty. Further research may focus on the quantitative evaluation of DFIM efficiency and the integration of emerging technologies such as artificial intelligence and blockchain into industrial financial ecosystems.

References:

1. Sementsov E. Optimizing procurement activities using digital and communication solutions // Cold Science. 2025. №22. P. 82-88.
2. Kolesnikova D. The OSDM model as a tool for standardizing architectural solutions in complex IT products // Cold Science. 2026. №25. P. 35-46.
3. Kidassova M. Efficiency of ERP systems in managing global logistics operations // Proceedings of the L International Multidisciplinary Conference «Prospects and Key Tendencies of Science in Contemporary World». Bubok Publishing S.L., Madrid, Spain. 2024. P. 91-97.
4. Ge X. Design of an enterprise financial information management system based virtual reality for hypertext system interactive devices // Computer-Aided Design and Applications. 2024. Vol. 21(S17). P. 270-288.
5. Bordusenko D. Automation of financial flows in industry: intelligent algorithms for procurement and inventory management // Professional Bulletin. Economics and Management. 2025. No. 4/2025. P. 58-65.
6. Hrebenuk O. Development of intelligent no-code platforms for business process automation // Professional Bulletin. Information Technology and Security. 2025. No. 4/2025. P. 32-39.

7. Bordusenko D. Modeling pricing strategies using artificial intelligence algorithms // Journal of Economics, Finance and Management Studies. 2026. Vol. 9(2). P. 748-753.
8. Malikov A. Digital transformation and its impact on the structure and efficiency of modern business // Annali d'Italia. 2024. № 62. P. 112-115.

© Rakhimova A.I., 2026

UDC 33

Sabyrzhan T.

student.

Narxoz University, Almaty, Kazakhstan

GREEN TAXONOMY IN KAZAKHSTAN: SHAPING A SUSTAINABLE ENERGY FUTURE THROUGH NUCLEAR INTEGRATION

Abstract

This article examines the importance of the green taxonomy in Kazakhstan and the role of nuclear energy in the country's sustainable energy development, especially the role of VVER reactors. The article discusses the impact of the green taxonomy on the economy of Kazakhstan and the role of nuclear energy in the energy transition. Special attention is paid to innovative solutions for VVER reactors in terms of environmental safety and sustainable energy supply. In addition, possible challenges and prospects for the development of nuclear energy within the framework of a sustainable energy strategy are also considered.

Keywords:

Green taxonomy, Nuclear energy, VVER reactors, Sustainable development,
Energy transition, Kazakhstan, Environmental safety.

Introduction: The world is increasingly moving towards energy transition and reducing carbon emissions. In this process, the role of instruments supporting sustainable development is of great importance. One of them is the green taxonomy, which is based on the principle of classifying economic activities according to the level of environmental sustainability. The main goal of the Green Taxonomy is to increase the transparency of investment decisions, prevent greenwashing and direct financial flows to sustainable economic sectors. In Kazakhstan, the Green Taxonomy is forming an important institutional framework for the transition to a low-carbon development model. This concept covers the industry, water resources, energy and transport sectors, providing an integrated approach to sustainable development. The peculiarity of the "Green Taxonomy" in Kazakhstan is that it covers the transition period in energy, including nuclear energy. Nuclear energy, in particular VVER reactors, arises from the need to develop an environmentally safe and sustainable energy infrastructure in Kazakhstan.

Green Taxonomy and its Role in Sustainable Development in Kazakhstan

Introduction to Green Taxonomy

Green taxonomy is becoming one of the main tools for sustainable development in the context of climate change and the need to reduce carbon emissions. It is based on the systematization of economic activities according to the level of environmental sustainability. This approach allows investors and government agencies to select environmentally friendly projects and direct financial resources to areas that support the direction of sustainable development. [2]

The importance of green taxonomy for Kazakhstan has been increasing significantly in recent years, as the

country is taking significant steps towards the transition to a low-carbon economy and sustainable energy. In this direction, the use of green taxonomy is associated with the formation of a legal and institutional framework that will facilitate the introduction of environmentally friendly technologies and the growth of sustainable investments. [1] As an important element, it is proposed to adopt nuclear energy as a transitional solution during the transition to renewable energy sources.

The green taxonomy of Kazakhstan contributes to the transition to a low-carbon development model aimed at improving the country's environmental situation in terms of energy efficiency, renewable energy, water resources management and other aspects. Government Resolution No. 996 of December 31, 2021, confirms the importance of this tool by establishing clear criteria for classifying sustainable projects and encouraging investments in these areas. [1]

Figure 1. clearly shows that Kazakhstan's energy mix is dominated by coal and gas, while renewables and nuclear energy still make up a small share. This highlights the need to transition to low-carbon energy, including the role of nuclear energy as a sustainable and environmentally friendly solution.

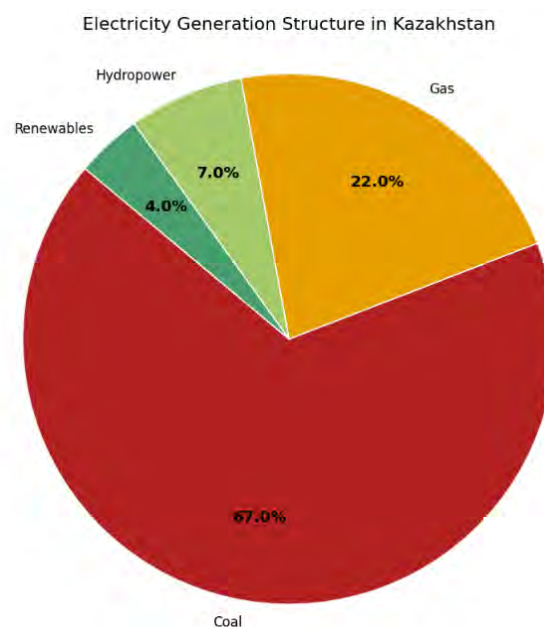

Figure 1 – Electricity Generation Structure in Kazakhstan

How the Green Taxonomy Works in Kazakhstan

The Green Taxonomy in Kazakhstan covers many sectors, including industry, transport, water resources, and energy. Its main feature is not only the identification of “green” services, but also the integration of transitional energy, including nuclear energy. This is very important, because it ensures energy security and carbon emissions reduction through the use of nuclear energy, taking into account the specific conditions of the energy transition. [3]

One of the main goals of the Green Taxonomy in Kazakhstan is to support energy efficiency projects, which in turn will help reduce energy consumption and reduce the negative impact on the environment. In addition, the Green Taxonomy provides for the creation of a flexible financial model that will direct financial flows to projects that meet international environmental standards. [2,3]

This diagram shows that coal and gas still dominate Kazakhstan's energy balance, while renewables and nuclear power currently make up a small share. This situation highlights the need to transition to low-carbon energy, including nuclear power as a sustainable and environmentally friendly solution.

Transitional energy: the role of nuclear energy

According to the government resolution, nuclear power is recognized as part of the transitional energy

sector. This highlights the need to use low-carbon energy sources during the transition from hydrocarbons to renewable energy sources. Nuclear power plants with VVER-type reactors can become an important part of Kazakhstan's sustainable development strategy. They will ensure energy stability and contribute to reducing carbon emissions. In addition, this will allow Kazakhstan to become independent from imported energy sources, which will increase the country's energy independence. [1]

Figure 2. Shows the annual changes in CO₂ emissions, which highlights the importance of the transition to clean energy, including the use of VVER nuclear reactors, to reduce carbon emissions and achieve sustainable development goals.

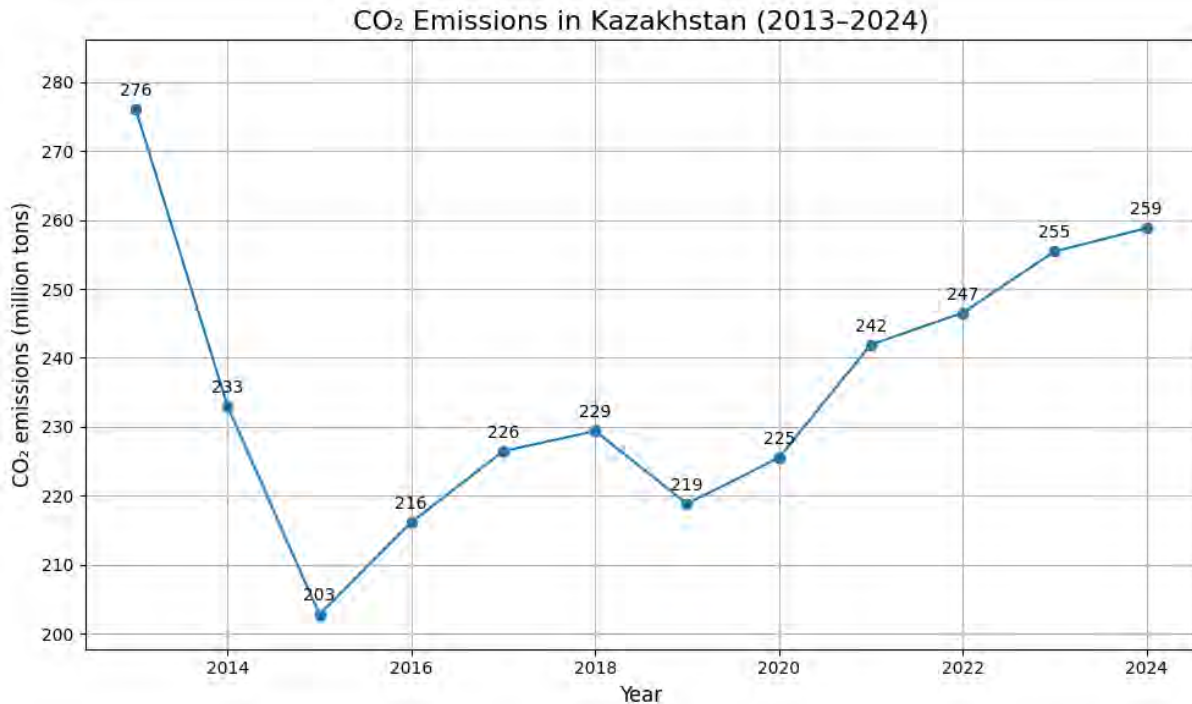

Figure 2 – CO₂ Emissions in Kazakhstan (2013-2024)

Nuclear energy: VVER reactors as part of sustainable development

VVER reactors: innovative solutions and safety

Nuclear energy, in particular VVER reactors, play an important role in Kazakhstan's energy transition. The VVER-1200 reactors used in new nuclear plants have many innovative solutions, including passive safety systems and improved operating standards. This makes them considered one of the safest and most effective solutions for ensuring energy stability. [4]

The main advantages of VVER-1200 reactors are high economic efficiency, low carbon emissions and improved safety systems. They are equipped with special safety systems to prevent accidents even in the event of a power outage. These systems provide radiation protection and thermal cooling, allowing the reactors to operate safely and efficiently even in the face of climate change and natural disasters. [5]

The role of VVER reactors in Kazakhstan

For Kazakhstan, the role of nuclear energy is crucial for energy security and sustainable development. Nuclear power plants with VVER reactors can make a significant contribution to solving the country's energy shortage. VVER-1200 reactors will reduce carbon emissions and provide sustainable energy, which can be integrated into the transition plan to a low-carbon economy. [5]

In terms of reducing environmental impact, VVER reactors will significantly reduce carbon emissions and are an important step towards achieving the goals of the Paris Climate Agreement. While the majority of energy in Kazakhstan is generated by coal-fired power plants, these reactors will play a crucial role in reducing the carbon footprint.

Prospects for the development of nuclear energy in Kazakhstan

Given the abundant uranium reserves in Kazakhstan, the VVER nuclear reactor project is being actively developed. This can become an important element of this direction, since uranium reserves allow ensuring the country's energy independence. The introduction of VVER-1200 reactors will not only ensure energy supply, but also make a significant contribution to improving the environmental situation in Kazakhstan. In addition, VVER-1200 reactors meet the requirements of the IAEA after Fukushima, which makes them among the safest and most technologically advanced reactors in the world. [4]

Conclusion

Green taxonomy and nuclear energy have a significant impact on the sustainable development of Kazakhstan. Green taxonomy is a framework aimed at reducing carbon emissions and improving the quality of life by stimulating environmentally sustainable projects and investments. In this regard, nuclear energy, including VVER-1200 reactors, is an important part of the energy transition process, allowing for the provision of stable and safe energy. Kazakhstan's transition to a low-carbon economy is unimaginable without the use of nuclear reactor technologies that combine high safety and cost-effectiveness. VVER reactors will not only help Kazakhstan address its growing energy deficit, but will also take an important step towards sustainable development by reducing carbon emissions and strengthening energy independence.

References:

1. Постановление правительства Республики Казахстан от 31 декабря 2021 года № 996 "О классификации зеленых проектов, подлежащих финансированию через зеленые облигации и кредиты". Официальный сайт правительства Казахстана. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2100000996>
2. Keum, H. (2026). Mapping the Green Taxonomy Research Landscape: A Bibliometric Analysis of Sustainability, Finance, and Policy Convergence. Wiley Journal of Sustainable Development. <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1002/sd.70644>
3. Mjadu, L. (2025). The legal architecture of sustainable finance: A comparative analysis of green finance taxonomies. Springer. <https://link.springer.com/article/10.1007/s43621-025-01958-4>
4. Галиев, А. А. (2019). Безопасность ядерного реактора ВВЭР-1200. Национальный исследовательский ядерный университет "МИФИ". DOI: 10.24411/2520-6990-2019-10641 <https://doi.org/10.24411/2520-6990-2019-10641>
5. Поваров, В.П., Асмолов, В.Г., Украинцев, В.Ф., Яуров, С.В., & Юдин, А.В. (2025). Атомные электростанции с реакторами типа ВВЭР/PWR: Анализ, тенденции, перспективы. НИЯУ МИФИ.

© Sabyrzhan T., 2026

УДК 334.021

Блохин Д.К.

магистрант 2 курса Финансового университет,
г. Москва, РФ

Научный руководитель: Сумароков Е.В.,

Кандидат экономических наук, доцент, Финансовый университет
г. Москва, РФ

ОСОБЕННОСТИ ПОДХОДОВ К РАЗРАБОТКЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В СТРАНАХ БРИКС+

Аннотация

В статье рассматриваются особенности подходов к формированию и реализации экономической

политики в странах БРИКС+. Анализируются ключевые различия и сходства в национальных моделях развития, акцентируется внимание на роли стратегического партнёрства и интеграции в глобальные экономические процессы. Особое внимание уделено вопросам диверсификации экономики, инновационного развития и обеспечения устойчивого роста. Актуальность темы обусловлена возрастающим влиянием стран БРИКС+ на мировую экономику и необходимостью поиска новых форматов сотрудничества в условиях глобальной трансформации. Автор анализирует основные направления экономической политики, выявляет вызовы и перспективы для дальнейшего развития интеграционных процессов.

Ключевые слова:

БРИКС+, экономическая политика, модели развития, глобальное управление, национальные интересы, стратегическое партнёрство, диверсификация экономики, инновации, устойчивое развитие.

Blokhin D.K.

2st-year master's student of Financial University,
Moscow, Russia

Scientific supervisor: Sumarokov E.V.,

Candidate of Economic Sciences, Financial University, Moscow, Russia

FEATURES OF APPROACHES TO ECONOMIC POLICY DEVELOPMENT IN BRICS+ COUNTRIES

Annotation

The article examines the specific features of approaches to the formation and implementation of economic policy in the BRICS+ countries. Key differences and similarities in national development models are analyzed, with a focus on the role of strategic partnership and integration into global economic processes. Special attention is given to economic diversification, innovation development, and ensuring sustainable growth. The relevance of the topic is determined by the growing influence of BRICS+ countries on the global economy and the need to find new formats of cooperation amid global transformation. The author analyzes the main directions of economic policy, identifies challenges and prospects for further development of integration processes

Keywords:

BRICS+, economic policy, development models, global governance, national interests, strategic partnership, economic diversification, innovation, and sustainable development.

Разработка экономической политики в странах БРИКС+ осуществляется в условиях ускоренной трансформации мировой хозяйственной системы, усиления геоэкономической конкуренции и фрагментации глобальных рынков. В отличие от государств, встроенных в жесткие интеграционные структуры с наднациональными органами регулирования, страны БРИКС+ сохраняют значительную свободу маневра в формировании собственных стратегий. Вместе с тем их национальные подходы демонстрируют определённую ценностную и институциональную общность, что позволяет говорить о формировании специфической «парадигмы развития БРИКС+».

Прежде всего следует отметить, что для стран объединения характерен приоритет стратегического планирования и долгосрочного программирования. В исследовании В. Shaidullina и И. Semenovskiy подчеркивается, что в стратегических документах государств БРИКС прослеживается стремление к согласованию целей макроэкономической стабильности, промышленной модернизации и социальной устойчивости [47]. Это свидетельствует о том, что экономическая политика разрабатывается не ситуативно, а в рамках комплексных национальных программ развития.

В российском контексте Н.В. Сергеева указывает, что участие в БРИКС усиливает ориентацию на

диверсификацию внешнеэкономических связей и снижение зависимости от западных финансовых институтов [35]. В условиях санкционного давления вопросы устойчивости и автономии становятся ключевыми ориентирами разработки экономической политики. Н.М. Артемов и А.А. Ситник, анализируя противодействие антироссийским санкциям в платежной и валютной сферах, отмечают усиление государственного участия в финансовом регулировании и формирование альтернативных механизмов расчетов [7].

Сходные тенденции наблюдаются и в других странах объединения, хотя инструментарий их реализации различается. Китайская модель, по оценке А.Х. Wang, характеризуется сочетанием рыночных механизмов и активной роли государства в стратегических секторах [48]. Индия и Бразилия, напротив, демонстрируют более выраженную роль частного капитала и внутренней политической конкуренции при определении экономических приоритетов, однако сохраняют элементы государственного стратегического управления.

Таким образом, одной из особенностей подходов к разработке экономической политики в странах БРИКС+ является сочетание рыночных механизмов с активным государственным участием. Это отличает их от неолиберальной модели, где государственное вмешательство минимизируется.

Вторым важным элементом является ориентация на технологическую модернизацию и цифровой суверенитет. В.И. Герасимов и С.И. Коданева подчеркивают, что научно-технологическое сотрудничество внутри БРИКС становится основой формирования новой модели роста, основанной на инновациях [12]. М.А. Максакова и С.С. Ткаченко связывают инновационное развитие стран объединения с трансформацией их внешнеэкономической деятельности и повышением доли продукции с высокой добавленной стоимостью [27].

При этом подходы к регулированию цифровой сферы имеют национальную специфику. А.В. Шелепов обращает внимание на различия в подходах стран БРИКС к управлению данными и цифровыми платформами, однако подчеркивает наличие общего стремления к защите цифрового суверенитета [39]. Это формирует новый пласт экономической политики, где вопросы технологической независимости становятся частью стратегического планирования.

Следующей особенностью является валютно-финансовый компонент разработки экономической политики. К.Н. Гусев и А.Н. Цибулина отмечают, что страны БРИКС последовательно расширяют использование национальных валют во взаимных расчетах [15]. А.А. Антипин и А.И. Филимонова рассматривают возможность введения расчетной единицы БРИКС как логическое продолжение этой тенденции [5].

В рамках БРИКС+ данный подход получает дополнительное измерение: расширение состава участников усиливает потребность в координации валютной политики и создании устойчивых механизмов трансграничных расчетов.

Для систематизации выявленных особенностей представим их в таблице 1.

Таблица 1

Ключевые особенности разработки экономической политики в странах БРИКС+

Особенность	Содержание
Стратегическое планирование	Долгосрочные программы развития, закрепленные в национальных документах
Активная роль государства	Регулирование финансовой и технологической сфер
Технологическая ориентация	Поддержка инноваций, цифровизация экономики
Валютная диверсификация	Расширение расчетов в нацвалютах, обсуждение расчетной единицы

Отдельно следует подчеркнуть, что разработка экономической политики в странах БРИКС+ осуществляется с учетом их места в глобальной системе. N. Duggan и соавторы рассматривают объединение как площадку трансформации глобального управления в постзападном мире [46]. Это означает, что национальные стратегии формируются не изолированно, а с учетом координации позиций в международных институтах.

Таким образом, на первом этапе анализа можно сделать вывод, что подходы к разработке экономической политики в странах БРИКС+ сочетают стратегическую автономию, активную роль государства и ориентацию на технологическую модернизацию. В следующей части будет рассмотрена специфика инвестиционной, торговой и институциональной составляющих этих подходов, а также их взаимосвязь с расширением формата БРИКС+.

Продолжая анализ, необходимо более детально рассмотреть торгово-инвестиционное и институциональное измерение разработки экономической политики в странах БРИКС+. Именно в этих сферах наиболее отчетливо проявляется сочетание национальной специфики и общей координационной логики объединения.

Одной из характерных черт является прагматичный подход к торговой политике. Т.М. Исаченко отмечает, что страны БРИКС обладают значительным потенциалом координации внешнеторговых стратегий, однако не стремятся к полной унификации тарифных режимов или созданию классической зоны свободной торговли [19]. Это означает, что разработка торговой политики сохраняет национальный характер, но при этом учитывает интересы партнеров по объединению.

В условиях санкционной и протекционистской турбулентности государства БРИКС+ усиливают диверсификацию экспортных и импортных потоков. Ян Чжэну, анализируя развитие торговли Китая со странами БРИКС в условиях антироссийских санкций, подчеркивает роль гибкой внешнеторговой политики и переориентации рынков [45]. В российском случае диверсификация торговых направлений рассматривается как стратегический элемент экономической политики [35].

Инвестиционная составляющая разработки экономической политики также отличается системностью. Н.Ю. Сенюк подчеркивает, что прямые иностранные инвестиции внутри БРИКС выступают инструментом не только экономического роста, но и углубления структурной взаимосвязанности экономик [32]. В более раннем исследовании Н.Ю. Сенюк отмечает, что в период пандемии COVID-19 инвестиционные потоки между странами БРИКС стали фактором экономической стабилизации [33].

В странах БРИКС+ инвестиционная политика формируется с учетом приоритетов инфраструктурного развития и промышленной модернизации. Е.Н. Смирнов и А.В. Пасько указывают, что новая модель экономического сотрудничества в рамках БРИКС предполагает переход к проектно-ориентированному формату взаимодействия [36]. Это означает, что разработка экономической политики тесно связана с реализацией конкретных инвестиционных проектов в энергетике, транспорте, цифровой инфраструктуре.

Особую роль играет сопряжение национальных стратегий с другими интеграционными инициативами. Я. Шупин, анализируя взаимодействие Евразийского экономического союза и инициативы «Один пояс — один путь», показывает, что подобная координация усиливает эффект синергии и расширяет экономическое пространство сотрудничества [41]. В рамках БРИКС+ такой подход приобретает еще более выраженный характер, поскольку расширение состава участников предполагает учет различных региональных форматов интеграции.

Следующей важной особенностью является гуманитарно-экономическое измерение. О.Н. Богатырева, Д.М. Ковба и К.М. Табаринцева-Романова подчеркивают, что межцивилизационный диалог в рамках БРИКС способствует укреплению доверия, необходимого для устойчивого экономического взаимодействия [9]. Таким образом, разработка экономической политики в странах БРИКС+ опирается не только на экономические расчеты, но и на ценностно-культурную основу сотрудничества.

Важным направлением становится обеспечение продовольственной безопасности. Л.С. Ревенко, О.И. Солдатенко и Н.С. Ревенко отмечают, что продовольственная повестка постепенно занимает центральное место в сотрудничестве стран БРИКС [31]. Для государств БРИКС+ это означает необходимость интеграции аграрной политики в общую стратегию экономического развития и формирования устойчивых цепочек поставок.

Для более наглядного представления особенностей торгово-инвестиционного и институционального подхода целесообразно систематизировать их в таблице.

Таблица 2

Особенности торгово-инвестиционного и институционального подходов в странах БРИКС+

Направление	Особенности разработки политики
Торговая политика	Диверсификация рынков, гибкость тарифного регулирования
Инвестиционная политика	Проектная кооперация, развитие инфраструктуры
Интеграционное сопряжение	Согласование с региональными инициативами (ЕАЭС, «Один пояс — один путь»)
Продовольственная стратегия	Формирование устойчивых цепочек поставок
Гуманитарное измерение	Межцивилизационный диалог как основа экономического доверия

Необходимо также отметить, что разработка экономической политики в странах БРИКС+ происходит в условиях глобальной конкуренции с западными объединениями. А.Л. Карпов, сопоставляя БРИКС и G7, подчеркивает наличие различных подходов к регулированию мировой экономики [20]. В этой связи экономическая политика государств БРИКС+ формируется как часть более широкой стратегии укрепления позиций Глобального Юга.

Таким образом, торгово-инвестиционный и институциональный аспекты демонстрируют, что страны БРИКС+ стремятся к созданию гибкой, но стратегически ориентированной модели экономического регулирования. В заключительной части будет рассмотрено, каким образом данные особенности трансформируются в устойчивую систему координации внутри расширенного формата БРИКС+, а также какие риски и ограничения сопровождают данный процесс.

Завершая анализ, целесообразно рассмотреть, каким образом выявленные особенности трансформируются в относительно устойчивую систему координации внутри формата БРИКС+, а также обозначить ограничения и противоречия, сопровождающие этот процесс.

Прежде всего следует отметить, что расширение формата усиливает многоуровневый характер разработки экономической политики. Я.Д. Лисоволик подчеркивает, что концепция БРИКС+ предполагает не механическое увеличение числа участников, а формирование гибкой сети партнерств, допускающей различную степень вовлеченности государств в совместные инициативы [26]. Это означает, что экономическая политика разрабатывается на пересечении национального, межгосударственного и платформенного уровней.

С институциональной точки зрения такой подход повышает адаптивность объединения, однако одновременно усложняет процесс согласования позиций. О.Г. Георгиевна, анализируя геополитические последствия расширения БРИКС, указывает на необходимость поиска баланса между расширением и управляемостью объединения [11]. Чем более разнообразным становится состав участников, тем сложнее обеспечить согласованность стратегических приоритетов.

В этом контексте особое значение приобретает принцип консенсуса. И.Н. Молчанов и Н.П. Молчанова отмечают, что координационная модель БРИКС строится на добровольности и равноправии, что снижает риски доминирования отдельных государств [29]. Однако подобный механизм требует высокого уровня политического доверия и готовности к компромиссам.

Важным элементом является сопоставление национальных моделей развития. А.М. Хакки, оценивая экономическое будущее стран БРИКС, подчеркивает различия в структуре их экономик и уровне технологической зрелости [38]. Эти различия отражаются и в подходах к разработке экономической политики: для одних государств приоритетом является индустриализация, для других — цифровизация и экспорт высокотехнологичной продукции.

Дополнительным фактором выступает влияние внешнего давления. П.П. Яковлев рассматривает

расширение БРИКС в контексте западной стратегии сдерживания, подчеркивая, что внешние ограничения нередко стимулируют углубление координации внутри объединения [43]. В этом смысле разработка экономической политики в странах БРИКС+ во многом носит реактивный характер, адаптируясь к меняющейся внешней среде.

В то же время нельзя игнорировать внутренние риски. И.А. Фадеева обращает внимание на дезинтеграционные проявления, связанные с различиями в темпах роста и экономической структуре стран БРИКС [37]. При расширении объединения подобные асимметрии могут усиливаться.

Для обобщения ключевых факторов устойчивости и ограничений представим следующую таблицу.

Таблица 3

Факторы устойчивости и ограничения разработки экономической политики в странах БРИКС+

Параметр	Содержание
Платформенная гибкость	Возможность многоуровневого участия государств
Консенсусный механизм	Принцип равноправия и добровольности
Структурные различия	Разные уровни развития и отраслевые приоритеты
Внешнее давление	Санкционные и геополитические ограничения

В стратегической перспективе эффективность подходов к разработке экономической политики в странах БРИКС+ будет зависеть от способности сочетать разнообразие национальных моделей с выработкой общих ориентиров. В этом отношении важную роль играет координация позиций в международных институтах. N. Duggan и соавторы рассматривают БРИКС как инструмент реформирования глобального управления, способный усилить голос развивающихся стран [46].

Таким образом, особенности разработки экономической политики в странах БРИКС+ заключаются в сочетании стратегического суверенитета, активной роли государства, проектной кооперации и гибкой платформенной интеграции. Расширение формата усиливает потенциал объединения, но одновременно предъявляет повышенные требования к согласованности и институциональной зрелости.

В целом можно сделать вывод, что страны БРИКС+ формируют специфическую модель экономического регулирования, основанную на принципах равноправия, прагматизма и ориентации на многополярность. Ее дальнейшее развитие будет зависеть от способности участников поддерживать баланс между национальными интересами и коллективными целями устойчивого экономического роста.

Список использованной литературы:

1. Абылгазиев И. И., Васецова Е. С. Итоги председательства Российской Федерации в ШОС и БРИКС в 2020 г. // Век глобализации. – 2021. – № 2. – С. 109-117.
2. Аватков В.А. Контуры нового миропорядка и рост агрессивности Запада // Свободная мысль. – 2022. – №4(1694). – С. 21-26.
3. Акаев А. А., Мусиева Д. М. Ускоренное развитие и расширение БРИКС на основе платформенной модели - путь к успешному становлению устойчивого и справедливого многополярного мироустройства. // Историческая психология и социология истории. – 2024. – №1. – С.78-104.
4. Акаев А. А., Мусиева Дж. М. БРИКС вступает в качественно новый этап развития. // Мир перемен. – 2023. – №3. – С.130-144.
5. Антипин Д.В., Филимонова А.И. Перспективы введения единой валюты БРИКС в контексте функционирования национальной российской валюты // Лоббирование в законодательстве. – 2024. – Т. 3. № 3. – С. 22-27.

© Блохин Д.К., 2026

УДК 334.021

Блохин Д.К.магистрант 2 курса Финансового университет,
г. Москва, РФ**Научный руководитель: Сумароков Е.В.,**Кандидат экономических наук, доцент, Финансовый университет
г. Москва, РФ**РОЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В ПОДДЕРЖАНИИ
И УСКОРЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА БРИКС+****Аннотация**

В статье анализируется роль экономической политики в обеспечении и ускорении экономического роста стран БРИКС+. Рассматриваются основные инструменты государственного регулирования, механизмы стимулирования инвестиций и внедрения инноваций, а также значимость структурных реформ для повышения конкурентоспособности национальных экономик. Актуальность темы обусловлена необходимостью поиска новых драйверов роста в условиях глобальной нестабильности и усиления конкуренции на мировых рынках. Автор проводит сравнительный анализ мер экономической политики, реализуемых в странах БРИКС+, выявляет ключевые факторы, способствующие устойчивому развитию, и формулирует рекомендации по дальнейшему совершенствованию стратегий экономического роста.

Ключевые слова:

БРИКС+, экономическая политика, экономический рост, государственное регулирование, инвестиции, инновации, структурные реформы, устойчивое развитие, глобальная экономика.

Blokhin D.K.2st-year master's student of Financial University,
Moscow, Russia**Scientific supervisor: Sumarokov E.V.,**

Candidate of Economic Sciences, Financial University, Moscow, Russia

THE ROLE OF ECONOMIC POLICY IN MAINTAINING AND ACCELERATING BRICS+ ECONOMIC GROWTH**Annotation**

The article analyzes the role of economic policy in maintaining and accelerating economic growth in the BRICS+ countries. The main instruments of state regulation, mechanisms for stimulating investment and innovation, as well as the importance of structural reforms for enhancing the competitiveness of national economies are examined. The relevance of the topic is determined by the need to identify new growth drivers amid global instability and increasing competition in world markets. The author conducts a comparative analysis of economic policy measures implemented in the BRICS+ countries, identifies key factors contributing to sustainable development, and formulates recommendations for further improving economic growth strategies

Keywords:

BRICS+, economic policy, economic growth, government regulation, investment, innovation, structural reforms, sustainable development, global economy.

В условиях трансформации мировой экономики и усиления геополитической фрагментации особую

значимость приобретает анализ роли экономической политики в обеспечении устойчивого и ускоренного роста стран БРИКС+. Расширение объединения в 2024–2025 гг. не только увеличило его демографический и ресурсный потенциал, но и усложнило внутреннюю структуру, что делает вопросы координации экономической политики и поиска эффективных инструментов роста особенно актуальными.

Экономический рост в странах БРИКС+ во многом определяется активной ролью государства, направленной на стимулирование инвестиционной активности, развитие ключевых отраслей и повышение конкурентоспособности национальных экономик. В отличие от ряда развитых стран, где доминируют рыночные механизмы саморегуляции, в государствах БРИКС сохраняется значительная доля государственного участия, что позволяет более гибко реагировать на внешние шоки и структурные дисбалансы.

Согласно данным международных организаций, в 2024 году страны БРИКС+ обеспечивали около 36–37% мирового ВВП по паритету покупательной способности, а в 2025 году этот показатель продолжил расти за счёт расширения состава объединения и высоких темпов роста крупнейших экономик. При этом основными драйверами роста выступают Китай и Индия, на которые приходится значительная часть совокупного ВВП.

В таблице 1 представлена динамика темпов экономического роста стран БРИКС+ с учётом актуализации данных до 2025 года.

Таблица 1

Темпы роста ВВП стран БРИКС+, %

Страна	2023г	2024г	2025г*
Китай	5,2	5,0	4,8
Индия	7,2	7,0	6,8
Россия	3,6	2,8	2,5
Бразилия	2,9	2,2	2,0
ЮАР	0,7	1,0	1,3
ОАЭ	3,8	4,2	4,5
Саудовская Аравия	1,5	3,5	4,0
Египет	4,2	4,0	4,2

*Оценочные данные (МВФ, Всемирный банк).

Источник: Веб-сайт: Международный Валютный Фонд; МВФ: Экономика и статистика. – Текст: электронный: [сайт]. – URL: <https://svspb.net> (дата обращения: 01.03.2026)

Как видно из таблицы 1, страны БРИКС+ демонстрируют устойчивый, хотя и неоднородный экономический рост. Высокие темпы роста Индии и стран Ближнего Востока обусловлены активной инвестиционной политикой, развитием инфраструктуры и диверсификацией экономики. В то же время более умеренные темпы роста Бразилии и ЮАР отражают наличие структурных ограничений, включая низкую производительность труда и социально-экономические дисбалансы.

Экономическая политика играет ключевую роль в формировании этих тенденций. В частности, значительное влияние оказывает государственная инвестиционная политика, направленная на развитие инфраструктуры, промышленности и инновационных отраслей. Как отмечается в исследованиях, инвестиции в новые сектора экономики позволяют не только стимулировать краткосрочный рост, но и формировать долгосрочные конкурентные преимущества.

Одним из важнейших направлений экономической политики является диверсификация экономики. Для ряда стран БРИКС+, особенно обладающих значительными природными ресурсами, проблема сырьевой зависимости остаётся актуальной. В ответ на это реализуются программы, направленные на развитие обрабатывающей промышленности, сферы услуг и высокотехнологичных отраслей.

В таблице 2 представлены ключевые направления экономической политики, способствующие ускорению экономического роста.

Таблица 2

Основные направления экономической политики БРИКС+

Направление	Содержание	Влияние на рост
Инвестиционная политика	Развитие инфраструктуры и промышленности	Увеличение ВВП
Диверсификация экономики	Снижение сырьевой зависимости	Повышение устойчивости
Поддержка МСП	Развитие предпринимательства	Рост занятости
Инновационная политика	Развитие технологий	Рост производительности
Социальная политика	Повышение доходов населения	Рост внутреннего спроса

Анализ показывает, что экономическая политика стран БРИКС+ направлена на создание комплексной модели роста, сочетающей внутренние и внешние источники развития. Важным элементом является стимулирование внутреннего спроса, особенно в таких странах, как Индия и Бразилия, где значительная часть населения остаётся вовлечённой в процессы экономического роста.

Существенную роль играет и внешнеэкономическая политика, направленная на расширение торговых связей и диверсификацию рынков сбыта. В условиях геополитической напряжённости страны БРИКС+ активно переориентируют торговые потоки на страны Глобального Юга, что позволяет снизить зависимость от традиционных рынков.

Отдельного внимания заслуживает влияние цифровизации на экономический рост. Развитие цифровых технологий способствует повышению эффективности производства, снижению транзакционных издержек и расширению доступа к финансовым услугам. Китай и Индия занимают лидирующие позиции в данной сфере, активно внедряя цифровые платформы и технологии искусственного интеллекта.

Таким образом, можно сделать вывод, что экономическая политика стран БРИКС+ играет системообразующую роль в поддержании и ускорении экономического роста. Она формирует институциональные и структурные условия, необходимые для устойчивого развития, а также обеспечивает адаптацию национальных экономик к изменяющимся условиям мировой экономики.

Оценка роли экономической политики в обеспечении экономического роста стран БРИКС+ требует анализа не только макроэкономических показателей, но и качественных параметров развития, включая уровень занятости, степень социального неравенства, развитие человеческого капитала и устойчивость финансовой системы. Именно совокупность этих факторов позволяет определить, насколько реализуемая экономическая политика способствует не просто количественному увеличению ВВП, но и формированию устойчивой модели развития.

Одним из важнейших индикаторов эффективности экономической политики является состояние рынка труда. Как показывают данные, в большинстве стран БРИКС наблюдается либо стабилизация, либо снижение уровня безработицы, что свидетельствует о положительном влиянии реализуемых мер государственной поддержки занятости. Однако сохраняется значительная дифференциация между странами, обусловленная структурными особенностями их экономик.

В таблице 3 представлена динамика уровня безработицы в странах БРИКС+.

Таблица 3

Уровень безработицы в странах БРИКС+, %

Страна	2023г	2024г	2025г*
Китай	5,2	5,0	5,2
Индия	10,3	10,1	9,8
Россия	3,0	2,4	2,6
Бразилия	7,5	6,4	6,1
ЮАР	31,9	32,1	32,5
Египет	7,2	7,0	6,8
ОАЭ	3,1	2,9	2,8

Анализ данных показывает, что наиболее благоприятная ситуация складывается в странах с активной инвестиционной и промышленной политикой (Китай, Россия, ОАЭ), где уровень безработицы

остаётся относительно низким. В то же время страны с выраженными структурными проблемами (ЮАР, частично Индия) сталкиваются с сохраняющимися трудностями в обеспечении занятости населения.

Важным показателем, отражающим качество экономического роста, является индекс человеческого развития. Его динамика позволяет оценить, насколько экономическая политика способствует улучшению условий жизни населения.

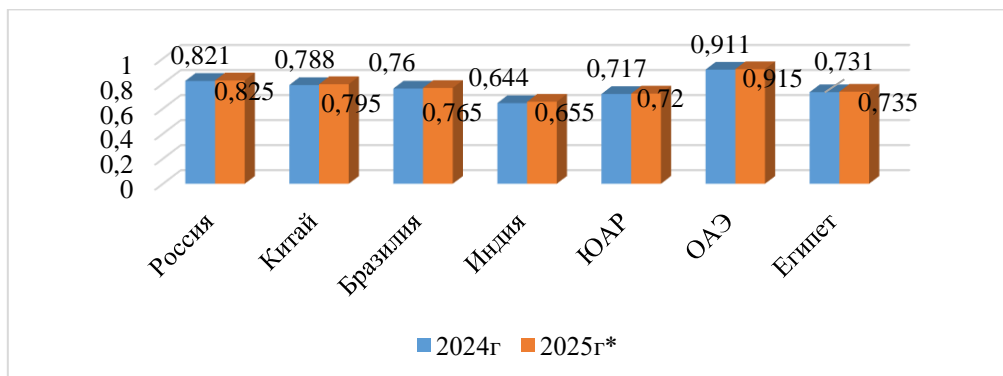

Рисунок 2 – Индекс человеческого развития стран БРИКС+, 2024–2025 гг.

Источник: Данные о населении. database.earth. – Текст: электронный: [сайт]. – URL: <https://database.earth/population> (дата обращения 17.03.2026).

Данные свидетельствуют о постепенном улучшении качества жизни населения во всех странах, однако темпы этого процесса различаются. Более высокие значения ИЧР характерны для стран, активно инвестирующих в образование, здравоохранение и цифровую инфраструктуру. Это подтверждает тезис о том, что экономический рост, поддерживаемый эффективной государственной политикой, должен сопровождаться развитием человеческого капитала.

Существенное влияние на устойчивость экономического роста оказывает уровень социального неравенства. Несмотря на определённые успехи в его снижении, проблема остаётся актуальной для большинства стран БРИКС+, особенно для Бразилии и ЮАР, где сохраняется высокий коэффициент Джини. Высокий уровень неравенства ограничивает потенциал внутреннего спроса и снижает эффективность экономической политики.

Не менее важным фактором является финансовая устойчивость, отражаемая в динамике государственного долга. Рост долговой нагрузки в ряде стран связан с активным использованием бюджетных стимулов для поддержки экономики.

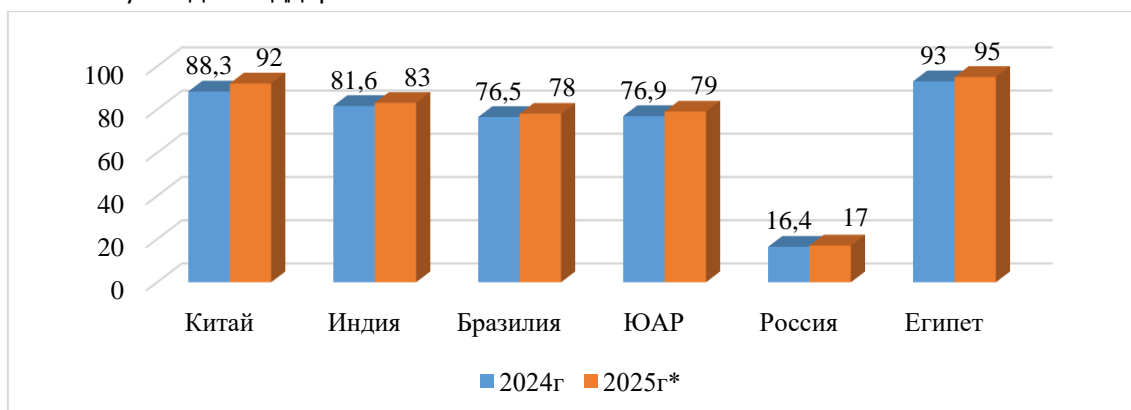

Рисунок 3 – Государственный долг стран БРИКС+, % к ВВП

Источник: Государственный долг к ВВП - список стран. – Текст: электронный: [сайт]. – URL: <https://ru.tradingeconomics.com> (дата обращения: 10.03.2026)

Анализ показывает, что, несмотря на рост долговой нагрузки, страны БРИКС+ продолжают

использовать государственные финансы как инструмент стимулирования экономического роста. При этом наиболее устойчивое положение сохраняют страны с относительно низким уровнем долга и сбалансированной бюджетной политикой.

Особую роль в обеспечении экономического роста играет развитие финансовых и институциональных механизмов сотрудничества внутри БРИКС+. В частности, Новый банк развития выступает важным источником финансирования инфраструктурных проектов, способствующих увеличению инвестиционной активности и ускорению экономического роста. Расширение использования национальных валют во взаимных расчётах также способствует снижению транзакционных издержек и укреплению финансовой независимости стран-участниц.

Важным направлением экономической политики является развитие инновационной экономики. Как показывают исследования, инвестиции в технологии и цифровую инфраструктуру оказывают значительное влияние на производительность труда и темпы экономического роста. Китай и Индия демонстрируют наибольшие успехи в данной сфере, активно развивая IT-сектор и внедряя цифровые решения в различные отрасли экономики.

Дополнительным фактором ускорения роста является расширение внешнеэкономических связей. Страны БРИКС+ активно развивают торгово-экономическое сотрудничество как внутри объединения, так и с другими странами Глобального Юга. Это способствует диверсификации экспортных потоков и снижению зависимости от традиционных рынков.

Обобщая результаты анализа, можно сделать вывод, что экономическая политика стран БРИКС+ играет ключевую роль в формировании устойчивого и динамичного экономического роста. Её эффективность определяется способностью государств сочетать меры по стимулированию экономической активности с развитием человеческого капитала, снижением социального неравенства и обеспечением финансовой устойчивости.

Вместе с тем сохраняющаяся неоднородность экономического развития стран БРИКС+ указывает на необходимость дальнейшего совершенствования механизмов координации экономической политики. Усиление взаимодействия между странами, обмен опытом и реализация совместных проектов могут стать важными факторами повышения эффективности экономической политики и ускорения экономического роста объединения в целом.

В результате проведённого исследования установлено, что экономическая политика стран БРИКС+ в современных условиях выступает ключевым фактором обеспечения устойчивого и ускоренного экономического роста. Анализ показал, что государства объединения, несмотря на различия в уровне социально-экономического развития и структуре национальных экономик, демонстрируют схожую стратегическую направленность политики, ориентированную на укрепление экономического суверенитета, диверсификацию хозяйственных систем и повышение устойчивости к внешним шокам. Особое значение приобретает активная роль государства в регулировании экономических процессов, что позволяет странам БРИКС+ гибко адаптироваться к изменяющейся геополитической и макроэкономической конъюнктуре.

Проведённый сравнительный анализ выявил, что эффективность экономической политики в странах БРИКС+ во многом определяется сочетанием инвестиционных, структурных и институциональных механизмов. Существенный вклад в поддержание экономического роста вносят государственные инвестиции в инфраструктуру, развитие цифровой экономики и инновационного сектора, а также меры по стимулированию внутреннего спроса и поддержке предпринимательства. Вместе с тем сохраняется значительная дифференциация результатов, что проявляется в различиях темпов роста ВВП, уровня занятости, качества жизни населения и степени социального неравенства. Это свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования национальных моделей экономической политики с учётом специфики каждой страны.

Важным выводом является то, что в условиях геополитических вызовов возрастает роль наднациональных механизмов взаимодействия в рамках БРИКС+, включая развитие альтернативной финансовой инфраструктуры, расширение использования национальных валют и активизацию инвестиционного сотрудничества. Дальнейшее укрепление координации экономической политики, углубление интеграционных процессов и обмен успешными практиками способны обеспечить синергетический эффект и повысить общий потенциал экономического роста объединения. В то же время достижение долгосрочной устойчивости требует баланса между национальными интересами стран-участниц и стратегическими целями развития БРИКС+ как глобального центра экономического притяжения.

Список использованной литературы:

1. Денисова Д.Э. БРИКС: вчера, сегодня, завтра. // Гуманитарные и политико-правовые исследования. – 2022. – №2(17). – С.40-54
2. Евсин М.Ю., Зироян Р.А. Страны БРИКС в мировой экономике // ЭФО: Экономика. Финансы. Общество. – 2024. – № 4. – С. 25-38.
3. Евстафьев Д.Г. Шагнуть за порог глобального мира // Россия в глобальной политике. - 2023. – Том 21. – № 2 (120). – С. 9-21.
4. Исаченко Т.М. Возможности координации торговой политики стран БРИКС // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2024. – Т. 248. № 4. – С. 394-407.
5. Карпов А.Л. БРИКС и G7: Глобальная конкуренция. // Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики) – 2024. – №15(3). – С.59-74
6. Количество стран, желающих стать частью БРИКС и ШОС, достигло 20 [Электронный ресурс] : НКИ БРИКС, Россия. 2023. 27 февраля. URL: <https://www.nkibrics.ru/pages/publications> (дата обращения: 29.01.2026).
7. Крылов Д.С., Глухов И.Д. Восточный вектор расширения БРИКС: синергия Ближнего Востока и Латинской Америки // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2023. – Том 16. – № 6.

© Блохин Д.К., 2026

УДК 336.7.012.64

Газизова Г.Р.,

Студентка 3 курса факультета экономики, управления и бизнеса

Научный руководитель: Еремеев В.Ю.

старший преподаватель

Уфимский университет науки и технологий,

г. Уфа, Российская Федерация

МАЛЫЙ И СРЕДНИЙ БИЗНЕС В РОССИИ: МЕРЫ ГОСПОДДЕРЖКИ И ИХ ЭФФЕКТИВНОСТЬ

Аннотация

В статье рассмотрены меры государственной поддержки малого и среднего предпринимательства (МСП) в России, включая льготное кредитование, гранты, налоговые льготы и консультационные сервисы через платформу МСП.РФ. Проведён анализ их эффективности на основе динамики числа субъектов МСП, уровня занятости и объёма инвестиций за последние

5 лет, выявлены административные сложности и неравномерность региональной поддержки. Предложены рекомендации по совершенствованию системы господдержки для устойчивого развития сектора МСП.

Ключевые слова

малое и среднее предпринимательство, государственная поддержка, эффективность поддержки, финансово-кредитные инструменты, инфраструктура поддержки МСП.

Развитие экономики и повышение уровня жизни населения невозможны без создания благоприятных условий для развития предпринимательской деятельности. Субъекты малого и среднего предпринимательства (МСП) играют значительную роль в экономике России: они вносят весомый вклад в формирование валового внутреннего продукта и обеспечивают занятость огромного числа граждан [1]. В период структурных изменений в экономике государство разработало и внедрило комплекс мер, направленных на поддержку МСП. Этот комплекс включает в себя совершенствование нормативно-правовой базы, предоставление финансовой и кредитной помощи, организацию консультационных и информационных услуг, а также развитие необходимой инфраструктуры [2]. Благодаря своевременно принятым мерам, в частности в области кредитования и льготного налогообложения, предприниматели получают возможность компенсировать недостаток финансовых ресурсов и реализовывать инвестиционные проекты [4].

Цель данного исследования — провести анализ эффективности государственной поддержки МСП в России и определить наиболее действенные инструменты этой поддержки.

Объектом исследования являются субъекты МСП в Российской Федерации и меры, которые государство предпринимает для их поддержки.

В качестве информационной базы будут использованы учебные издания, посвящённые экономике малого бизнеса, а также данные о различных инструментах финансово-кредитной поддержки МСП.

Для проведения исследования будут применены методы экономического анализа, а также систематизация и обобщение собранного материала.

В России малый бизнес представляет собой особую модель хозяйственной деятельности, которая регулируется законодательством. Федеральный закон № 209-ФЗ устанавливает ключевые критерии, позволяющие отнести предприятие к категории МСП: это численность сотрудников и размер годовой выручки. Такие ограничения необходимы, чтобы государственная поддержка была целевой и позволяла отличать малый бизнес от крупного. Малые предприятия, как правило, ориентированы на ограниченный масштаб деятельности и предполагают личную ответственность владельца [1]. Чтобы получить государственную поддержку, необходимо соответствовать установленным критериям [4]. К субъектам МСП относятся индивидуальные предприниматели, фермерские хозяйства, различные хозяйственные общества и производственные кооперативы [2].

В России сформирована многоуровневая система поддержки МСП, которая базируется на Федеральном законе № 209-ФЗ [2]. Помощь предоставляется в нескольких ключевых направлениях:

- финансовая поддержка — включает предоставление субсидий, грантов и льготных кредитов;
- налоговая поддержка — предусматривает использование специальных налоговых режимов (например, упрощённой системы налогообложения, патентной системы), которые снижают налоговую нагрузку на бизнес;
- имущественная поддержка — предполагает предоставление доступа к государственным помещениям и оборудованию на льготных условиях;
- консультационная поддержка — помогает предпринимателям преодолеть проблему недостаточной информированности, которая часто становится серьёзным препятствием для развития бизнеса.

Для реализации этих мер создана соответствующая инфраструктура: Корпорация МСП, гарантийные

фонды, центры «Мой бизнес» и другие организации.

Эффективность государственной поддержки оценивается по ряду критериев: увеличению количества субъектов МСП, росту их выручки и налоговых отчислений, созданию новых рабочих мест, а также способности предприятий сохранять жизнеспособность после получения поддержки [4]. Мы считаем, что именно выживаемость предприятий является наиболее объективным показателем реальной пользы от государственной помощи. Однако на практике существует ряд проблем: из-за бюрократических преград помощь часто не доходит до микробизнеса и начинающих предпринимателей, а многие бизнесмены даже не знают о доступных им мерах поддержки [2].

На основе проведённого анализа мы предлагаем следующие пути повышения эффективности государственной поддержки:

- упрощение процедур получения помощи, включая внедрение цифровых технологий;
- разработка адресных программ с учётом специфики отрасли и стадии развития бизнеса;
- уточнение и повышение прозрачности критериев доступа к поддержке [2; 4].

Малый бизнес в России функционирует в рамках системы государственного регулирования, что подразумевает соблюдение определённых требований и ограничений [2]. Он играет важную роль в формировании конкурентной среды, насыщении рынка товарами и услугами, создании новых рабочих мест [1]. В процессе социально-экономического развития страны малый бизнес выполняет ряд важных функций: способствует обеспечению занятости населения, формированию среднего класса, стимулирует экономический рост и внедрение инноваций [4].

Развитие малого предпринимательства — важный фактор снижения уровня безработицы, повышения гибкости экономики и ускорения процесса внедрения новых технологий и решений [2]. Правовая основа государственной поддержки МСП заложена в Федеральном законе № 209-ФЗ, который определяет понятия субъектов МСП, виды и формы поддержки, а также инфраструктуру, необходимую для её реализации.

Среди инструментов государственной поддержки можно выделить:

- финансовую помощь — субсидии, гранты, льготные кредиты, гарантии и поручительства перед банками;
- налоговую поддержку — специальные налоговые режимы (УСН, патент, ЕСХН), снижение налоговых ставок, налоговые каникулы для новых ИП;
- имущественную поддержку — предоставление в пользование госимущества (земельных участков, зданий, оборудования) на льготных условиях, а также доступ к инфраструктурным объектам (бизнес-инкубаторы, технопарки, промпарки);
- консультационную и информационную поддержку — методическая, правовая и бухгалтерская помощь, распространение информации через официальные сайты, реестры и центры «Мой бизнес».

Для реализации этих мер создана разветвлённая инфраструктура: Корпорация МСП, гарантийные фонды, региональные центры поддержки и центры «Мой бизнес». Деятельность соответствующих организаций открывает перед малым и средним предпринимательством (МСП) возможности для получения финансовых, имущественных и консультационных ресурсов [2].

Чтобы оценить результативность оказываемой поддержки, анализируют несколько ключевых показателей: как изменяется количество субъектов МСП, каков рост их выручки и налоговых отчислений, сколько новых рабочих мест появляется, а также — насколько успешно предприятия продолжают функционировать после того, как получили помощь [4].

Косвенными индикаторами эффективности поддержки служат вклад малого бизнеса в обеспечение занятости населения и формирование среднего класса. Кроме того, при оценке учитывают, как меняется уровень инновационной активности среди субъектов МСП [4].

Однако, несмотря на существование комплекса мер поддержки, в их реализации возникают

определённые трудности. Среди главных препятствий — то, что микропредприятия и начинающие бизнесмены часто не могут воспользоваться поддержкой из-за её труднодоступности, а также обременительные бюрократические процедуры, которые снижают эффективность помощи [2].

Ещё одна серьёзная проблема — недостаточная осведомлённость предпринимателей о том, какие меры поддержки доступны. К тому же финансовая помощь не всегда попадает к тем, кому она предназначена, поскольку процедуры отбора получателей и контроля за целевым использованием средств бывают чрезмерно сложными [2].

Чтобы улучшить ситуацию, предлагается упростить процедуры получения поддержки. Внедрение цифровых сервисов поможет ускорить процесс подачи заявок. Перспективным направлением считается также применение адресного подхода, который учитывает отраслевую специфику и этап развития каждого предприятия [2].

Поскольку для получения поддержки необходимо соответствовать критериям, определяющим принадлежность к МСП, совершенствование механизмов подтверждения этого соответствия будет способствовать повышению общей эффективности системы [4].

Список использованной литературы:

1. Горфинкель, В.Я. Малое предпринимательство: организация, управление, экономика: учебное пособие / В. Я. Горфинкель. — М.: Вузовский учебник, 2012. — 349 с.
2. Нецымайло, К.В. Организация малого бизнеса: учебное пособие / К.В. Нецымайло. — Оренбург: Оренбургский гос. пед. ун-т, 2023. — 98 с.
3. Балалова, Е.И. Экономика и планирование деятельности малых и средних предприятий: учебник / Е.И. Балалова, О.В. Баскакова, Т.В. и др. Бодрова. — М.: Дашков и К, 2025. — 278 с.
4. Чапек, В. Н. Малое предпринимательство в России: учебное пособие / В. Н. Чапек, Д. В. Максимов, В.В. Богуславский. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2006. — 45-52 с.
5. Репникова, В. И. Экономика малого бизнеса: учебно-методическое пособие / В. И. Репникова. — Брянск: Брянский ГАУ, 2021. — 26 с.

© Газизова Г.Р., 2026

УДК 338.48:341

Грушенцева В.А.,

Студент 4 курса факультета экономики и управления

Научный руководитель: Смирнова К.С.

канд. юрид. наук

Российский государственный социальный университет

г. Москва, Россия

СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНКЛЮЗИВНОГО ТУРИЗМА

Аннотация

В статье рассматривается система международно-правового регулирования инклюзивного туризма. Анализируются система международных документов и стандартов, определяющих современные подходы к обеспечению доступности туристской среды.

Ключевые слова:

инклюзивный туризм, международное право, доступная среда, международные стандарты, универсальный дизайн, инклюзия, инвалид.

В современной международной туристской политике важное место занимают вопросы создания доступной среды и возможностей путешествовать для всех людей независимо от их особенностей. Развитие туризма на современном этапе сопровождается расширением представлений о качестве туристских услуг и необходимости создания комфортной среды для различных категорий населения, в том числе для лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Формирование системы международно-правового регулирования инклюзивного туризма связано с развитием международных механизмов защиты прав человека и принципов недискриминации. Существенное влияние на развитие данного направления оказала Организация Объединенных Наций, в рамках которой были сформированы международные документы, закрепляющие право человека на равный доступ к объектам инфраструктуры и услугам.

Ключевое значение для развития международного регулирования имело принятие Конвенции о правах инвалидов в 2006 году. Конвенция регулирует вопросы инклюзивного туризма через закрепление прав лиц с инвалидностью на равный доступ к объектам инфраструктуры, транспорту, информации, отдыху и культурной деятельности. Основной акцент делается на устранении барьеров к туристическим объектам и услугам [1]. По мнению Н.В. Новикова, М.А. Ширинянца и О.В. Ткаченко, Конвенция стала основой формирования современных международных подходов к регулированию инклюзивного туризма [2].

Важную роль в развитии доступного туризма играет Всемирная туристская организация (UN Tourism). Организация рассматривает инклюзивный туризм как одно из направлений устойчивого развития мировой туристской индустрии и подчеркивает необходимость формирования доступной туристской среды для различных категорий населения. Деятельность UN Tourism направлена на формирование международных подходов и рекомендаций по обеспечению доступности туристской инфраструктуры и услуг для маломобильных групп населения [3].

В международной практике широкое распространение получила концепция «Tourism for All», основанная на принципах универсального дизайна. Данный подход предполагает создание инфраструктуры и туристских услуг, удобных для максимально широкого круга потребителей с особенностями без необходимости дополнительной адаптации [4]. Как отмечают О. А. Альмухамедова, А. В. Ханина и М. В. Якименко, универсальный дизайн постепенно становится одним из ключевых принципов развития современной туристской среды [5].

Одним из наиболее значимых международных документов в сфере инклюзивного туризма является стандарт ISO 21902:2021 «Tourism and related services — Accessible tourism for all — Requirements and recommendations» [6]. Стандарт устанавливает требования к обеспечению доступности туристской среды и охватывает транспорт, средства размещения, цифровые сервисы и системы навигации.

В странах Европейского союза развитие системы доступной среды связано с реализацией European Accessibility Act, направленного на формирование единых требований к доступности товаров и услуг [6]. Документ затрагивает транспортную инфраструктуру, электронные сервисы и информационные технологии, используемые в туристской сфере.

Таким образом, система международно-правового регулирования инклюзивного туризма представляет собой совокупность международных документов, стандартов и организаций, направленных на обеспечение доступности туристской среды. Международные подходы формируют единые требования к организации туристских услуг и развитию современной туристской инфраструктуры.

Список использованной литературы:

1. Конвенция о правах инвалидов: принята резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи ООН от 13 декабря 2006 г. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (дата обращения: 06.05.2026).
2. Новиков Н.В., Ширинянец М.А., Ткаченко О.В. Правовое регулирование инклюзивного туризма:

международный и национальный опыт // Молодой ученый. — 2025. — № 21 (572). — С. 299–302.

3. Recommendations on Accessible Tourism for All / World Tourism Organization. — Madrid: UNWTO, 2016.

4. Darcy S. Accessible Tourism and the Development of Universal Design in Tourism Services // Tourism Review International. — 2012. — Vol. 16. — P. 1–15.

5. Альмухамедова О. А., Ханина А. В., Якименко М. В. Особенности развития инклюзивного туризма в мире: анализ мирового опыта формирования доступной среды для лиц с ограниченными возможностями здоровья // Экономика, предпринимательство и право. — 2023. — Т. 13, № 3. — С. 887–902.

6. ISO 21902:2021 Tourism and related services — Accessible tourism for all — Requirements and recommendations. — Geneva: International Organization for Standardization, 2021.

© Грушенцева В.А., 2026

УДК 005.5

Егоров И.Д.

студент 2 курса, РТУ МИРЭА,

г. Москва, Россия

Научный руководитель: Кравец О.С.

ассистент кафедры иностранных языков, РТУ МИРЭА,

г. Москва, Россия

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ, СООТВЕТСТВИЯ ТРЕБОВАНИЯМ И ОПЕРАЦИОННОЙ УСТОЙЧИВОСТИ

Аннотация

В статье обоснована актуальность регламентации бизнес-процессов как инструмента управляемого и устойчивого исполнения процессов. Цель исследования — показать отличие регламента от процессной модели и определить его управленческую роль. Использованы анализ научных источников и обобщение практики процессного управления. Сделан вывод, что регламентация снижает неопределенность, закрепляет ответственность, контрольные точки и создает основу для цифровизации.

Ключевые слова:

управление бизнес-процессами; регламентация бизнес-процессов; владелец процесса; контрольные точки; процессная документация; соответствие требованиям; операционные риски.

Введение

Управление бизнес-процессами представляет собой подход к управлению организацией, при котором основное внимание уделяется не только иерархии подразделений, но и сквозным процессам, создающим ценность для клиента и самой организации. Такой подход позволяет рассматривать деятельность компании как последовательность взаимосвязанных действий, имеющих входы, выходы, участников, ресурсы и измеримые результаты.

В то же время наличие описания процесса само по себе не гарантирует его правильного выполнения. Процесс может быть представлен в виде схемы, таблицы или текстового описания, однако сотрудники могут трактовать порядок действий по-разному, подразделения могут перекладывать ответственность друг на друга, а контрольные точки могут отсутствовать. Поэтому для практического управления необходима регламентация бизнес-процессов.

Регламентация бизнес-процесса понимается как формальное закрепление обязательных правил его выполнения: границ, участников, последовательности операций, документов, сроков, ответственности, контрольных точек и показателей эффективности. В этом смысле регламент выступает связующим звеном между аналитическим описанием процесса и реальной организационной практикой.

Цель статьи состоит в анализе регламентации бизнес-процессов как инструмента управления, обеспечения соответствия требованиям и поддержания операционной устойчивости. Для достижения цели рассматриваются различия между описанием и регламентацией процесса, структура регламента, роль владельца процесса, значение контрольных точек, а также связь регламентации с рисками и цифровой трансформацией.

1. Описание и регламентация бизнес-процесса

В теории и практике процессного управления описание и регламентация процесса тесно связаны, но не совпадают по содержанию. Описание процесса имеет прежде всего аналитический характер. Оно помогает определить, из каких этапов состоит процесс, какие участники в нем задействованы, какие входы преобразуются в выходы и где находятся ключевые точки взаимодействия.

Регламентация процесса имеет нормативный характер. Она отвечает не только на вопрос о том, как процесс устроен, но и на вопрос о том, как он должен выполняться в конкретной организации. Поэтому регламент фиксирует утвержденный порядок действий и придает ему официальный статус. Если процессная модель показывает логику работы, то регламент определяет правила исполнения этой логики.

Например, модель процесса обработки заявки может показывать этапы приема, проверки, согласования и исполнения. Однако сама модель не всегда объясняет, кто именно проверяет заявку, какие документы должны быть приложены, сколько времени занимает согласование, кто принимает решение при отклонении и каким образом фиксируется результат. Все эти элементы должны быть отражены в регламенте.

Таким образом, регламентация снижает неопределенность и формирует единый стандарт действий для сотрудников. Для организации это особенно важно в межфункциональных процессах, проходящих через несколько подразделений. Именно на стыках подразделений чаще всего возникают задержки, ошибки и конфликты ответственности.

2. Структура регламента бизнес-процесса

Регламент бизнес-процесса должен иметь четкую структуру. Его конкретное содержание зависит от отрасли, масштаба организации и сложности процесса, но в большинстве случаев документ включает несколько обязательных блоков.

Во-первых, в регламенте указываются название процесса, его цель и область применения. Цель показывает, для какого результата существует процесс и как он связан с задачами организации. Во-вторых, определяются границы процесса: начальное событие, конечный результат и связь со смежными процессами. В-третьих, фиксируются участники процесса, их роли и зоны ответственности.

Также важны входы и выходы процесса. Входами могут быть документы, данные, ресурсы, заявки клиентов или управленческие решения. Выходами выступают результаты работы: услуга, продукт, отчет, запись в системе, согласованный документ или принятое решение. Без четкого определения входов и выходов невозможно объективно оценить, выполнен ли процесс правильно.

Особое место в регламенте занимает описание последовательности действий. Оно должно быть достаточно подробным, чтобы сотрудник мог использовать документ в работе, но при этом не перегруженным второстепенными деталями. Регламент должен помогать исполнению процесса, а не создавать избыточную бюрократическую нагрузку.

Для систематизации состава регламента целесообразно выделить основные элементы, представленные в таблице 1.

Таблица 1

Основные элементы регламента бизнес-процесса

Элемент регламента	Содержание	Управленческое значение
Цель процесса	Ожидаемый результат выполнения процесса	Связывает процесс с задачами организации
Границы процесса	Начало, завершение и смежные процессы	Предотвращает дублирование и неопределенность
Владелец процесса	Лицо, отвечающее за итоговый результат	Закрепляет управленческую ответственность
Участники	Подразделения, должности, внешние стороны	Показывает распределение ролей
Последовательность действий	Пошаговый порядок выполнения операций	Стандартизирует работу сотрудников
Контрольные точки и показатели	Проверки сроков, качества, полноты, а также показатели результата	Снижает риск нарушений и позволяет оценивать процесс

Представленная структура показывает, что регламент не должен ограничиваться общими формулировками. Его задача состоит в том, чтобы быть рабочим документом, позволяющим исполнителям понимать порядок действий, а руководителям — контролировать выполнение процесса и своевременно выявлять отклонения.

3. Владелец процесса и распределение ответственности

Одним из ключевых элементов регламентации является определение владельца процесса. Владелец процесса несет ответственность за результат процесса в целом, а не только за отдельную операцию. Такая роль особенно важна там, где процесс пересекает границы функциональных подразделений.

В традиционной функциональной структуре каждое подразделение отвечает за собственный участок работы. Однако итоговая ценность создается не отдельной функцией, а всей цепочкой действий. Например, результат процесса выполнения заказа зависит от продаж, склада, логистики, бухгалтерии и службы поддержки. Если владелец процесса не определен, каждое подразделение может выполнять локальные задачи, но общий результат будет нестабильным.

Распределение ответственности целесообразно фиксировать не только в тексте регламента, но и через матрицу ответственности. На практике часто используется логика RACI, позволяющая различать исполнителя, ответственного за результат, консультируемых и информируемых участников. Такой подход снижает риск ситуаций, когда важное действие оказывается «ничьим» или, наоборот, выполняется несколькими подразделениями одновременно.

В регламенте ответственность должна быть описана конкретно. Недостаточно указать, что подразделение участвует в процессе; необходимо определить, какие действия оно выполняет, какие решения принимает, какие документы формирует, какие сроки соблюдает и перед кем отчитывается за результат.

4. Контрольные точки, соответствие требованиям и управление рисками

Контрольные точки являются необходимым элементом регламентированного процесса. Они представляют собой этапы, на которых проверяется корректность выполнения действий, полнота документов, соблюдение сроков, соответствие требованиям или качество результата. Контрольная точка должна быть связана с конкретным риском, иначе она превращается в формальность.

Например, если существует риск принятия неполной заявки, в регламенте должна быть предусмотрена проверка обязательных данных и приложений. Если есть риск несанкционированного платежа, необходима процедура согласования уполномоченным лицом. Если критичны сроки, регламент должен содержать временные нормативы и порядок эскалации при задержке.

Через контрольные точки регламентация связана с соблюдением требований. Организация должна действовать в соответствии с законодательством, внутренними политиками, договорами и отраслевыми

стандартами. Регламент фиксирует обязательный порядок действий и создает документальные основания для проверки. Поэтому он важен не только для текущего управления, но и для внутреннего аудита, качества, финансового контроля и информационной безопасности.

Регламентация также снижает операционные риски. Чем яснее определены правила, ответственность и контроль, тем меньше вероятность ошибок, произвольных решений и конфликтов между участниками процесса. При этом контроль должен быть соразмерным: избыточное количество проверок замедляет процесс и может привести к бюрократизации.

5. Регламентация процессов в условиях цифровой трансформации

Цифровая трансформация усиливает значение регламентации бизнес-процессов. Внедрение ERP-систем, CRM-систем, электронного документооборота, workflow-платформ и роботизации требует заранее определенной логики процесса. Если процесс остается неясным, информационная система не устранит проблему, а лишь перенесет ее в цифровую среду.

Автоматизация нерегламентированного процесса может привести к ускоренному воспроизводству прежних ошибок. Если роли не определены, система не создаст ответственность автоматически. Если документы оформляются по-разному, электронный документооборот не решит проблему согласованности. Если правила принятия решений не закреплены, автоматический маршрут согласования будет нестабильным.

Поэтому до цифровизации организация должна описать и регламентировать процесс: определить его границы, участников, данные, документы, контрольные точки и показатели. В дальнейшем цифровые инструменты могут повысить качество регламентации, поскольку позволяют фиксировать действия, хранить следы согласований, отслеживать сроки и собирать статистику по отклонениям.

Таким образом, регламентация и цифровизация являются взаимосвязанными направлениями. Регламент задает управленческую логику процесса, а цифровые системы обеспечивают прослеживаемость, скорость исполнения и данные для анализа.

6. Ограничения и риски чрезмерной формализации

Несмотря на значимость регламентации, она может создавать отрицательные эффекты, если становится чрезмерной или оторванной от реальной практики. В некоторых организациях регламенты существуют только формально: они написаны сложным языком, редко обновляются и не используются сотрудниками в ежедневной работе.

Основная ошибка заключается в подмене управления документооборотом. Регламент должен помогать выполнять процесс, а не только создавать видимость порядка. Если документ слишком объемный, противоречит реальным действиям или не учитывает мнение исполнителей, он быстро теряет управленческую ценность.

Для предотвращения этой проблемы регламенты необходимо регулярно пересматривать. В обновлении документа должны участвовать владелец процесса, руководители подразделений и сотрудники, непосредственно выполняющие операции. Такой подход позволяет сохранить баланс между формализацией и практической применимостью.

Заключение

Регламентация бизнес-процессов является важным элементом управления бизнес-процессами, поскольку она переводит процессные модели в обязательные правила организационной деятельности. Если описание процесса показывает структуру работы, то регламент определяет порядок ее выполнения, распределение ответственности, контрольные точки, документы и показатели результата.

В статье показано, что регламентация выполняет несколько управленческих функций. Она снижает неопределенность, обеспечивает единый стандарт действий, уточняет ответственность, поддерживает соответствие требованиям, уменьшает операционные риски и создает основу для цифровой трансформации. Особенно важна регламентация для межфункциональных процессов, где результат зависит от согласованной работы нескольких подразделений.

При этом регламентация не должна превращаться в формальную бюрократию. Эффективный регламент должен быть понятным, актуальным, связанным с реальной практикой и полезным для исполнителей. Только в этом случае он становится не архивным документом, а инструментом управления, контроля и постоянного совершенствования бизнес-процессов.

Список использованной литературы:

1. Ассоциация профессионалов управления бизнес-процессами. Свод знаний по управлению бизнес-процессами. Версия 4.0. — ABPMP International, 2019.
2. Веске М. Управление бизнес-процессами: концепции, языки, архитектуры. — Берлин: Springer, 2019. — 417 с.
3. Дюма М., Ла Роса М., Мендлинг Я., Рейерс Х. Основы управления бизнес-процессами. — М.: Альпина Паблишер, 2021. — 528 с.
4. Елиферов В. Г., Репин В. В. Бизнес-процессы: регламентация и управление. — М.: ИНФРА-М, 2020. — 319 с.
5. Международная организация по стандартизации. ISO 9001:2015. Системы менеджмента качества. Требования. — Женева: ISO, 2015.
6. Объектная группа управления. Нотация и модель бизнес-процессов BPMN, версия 2.0.2. — 2013.
7. Репин В. В. Бизнес-процессы компании: построение, анализ, регламентация. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. — 512 с.
8. Харрингтон Дж., Эсселинг К., Нимвеген Х. Оптимизация бизнес-процессов: документирование, анализ, управление, оптимизация. — СПб.: Азбука, 2002. — 328 с.

© Егоров И.Д., 2026

УДК 339.9

Краснова Д.Б.

Магистрант 2 курса факультета Международных Экономических Отношений

Научный руководитель: Матвеев И.А.

канд. истор. наук, доцент

Финансовый Университет при Правительстве Российской Федерации,

г. Москва, РФ

ДРАЙВЕРЫ ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛИ МЕЖДУ РОССИЕЙ И СТРАНАМИ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Аннотация

В данной статье исследуются концептуальные основы, институциональные барьеры и стратегические перспективы развития электронной торговли между Россией и странами Ближнего Востока. Цель работы — выявить системные ограничения и определить потенциал цифровой коммерции в условиях трансформации глобальных рынков. Установлено, что интеграция токенизации активов, партнёрского финансирования и альтернативных платёжных механизмов способствует снижению транзакционных издержек и повышению устойчивости кросс-бордерных операций. Результаты исследования формируют научно-практическую основу для оптимизации бизнес-стратегий и гармонизации регуляторных подходов в сфере цифровой экономики.

Ключевые слова:

электронная торговля, трансграничная коммерция, токенизация активов, партнёрское финансирование, санкционные ограничения, Ближний Восток.

Краснова Д.Б.

Master's student at the Faculty of International Economic Relations

Научный руководитель: Матвеев И.А.

Cand.Sc.(History), Associate Professor

Financial University under the Government of the Russian Federation

Moscow, RF

DRAIVERS OF E-COMMERCE BETWEEN RUSSIA AND THE MIDDLE EAST

Abstract

This article examines the conceptual foundations, institutional barriers, and strategic prospects for the development of e-commerce between Russia and the countries of the Middle East. The aim of this study is to identify systemic constraints and assess the potential of digital commerce amid the transformation of global markets. It has been established that the integration of asset tokenization, peer-to-peer financing, and alternative payment mechanisms contributes to reducing transaction costs and increasing the stability of cross-border operations. The research findings form a scientific and practical foundation for optimizing business strategies and harmonizing regulatory approaches in the digital economy.

Keywords:

e-commerce, cross-border commerce, asset tokenization, peer-to-peer financing, sanctions restrictions, Middle East.

The transformation of global trade architecture has positioned electronic commerce as a strategic vector for economic cooperation between Russia and Middle Eastern states. In an environment marked by geopolitical realignment and structural shifts in international supply chains, digital trade platforms emerge not merely as commercial channels but as fundamental instruments of economic adaptation and technological integration. Several interconnected drivers underpin the development of cross-border e-commerce between these regions, encompassing technological innovation, financial infrastructure modernization, regulatory harmonization, and cultural adaptation strategies.

Technological advancement constitutes a primary driver of e-commerce expansion. The integration of blockchain technologies and asset tokenization enables the creation of more liquid, transparent, and secure economic relationships within digital marketplaces. Tokenization—the process of converting rights to assets into digital form on a distributed ledger—allows for fractional ownership, automated execution of obligations, and the emergence of new classes of digital value integrated directly into commercial processes [1, p. 45]. The ERC-20 standard, serving as a fundamental protocol for digital assets within the Ethereum ecosystem, has significantly lowered entry barriers for developers and facilitated interoperability between wallets, exchanges, and smart contracts, thereby accelerating the adoption of tokenized solutions in cross-border trade [1, p. 52]. This standard has established a unified communication protocol that allows tokens to move seamlessly between different wallets, exchanges, and smart contracts without the risk of data loss or code incompatibility. Furthermore, the deployment of smart contracts automates the transfer of ownership upon payment confirmation, reducing transaction costs and enhancing trust between parties who may lack prior personal relationships but rely on cryptographic verification [1, p. 48].

Financial infrastructure modernization represents another critical driver. The development of alternative payment mechanisms, including national financial messaging systems (SPFS in Russia, IPN in the UAE, SARIE in Saudi Arabia), enables direct interbank settlements without reliance on correspondent networks of third countries, thereby mitigating risks of politically motivated transaction blocking [2, p. 134]. The introduction of stablecoins and tokenized fiat currencies facilitates instant cross-border settlements, accelerating capital

turnover for marketplace operators and reducing dependency on traditional correspondent banking relationships [1, p. 67]. Additionally, Federal Law No. 417-FL of August 4, 2023, establishing a legal framework for partnership financing experiments in selected Russian regions, creates a regulatory bridge for interaction with counterparts from Organization of Islamic Cooperation states by legitimizing profit-and-loss sharing models compatible with Islamic finance principles [3, p. 89]. This legal innovation expands access to capital for entrepreneurs who previously avoided conventional bank loans due to religious considerations or prohibitive interest rates, thereby enhancing financial inclusion in the digital commerce sector.

Geopolitical factors serve as a significant catalyst for e-commerce development. Sanctions pressure has accelerated the search for alternative trade corridors and financial channels, prompting Russian companies to actively seek partners in regions maintaining neutrality, including Gulf states possessing developed digital infrastructure and interest in economic diversification [4, p. 112]. Electronic commerce functions as a low-barrier integration channel, allowing businesses to bypass institutional ruptures, minimize dependence on physical presence, and rapidly test new market niches with minimal preliminary investment [4, p. 118]. Digital platforms provide instant access to consumer bases while enabling operational adaptation of product assortments to local demand patterns, thereby compensating for losses from departure from traditional markets and forming new, politically resilient distribution channels [4, p. 121].

Infrastructure development constitutes a foundational driver of sustainable e-commerce growth. The establishment of distributed fulfillment centers, integration of tracking systems for last-mile delivery, and automation of customs procedures through unified digital windows significantly reduce order fulfillment times and operational costs [5, p. 156]. Joint development of cloud computing projects, intergovernmental agreements on mutual recognition of cybersecurity standards, and creation of protected data transmission channels enable businesses to minimize disconnection risks and ensure operational continuity even under conditions of isolation from global platforms [5, p. 162]. The localization of technological stacks contributes to accelerated accumulation of competencies in programming, data analytics, cybersecurity, and digital marketing, forming a human capital base capable of supporting digital infrastructure without external dependency [5, p. 168].

Cultural and regulatory adaptation mechanisms represent essential drivers of market acceptance and long-term sustainability. Successful e-commerce expansion requires deep localization of interfaces, support for Arabic language including dialectal variants, adaptation of visual content to cultural norms, and integration with local payment preferences including cash-on-delivery models prevalent in certain regional markets [6, p. 178]. Harmonization of personal data protection standards, consumer guarantee frameworks, and certification requirements—including halal compliance for food, cosmetics, and pharmaceutical products—reduces transactional barriers and enhances consumer trust in cross-border digital transactions [6, p. 185]. Regional organizations increasingly incorporate digital trade into interregional cooperation agendas, creating prerequisites for unified rules of trade, reduced transaction costs, and enhanced confidence in cross-border e-commerce settlements [6, p. 191].

The synergy between these drivers creates a self-reinforcing ecosystem conducive to sustained e-commerce growth. Technological innovation enables financial flexibility, which in turn supports infrastructure investment, while regulatory harmonization facilitates cultural adaptation and market expansion. This integrated approach positions electronic commerce as a transformative force capable of reshaping regional markets into a unified digital trading space characterized by technological compatibility, cross-cultural integration, and infrastructural connectivity.

References:

1. Алехин А.В. Токенизация активов в цифровой экономике: теория и практика. — М.: Финансы и статистика, 2024. — 215 с.
2. Петрова Е.С. Платёжные системы и финансовый суверенитет в условиях санкционных ограничений. — М.: Экономика, 2024. — 198 с.

3. Иванов Д.К. Партнёрское финансирование в российском праве: комментарий к Федеральному закону № 417-ФЗ. — Казань: Изд-во КФУ, 2024. — 142 с.
4. Смирнова О.Л. Электронная торговля как инструмент экономической адаптации. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2024. — 176 с.
5. Козлов М.А. Цифровая инфраструктура международной торговли. — М.: ИНФРА-М, 2024. — 203 с.
6. Абдуллаев Р.Ш. Культурно-правовые аспекты электронной коммерции на рынках Ближнего Востока. — М.: Восточная литература, 2024. — 189 с.

© Краснова Д.Б., 2026

УДК 339.9

Краснова Д.Б.

Магистрант 2 курса факультета Международных Экономических Отношений

Научный руководитель: Матвеев И.А.

канд. истор. наук, доцент

Финансовый Университет при Правительстве Российской Федерации,

г. Москва, РФ

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПРЕПЯТСТВИЯ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛИ МЕЖДУ РОССИЕЙ И БЛИЖНИМ ВОСТОКОМ

Аннотация

В данной статье анализируются основные препятствия на пути развития электронной коммерции между Россией и странами Ближнего Востока. Цель исследования заключается в систематизации институциональных, финансовых, логистических и технологических ограничений. Установлено, что различия в нормативно-правовом регулировании, сложности с оплатой и фрагментация логистики приводят к увеличению операционных затрат. Полученные результаты служат основой для оптимизации бизнес-стратегий и разработки скоординированных мер регулирования, способствующих росту цифровой торговли в регионе.

Ключевые слова:

электронная коммерция, трансграничная торговля, барьеры регулирования,
международные экономические отношения, Ближний Восток, Россия

Краснова Д.Б.

Master's student at the Faculty of International Economic Relations

Научный руководитель: Матвеев И.А.

Cand.Sc.(History), Associate Professor

Financial University under the Government of the Russian Federation

Moscow, RF

MAJOR CHALLENGES AND OBSTACLES TO E-COMMERCE BETWEEN RUSSIA AND THE MIDDLE EAST

Abstract

This article analyzes the key barriers to the development of e-commerce between Russia and the countries

of the Middle East. The aim is to systematize institutional, financial, logistical, and technological constraints. It was found that regulatory differences, payment complexities, and logistical fragmentation increase operational costs. The results form the basis for optimizing business strategies and developing coordinated regulatory measures that promote the growth of digital commerce in the region.

Keywords:

e-commerce, cross-border commerce, regulation barriers,
international economic relations, the Middle East, Russia

Introduction

In recent years, the main driving force of the international economic relations became e-commerce. As Russia reorients its foreign economic partnerships, Middle Eastern countries have gained strategic importance as alternative markets for Russian e-commerce companies. Countries in the region are demonstrating rapid rates of digitalization and growing demand for imports; however, the development of cross-border digital trade is hampered by a complex set of systemic barriers: regulatory discrepancies, fragmentation of payment systems, logistical constraints, and cultural and linguistic differences.

The aim of this research is to conduct a systematic analysis of the main challenges hindering the development of e-commerce between Russia and the countries of the Middle East. The objectives are to classify barriers into institutional, financial, logistical, cultural-behavioral, technological, and geopolitical groups; to analyze the impact of regulatory differences on cross-border transactions; to assess constraints in the field of international payments; and to formulate practical recommendations.

The regulatory environment remains a fundamental constraint on cross-border e-commerce integration. The national laws of Russia and the Middle Eastern countries differ significantly in their approaches to digital contracts, consumer protection, and data processing. In the Russian Federation, basic regulation is provided by Laws No. 149-FL and No. 152-FL, whereas the UAE, Saudi Arabia, and Kuwait have their own digital security standards [3, p. 67].

A key challenge is data localization requirements. Russian law mandates that information about Russian citizens be stored within the country, while Middle Eastern regulators are tightening controls on the cross-border transfer of commercial analytics [1, p. 34]. This creates dual regulatory pressure, forcing platforms to maintain duplicate IT infrastructure.

Consumer law is also fragmented: in Russia, no-reason returns within seven days are regulated, whereas in several countries in the region, warranty obligations depend on marketplace policies [4, p. 89]. Duty-free import thresholds range from 200 euros in the Russian Federation to 1,000 dirhams in the Gulf countries, with rules regularly revised [5, p. 145]. The lack of harmonized declaration procedures leads to delays at the border. Legal uncertainty regarding electronic signatures hinders the automation of transactions and the implementation of smart contracts [6, c. 203].

The financial aspect of cross-border trade presents a range of significant challenges, particularly given the current sanctions pressure on the Russian economy. Restrictions imposed on Russian banks' operations within international payment systems create obstacles to accepting payments from foreign buyers. Although Middle Eastern countries do not support the sanctions regime, their financial institutions are often forced to comply with the compliance requirements of global payment operators in order not to lose access to other payment systems. This means that direct acquiring agreements are becoming unavailable to Russian merchants, and businesses are forced to seek workarounds through intermediaries or cryptocurrency instruments.

The payment ecosystem determines the sustainability of digital commerce. The suspension of Visa/Mastercard services by Russian banks and restrictions on access to SWIFT are forcing the use of alternative mechanisms, increasing the volatility of payments.

The key issue is currency conversion. The high volatility of the ruble contrasts with the dollar peg of Gulf

countries' currencies, creating a structural asymmetry [7, p. 56]. The lack of liquid RUB/AED or RUB/SAR pairs forces the use of dollar crosses, increasing spreads and payment delays.

Integration with local payment systems (mada, KNET) requires direct agreements with processing centers and PCI DSS audits. The Russian systems "Mir" and SPfZ do not have direct integration with their Middle Eastern counterparts, which limits the possibilities for direct interbank settlements [8, p. 134].

Tighter AML/CFT regulations create additional barriers: Middle Eastern banks apply excessive compliance checks on Russian counterparties, leading to frozen payments [9, p. 78]. For small businesses, the cost of compliance services often exceeds the margins on product categories. The lack of developed forward contracts for the RUB/USD pair forces platforms to build reserves into their pricing, reducing competitiveness [10, p. 211].

The effectiveness of e-commerce depends on delivery speed; however, routes between Russia and the Middle East are characterized by multiple transit points. The limited availability of direct routes necessitates transit through Turkey, Iran, or the Suez Canal, thereby increasing transit times and costs [11, p. 92].

The fragmentation of the logistics infrastructure and the lack of unified digital platforms for tracking shipments exacerbate the problem: differences in electronic document management standards lead to manual checks and classification errors [12, p. 156].

The "last mile" process is complicated by the high proportion of cash-on-delivery (COD) payments, which creates risks of non-payment and requires a well-developed collection network. An informal address infrastructure increases navigation costs [13, p. 204].

Successful integration requires consideration of local consumer patterns and cultural traditions. Language localization remains a resource-intensive barrier: the Arabic language is characterized by dialectal diversity, which complicates automated translation. Platforms relying on machine translation are prone to semantic errors that reduce conversion rates. Right-to-left (RTL) text direction requires interface adaptation [14, p. 87].

Cultural and religious norms shape demand under the influence of Islamic traditions, seasonal patterns (Ramadan, Eid), and halal certification requirements. Brands that ignore these factors face low response rates to marketing campaigns. Expectations regarding service quality vary: Middle Eastern consumers demand personalization and flexible return policies. Russian platforms face difficulties in ensuring a uniform standard of service [15, p. 198].

Technological infrastructure determines scalability, but platform interoperability is complicated by differences in cloud services and security standards. The fragmentation of cloud ecosystems remains a critical barrier: Russian companies use domestic solutions (Yandex Cloud, VK Cloud), while Middle Eastern markets rely on AWS, Azure, and local providers. Differences in data transfer protocols make it difficult to create unified backend systems [16, p. 114].

Cybersecurity is regulated according to different models: countries in the region are introducing mandatory audits and certification of providers. Russian operators face the need to undergo additional checks [17, p. 167]. The lack of mutual recognition of certificates increases the risk of service suspension.

The foreign policy context has a direct impact on the stability of digital trade. The risk of secondary sanctions remains a significant challenge: financial institutions in the Middle East subject Russian counterparties to excessive due diligence, leading to payment delays and restricted access to trade finance [18, p. 134].

Macroeconomic instability creates constant pressure: the region's economies are sensitive to fluctuations in oil markets. Falling energy prices lead to a decline in consumer demand, forcing platforms to adapt their product range and pricing policies [19, p. 178].

Changes in trade policy and the strengthening of protectionist measures create regulatory uncertainty. Countries in the region are tightening localization requirements and imposing taxes on imported digital services [20, p. 203]. The limited availability of insurance mechanisms for digital trade forces platforms to bear increased financial risks, limiting their ability to scale [21, p. 234].

Conclusion

The research conducted made it possible to identify the main challenges facing e-commerce between Russia and the countries of the Middle East. It was found that the barriers are multifaceted: institutional and legal differences in data regulation and consumer rights increase administrative costs; fragmentation of the financial infrastructure and excessive compliance requirements slow down cross-border payments; complex logistics chains and reverse logistics challenges reduce delivery predictability; cultural and linguistic differences require deep localization of services; technological incompatibility of cloud ecosystems hinders platform scaling; geopolitical risks increase uncertainty for businesses.

References:

1. Всемирная Торговая Организация. Цифровая торговля и регулирование трансграничных потоков данных. – Женева: WTO Publications, 2024. – 189 с.
2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (с изм. и доп.). – М.: КонсультантПлюс, 2025. – 156 с.
3. Al-Mutairi, K. Data Localization and Cross-Border E-Commerce in the GCC. – Dubai: Gulf Research Center, 2024. – 112 с.
4. Consumer Protection Authority of the UAE. Cross-Border Digital Trade Guidelines. – Abu Dhabi: CPA Publications, 2023. – 98 с.
5. UNCTAD. Digital Economy Report: Cross-Border E-Commerce and Customs Modernization. – New York: United Nations, 2024. – 204 с.
6. OECD. Legal Frameworks for Digital Contracts in Emerging Markets. – Paris: OECD Publishing, 2023. – 176 с.
7. Central Bank of Russia. Annual Report on Payment Systems and Digital Infrastructure. – Moscow: CBR, 2024. – 145 с.
8. UAE Central Bank. Financial Technology and Cross-Border Payments Integration. – Abu Dhabi: CBUAE, 2024. – 167 с.
9. FATF. Mutual Evaluation Report on AML/CFT Compliance in the Middle East. – Paris: FATF Secretariat, 2023. – 211 с.
10. World Bank. Trade Finance Gaps and Digital Commerce in Emerging Economies. – Washington DC: World Bank Group, 2024. – 188 с.
11. International Transport Forum. Logistics Corridors between Russia and the Middle East. – Paris: OECD/ITF, 2024. – 156 с.
12. Dubai Customs. Digital Trade Facilitation and E-Commerce Clearance Procedures. – Dubai: DCD, 2023. – 134 с.
13. Saudi Logistics Authority. Last-Mile Delivery and Fulfillment Infrastructure Report. – Riyadh: SAL, 2024. – 178 с.
14. Arab League. Digital Localization and Language Adaptation in E-Commerce. – Cairo: LAS, 2023. – 122 с.
15. Gulf Marketing Review. Cultural Adaptation and Influencer Commerce. – Dubai: GMR, 2023. – 189 с.
16. Gartner. Cloud Infrastructure Fragmentation and Cross-Border Integration. – Stamford: Gartner Inc., 2024. – 134 с.
17. SANS Institute. Cybersecurity Compliance Standards in the Middle East. – Bethesda: SANS, 2023. – 198 с.
18. International Monetary Fund. Geopolitical Risks and Financial Compliance Spillovers. – Washington DC: IMF, 2024. – 176 с.
19. OPEC. Oil Price Volatility and Consumer Demand in Import-Dependent Economies. – Vienna: OPEC Secretariat, 2024. – 156 с.
20. Gulf Cooperation Council. Trade Policy Adjustments and Digital Taxation. – Riyadh: GCC Secretariat, 2023. – 188 с.
21. Lloyd's of London. Insurance Mechanisms for Cross-Border Digital Trade. – London: Lloyd's, 2024. – 167 с.

© Краснова Д.Б., 2026

УДК 332.1

Кураев М.Т.

магистрант 2 курса Финансового университета
при правительстве Российской Федерации,
г. Москва, РФ

Научный руководитель: Рожанская Е.А.,

Доцент, кандидат экономических наук, Финансового
университета при правительстве Российской Федерации
г. Москва, РФ

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АРКТИЧЕСКОГО РЕГИОНА И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Аннотация

Международное экономическое сотрудничество в Арктике приобретает стратегическое значение на фоне растущего интереса к ресурсам региона, развитию новых морских маршрутов и усилению экологических угроз. Арктика обладает значительным потенциалом в сфере добычи углеводородов, минеральных ресурсов и рыболовства, однако распределение этих преимуществ между приарктическими странами остаётся неравномерным, что затрудняет эффективное взаимодействие и приводит к возникновению противоречий.

Демографические и социально-экономические преобразования арктических сообществ — миграция, изменение структуры занятости и уровня жизни — напрямую влияют на характер международного сотрудничества. Эти процессы требуют адаптации национальных и межгосударственных стратегий с учётом роста уязвимости региона перед последствиями климатических изменений и промышленного освоения. В условиях потепления климата и активизации хозяйственной деятельности возрастают экологические риски, что усиливает потребность в совместных мерах по обеспечению устойчивого развития и экологической безопасности.

Ключевые слова:

Арктика, экономический потенциал, ресурсы, мировая экономика, демография.

Основные проблемы международного экономического сотрудничества в Арктике в 2024 году складываются из взаимосвязанных вызовов, которые существенно осложняют поиск общих решений и выстраивание стабильных партнерств. Неравномерность распределения экономических выгод, экологические риски, геополитическая конкуренция и несовершенство институциональных механизмов порождают сложный комплекс факторов, приводящий к многополярности и фрагментарности взаимодействия.

Неравенство в распределении доходов усиливает социально-экономические разрывы между арктическими странами и внутри региональных сообществ, что снижает мотивацию к взаимовыгодному сотрудничеству и препятствует разработке единых стандартов и правил. Возрастающее давление на хрупкие арктические экосистемы при одновременном ограниченном международном контроле создает дополнительный источник конфликтов и требует пересмотра комплексных подходов к охране окружающей среды, включающих новые формы совместного мониторинга и ответственности.

Геополитическая напряженность, связанная с перераспределением влияния между ключевыми акторами, такими как Россия, Китай и Западные страны, обостряет конкуренцию за контроль над морскими путями и природными ресурсами. Это осложняет функционирование существующих институтов и снижает эффективность традиционных форматов диалога, что отражается и на экономической сфере, где частые политические трения ставят под сомнение устойчивость совместных проектов и долгосрочных инвестиций.

Институциональные механизмы, несмотря на наличие Арктического совета и других платформ, демонстрируют недостаточную адаптивность к изменяющейся международной обстановке. Фрагментарность мандатов, ограниченность юридических норм и пробелы в координации препятствуют созданию единой системы управления, способной оперативно реагировать на возникающие вызовы и обеспечивать баланс интересов разных сторон.

Комплексность перечисленных проблем указывает на необходимость проведения всесторонних междисциплинарных исследований, направленных не только на углубленное понимание характеристик каждой из проблем, но и на разработку интегрированных моделей сотрудничества. Особое внимание стоит уделить формированию адаптивных институциональных форматов, способных превышать рамки традиционной двусторонней дипломатии и включать механизмы разрешения конфликтов, совместного управления ресурсами и экологического мониторинга.

Вызовы 2024 года требуют объединения усилий всех заинтересованных сторон — государств, международных организаций, научного сообщества и негосударственных акторов. Только комплексный и скоординированный подход позволит не просто преодолеть существующие барьеры, но и создать предпосылки для устойчивого и сбалансированного развития Арктики, обеспечивающего экономическую выгоду и сохранение уникальной природной среды региона в долгосрочной перспективе.

В 2024 году Валовой внутренний продукт Арктического региона составил около 360 миллиардов долларов, что эквивалентно примерно 1,2% от мирового ВВП [3]. Несмотря на относительно небольшую долю в глобальной экономике, Арктика обладает значительным экономическим потенциалом за счёт богатства природных ресурсов, а также развитой инфраструктуры в ряде стран региона.

Распределение экономического вклада по странам весьма неравномерно. Россия и Финляндия обеспечивают по 10% от общего ВВП Арктики, что отражает ключевую роль этих стран в региональной экономике. Норвегия занимает третье место с 6%, Швеция – 5%, затем следует Датское королевство с 2%. США и Канада вместе дают менее одного процента, что указывает на более ограниченное экономическое влияние в арктическом секторе со стороны Северной Америки [3][26].

Одним из главных драйверов экономики Арктики является добыча углеводородов. Регион обеспечивает до 15% мировой добычи природного газа и около 2% нефти. Значительные запасы нефти и газа в Арктике оцениваются в 3,6 триллионов долларов, что ставит регион в один из важнейших центров мирового ресурсного обеспечения [22]. Россия обладает доминирующей долей арктических запасов – 73% природного газа и 45% нефти, что подчёркивает её стратегическую роль в энергетической безопасности региона. США занимают второе место по запасам – 15% газа и 31% нефти, за ними идут Дания и Канада, обладающие меньшими долями [22].

Развитие логистики и энергетики принадлежит к наиболее динамичным секторам экономики Арктики. Новые морские маршруты, включая Северный морской путь, способствуют активизации грузоперевозок и развитию инфраструктурных проектов. Энергетический сектор привлекает инвестиции как в добычу традиционных ресурсов, так и в возобновляемые источники энергии, что влияет на экономический рост регионов [3][26].

В то же время в России наблюдается замедление прироста валового регионального продукта на душу населения в арктических субъектах, что связано с внешними экономическими шоками и региональной дифференциацией. Это отражает неоднородность развития различных частей Арктики и необходимость адресных программ поддержания экономического потенциала [9]. В ответ на вызовы государственные программы, включая стратегию развития Арктики до 2035 года, направлены на стимулирование устойчивого роста, повышение технологического уровня и социальное обеспечение населения региона.

Экономика Арктики тесно связана с жизнью её населения. Развитие добывающих и транспортных отраслей создаёт рабочие места и необходимую инфраструктуру, влияя на уровень занятости и доходы

жителей региона. Однако экономический рост сопровождается вызовами: необходимость баланса между эффективным использованием ресурсов и сохранением культурных и экологических ценностей арктических общин [9]. Способность экономического потенциала региона трансформироваться в устойчивое развитие населения становится ключевой задачей международного сотрудничества.

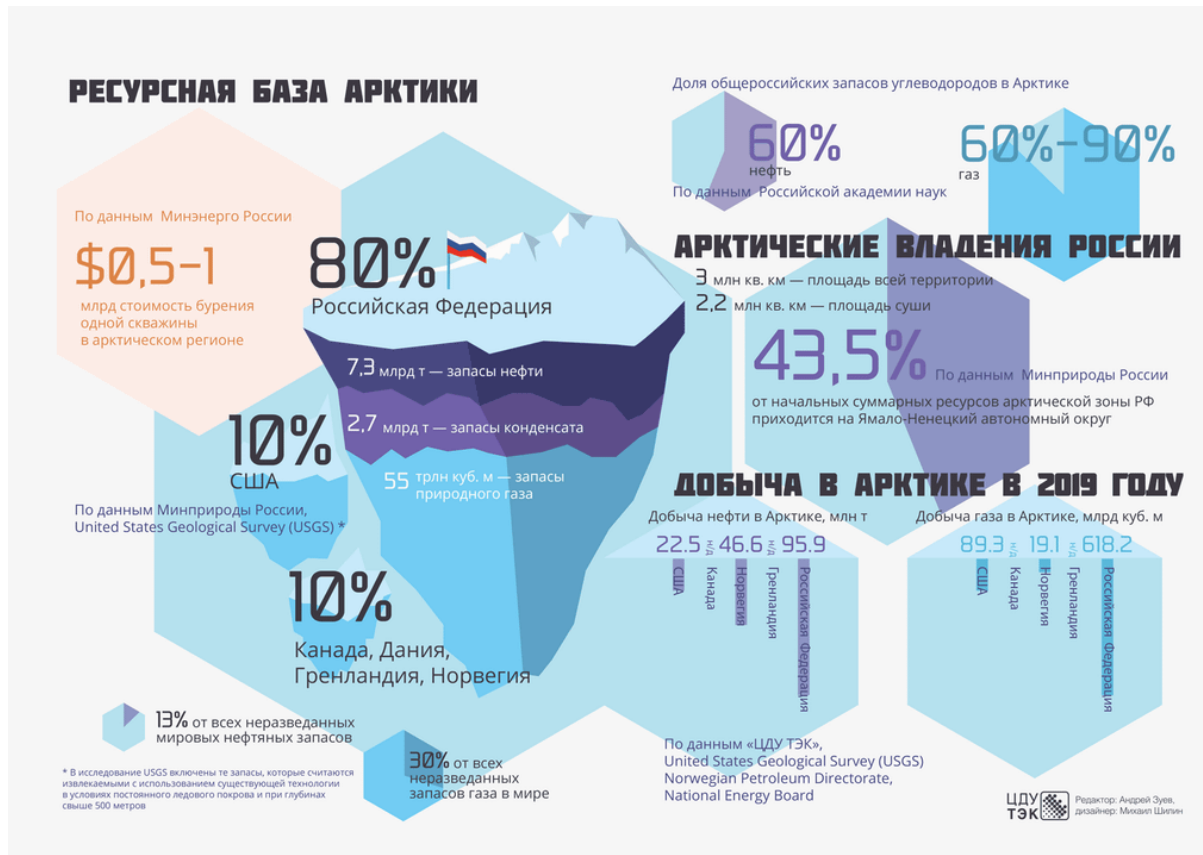

Рисунок 1 — Ресурсная база Арктики и распределение экономического потенциала региона
Источник: «ЦДУ ТЭК», USGS, Norwegian Petroleum Directorate

В 2024 году Арктический регион, в частности арктическая зона России, продемонстрировал рост численности населения на 1%, достигнув примерно 2,4 миллиона человек. Этот показатель заметно контрастирует с общей демографической ситуацией в России, где сохраняется устойчивый спад населения из-за естественной убыли, приблизившейся в 2024 году к 600 тысячам человек [10][11]. Отмечается, что тенденция роста в Арктике во многом связана с развитием Северного морского пути, который сокращает морской маршрут между Европой и Азией почти на 40%, повышая тем самым привлекательность региона как международного транспортного коридора. Это способствует притоку рабочей силы и стимулирует миграционные процессы внутри и за пределами региона.

Наряду с общим приростом населения, в Арктике наблюдаются изменения в численности коренных малочисленных народов Севера (КМНС), что оказывает значительное влияние на социально-культурный ландшафт региона. Эти общины испытывают специфические социально-экономические трудности, включая ограниченный доступ к качественным услугам здравоохранения и образования, а также сложности адаптации к меняющимся экономическим условиям и климатическим изменениям [4]. Демографическая динамика КМНС тесно связана с процессами урбанизации и миграцией в более крупные арктические центры, что частично приводит к снижению численности в традиционных местах проживания.

Государственная политика и правовое регулирование играют важную роль в формировании институционального фундамента, обеспечивающего устойчивость и адаптацию населения Арктики.

Региональные программы ориентированы на повышение резильентности местных сообществ, то есть способности адаптироваться к экономическим, социальным и экологическим изменениям без потери качества жизни. Такие меры включают поддержку инфраструктуры, развитие социальных гарантий и создание условий для сохранения культурной самобытности коренных народов [12].

Миграционные процессы в Арктике оказывают двоякое влияние на развитие региона. С одной стороны, приток квалифицированных специалистов и рабочей силы способствует развитию новых проектов и увеличению экономической активности. С другой стороны, отток населения из менее развитых территорий создает демографические пустоты и повышает нагрузку на социальные институты в более густонаселённых регионах Арктики. Эти процессы требуют разработки комплексных стратегий, направленных на сбалансированное развитие территории и социальную интеграцию мигрантов.

Демографические тенденции в Арктике напрямую влияют на формирование международного экономического сотрудничества. Рост населения и социальная адаптация стимулируют развитие транспортной инфраструктуры, расширяют возможности для установления и поддержания деловых связей между приарктическими странами. Эффективное взаимодействие требует учёта социальных особенностей регионов и обеспечения поддержки уязвимых групп населения, что выступает важным фактором стабильности и доверия между участниками сотрудничества.

Другим важным аспектом является создание условий для сохранения и развития коренных малочисленных народов, чья культура и образ жизни тесно связаны с устойчивым природопользованием. В международном диалоге акцент на их правах и проблемах становится критерием экологической и социальной ответственности, требующей согласованного подхода и учёта многообразия интересов разных сторон [4][12].

В совокупности демографические процессы в Арктике формируют социально-культурную среду, необходимую для устойчивого развития региона и укрепления международных связей. Они создают предпосылки для решения геополитических и экологических вызовов, расширяют возможности для совместных проектов и повышают значимость Арктики в глобальном масштабе. Устойчивое развитие населения и адаптация к переменам оказывают прямое воздействие на международное экономическое сотрудничество, делая демографическую повестку одним из центральных элементов стратегии региона [10][17].

Список использованной литературы:

1. 2024 Department of Defense Arctic Strategy [Электронный ресурс] // [media.defense.gov](https://media.defense.gov/2024/Jul/22/2003507411/-1/-1/0/DOD-ARCTIC-STRATEGY-2024.PDF) - Режим доступа: <https://media.defense.gov/2024/Jul/22/2003507411/-1/-1/0/DOD-ARCTIC-STRATEGY-2024.PDF>, свободный. - Загл. с экрана
2. Arctic Russia - ОДК представила разработки для проектов... [Электронный ресурс] // [arctic-russia.ru](https://arctic-russia.ru/news/odk-predstavila-razrabotki-dlya-proektov-osvoeniya-arkticheskogo-shelfa-rossii/) - Режим доступа: <https://arctic-russia.ru/news/odk-predstavila-razrabotki-dlya-proektov-osvoeniya-arkticheskogo-shelfa-rossii/>, свободный. - Загл. с экрана
3. Арктика в цифрах: ключевые данные и факты | Росконгресс [Электронный ресурс] // [roscongress.org](https://roscongress.org/materials/arktika-v-tsifrakh/) - Режим доступа: <https://roscongress.org/materials/arktika-v-tsifrakh/>, свободный. - Загл. с экрана
4. Арктика: оценка демографического потенциала в изменившихся... [Электронный ресурс] // [elar.urfu.ru](https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/146201/1/978-5-94646-700-1_2025_029.pdf) - Режим доступа: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/146201/1/978-5-94646-700-1_2025_029.pdf, свободный. - Загл. с экрана
5. Арктическая стратегия - Российская газета [Электронный ресурс] // [rg.ru](https://rg.ru/2024/11/15/arkticheskaja-strategija.html) - Режим доступа: <https://rg.ru/2024/11/15/arkticheskaja-strategija.html>, свободный. - Загл. с экрана
6. Арктический холод: есть ли возможность для сотрудничества... [Электронный ресурс] // [economics.hse.ru](https://economics.hse.ru/ecjourn/news/923964954.html) - Режим доступа: <https://economics.hse.ru/ecjourn/news/923964954.html>, свободный. - Загл. с экрана
7. Карсанова Елена Созрикеевна Геополитическая конкуренция великих держав в Арктике // Управление.

2024. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geopoliticheskaya-konkurenciya-velikih-derzhav-v-arktike> (21.12.2024).
8. Геополитическое соперничество в Арктике: перспективы... [Электронный ресурс] // na-journal.ru - Режим доступа: <https://na-journal.ru/8-2024-politologiya/14744-geopoliticheskoe-sopernichestvo-v-arktike-perspektivy-i-vyzovy-dlya-mejdunarodnogo-sotrudnichestva-v-usloviyah-izmeneniya-klimata>, свободный. - Загл. с экрана
9. ДОКЛАД [Электронный ресурс] // www.aspolrf.ru - Режим доступа: <https://www.aspolrf.ru/upload/2024/doklad-2024/ASPOL-Doklad2024.pdf>, свободный. - Загл. с экрана
10. Демографические и социальные тенденции в российской Арктике [Электронный ресурс] // ier.kolasc.net.ru - Режим доступа: http://ier.kolasc.net.ru/journal/wp-content/uploads/013SiR_4_2024.pdf, свободный. - Загл. с экрана
11. Демографический и социальный ландшафт регионов... [Электронный ресурс] // stratpro.hse.ru - Режим доступа: <https://stratpro.hse.ru/social-policy/news/927512655.html>, свободный. - Загл. с экрана
12. Демографическое развитие арктических регионов [Электронный ресурс] // www.jour.fnisc.ru - Режим доступа: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/population/article/download/9995/9746/>, свободный. - Загл. с экрана
13. Ирина Стрельникова: «Именно Россия в партнерстве с КНР будут...» [Электронный ресурс] // goarctic.ru - Режим доступа: <https://goarctic.ru/opinions/irina-strelnikova-imenno-rossiya-v-partnerstve-s-kr-budut-vliyat-na-format-mezhdunarodnogo-sotrudni/>, свободный. - Загл. с экрана
14. Материалы конференции и выставки OMR 2024 [Электронный ресурс] // omr-russia.ru - Режим доступа: <https://omr-russia.ru/results2024>, свободный. - Загл. с экрана
15. Конышев Валерий Николаевич, Лагутина Мария Львовна, Сергунин Александр Анатольевич МЕЖДУНАРОДНОЕ АРКТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2025. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnoe-arkticheskoe-sotrudnichestvo-v-epohu-globalnoy-nestabilnosti-problemy-i-perspektivy> (21.01.2026).
16. Международное сотрудничество России в Арктике в условиях... [Электронный ресурс] // www.instituteofeurope.ru - Режим доступа: <https://www.instituteofeurope.ru/publications/monografii/item/12122023>, свободный. - Загл. с экрана
17. Научная статья: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ... [Электронный ресурс] // scinetwork.ru - Режим доступа: <https://scinetwork.ru/articles/13112>, свободный. - Загл. с экрана
18. Началась работа конкурсной комиссии и экспертная оценка работ... [Электронный ресурс] // oceanos.ru - Режим доступа: <https://oceanos.ru/news/613>, свободный. - Загл. с экрана
19. ОСК представила проект подводного автономного... | PRO-ARCTIC [Электронный ресурс] // pro-arctic.ru - Режим доступа: <https://pro-arctic.ru/15/10/2024/news/47949>, свободный. - Загл. с экрана
20. Проблемы международного сотрудничества в Арктике на... [Электронный ресурс] // russian-arctic.info - Режим доступа: <https://russian-arctic.info/info/articles/zametki-iz-arktiki/problemy-mezhdunarodnogo-sotrudnichestva-v-arktike-na-sovremennom-etape/>, свободный. - Загл. с экрана
21. РАБОЧАЯ [Электронный ресурс] // russiancouncil.ru - Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/papers/RIAC-Arctic-Paper90.pdf>, свободный. - Загл. с экрана
22. Развитие [Электронный ресурс] // vostokgosplan.ru - Режим доступа: https://vostokgosplan.ru/wp-content/uploads/fin-digest_arctic_2025-korija.pdf, свободный. - Загл. с экрана
23. Риски освоения природных ресурсов российской Арктики... [Электронный ресурс] // magazine.neftegaz.ru - Режим доступа: <https://magazine.neftegaz.ru/articles/arktika/842655-riski-osvoeniya-prirodnikh-resursov-rossiyskoj-arktiki/>, свободный. - Загл. с экрана
24. Российская Арктика в международной экономической... [Электронный ресурс] // www.arcainnov.ru -

- Режим доступа: <https://www.arcainnov.ru/jour/article/view/40>, свободный. - Загл. с экрана
25. Системные и современные проблемы [Электронный ресурс] // rio.ksc.ru - Режим доступа: https://rio.ksc.ru/data/documents/1_Skufina2024-all.pdf, свободный. - Загл. с экрана
26. Современные вызовы и новые подходы к правовому... [Электронный ресурс] // research-journal.org - Режим доступа: <https://research-journal.org/archive/7-157-2025-july/10.60797/IRJ.2025.157.34>, свободный. - Загл. с экрана
27. Щербаков К.А. СОВРЕМЕННЫЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИИ: ВЫЗОВЫ ОСВОЕНИЯ И УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ // Вестник науки. 2025. №8 (89). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-geograficheskie-i-ekologicheskie-problemy-arkticheskoy-zony-rossii-vyzovy-osvoeniya-i-ustoychivogo-razvitiya> (27.09.2025).
28. Сотрудничество России и Китая в Арктике в энергетической сфере [Электронный ресурс] // arcticandnorth.ru - Режим доступа: https://arcticandnorth.ru/upload/iblock/393/54-_22_37.pdf, свободный. - Загл. с экрана
29. Стратегическое планирование в арктике: освоение севера как... [Электронный ресурс] // arctic2035.ru - Режим доступа: <https://arctic2035.ru/n21-p8>, свободный. - Загл. с экрана
30. Экологические проблемы Арктической зоны России на примере... [Электронный ресурс] // arctica-ac.ru - Режим доступа: <http://arctica-ac.ru/article/704/>, свободный. - Загл. с экрана

© Кураев М.Т., 2026

УДК 332.1

Кураев М.Т.

магистрант 2 курса Финансовый университет
при правительстве Российской Федерации,
г. Москва, РФ

Научный руководитель: Рожанская Е.А.,

Доцент, кандидат экономических наук, Финансовый университет
при правительстве Российской Федерации
г. Москва, РФ

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ, СТРАТЕГИЧЕСКАЯ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ОБСТАНОВКА В АРКТИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ

Аннотация

Геополитическая ситуация в Арктике осложняется пересечением интересов не только арктических, но и неарктических держав, усиливающих конкуренцию за ресурсы и влияние. Споры вокруг прав на континентальный шельф, управление морскими путями и освоение новых территорий требуют выработки современных международно-правовых механизмов регулирования и согласования интересов государств. В этом контексте особую роль играет стратегическое планирование, ориентированное на баланс экономических, социальных и экологических параметров развития региона.

Значительная часть международного взаимодействия сосредоточена на проектах по освоению минеральных ресурсов континентального шельфа. Их реализация связана с техническими и правовыми сложностями, необходимостью согласования вопросов распределения прибыли и минимизации ущерба окружающей среде. Одним из главных направлений сотрудничества становится разработка

инновационных решений для защиты арктических экосистем и повышения экологической ответственности компаний и государств.

Формирование устойчивой архитектуры взаимодействия невозможно без институциональной поддержки. Ключевую роль в этом процессе играют такие структуры, как Арктический совет и его рабочие группы, обеспечивающие диалог между государственными и негосударственными участниками. Их деятельность направлена на укрепление правовых основ сотрудничества, снижение международной напряжённости и продвижение совместных проектов в сфере экономики, науки и экологии.

Ключевые слова:

Арктика, экономический потенциал, ресурсы, мировая экономика, демографии.

В 2026 году Арктика остаётся ареной обостряющегося геополитического соперничества, в котором ключевую роль играют Россия, Китай и США. Увеличение геостратегической важности региона связано с изменениями климатических условий и таянием ледового покрова, что предоставляет доступ к новым морским путям и ресурсам. Эта динамика стимулирует усиление военного присутствия и политической активности великих держав, на фоне чего классические формы международного сотрудничества сдвигаются в сторону политики безопасности и сдерживания [7].

Россия сохраняет доминирующее положение в Арктике за счёт активного развития Северного морского пути (СМП), модернизации военной инфраструктуры и расширения транспортно-коммуникационных проектов. В стратегии Москвы подчёркивается необходимость сохранения суверенитета и контроля над арктическими ресурсами, что реализуется через создание военных баз и развитие ледокольного флота. Одновременно российская политика предусматривает кооперацию с Китаем, который рассматривает Арктику как часть своего долгосрочного развития инициативы «Полярный шелковый путь» для укрепления экономического влияния в Евразии [8][24].

Китай усиливает своё присутствие в регионе через инвестиции в горнодобывающую промышленность Гренландии, инфраструктурные проекты и сотрудничество с финскими спутниковыми центрами, расширяя тем самым свои стратегические возможности. Несмотря на то, что военное присутствие Китая пока ограничено, оно демонстрирует тенденцию роста совместно с российскими военными мероприятиями, включая совместные учения и строительство ледоколов. Западные аналитики выражают озабоченность возможностью роста китайской военно-технической мощи в регионе, что меняет баланс сил в Арктике [8][7].

Администрации США продолжают поддерживать Арктику через укрепление военных объектов и инвестиции в технологии, направленные на мониторинг и контроль. В этой среде растёт конкуренция за контроль над новыми морскими маршрутами и ресурсами, что увеличивает риск инцидентов и политической напряжённости. При этом международные организации, включая Арктический совет, испытывают давление из-за ухудшения атмосферы сотрудничества: традиционные принципы партнерства и диалога подвержены трансформации или даже ослаблению под влиянием геополитических факторов [7][16].

Помимо приарктических держав в регион всё активнее вовлекаются внешние участники из Европы, Азия и других частей мира, что отражает их заинтересованность в экономическом и стратегическом потенциале Арктики. Германия и ряд европейских стран обновляют арктические политики, стремясь адаптироваться к новым условиям и заявить о своём статусе в формировании международной повестки, при этом учитывая обострение конкуренции между глобальными игроками [7].

Экономические проекты в Арктике, включая разработку природных ресурсов и инфраструктурные инициативы, всё чаще приобретают не только хозяйственный, но и геополитический характер. Инвестиционные программы России и Китая направлены не просто на экономическую выгоду, но и на усиление стратегического влияния в регионе, что вызывает беспокойство других стран и осложняет

формирование единой региональной политики. В результате усиливается процесс секьюритизации Арктики — расширение военных и политических мер, направленных на защиту национальных интересов в условиях обостряющейся конкуренции [24][7].

Несмотря на усиление напряжённости, международное сотрудничество не исчезает полностью, однако оно становится более фрагментированным и функционально ограниченным. Отмечается необходимость поиска новых форматов взаимодействия и инструментов урегулирования конфликтов, которые позволят сохранять стабильность и минимизировать риски эскалации. В связи с этим особое значение приобретает стратегическое планирование, направленное на согласование национальных интересов и выработку долгосрочных решений, способных обеспечить устойчивое развитие региона и снизить геополитическую напряжённость [21][16].

Без решения вопросов обеспечения региональной безопасности и переработки систем международного взаимодействия, экономическое сотрудничество в Арктике останется уязвимым. Анализ современных вызовов и тенденций подготовит базу для разработки эффективных стратегий, учитывающих сложность геополитических изменений и необходимость балансирования интересов различных акторов в Арктическом регионе.

Стратегическое планирование арктических государств играет ключевую роль в адаптации региона к сложным социально-экономическим и природным изменениям. В условиях ускоренного климатического потепления, роста транзитных потоков и изменяющейся международной обстановки именно государственные стратегии формируют рамки для комплексного и системного подхода к развитию Арктики. Эти документы направляют усилия по освоению ресурсов, развитию инфраструктуры, а также улучшению качества жизни населения, что снижает риски возникновения дисбалансов и конфликтов в регионе.

В России стратегическое планирование осуществляется на основе таких ключевых документов, как «Основы государственной политики в Арктике до 2035 года» и «Стратегия развития Арктической зоны до 2035 года». Основным механизмом реализации служат Единый план мероприятий и государственная программа по развитию Арктики, нацеленные на интеграцию национальных целей развития с региональными проектами. Особое значение уделяется развитию Северного морского пути, где в 2024 году грузопоток достиг рекордных 37,6 млн тонн, что является результатом целенаправленной политики совершенствования транспортной инфраструктуры и повышения конкурентоспособности маршрута [29][5]. Важной частью стратегии является наделение мастер-планов развития опорных городов Арктики приоритетным статусом в национальных проектах, что должно обеспечивать комплексное социально-экономическое развитие региональных центров [5].

Для России стратегическое планирование также служит инструментом адаптации к возросшей неопределённости в международной обстановке. Прогнозируется корректировка Арктической стратегии в период конца 2024 – начала 2025 годов, что позволит учесть новые вызовы и расширить комплекс подходов к устойчивому развитию региона на уровне государства [29]. Такая системность и межведомственное согласование документов повышают эффективность реализаций национальных проектов, способствуя достижению главной цели — баланса между экономической активностью и экологической устойчивостью.

В Соединённых Штатах Америки в 2024 году была принята обновлённая Арктическая стратегия Министерства обороны, акцентирующая внимание на сохранении стабильности региона и защите национальных интересов в условиях растущей геополитической напряжённости. Стратегия особо выделяет необходимость укрепления оборонного потенциала и синхронизации усилий с союзниками по НАТО, направленных на противодействие усиливающемуся сотрудничеству России и Китая в Арктике. Важной частью стратегии является координация действий различных федеральных ведомств и периодическое обновление планов, что обеспечивает гибкость и адаптивность государственной политики

в быстро меняющихся условиях [1].

Для России стратегическое планирование также служит инструментом адаптации к возросшей неопределённости в международной обстановке. Прогнозируется корректировка Арктической стратегии в период конца 2024 – начала 2025 годов, что позволит учесть новые вызовы и расширить комплекс подходов к устойчивому развитию региона на уровне государства [29]. Такая системность и межведомственное согласование документов повышают эффективность реализаций национальных проектов, способствуя достижению главной цели — баланса между экономической активностью и экологической устойчивостью.

Таким образом, стратегическое планирование выступает механизмом операционализации сложной и многогранной повестки Арктики на уровне национальной политики. Эти планы систематизируют государственные приоритеты, ресурсы и инструменты для реализации долгосрочных целей, одновременно учитывая динамику внутренней и международной среды. Согласованность и синхронизация стратегий арктических государств важны не только для внутреннего развития, но и для создания предпосылок эффективного международного сотрудничества.

Такой подход особенно актуален при рассмотрении проектов разработки природных ресурсов и инфраструктурных инициатив, где перекрываются интересы разных стран. Комплексное стратегическое планирование позволяет выстраивать совместные рамки регулирования, минимизировать риски конфликтов и обеспечивать устойчивость социальных и экологических систем региона. В дальнейшем анализ проектов освоения ресурсов и международных инициатив будет базироваться на понимании значимости гармонизации национальных стратегий для обеспечения стабильного и безопасного развития Арктики в глобальном контексте [1][29][5].

Международные проекты по разработке месторождений полезных ископаемых на континентальном шельфе Арктики характеризуются высоким уровнем технической сложности и требуют координации между различными государствами и научными центрами. В 2024 году ключевым направлением стал запуск инновационных решений для энергообеспечения и транспортировки добываемых ресурсов в экстремальных условиях региона. Например, Объединённая двигателестроительная корпорация (ОДК), действующая в составе Ростеха, разработала газотурбинное оборудование, адаптированное к морским условиям Арктики, включая первые отечественные морские энергетические агрегаты ГТА-8 мощностью 8 МВт для ледостойкой платформы «Каменномысское море» [2]. Эти технологические новшества позволяют повысить энергетическую автономию и эффективность добывающих проектов, что существенно снижает операционные риски.

На международном уровне важную роль выполняет форум OMR 2024, прошедший в Санкт-Петербурге, где обсуждались вопросы стратегического развития нефтегазовой отрасли, судостроения и технологий освоения континентального шельфа. Выставленные на форуме разработки, включая новые ледоколы и танкеры ледового класса для проектов «Восток Ойл» и «Арктик СПГ 2», способствуют формированию современной судоходной инфраструктуры для перевозки сырья и обеспечивают надёжность транспортных связей в условиях сурового климата [14][9]. Реализация таких проектов требует согласования технических стандартов и логистических цепочек, что возможно лишь через международное взаимодействие.

Особое внимание уделяется внедрению робототехнических систем. Проект подводного автономного робототехнического комплекса, представленный Объединённой судостроительной корпорацией (ОСК), демонстрирует развитие высокотехнологичных методов добычи, обеспечивающих безопасность и минимизацию воздействия на окружающую среду [19]. Такие инновации не только повышают эффективность добычи, но и стимулируют обмен опытом и сотрудничество в научно-технической сфере между странами, заинтересованными в развитии арктических ресурсов.

Проведение международного конкурса научных и инновационных разработок по освоению Арктики

и шельфа в начале 2024 года подчёркивает необходимость объединения усилий ведущих ученых и государственных структур для решения комплексных задач региона. Это способствует формированию стратегического запаса ресурсов и обеспечению безопасности в добыче, а также позволяет согласовать стандарты и практики, учитывающие экологические и экономические интересы всех участников [18].

Важнейшим элементом успешной реализации проектов является координация между государствами для решения вопросов правового регулирования, распределения квот и управления экологическими рисками. Континентальный шельф представляет собой международное пространство, где зоны влияния различных стран пересекаются, что требует постоянного диалога и выработки компромиссных решений. Налаживание таких механизмов способствует снижению напряжённости и поддержанию баланса интересов, обеспечивая стабильность регионального развития.

Связь между международными проектами разработки месторождений и укреплением сотрудничества проявляется в создании совместных платформ для обмена технологиями, информацией и опытом. Совместные научные инициативы и технические консорциумы формируют основу для интеграции национальных стратегий, что расширяет возможности освоения ресурсов и минимизирует экологические риски. Такая системность становится одним из факторов формирования доверия между государствами и повышения инвестиционной привлекательности Арктического региона.

Таким образом, развитие международных проектов в добыче полезных ископаемых на континентальном шельфе Арктики требует сочетания технологического прогресса с эффективным межгосударственным сотрудничеством. Только при условии комплексного подхода, учитывающего интересы всех сторон, реализация проектов способна способствовать устойчивому развитию региона, сохранению экологии и укреплению экономических и политических связей между арктическими державами [2][14][18][19].

Список использованной литературы:

1. 2024 Department of Defense Arctic Strategy [Электронный ресурс] // media.defense.gov - Режим доступа: <https://media.defense.gov/2024/Jul/22/2003507411/-1/-1/0/DOD-ARCTIC-STRATEGY-2024.PDF>, свободный. - Загл. с экрана
2. Arctic Russia - ОДК представила разработки для проектов... [Электронный ресурс] // arctic-russia.ru - Режим доступа: <https://arctic-russia.ru/news/odk-predstavila-razrabotki-dlya-proektov-osvoeniya-arkticheskogo-shelfa-rossii/>, свободный. - Загл. с экрана
3. Арктика в цифрах: ключевые данные и факты | Росконгресс [Электронный ресурс] // roscongress.org - Режим доступа: <https://roscongress.org/materials/arktika-v-tsifrakh/>, свободный. - Загл. с экрана
4. Арктика: оценка демографического потенциала в изменившихся... [Электронный ресурс] // elar.urfu.ru - Режим доступа: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/146201/1/978-5-94646-700-1_2025_029.pdf, свободный. - Загл. с экрана
5. Арктическая стратегия - Российская газета [Электронный ресурс] // rg.ru - Режим доступа: <https://rg.ru/2024/11/15/arkticheskaja-strategija.html>, свободный. - Загл. с экрана
6. Арктический холод: есть ли возможность для сотрудничества... [Электронный ресурс] // economics.hse.ru - Режим доступа: <https://economics.hse.ru/ecjourn/news/923964954.html>, свободный. - Загл. с экрана
7. Карсанова Елена Созрикеевна Геополитическая конкуренция великих держав в Арктике // Управление. 2024. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geopoliticheskaya-konkurentsiya-velikih-derzhav-v-arktike> (21.12.2024).
8. Геополитическое соперничество в Арктике: перспективы... [Электронный ресурс] // na-journal.ru - Режим доступа: <https://na-journal.ru/8-2024-politologiya/14744-geopoliticheskoe-sopernichestvo-v-arktike-perspektivy-i-vyzovy-dlya-mejdunarodnogo-sotrudnichestva-v-usloviyah-izmeneniya-klimata>, свободный. - Загл. с экрана

9. ДОКЛАД [Электронный ресурс] // www.aspolrf.ru - Режим доступа: <https://www.aspolrf.ru/upload/2024/doklad-2024/ASPOL-Doklad2024.pdf>, свободный. - Загл. с экрана
10. Демографические и социальные тенденции в российской арктике [Электронный ресурс] // ier.kolasc.net.ru - Режим доступа: http://ier.kolasc.net.ru/journal/wp-content/uploads/013SiR_4_2024.pdf, свободный. - Загл. с экрана
11. Демографический и социальный ландшафт регионов... [Электронный ресурс] // stratpro.hse.ru - Режим доступа: <https://stratpro.hse.ru/social-policy/news/927512655.html>, свободный. - Загл. с экрана
12. Демографическое развитие арктических регионов [Электронный ресурс] // www.jour.fnisc.ru - Режим доступа: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/population/article/download/9995/9746/>, свободный. - Загл. с экрана
13. Ирина Стрельникова: «Именно Россия в партнерстве с КНР будут...» [Электронный ресурс] // goarctic.ru - Режим доступа: <https://goarctic.ru/opinions/irina-strelnikova-imenno-rossiya-v-partnerstve-s-knr-budut-vliyat-na-format-mezhdunarodnogo-sotrudni/>, свободный. - Загл. с экрана
14. Материалы конференции и выставки OMR 2024 [Электронный ресурс] // omr-russia.ru - Режим доступа: <https://omr-russia.ru/results2024>, свободный. - Загл. с экрана
15. Конышев Валерий Николаевич, Лагутина Мария Львовна, Сергунин Александр Анатольевич МЕЖДУНАРОДНОЕ АРКТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2025. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnoe-arkticheskoe-sotrudnichestvo-v-epohu-globalnoy-nestabilnosti-problemy-i-perspektivy> (21.01.2026).
16. Международное сотрудничество России в Арктике в условиях... [Электронный ресурс] // www.instituteofeurope.ru - Режим доступа: <https://www.instituteofeurope.ru/publications/monografii/item/12122023>, свободный. - Загл. с экрана
17. Научная статья: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ... [Электронный ресурс] // scinetwork.ru - Режим доступа: <https://scinetwork.ru/articles/13112>, свободный. - Загл. с экрана
18. Началась работа конкурсной комиссии и экспертная оценка работ... [Электронный ресурс] // oceanos.ru - Режим доступа: <https://oceanos.ru/news/613>, свободный. - Загл. с экрана
19. ОСК представила проект подводного автономного... | PRO-ARCTIC [Электронный ресурс] // pro-arctic.ru - Режим доступа: <https://pro-arctic.ru/15/10/2024/news/47949>, свободный. - Загл. с экрана
20. Проблемы международного сотрудничества в Арктике на... [Электронный ресурс] // russian-arctic.info - Режим доступа: <https://russian-arctic.info/info/articles/zametki-iz-arktiki/problemy-mezhdunarodnogo-sotrudnichestva-v-arktike-na-sovremennom-etape/>, свободный. - Загл. с экрана
21. РАБОЧАЯ [Электронный ресурс] // russiancouncil.ru - Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/papers/RIAC-Arctic-Paper90.pdf>, свободный. - Загл. с экрана
22. Развитие [Электронный ресурс] // vostokgosplan.ru - Режим доступа: https://vostokgosplan.ru/wp-content/uploads/fin-digest_arctic_2025-korija.pdf, свободный. - Загл. с экрана
23. Риски освоения природных ресурсов российской Арктики... [Электронный ресурс] // magazine.neftegaz.ru - Режим доступа: <https://magazine.neftegaz.ru/articles/arktika/842655-riski-osvoeniya-prirodnikh-resursov-rossiyskoj-arktiki/>, свободный. - Загл. с экрана
24. Российская Арктика в международной экономической... [Электронный ресурс] // www.arcainnov.ru - Режим доступа: <https://www.arcainnov.ru/jour/article/view/40>, свободный. - Загл. с экрана
25. Системные и современные проблемы [Электронный ресурс] // rio.ksc.ru - Режим доступа: https://rio.ksc.ru/data/documents/1_Skufina2024-all.pdf, свободный. - Загл. с экрана
26. Современные вызовы и новые подходы к правовому... [Электронный ресурс] // research-journal.org - Режим доступа: <https://research-journal.org/archive/7-157-2025-july/10.60797/IRJ.2025.157.34>, свободный. - Загл. с экрана

27. Щербаков К.А. СОВРЕМЕННЫЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИИ: ВЫЗОВЫ ОСВОЕНИЯ И УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ // Вестник науки. 2025. №8 (89). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-geograficheskie-i-ekologicheskie-problemy-arkticheskoy-zony-rossii-vyzovy-osvoeniya-i-ustoychivogo-razvitiya> (27.09.2025).
28. Сотрудничество России и Китая в Арктике в энергетической сфере [Электронный ресурс] // arcticandnorth.ru - Режим доступа: https://arcticandnorth.ru/upload/iblock/393/54-_22_37.pdf, свободный. - Загл. с экрана
29. Стратегическое планирование в Арктике: освоение севера как... [Электронный ресурс] // arctic2035.ru - Режим доступа: <https://arctic2035.ru/n21-p8>, свободный. - Загл. с экрана
30. Экологические проблемы Арктической зоны России на примере... [Электронный ресурс] // arctica-ac.ru - Режим доступа: <http://arctica-ac.ru/article/704/>, свободный. - Загл. с экрана

© Кураев М.Т., 2026

УДК 339.56

Морозов К.Д.

студент Финансового университета при Правительстве РФ
г. Москва, РФ

ТОРГОВЫЕ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ: ИНСТРУМЕНТЫ, ТРАНСФОРМАЦИЯ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ

Аннотация

В статье рассматривается феномен торговых войн в условиях трансформации мировой экономики. Проанализирована эволюция торговых конфликтов, современные подходы к их определению и классификации. Особое внимание уделено инструментам торговых войн, включая тарифные, нетарифные, санкционные и технологические меры. Исследована роль международных организаций в регулировании торговых конфликтов и выявлены институциональные ограничения многосторонней торговой системы. Показано, что современные торговые войны трансформировались в комплексный геоэкономический механизм, эффективность которого ограничена ослаблением международного торгового регулирования.

Ключевые слова:

торговые войны; мировая экономика; протекционизм; геоэкономика; международная торговля; международные экономические организации.

В последние годы торговые войны вновь заняли центральное место в системе мировой экономики, превратившись в один из ключевых факторов трансформации международных экономических отношений. Усиление протекционистских тенденций, обострение конкуренции между крупнейшими экономиками мира, а также рост геоэкономической напряженности способствуют активному использованию торгово-политических мер в качестве инструмента экономического давления. Современные торговые войны выходят за рамки традиционных торговых споров и оказывают комплексное воздействие на мировую торговлю, производство, финансовые рынки и социально-экономическое развитие государств.

Как отмечается в ряде исследований, торговые войны не являются принципиально новым явлением в истории мировой экономики. Они сопровождали развитие международной торговли на протяжении

различных исторических этапов, однако в условиях глобализации их масштаб и последствия существенно возросли. Высокая степень взаимозависимости национальных экономик, развитие глобальных цепочек создания стоимости и углубление международного разделения труда приводят к тому, что торговые конфликты между отдельными странами приобретают глобальный характер и затрагивают широкий круг участников мировой экономики.

Особое внимание в современных исследованиях уделяется трансформации торговых войн на новом этапе глобализации. Отмечается, что в XXI веке торговые войны все чаще используются не только для защиты национального рынка, но и как инструмент достижения стратегических экономических, технологических и политических целей. В этом контексте торговые конфликты между крупнейшими экономиками мира рассматриваются как проявление более широкого геоэкономического противостояния, в рамках которого тарифные меры дополняются нетарифными ограничениями, санкциями и институциональными механизмами давления.

Современные торговые войны оказывают существенное влияние не только на объемы и структуру международной торговли, но и на внутренние экономические процессы. В частности, эмпирические исследования показывают, что введение торговых ограничений приводит к изменениям на рынках труда, перераспределению занятости между секторами и снижению реальных доходов работников в затронутых отраслях. Это свидетельствует о том, что последствия торговых войн выходят за рамки внешнеэкономической сферы и приобретают системный социально-экономический характер.

Дополнительным фактором эскалации торговых конфликтов является ослабление роли международных организаций в регулировании мировой торговли. В условиях кризиса многосторонней торговой системы и снижения эффективности механизмов разрешения споров государства все чаще прибегают к односторонним мерам торгового давления. Это способствует росту неопределенности в мировой экономике и ограничивает возможности институционального сдерживания торговых войн.

В связи с этим особую актуальность приобретает теоретическое осмысление сущности торговых войн, их инструментов и институциональных последствий. Целью настоящей статьи является анализ торговых войн как элемента современной мировой экономики, а также выявление особенностей их инструментального и институционального развития. В рамках исследования выдвигается гипотеза о том, что на современном этапе мировой экономики торговые войны трансформировались из инструмента защиты национального рынка в комплексный геоэкономический механизм, включающий тарифные, нетарифные и институциональные меры, эффективность которого ограничена ослаблением системы международного торгового регулирования.

Понятие и виды торговых войн в мировой экономике

Торговые войны являются одной из форм международных экономических конфликтов, возникающих в процессе развития мировой торговли и отражающих противоречия между национальными экономическими интересами государств. На протяжении истории торговые конфликты сопровождали международные экономические отношения, однако их содержание, масштабы и последствия существенно менялись в зависимости от уровня развития мировой экономики и степени взаимозависимости стран.

Историческая эволюция торговых войн показывает, что на ранних этапах они носили преимущественно локальный характер и затрагивали отдельные рынки или товарные группы. В условиях индустриализации и формирования мирового рынка торговые конфликты стали более системными и приобрели выраженный протекционистский характер. В XXI веке, на фоне углубления глобализации, торговые войны перешли на качественно новый уровень, поскольку торговые ограничения между крупными экономиками оказывают влияние на глобальные цепочки создания стоимости и экономическое развитие третьих стран.

В современных исследованиях торговые войны рассматриваются как осознанная стратегия

государств, направленная не только на защиту внутреннего рынка, но и на достижение долгосрочных экономических и политических целей. Н. В. Найденова подчеркивает, что на новом этапе глобализации торговые войны становятся элементом структурной трансформации мировой экономики, отражая усиление конкуренции между центрами экономической силы. Таким образом, торговые войны выходят за рамки традиционного протекционизма и приобретают признаки геоэкономического противостояния.

В современной научной литературе отсутствует единый подход к классификации торговых войн, что обусловлено многообразием причин, форм и последствий торговых конфликтов. В своем исследовании Ши Чжичао подчеркивает фрагментарность существующих классификаций и обобщает подходы ряда авторов, предлагающих рассматривать торговые войны через призму их причин, целей и характера применяемых мер. В частности, в работах И. Ю. Капелинского торговые войны классифицируются исходя из причин их возникновения, среди которых выделяются политические и технические факторы, включая экологические и регуляторные противоречия².

Значительный вклад в развитие классификаций торговых войн внесли Д. Корстьенс и М. Кортьенс, которые предлагают разграничивать торговые войны по доминирующему мотиву конфликта, выделяя экономические и политические торговые войны³. Экономические торговые войны ориентированы на получение торговых и финансовых выгод, тогда как политические торговые войны используются как инструмент давления для достижения внешнеполитических целей. Данный подход позволяет выявить стратегическую природу торговых войн и их тесную связь с общими задачами государственной политики.

Обобщая существующие классификации, можно сформировать комплексный подход, основанный на совокупности критериев, включающих цели конфликта, состав субъектов, применяемые инструменты и масштабы воздействия¹. В рамках данного подхода выделяются глобальные, интеграционные, оппонентно-интеграционные торговые войны, а также торговые войны с участием транснациональных корпораций. Такая систематизация позволяет рассматривать торговые войны как многоуровневое явление, отражающее трансформацию международных экономических отношений в условиях усиления глобальной конкуренции.

Основные инструменты современных торговых войн

Современные торговые войны характеризуются использованием комплексного набора инструментов экономического давления, включающего тарифные, нетарифные, санкционные, технологические, а также институционально-правовые меры. В отличие от классического протекционизма, данные инструменты применяются не изолированно, а в сочетании, что позволяет государствам оказывать многоуровневое воздействие на торговых партнеров и мировую экономику в целом.

Тарифные и нетарифные меры торгового противостояния

Тарифные меры остаются базовым и наиболее формализованным инструментом торговых войн. Они включают повышение импортных и экспортных пошлин, введение специальных и компенсационных тарифов, а также антидемпинговые меры. Исторический анализ показывает, что тарифы традиционно использовались для защиты национальных производителей, однако в современных условиях они приобретают стратегическое значение и применяются как средство перераспределения глобальных торговых потоков. Angwaomaodoko подчеркивает, что долгосрочные эффекты тарифной политики зачастую носят негативный характер, приводя к снижению эффективности мировой торговли и ухудшению экономических отношений между странами.

Наряду с тарифами в современных торговых войнах активно используются нетарифные меры, включая квоты, технические регламенты, санитарные и фитосанитарные требования, лицензирование и антидемпинговые расследования. Найденова отмечает, что именно нетарифные инструменты становятся ключевым элементом торговых войн на новом этапе глобализации, поскольку позволяют ограничивать доступ иностранных товаров на рынок при формальном соблюдении международных обязательств.

Анализ торгового противостояния между крупнейшими экономиками мира подтверждает, что нетарифные барьеры все чаще используются для давления на стратегически важные отрасли.

Санкции, экспортный контроль и технологические ограничения

Особое место в структуре современных торговых войн занимают санкции и экспортный контроль. В отличие от классических торговых ограничений, санкции направлены не только на экономическое, но и на политическое воздействие, что сближает торговые войны с инструментами внешнеполитического давления⁶. de Souza, Hu, Li и Mei рассматривают торговые санкции как форму институционализированного экономического конфликта, в рамках которого торговые меры используются для принуждения государств к изменению внешнеэкономического и политического поведения.

Современные торговые войны также характеризуются ростом значения технологических ограничений, включая контроль за экспортом высокотехнологичной продукции, программного обеспечения и критически важных компонентов. Auray, Devereux и Eyquem показывают, что такие меры оказывают долгосрочное влияние на структуру мировой экономики, усиливая фрагментацию рынков и снижая эффективность глобального распределения ресурсов⁷. В результате технологический контроль становится стратегическим инструментом торговых войн, направленным на подрыв конкурентных преимуществ соперников.

Институциональные и правовые инструменты давления в торговых конфликтах

Помимо прямых торговых ограничений, государства активно используют институциональные и правовые механизмы давления. К ним относятся инициирование торговых споров, блокирование механизмов разрешения конфликтов, заключение преференциальных торговых соглашений, а также использование международных организаций для легитимации односторонних мер. Hang подчеркивает, что в условиях ослабления многосторонней торговой системы институциональные инструменты все чаще используются выборочно, что снижает эффективность международного регулирования торговли.

Эмпирические исследования показывают, что использование данных инструментов оказывает существенное влияние не только на торговые потоки, но и на внутренние социально-экономические процессы. В частности, Ernst, Merola и Samaan выявляют значительное воздействие торговых войн на рынки труда, выражающееся в перераспределении занятости и снижении реальных доходов работников. Аналогичные выводы делают Andreoni, Persenda и Kozul-Wright, анализируя последствия тарифной политики США для структурных изменений в экономике стран Африки.

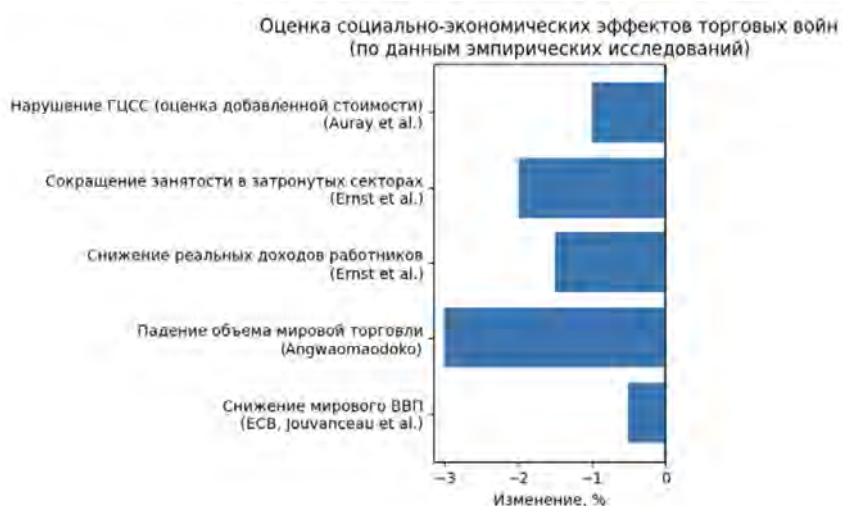

Рисунок 1 – Оценка социально-экономических эффектов торговых войн по данным исследований

Представленный график наглядно отражает совокупное социально-экономическое воздействие современных торговых войн на мировую экономику на основе данных эмпирических исследований. В отличие от традиционного подхода, ограничивающего анализ торговых конфликтов изменением тарифов

и торговых потоков, график демонстрирует многоуровневый характер их последствий. Наиболее значительное негативное воздействие проявляется в сокращении объемов мировой торговли, что подтверждает выводы о высокой чувствительности глобальных торговых потоков к эскалации тарифных и нетарифных ограничений. Одновременно фиксируется снижение мирового ВВП, указывающее на наличие макроэкономических spillover-эффектов, распространяющихся за пределы стран — непосредственных участников торговых конфликтов.

Особое значение имеют данные, отражающие влияние торговых войн на рынки труда и глобальные цепочки создания стоимости. Снижение реальных доходов работников и сокращение занятости в затронутых секторах свидетельствуют о том, что торговые войны оказывают прямое воздействие на внутренние социально-экономические процессы государств, а не ограничиваются внешнеэкономической сферой. Нарушение функционирования глобальных цепочек создания стоимости подтверждает тезис о структурном характере последствий торговых конфликтов в условиях высокой международной взаимозависимости.

Таким образом, совокупность тарифных, нетарифных, санкционных, технологических и институциональных инструментов позволяет рассматривать торговые войны как комплексный геоэкономический механизм. Их применение усиливается на фоне кризиса международной торговой системы и подтверждает выдвинутую гипотезу о трансформации торговых войн из инструмента защиты национального рынка в системный элемент современной мировой экономики.

Роль международных организаций в разрешении торговых конфликтов

Международные организации традиционно играют ключевую роль в формировании правил и механизмов регулирования мировой торговли. Их основная функция заключается в снижении конфликтного потенциала международных экономических отношений, обеспечении предсказуемости торговой политики государств и создании институциональных условий для разрешения торговых споров. Однако в условиях усиления торговых войн эффективность международных торговых институтов все чаще подвергается сомнению.

Центральное место в системе многостороннего регулирования международной торговли занимает Всемирная торговая организация. Формально ВТО обладает инструментами предотвращения и урегулирования торговых конфликтов, включая механизм разрешения споров. Вместе с тем ряд исследований указывает на снижение практической эффективности данных механизмов. Hang отмечает, что в условиях роста односторонних торговых мер государства все чаще обходят процедуры многостороннего согласования, что подрывает институциональные основы мировой торговой системы. Ослабление роли ВТО способствует легитимации торговых войн как допустимого инструмента экономической политики.

Существенным фактором институционального кризиса является политизация торговых споров. de Souza, Hu, Li и Mei подчеркивают, что использование торговых санкций и ограничений в обход многосторонних институтов превращает международное торговое право в инструмент давления, а не сотрудничества. В результате механизмы разрешения торговых конфликтов утрачивают нейтральный характер, а торговые войны приобретают затяжной и трудноразрешимый характер.

Современные торговые войны между крупнейшими экономиками мира демонстрируют ограниченность возможностей международных организаций по сдерживанию эскалации торговых конфликтов. Исследования, посвященные торговым войнам между ведущими экономическими центрами, показывают, что даже при наличии институциональных рамок государства предпочитают использовать односторонние тарифные и нетарифные меры, игнорируя решения международных органов. Это усиливает фрагментацию мировой торговой системы и снижает доверие к международным правилам.

В условиях ослабления многостороннего регулирования возрастает значение альтернативных

институциональных механизмов, включая региональные и двусторонние торговые соглашения. Однако, как показывают исследования, данные формы регулирования не способны в полной мере компенсировать кризис глобальных торговых институтов и зачастую способствуют дальнейшей сегментации мировой экономики. Таким образом, международные организации в настоящее время оказываются ограничены в своей способности эффективно предотвращать и разрешать торговые войны.

В целом анализ роли международных организаций подтверждает гипотезу исследования о том, что современные торговые войны развиваются в условиях ослабления системы международного торгового регулирования, что снижает эффективность институциональных механизмов сдерживания и способствует трансформации торговых войн в устойчивый элемент мировой экономики.

Основные выводы по результатам исследования

Проведённое исследование позволило комплексно проанализировать феномен торговых войн в условиях современной мировой экономики и выявить ключевые тенденции их трансформации. Анализ теоретических подходов и эмпирических исследований показал, что торговые войны на современном этапе перестали быть исключительно реакцией государств на внешнеторговые дисбалансы или угрозы национальному производству. В условиях углубления глобализации и усиления международной экономической конкуренции они приобрели системный и многоуровневый характер, выходящий за рамки классического протекционизма.

В ходе исследования было установлено, что современные торговые войны характеризуются расширением набора используемых инструментов. Наряду с традиционными тарифными мерами всё более значимую роль играют нетарифные ограничения, санкции, экспортный контроль, технологические и институционально-правовые механизмы давления. Данные инструменты применяются не изолированно, а в совокупности, что позволяет рассматривать торговые войны как комплексный геоэкономический механизм, направленный на перераспределение конкурентных преимуществ в мировой экономике и достижение долгосрочных стратегических целей.

Особое внимание в работе было уделено анализу последствий торговых войн. Результаты исследований, рассмотренных в рамках статьи, свидетельствуют о том, что торговые конфликты оказывают влияние не только на объёмы и структуру международной торговли, но и на внутренние социально-экономические процессы государств. В частности, торговые ограничения способствуют нарушению глобальных цепочек создания стоимости, перераспределению занятости между секторами экономики и снижению реальных доходов работников в затронутых отраслях. Таким образом, последствия торговых войн носят системный характер и выходят за пределы внешнеэкономической сферы.

Отдельным выводом исследования стало выявление институционального контекста развития современных торговых войн. Анализ роли международных организаций, прежде всего Всемирной торговой организации, показал ограниченность их возможностей по предотвращению и разрешению торговых конфликтов в условиях политизации международных экономических отношений. Ослабление механизмов многостороннего регулирования и снижение эффективности системы разрешения споров способствуют легитимации односторонних торговых мер и усиливают тенденцию к фрагментации мировой торговой системы.

В совокупности полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что торговые войны в XXI веке стали устойчивым элементом мировой экономики, отражающим структурные изменения в системе международных экономических отношений и перераспределение глобальной экономической силы.

Результаты проведённого исследования подтверждают выдвинутую гипотезу о том, что на современном этапе мировой экономики торговые войны трансформировались из инструмента защиты национального рынка в комплексный геоэкономический механизм, включающий тарифные, нетарифные, санкционные, технологические и институциональные меры, эффективность которого ограничена

ослаблением системы международного торгового регулирования.

Анализ эволюции торговых войн показал, что их цели в значительной степени сместились от краткосрочной защиты отдельных отраслей к достижению стратегических экономических и политических преимуществ. Использование экспортного контроля, технологических ограничений и санкционных механизмов свидетельствует о том, что торговые войны становятся частью более широкого геэкономического противостояния между крупнейшими центрами мировой экономики.

Одновременно было установлено, что эффективность данных инструментов существенно снижается в условиях кризиса многосторонней торговой системы. Ослабление роли международных организаций, рост односторонних мер и политизация торговых споров ограничивают возможности институционального сдерживания торговых войн и способствуют их затяжному характеру. Таким образом, эмпирический и теоретический анализ, проведённый в рамках статьи, в полной мере подтверждает исходную гипотезу исследования.

Значение полученных выводов для дальнейших исследований

Результаты исследования вносят вклад в развитие теории мировой экономики за счёт концептуального осмысления торговых войн как комплексного геэкономического механизма, функционирующего в условиях трансформации международной торговой системы. Предложенный в статье аналитический подход расширяет традиционные представления о торговых войнах, смещая фокус с изолированного анализа тарифных мер к изучению совокупности торговых, технологических и институциональных инструментов экономического давления.

Сформулированные в работе выводы создают методологическую основу для дальнейших исследований, направленных на оценку совокупного воздействия различных инструментов торговых войн на мировую экономику, включая анализ их влияния на глобальные цепочки создания стоимости, международную конкуренцию и структурные сдвиги в национальных экономиках. Рассмотрение торговых войн в контексте ослабления многостороннего торгового регулирования позволяет по-новому подойти к изучению институциональной динамики мировой торговой системы.

Полученные результаты также открывают возможности для междисциплинарных исследований, объединяющих инструменты мировой экономики, международных отношений и политической экономии, а также для разработки сценарных и прогнозных моделей развития мировой торговли в условиях нарастающей геэкономической фрагментации.

В статье рассматривается феномен торговых войн в условиях трансформации мировой экономики. Проанализирована эволюция торговых конфликтов, современные подходы к их определению и классификации. Особое внимание уделено инструментам торговых войн, включая тарифные, нетарифные, санкционные и технологические меры. Исследована роль международных организаций в регулировании торговых конфликтов и выявлены институциональные ограничения многосторонней торговой системы. Показано, что современные торговые войны трансформировались в комплексный геэкономический механизм, эффективность которого ограничена ослаблением международного торгового регулирования.

Список использованной литературы:

1. Мохина К.К., Карпова Т.М., Борчанинова И.П. Торговая война между крупнейшими экономиками. Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2025.
2. Найденова Н.В. Торговые войны на новом этапе глобализации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 231–242. DOI: 10.18500/1994-2540-2025-25-3-231-242. EDN: BAQIPR.
3. Ши Чжичао. Классификации и критерии выделения отдельных групп торговых войн. Минск: Белорусский государственный университет, 2025.

4. Andreoni A., Persenda A., Kozul-Wright R. Trade Wars: Implications of US tariffs for trade and structural change in the African continent // Centre for Sustainable Structural Transformation Working Paper Series. Working Paper No. 010. London: SOAS University of London, August 2025. ISSN 3049-9097.
5. Angwaomaodoko E.A. Trade Wars and Tariff Policies: Long-Term Effects on Global Trade and Economic Relationship // Business and Economic Research. 2024. Vol. 14, no. 4. P. 62. DOI: 10.5296/ber.v14i4.22185.
6. Auray S., Devereux M. B., Eyquem A. Trade wars, nominal rigidities, and monetary policy // The Review of Economic Studies. 2024. Vol. 92, no. 4. P. 2228–2270. DOI: 10.1093/restud/rdae075.
7. Baikushikova G., Utkelbay R., Haixin H. Evolution of world trade wars: the historical aspect // International Relations and International Law Journal. 2021. Vol. 93, no. 1. DOI: 10.26577/irilj.2021.v93.i1.03.
8. de Souza G., Hu N., Li H., Mei Y. (Trade) War and Peace: How to Impose International Trade Sanctions // CESifo Working Paper. No. 10477. Munich: Ifo Institute – Leibniz Institute for Economic Research at the University of Munich, 2023.
9. Ernst E., Merola R., Samaan D. Trade wars and their labour market effects // Working Paper No. 48. Geneva: International Labour Organization, Research Department, 2019.
10. Hang M. International Organizations Function in Developing Trade Policies // Proceedings of the 3rd International Conference on Financial Technology and Business Analysis. 2024. DOI: 10.54254/2754-1169/153/2024.19527.
11. Jouvanceau V., Darracq Pariès M., Dieppe A., Kockerols T. Trade wars and global spillovers: A quantitative assessment with ECB-global // Working Paper Series. European Central Bank, 2023. DOI: 10.2866/5251064.

© Морозов К.Д., 2026

УДК 339.56

Морозов К.Д.

студент Финансового университета при Правительстве РФ
г. Москва, РФ

ЦЕЛИ И МОТИВАЦИЯ УЧАСТНИКОВ ТОРГОВЫХ ВОЙН В СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Аннотация

В статье рассматриваются ключевые причины возникновения современных торговых войн и основные цели государств, участвующих в международных торговых конфликтах. Исследуются экономические, политические и геополитические мотивы применения тарифных ограничений и иных протекционистских мер. Особое внимание уделено торговому противостоянию США и Китая как крупнейшему примеру современной торговой войны. На основе анализа англоязычных научных публикаций раскрываются последствия торговых конфликтов для мировой экономики, международной торговли и глобальных производственных цепочек. Делается вывод о том, что торговые войны в XXI веке являются не только способом защиты внутреннего рынка, но и инструментом стратегического влияния и борьбы за мировое лидерство.

Ключевые слова:

торговые войны, мировая экономика, протекционизм, США, Китай, международная торговля, тарифы, геополитика, экономическая конкуренция, глобализация

Современная мировая экономика развивается в условиях высокой взаимозависимости государств,

глобализации производства и усиления международной конкуренции. Несмотря на активное развитие международной торговли и существование Всемирной торговой организации, в XXI веке наблюдается рост числа торговых конфликтов между крупнейшими мировыми державами. Особенно заметным явлением стали торговые войны, сопровождающиеся введением тарифных ограничений, экономических санкций и ограничений в сфере технологий.

Наиболее масштабным примером современной торговой войны является противостояние между Соединенными Штатами Америки и Китаем. Данный конфликт оказал серьезное влияние не только на экономики двух государств, но и на мировую торговую систему в целом. Многие исследователи отмечают, что современная торговая война имеет комплексный характер и сочетает экономические, политические и геополитические интересы.

Одной из основных причин возникновения торговых войн является стремление государств защитить национальных производителей. В условиях глобальной конкуренции внутренние компании нередко сталкиваются с более дешевой иностранной продукцией. Введение импортных пошлин позволяет временно ограничить давление со стороны зарубежных товаров и сохранить конкурентоспособность национальной промышленности. Особенно активно подобные меры используются в стратегически значимых отраслях экономики, включая металлургию, автомобилестроение, микроэлектронику и энергетический сектор.

Важным фактором торговых конфликтов является проблема торгового дефицита. США на протяжении длительного времени сохраняли отрицательное сальдо торгового баланса в отношениях с Китаем. Американская администрация рассматривала такую ситуацию как угрозу экономической безопасности страны. В ответ были введены повышенные тарифы на китайскую продукцию, включая электронику, металлургическую продукцию и товары промышленного назначения.

Китай, в свою очередь, использовал ответные меры, повысив пошлины на американские товары. В результате произошло снижение объемов торговли между странами, увеличение издержек для бизнеса и рост неопределенности на мировых рынках. При этом торговое противостояние постепенно вышло за рамки обычной тарифной политики и распространилось на сферу высоких технологий.

Современные торговые войны тесно связаны с борьбой за технологическое лидерство. Ограничения в отношении китайских технологических компаний, экспортный контроль и ограничения на поставки микрочипов демонстрируют стремление государств сохранить контроль над стратегическими технологиями. В условиях цифровизации экономики именно технологическое превосходство становится важнейшим фактором международной конкурентоспособности.

Согласно исследованиям Oxford Academic и CEPIS, торговые войны все чаще используются как инструмент геополитического давления. Государства стремятся укрепить собственные позиции в мировой экономике и одновременно ограничить возможности конкурентов. Экономические меры становятся частью более широкой стратегии внешнеполитического влияния.

Следует отметить, что торговые войны имеют серьезные негативные последствия для мировой экономики. Рост тарифов приводит к удорожанию товаров, нарушению глобальных цепочек поставок и снижению инвестиционной активности. Особенно остро данные последствия проявились после пандемии COVID-19, когда многие страны столкнулись с дефицитом комплектующих и ростом транспортных расходов.

Важной особенностью современных торговых конфликтов является изменение характера глобализации. Если ранее мировая экономика ориентировалась преимущественно на либерализацию торговли и снижение барьеров, то в настоящее время государства все чаще стремятся обеспечить экономическую безопасность и снизить зависимость от иностранных поставщиков. Подобная тенденция способствует развитию региональных производственных цепочек и усилению политики экономического национализма.

Некоторые исследователи указывают на политическую природу торговых войн. Протекционистская политика позволяет правительствам демонстрировать защиту национальных интересов и поддержку внутреннего рынка. В условиях внутривнутриполитической конкуренции подобные меры нередко используются для укрепления общественной поддержки и повышения популярности власти.

При этом эффективность торговых войн остается предметом научных дискуссий. С одной стороны, тарифные ограничения способны временно поддержать отдельные отрасли экономики. С другой стороны, долгосрочные последствия часто оказываются негативными как для страны-инициатора, так и для мировой экономики в целом. Повышение цен, снижение конкурентоспособности и сокращение международной торговли создают дополнительные риски для глобального экономического развития.

Отдельного внимания заслуживает влияние торговых войн на развивающиеся страны. Усиление противостояния между крупнейшими экономиками мира приводит к нестабильности мировых рынков, снижению спроса на сырьевые товары и ухудшению условий международной торговли. В результате многие развивающиеся экономики оказываются зависимыми от решений крупнейших мировых держав.

Торговые войны также оказывают влияние на международные экономические институты. Усиление односторонних мер и санкционной политики снижает роль Всемирной торговой организации как механизма регулирования международной торговли. В современных условиях государства все чаще принимают экономические решения, исходя из национальных интересов, а не международных правил.

Таким образом, современные торговые войны представляют собой сложное явление, сочетающее экономические, политические и технологические аспекты. Их главной особенностью является использование торговли в качестве инструмента стратегического влияния и борьбы за лидерство в мировой экономике. В ближайшие годы торговые конфликты, вероятно, сохранятся как один из ключевых факторов нестабильности мировой экономической системы.

Таблица 1

Основные цели и последствия торговых войн

Цель	Содержание	Последствия
Защита внутреннего рынка	Поддержка национальных производителей и снижение конкуренции	Рост цен и снижение объемов импорта
Сокращение торгового дефицита	Снижение зависимости от зарубежных товаров	Ответные тарифы и сокращение торговли
Технологическое лидерство	Контроль над стратегическими технологиями	Ограничение доступа к технологиям
Геополитическое давление	Использование торговли как инструмента влияния	Рост международной напряженности
Политическая поддержка	Защита рабочих мест и внутреннего бизнеса	Рост протекционистских настроений

Представленные данные свидетельствуют о том, что современные торговые войны оказывают комплексное воздействие на мировую экономику и международные отношения.

Список использованной литературы:

1. Mattoo A., Staiger R. Trade wars: What do they mean? Why are they happening now? What are the costs? // *Economic Policy*. 2020. Vol. 35. №103.
2. Wu C. A Bargaining Theory of US–China Economic Rivalry: Differentiating the Trade and Technology Wars // *Chinese Journal of International Politics*. 2024. Vol. 17. №4.
3. Lechthaler W., Mileva M. Who Benefits from Trade Wars? // *Intereconomics*. 2018. Vol. 53. №1.
4. *Casualties of Trade Wars* // *European Economic Review*. 2022. Vol. 146.
5. Gros D. *Trade Wars in a Winner-Take-All World*. Brussels: CEPS, 2019.
6. Irwin D. *Clashing over Commerce: A History of US Trade Policy*. Chicago: University of Chicago Press, 2017.
7. Bown C. The 2018 US-China Trade Conflict after Forty Years of Special Protection // *Peterson Institute for International Economics*. 2018.

8. Krugman P., Obstfeld M., Melitz M. International Economics: Theory and Policy. 11th ed. Boston: Pearson, 2018.
9. Rodrik D. Straight Talk on Trade: Ideas for a Sane World Economy. Princeton: Princeton University Press, 2017.
10. Baldwin R. The Great Convergence: Information Technology and the New Globalization. Harvard University Press, 2016.
11. Bagwell K., Staiger R. The Economics of the World Trading System. MIT Press, 2002.
12. Bhagwati J. Protectionism. MIT Press, 1988.

© Морозов К.Д., 2026

УДК 339.5:339.92(045)

Непомнящий М.А.

студент Финансового университета при Правительстве РФ
г. Москва, РФ

**ПАРАДОКС СОЮЗНОГО РЕЖИМА: ЦЕНОВОЙ АРБИТРАЖ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВАМИ-ЧЛЕНАМИ ЕАЭС
ПОСЛЕ РЕФОРМЫ ТРАНСГРАНИЧНОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛИ И РИСКИ
ДЛЯ ИНТЕГРАЦИОННОГО ЭФФЕКТА**

Аннотация

На горизонте 2026–2030 годов национальные ставки НДС на трансграничные онлайн-покупки в Российской Федерации и Республике Казахстан различаются от 0% (Российская Федерация до 2027 года) до 22% (Российская Федерация в финальной точке поэтапного сценария) и 16% (Республика Казахстан, с 1 июля 2026 года). Возникающий ценовой дифференциал между трансграничными покупками в сопоставимых национальных юрисдикциях Союза формирует устойчивые условия для арбитража, направление которого изменяется на противоположное на горизонте 2026–2030 годов. В статье реконструируется арифметика арбитража по основным группам товаров, анализируются легальные, регуляторно спорные и серые каналы его реализации, оценивается риск перетока легального оборота в нерегулируемый сегмент и формулируются рекомендации по нейтрализации арбитража в рамках наднационального правового поля.

Ключевые слова:

электронная торговля, ЕАЭС, трансграничная торговля, НДС, налоговый арбитраж, интеграция, регуляторная асимметрия.

Пакет решений Совета Евразийской экономической комиссии от 5 декабря 2025 года, включая Решение № 112 «Об отдельных вопросах, связанных с товарами электронной торговли» и Решение № 119 «Об установлении стоимостных норм, в пределах которых товары электронной торговли, приобретенные физическими лицами, ввозятся на таможенную территорию Евразийского экономического союза без уплаты таможенной пошлины», завершил формирование нового таможенно-тарифного режима внешней электронной торговли в ЕАЭС: с 1 июля 2026 года для всех пяти государств-членов вводится стоимостная норма беспошлинного ввоза в 200 евро, а при её превышении применяется единая ставка пошлины 5% от стоимости товара, но не менее 1 евро за 1 кг [1; 2]. Одновременно сохраняется полностью национальная компетенция государств-членов в части НДС: согласно пункту 3 статьи 26 Таможенного кодекса ЕАЭС в редакции Протокола от 25 декабря 2023 года, обязанность по уплате и порядок уплаты НДС и акцизов на

товары электронной торговли устанавливаются национальным законодательством [3].

Конфигурация «единая пошлина + национальные ставки НДС» формирует регуляторную асимметрию между государствами-членами при одинаковом таможенном режиме. В ЕС подобная асимметрия преодолевается централизованной схемой OSS/IOSS, в рамках которой национальный НДС администрируется на наднациональном уровне через единое окно регистрации и автоматическое перераспределение между бюджетами стран доставки [4]. В ЕАЭС аналогичный механизм отсутствует: каждая страна вводит национальный НДС автономно, в своём темпе и со своей ставкой. Дополнительное усиление асимметрии создаёт неравномерность сроков запуска национальных режимов: Республика Казахстан вводит НДС на трансграничные покупки одновременно с пошлиной 1 июля 2026 года по полной ставке 16%, тогда как Российская Федерация откладывает запуск собственного режима не ранее чем на 1 января 2027 года и обсуждает поэтапную шкалу ставок 7% в 2027 году, 14% в 2028 году и 22% с 2029 года, а также ускоренный сценарий применения полной ставки 22% [5; 6; 11].

Возникающий ценовой дифференциал между трансграничными покупками идентичных товаров в сопоставимых национальных юрисдикциях Союза формирует устойчивые условия для арбитража, причём — что является принципиальным аналитическим наблюдением — направление этого арбитража меняется на противоположное на коротком горизонте: во второй половине 2026 года российская юрисдикция оказывается более привлекательной для трансграничных покупок, а с момента выхода Российской Федерации на полную ставку НДС более привлекательной становится казахстанская. Эта реверсия направления арбитража, насколько известно автору, в литературе по интеграции ЕАЭС в части электронной торговли пока не описана.

Цель статьи — реконструировать арифметику арбитража по основным группам товаров на горизонте 2026–2030 годов, проанализировать легальные и серые каналы его реализации, оценить риск перетока легального оборота в нерегулируемый сегмент и сформулировать рекомендации по нейтрализации арбитража в рамках наднационального правового поля Союза.

Принципиальная для анализа конфигурация состоит в том, что новый таможенно-тарифный режим — общий для всех пяти государств-членов, а накладываемый поверх него режим национального НДС — индивидуальный для каждой страны. Союзная пошлина 5% устанавливается решением наднационального органа и не подлежит вариации на национальном уровне; национальные ставки НДС, напротив, варьируются от 0% (в Российской Федерации до запуска национального режима) до 22% (стандартная ставка в Российской Федерации после полного вступления процесса в действие). Это исходный материал для арбитража.

Параметры национальных режимов государств-членов на горизонте 2026–2030 годов представлены в таблице 1. В отношении Республики Беларусь, Республики Армения и Кыргызской Республики на момент проведения исследования отсутствуют публично подтверждённые решения о введении или невведении национального НДС на трансграничные онлайн-покупки физических лиц; в таблице зафиксирован базовый сценарий, при котором эти государства-члены сохраняют действующий порядок (НДС с трансграничных покупок физических лиц не взимается) до принятия соответствующих национальных решений.

Таблица 1

Параметры национальных режимов НДС на трансграничную электронную торговлю
в государствах-членах ЕАЭС, 2026–2030 годы

Государство-член	Общая национальная ставка НДС	НДС на трансграничные онлайн-покупки физлиц	Дата запуска	Сценарий ставки
Российская Федерация	22% (с 01.01.2026) [7]	Не ранее 01.01.2027	01.01.2027 (план)	Минфин: 7% (2027), 14% (2028), 22% (с 2029); ускоренный: 22% с 2027

Государство-член	Общая национальная ставка НДС	НДС на трансграничные онлайн-покупки физлиц	Дата запуска	Сценарий ставки
Республика Казахстан	16% (повышена с 12% с 01.01.2026 по новому НК РК)	<200 € — НДС площадкой; >200 € — НДС при ввозе	01.07.2026	16% сразу; порядок администрирования уточняется
Республика Беларусь	20%	Решение не принято	—	—
Республика Армения	20%	Решение не принято	—	—
Кыргызская Республика	12%	Решение не принято (на момент исследования)	—	—

Источник: составлено автором по [5; 6; 7; 8; 11]. На момент проведения исследования национальные решения по Республике Беларусь, Республике Армения и Кыргызской Республике публично не подтверждены.

Из таблицы 1 следует, что в строгом смысле условия арбитража формируются между двумя государствами-членами с подтверждённой национальной политикой по трансграничному НДС — Российской Федерацией и Республикой Казахстан. Дальнейший анализ сосредоточен на этой паре как на репрезентативном случае; обобщение на другие пары государств-членов будет возможно после раскрытия информации о решениях остальных трёх стран.

В период с 1 июля 2026 года до 1 января 2027 года в Российской Федерации действует только таможенный режим, сформированный Решениями Совета ЕЭК № 112 и № 119 [1; 2]: пошлина 5% от стоимости товара, но не менее 1 евро за 1 кг, начисляется на посылки стоимостью свыше 200 евро, НДС на трансграничные онлайн-покупки физических лиц не введён. В Республике Казахстан с 1 июля 2026 года действует тот же таможенный режим (пошлина 5% при стоимости > 200 евро) плюс национальный НДС 16% (повышен с 12% с 1 января 2026 года новым Налоговым кодексом № 214-VIII от 18 июля 2025 года [14]). Для покупок ниже порога в расчётах принят сценарий удержания НДС иностранной электронной площадкой, а для покупок выше порога — сценарий уплаты НДС при ввозе в составе совокупного таможенного платежа [5; 14].

Принципиальное методологическое уточнение. В расчётах принят юридический сценарий, при котором для покупок до 200 евро НДС в Республике Казахстан удерживается иностранной электронной площадкой, а для покупок свыше 200 евро НДС уплачивается при ввозе в составе совокупного таможенного платежа. В последнем случае база НДС включает таможенную пошлину: сначала начисляется пошлина 5% от стоимости товара, затем НДС 16% применяется к сумме «стоимость товара + пошлина». Аналогичная конструкция базы НДС для посылок выше порога предусмотрена и проектируемой российской моделью. Поскольку публичные разъяснения казахстанских ведомств пока не всегда описывают модель администрирования одинаково, расчёты по микропосылкам и покупкам ниже 200 евро следует рассматривать как сценарные до публикации окончательных подзаконных актов по категории «товары электронной торговли». В рассматриваемых примерах минимальная специфическая ставка пошлины 1 евро за 1 кг не изменяет результат, поскольку 5% от стоимости товара превышает соответствующий весовой минимум.

Совокупная итоговая стоимость одних и тех же трансграничных товаров в двух юрисдикциях для шести характерных категорий товаров — таблица 2.

Таблица 2

Совокупная стоимость трансграничной покупки в Российской Федерации и Республике Казахстан в фазе I (вторая половина 2026 года), евро

Категория товара	Стоимость / вес	Цена в РФ, €	Цена в КЗ, €	Дифференциал, €	Дифференциал, %
Микропосылка (косметика, аксессуары)	15 € / 0,2 кг	15,0	17,4	+2,4	+16,0%
Игрушки, недорогая одежда	50 € / 0,3 кг	50,0	58,0	+8,0	+16,0%
Одежда массового сегмента	150 € / 0,8 кг	150,0	174,0	+24,0	+16,0%

Категория товара	Стоимость / вес	Цена в РФ, €	Цена в КЗ, €	Дифференциал, €	Дифференциал, %
Бюджетный смартфон	300 € / 1,2 кг	315,0	365,4	+50,4	+16,0%
Электроника, бытовая техника	500 € / 5,0 кг	525,0	609,0	+84,0	+16,0%
Дорогая электроника	800 € / 8,0 кг	840,0	974,4	+134,4	+16,0%

Источник: расчёты автора. Цена в Казахстане выше цены в России на 16,0% по всему диапазону покупок при сценарии удержания НДС иностранной электронной площадкой для товаров до 200 евро и уплаты НДС при ввозе для товаров свыше 200 евро. Примечание: если окончательная модель администрирования исключит покупки до 200 евро из обложения НДС, дифференциал по первым трём строкам таблицы будет равен нулю, а арбитраж сохранится преимущественно по товарам выше порога.

Расчёты обнаруживают однородный ценовой дифференциал в пользу Российской Федерации, составляющий 16,0% от стоимости товара при принятом сценарии обложения казахстанских покупок ниже порога НДС через иностранную электронную площадку. Этот дифференциал формирует две взаимосвязанные арбитражные возможности.

Первая возможность — для казахстанского покупателя. Гражданин Республики Казахстан, желающий приобрести трансграничный товар, фактически имеет два маршрута: прямая покупка через площадку в Казахстане с уплатой национального НДС 16%; покупка через российский адрес доставки (друзья, родственники, посредники) без уплаты казахстанского НДС, поскольку формальным покупателем выступает резидент Российской Федерации. Второй маршрут даёт экономию 16,0% — это и есть индикатор силы арбитража.

Вторая возможность — для маркетплейсов и логистических операторов. Площадка, имеющая сети складов и хабов в обеих странах, получает техническую возможность маршрутизировать поток заказов казахстанских покупателей через российские складские мощности или российскую регистрацию плательщика, снижая совокупную фискальную нагрузку. Такой канал нельзя считать бесспорно легальным: он ограничен правилом «места реализации» по 100-ФЗ от 29.05.2024, которое для торговли между странами Союза признаёт местом реализации страну фактического получения товара физическим лицом [9]. Однако правило 100-ФЗ применяется прежде всего к продажам через российские торговые площадки и не полностью закрывает вопрос торговли через зарубежные площадки (AliExpress, iHerb, Temu), где фактическая применимость правила места реализации зависит от национальных механизмов регистрации, обмена данными и налогового администрирования.

С позиции ценовой чувствительности спроса в массовом трансграничном сегменте дифференциал 16% может рассматриваться как существенный стимул к выбору альтернативного канала покупки при наличии работоспособных посреднических или логистических маршрутов. По данным отраслевой прессы со ссылкой на Ozon Global, спрос в трансграничном сегменте российского рынка электронной торговли концентрируется в эконом-сегменте; для покупок такого диапазона дифференциал 16% представляет собой заметный ценовой стимул к выбору альтернативного канала [10].

С 1 января 2027 года в Российской Федерации может быть запущен национальный режим НДС на трансграничную электронную торговлю. Точная дата вступления соответствующих изменений в силу и окончательная конфигурация ставки на момент проведения исследования не утверждены. В публичном обсуждении находятся два основных варианта: поэтапный сценарий Минфина (7% в 2027 году, 14% в 2028 году, с 2029 года — 22%) и ускоренный сценарий, поддерживаемый частью отраслевых регуляторов, при котором полная ставка 22% применяется сразу с 2027 года [6; 11]. Более ранний проект поэтапного введения с выходом на прежнюю полную ставку НДС 20% следует рассматривать как предшествующую версию, не используемую в расчётах настоящей статьи после повышения базовой ставки НДС до 22%.

В период с 2027 по 2029 год знак ценового дифференциала зависит от темпа российской реформы. При поэтапном сценарии Минфина в 2027 году российская ставка 7% ниже казахстанской ставки 16%, поэтому направление арбитража сохраняется тем же, что в фазе I (Казахстан дороже). В 2028 году

российская ставка 14% остаётся ниже казахстанской, но разрыв сокращается до 2 процентных пунктов. С 2029 года при выходе Российской Федерации на ставку 22% направление арбитража становится противоположным фазе I: Российская Федерация дороже Республики Казахстан. При ускоренном сценарии такая реверсия возникает уже с 2027 года. Сравнительные цифры для полной российской ставки — таблица 3.

Таблица 3

Совокупная стоимость трансграничной покупки в Российской Федерации и Республике Казахстан в фазе II (полные ставки НДС, 2030 год), евро

Категория товара	Стоимость / вес	Цена в РФ, €	Цена в КЗ, €	Дифференциал, €	Дифференциал, %
Микропосылка	15 € / 0,2 кг	18,3	17,4	+0,9	+5,2%
Игрушки, одежда	50 € / 0,3 кг	61,0	58,0	+3,0	+5,2%
Одежда массового сегмента	150 € / 0,8 кг	183,0	174,0	+9,0	+5,2%
Бюджетный смартфон	300 € / 1,2 кг	384,3	365,4	+18,9	+5,2%
Электроника, бытовая техника	500 € / 5,0 кг	640,5	609,0	+31,5	+5,2%
Дорогая электроника	800 € / 8,0 кг	1 024,8	974,4	+50,4	+5,2%

Источник: расчёты автора. В фазе II направление дифференциала противоположное по сравнению с фазой I: Российская Федерация дороже Республики Казахстан на 5,2%. Методология идентична для обеих стран: для посылок свыше 200 € база НДС включает таможенную пошлину 5% (см. раздел 2); различие сводится только к ставке НДС (22% в РФ, 16% в РК).

Реверсия направления арбитража — нетривиальное и важное аналитическое наблюдение. С момента 1 июля 2026 года российский потребитель имеет ценовое преимущество перед казахстанским — что само по себе оказывает давление на казахстанский рынок и стимулирует переориентацию казахстанских покупателей. С момента введения полной российской ставки 22% ситуация обращается: теперь уже российский потребитель имеет ценовой стимул переориентироваться на казахстанский маршрут. Между этими двумя фазами — переходный период (2027–2029 годы при поэтапных сценариях), в течение которого дифференциал постепенно сокращается, проходит через ноль и меняет знак.

Институциональное следствие: формально единый таможенно-тарифный режим Союза в течение всего периода 2026–2030 годов сопровождается переменным по знаку, но устойчивым по абсолютной величине ценовым дифференциалом между двумя крупнейшими по объёму трансграничных покупок государствами-членами. Это означает, что декларируемая цель новой реформы — единое регулирование трансграничной электронной торговли в Союзе — фактически не достигается на горизонте до 2030 года.

Существование ценового дифференциала формирует условия для арбитража, но не гарантирует его реализацию. Принципиально различаются четыре канала, по которым ценовой дифференциал может быть монетизирован, — один легальный, один регуляторно спорный и два серых.

Легальный канал 1: личное использование адреса доставки. Покупатель из юрисдикции с более высокой ценой использует адрес доставки в юрисдикции с более низкой ценой (родственники, друзья, посредники) и оплачивает покупку как резидент льготной юрисдикции. Этот канал имеет ограниченную ёмкость: он работает для отдельных покупок, но не для устойчивого потока — большинство людей не имеют постоянного доступа к чужому адресу доставки в другой стране Союза. Тем не менее на массиве в десятки миллионов потребителей даже использование канала 1% домохозяйств формирует существенный поток.

Регуляторно спорный канал 2: маршрутизация трансграничных покупок крупными площадками. Цифровая торговая площадка с региональным присутствием в обеих юрисдикциях имеет техническую

возможность маршрутизировать заказ через ту юрисдикцию, в которой совокупная фискальная нагрузка ниже. Этот канал имеет высокую ёмкость, но регуляторно ограничен правилом «места реализации» — при доставке физическому лицу в Российскую Федерацию НДС подлежит уплате по месту фактического получения товара. Тем не менее правило применимо прежде всего к торговле через российские маркетплейсы и не закрывает в полной мере канал торговли через зарубежные площадки (AliExpress, iHerb, Temu), где эффективность контроля зависит от регистрации площадки, обмена данными и фактического подтверждения страны получения товара.

Серый канал 1: бизнес-импорт под видом В2С. Юридическое лицо или индивидуальный предприниматель из Российской Федерации использует возможности более низкой ставки НДС в Республике Казахстан для импорта через казахстанское физическое лицо с последующим серым перемещением товара в Российскую Федерацию. Этот канал прямо адресован Системой подтверждения ожидания товаров (СПОТ), вступающей в полноценный режим с 1 июня 2026 года; механизм СПОТ направлен на ограничение именно таких схем. Однако СПОТ применяется к автотранспортному вывозу из стран Союза в Российскую Федерацию и не закрывает каналы почтовых и курьерских отправок [12].

Серый канал 2: маркетплейсное посредничество без декларирования. Локальные посредники в Республике Казахстан (с национальной ставкой НДС 16%) или Кыргызской Республике (с национальной ставкой НДС 12%) принимают заказы российских покупателей, оформляют покупки на свои реквизиты с уплатой казахстанского/киргизского НДС, после чего перемещают товары в Российскую Федерацию без декларирования по правилам трансграничной торговли. По экспертным оценкам, аналогичные серые схемы уже существуют в смежных регуляторных областях (параллельный импорт автомобилей, бытовая электроника); применительно к трансграничной электронной торговле их потенциальная ёмкость может быть значимой, но требует самостоятельной эмпирической оценки [13].

Совокупная ёмкость арбитражных каналов является функцией двух переменных: величины ценового дифференциала и удобства использования каналов. Опыт реформы утилизационного сбора на автомобили в Российской Федерации в 2024–2025 годах показывает, что резкое увеличение фискальной нагрузки в условиях открытого интеграционного пространства способно сопровождаться перераспределением потоков в обход стандартного режима администрирования; вместе с тем автомобильный рынок отличается от трансграничной электронной торговли по среднему чеку, логистике, частоте покупок и структуре контроля, поэтому такая аналогия имеет иллюстративный, а не оценочный характер [13]. Применительно к трансграничной электронной торговле дифференциал 5–16% (в зависимости от фазы) и наличие развитой инфраструктуры классифайдов, социальных сетей и Telegram-каналов посредничества формируют условия для арбитража, но точная величина потенциального перетока должна оцениваться на фактических данных маркетплейсов, почтовых операторов и налоговых органов.

Существование устойчивого ценового арбитража между государствами-членами Союза при формально едином таможенно-тарифном режиме приводит к четырём системным следствиям.

Первое — частичная нейтрализация фискального эффекта реформы. Цель введения НДС на трансграничную электронную торговлю — увеличение бюджетных поступлений государств-членов и выравнивание конкурентных условий для локальных продавцов. Однако в условиях, когда часть оборота перетекает в юрисдикцию с более низкой ставкой (или вне зарегистрированных каналов), фактическая собираемость падает. Натурным экспериментом для оценки масштаба этого эффекта станет Республика Казахстан с 1 июля 2026 года: расхождение между фактическим ростом сборов НДС и ожидаемым по плану позволит количественно оценить ёмкость арбитража в реальном времени.

Второе — ослабление сигнала локальным производителям и продавцам. Одна из заявленных целей реформы — выравнивание ценовых условий между трансграничной и внутренней торговлей за счёт устранения ценового преимущества иностранных продавцов, обусловленного отсутствием обложения

НДС. Если арбитраж между странами Союза позволяет иностранным продавцам сохранять часть ценового преимущества через выбор юрисдикции с более низкой ставкой, реформа решает задачу не полностью.

Третье — структурный риск перетока в нерегулируемый сегмент. Опыт смежных регуляторных областей (утильсбор, параллельный импорт) демонстрирует, что фискальная асимметрия между странами Союза в условиях открытого таможенного пространства устойчиво порождает серый канал, на закрытие которого требуются дополнительные регуляторные усилия и ресурсы (например, СПОТ для автомобильного транспорта). Применительно к трансграничной электронной торговле аналогичная инфраструктура контроля над почтовыми и курьерскими каналами не выстроена.

Четвёртое — репутационное противоречие в публичном пространстве. Союзный характер реформы декларируется как принципиальное институциональное достижение интеграции. Однако в условиях, когда трансграничная покупка одного и того же товара обходится покупателю на 16% дороже в одной стране Союза по сравнению с другой, а через четыре года на 5% дороже в обратную сторону, представление о «едином таможенно-тарифном режиме» в восприятии конечного потребителя расходится с фактической ценовой реальностью. Это создаёт коммуникационный риск для дальнейших интеграционных инициатив.

Европейский союз сталкивался с аналогичной задачей в 2010-х годах: национальные ставки НДС в государствах-членах различаются от 17% (Люксембург, Мальта) до 27% (Венгрия), при этом таможенный союз обеспечивает свободное перемещение товаров после очистки в любой стране-члене. Для нейтрализации арбитража в части трансграничной электронной торговли с 1 июля 2021 года был внедрён режим Import One-Stop Shop (IOSS) в составе пакета реформ One-Stop Shop (OSS). Принципиальные параметры решения [4]:

Первое — единое окно регистрации иностранного продавца или платформы для целей НДС на территории Союза; продавец регистрируется один раз, получает идентификационный номер IOSS, действующий во всех 27 государствах-членах.

Второе — обязательное правило исчисления НДС по ставке государства доставки (а не государства регистрации продавца), что исключает арбитраж через регистрацию в стране с более низкой ставкой.

Третье — автоматический клиринг собранных платежей между бюджетами государств-членов через единый расчётный механизм, администрируемый налоговыми службами на основании декларационной отчётности.

Совокупно эти три элемента нейтрализуют арбитраж между государствами-членами при сохранении национальной компетенции в установлении ставок: ставки могут различаться, но продавец не может выбрать страну, в которой ему выгоднее зарегистрироваться, и не может маршрутизировать НДС в льготную юрисдикцию. К 2025 году через схему OSS/IOSS в Европейском союзе собирается около 33 млрд евро ежегодно, при росте сборов через IOSS на 62% в 2024 году к предыдущему году.

Применительно к ЕАЭС подобный механизм отсутствует. Каждое государство-член самостоятельно определяет ставки, сроки запуска и порядок администрирования национального НДС на трансграничную электронную торговлю; общесоюзная инфраструктура клиринга НДС не предусмотрена и не обсуждается в качестве краткосрочной задачи. Это означает, что в обозримой перспективе риск арбитража между государствами-членами в ЕАЭС структурно не нейтрализован — в отличие от ЕС, где он был институционально снят ещё в 2021 году.

Сохранение ценового арбитража между государствами-членами Союза на горизонте 2026–2030 годов представляется неизбежным, поскольку национальные ставки НДС объективно различаются и не подлежат гармонизации в краткосрочной перспективе. Однако последствия арбитража для интеграционного эффекта реформы могут быть существенно смягчены за счёт ряда наднациональных решений.

Рекомендация 1. Гармонизация сроков запуска национальных режимов НДС. Опережающий запуск

национального режима НДС в Республике Казахстан (1 июля 2026 года) на 6 месяцев раньше Российской Федерации формирует максимально острую фазу арбитража. Согласование сроков запуска в рамках Евразийской экономической комиссии — относительно низкозатратное решение, способное закрыть значительную часть арбитражной выгоды на фазе I. Если бы Российская Федерация и Республика Казахстан запустили национальные режимы одновременно 1 июля 2026 года (условно: РФ — 7% по актуальному поэтапному сценарию Минфина, КЗ — 16%), дифференциал в 2026 году составил бы 9 процентных пунктов вместо 16, что снизило бы силу арбитража примерно на 44%.

Рекомендация 2. Введение принципа места реализации по аналогии с правилом OSS. На наднациональном уровне можно ввести обязательное правило, согласно которому при трансграничной онлайн-покупке физическим лицом из государства-члена через торговую площадку (резидента третьей страны или резидента государства-члена Союза) НДС подлежит уплате по ставке государства фактического получения товара покупателем. Это правило уже применяется в Российской Федерации в части торговли через российские маркетплейсы (по 100-ФЗ от 29.05.2024) и распространение его на трансграничную торговлю через торговые площадки третьих стран (AliExpress, iHerb, Temu) закрыло бы наиболее ёмкий легальный канал арбитража.

Рекомендация 3. Совместный мониторинг серых каналов налоговыми службами государств-членов. Серые каналы реализации арбитража (бизнес-импорт под видом B2C, маркетплейсное посредничество без декларирования) не нейтрализуются законодательными мерами одной страны и требуют скоординированного межведомственного контроля. Создание рабочей группы налоговых служб государств-членов под эгидой Евразийской экономической комиссии для регулярного обмена данными о трансграничных потоках и аномалиях в географическом распределении заказов представляется минимально необходимой мерой. В Европейском союзе аналогичную функцию выполняет Eurofisc — сеть взаимодействия налоговых администраций по противодействию НДС-мошенничеству.

Рекомендация 4. Прозрачность данных о результатах реформы в Республике Казахстан. Поскольку казахстанский запуск национального режима опережает российский на 6 месяцев, своевременное публичное раскрытие данных о фактической динамике трансграничных потоков, собираемости НДС и распределении заказов после 1 июля 2026 года является ценным эмпирическим материалом для калибровки российских решений в течение второй половины 2026 года. Регулярная публикация Евразийской экономической комиссией консолидированной статистики позволила бы регуляторам государств-членов принимать решения по итогам казахстанского эксперимента в реальном времени.

Реформа трансграничной электронной торговли в ЕАЭС, юридически оформленная пакетом решений Совета ЕЭК от 5 декабря 2025 года, включая Решение № 112 о ставках таможенной пошлины и Решение № 119 о стоимостных нормах беспошлинного ввоза, а также предшествующим Протоколом 2023 года, представляет собой сочетание единого таможенно-тарифного режима с национальной компетенцией в части НДС. Такая институциональная конструкция, в отличие от европейской модели OSS/IOSS, не содержит механизмов нейтрализации ценового арбитража между государствами-членами и формирует устойчивые условия для перетока трансграничного оборота между юрисдикциями Союза.

Анализ конкретной пары государств-членов с подтверждённой национальной политикой по трансграничному НДС — Российской Федерации и Республики Казахстан — обнаруживает реверсию направления арбитража на горизонте 2026–2030 годов: во второй половине 2026 года Казахстан дороже России на 16,0% при принятом сценарии удержания НДС по товарам ниже порога, а при выходе Российской Федерации на полную ставку НДС 22% Россия дороже Казахстана на 5,2%. Между этими двумя фазами — переходный период, в течение которого знак дифференциала меняется. Совокупная ёмкость арбитражных каналов может быть значимой, однако её точная количественная оценка требует проверки на фактических данных трансграничных потоков, операторов доставки, маркетплейсов и налоговых органов. Поэтому наличие арбитражного стимула ставит под сомнение полное достижение

интеграционных целей реформы, но не позволяет без дополнительной эмпирической базы заранее оценить масштаб выпадающих поступлений.

Нейтрализация арбитража без отказа от национальной компетенции в части ставок НДС возможна за счёт четырёх скоординированных мер: гармонизации сроков запуска национальных режимов государств-членов; введения обязательного правила места реализации по аналогии с европейским OSS; организации совместного мониторинга серых каналов налоговыми службами государств-членов; раскрытия данных о результатах казахстанского запуска как референтного эксперимента для калибровки решений других государств-членов. Реализация этих мер требует согласованных действий Евразийской экономической комиссии и национальных регуляторов на горизонте 2026 года.

Направления дальнейших исследований включают эмпирическую оценку ёмкости арбитражных каналов на материалах фактических трансграничных потоков второй половины 2026 года; расширение анализа на пары государств-членов с уточнением национальной политики Республики Беларусь, Республики Армения и Кыргызской Республики по мере раскрытия их решений по трансграничному НДС; разработку детализированной модели наднационального клиринга НДС применительно к специфике санкционно-устойчивой платёжной инфраструктуры ЕАЭС.

Список использованной литературы:

1. Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 5 декабря 2025 г. № 112 «Об отдельных вопросах, связанных с товарами электронной торговли» [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия: офиц. сайт. — URL: <https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/> (дата обращения: 12.05.2026).
2. Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 5 декабря 2025 г. № 119 «Об установлении стоимостных норм, в пределах которых товары электронной торговли, приобретенные физическими лицами, ввозятся на таможенную территорию Евразийского экономического союза без уплаты таможенной пошлины» [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия: офиц. сайт. — URL: <https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/> (дата обращения: 12.05.2026).
3. Протокол от 25 декабря 2023 г. о внесении изменений в Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия: офиц. сайт. URL: <https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/> (дата обращения: 12.05.2026).
4. VAT e-commerce package: 2024 evaluation report on the One-Stop Shop and Import One-Stop Shop [Electronic resource] // European Commission, Directorate-General for Taxation and Customs Union. — Brussels, 2025. — 23 July. — URL: <https://taxation-customs.ec.europa.eu/> (accessed: 12.05.2026).
5. Семёнов К. Посылки с 2026 года: что изменится для покупателей в Казахстане [Электронный ресурс]: разъяснения министра национальной экономики РК С. Жумангарина // ProRosta. — 2025. — Ноябрь. — URL: <https://prorosta.com/posylki-s-2026-goda/> (дата обращения: 12.05.2026).
6. Минфин предложил поэтапно ввести НДС на импорт через маркетплейсы [Электронный ресурс] // Forbes Russia. — 2026. — 24 апр. — URL: <https://www.forbes.ru/biznes/559889-minfin-predlozil-poetapno-vvesti-nds-na-import-cerez-marketplejisy> (дата обращения: 12.05.2026).
7. Федеральный закон от 28 ноября 2025 г. № 425-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202511280017> (дата обращения: 12.05.2026).
8. Ставки налога на добавленную стоимость в государствах-членах ЕАЭС: справочная информация [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия: офиц. сайт. — URL: <https://eec.eaeunion.org/> (дата обращения: 12.05.2026).
9. Федеральный закон от 29 мая 2024 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового

кодекса Российской Федерации и о приостановлении действия абзаца второго пункта 1 статьи 78 Бюджетного кодекса Российской Федерации в части особенностей исчисления и уплаты налога на добавленную стоимость» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 12.05.2026).

10. Оборот трансграничной торговли вырос в начале года на 8–13% [Электронный ресурс] // Retail.ru. — 2026. — 18 апр. — URL: <https://www.retail.ru/news/oborot-transgranichnoy-torgovli-vyros-v-nachale-goda-na-8-13-18-aprelya-2026-276871/> (дата обращения: 12.05.2026).

11. Минфин РФ направил в кабмин пакет законов о регулировании электронной торговли [Электронный ресурс] // Интерфакс. — 2026. — 24 апр. — URL: <https://www.interfax.ru/russia/1085918> (дата обращения: 12.05.2026).

12. Федеральный закон от 17 апреля 2026 г. № 101-ФЗ «О введении системы подтверждения ожидания товаров» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 12.05.2026).

13. «Утиль» себя перехитрил: как налоговая политика обрушила не только авторынок, но и бюджет [Электронный ресурс]: аналитический материал // Информер. — 2025. — 26 дек. — URL: <https://ruinform.com/> (дата обращения: 12.05.2026).

14. Налоговый кодекс Республики Казахстан : Закон Республики Казахстан от 18 июля 2025 г. № 214-VIII : (вступил в силу с 1 января 2026 г.) [Электронный ресурс] // Информационная система «Параграф». URL: <https://online.zakon.kz/> (дата обращения: 12.05.2026).

©Непомнящий М.А., 2026

УДК 339.5:336.226.322(045)

Непомнящий М.А.

студент Финансового университета при Правительстве РФ
г. Москва, РФ

**ЧЕТЫРЕ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ РЕГУЛЯТОРНЫХ ПРОЦЕССА В ТРАНСГРАНИЧНОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛЕ
ЕАЭС И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: РАЗНЕСЕНИЕ, ОЦЕНКА ФИСКАЛЬНОЙ НАГРУЗКИ
И РИСК «ЭФФЕКТА УТИЛЬСБОРА»**

Аннотация

В 2025–2026 годах регулирование трансграничной электронной торговли в ЕАЭС и Российской Федерации меняется сразу по четырём не связанным между собой процессам — на уровне Союза и на уровне отдельных стран, в торговле с покупателями-физлицами и в торговле между компаниями, в части пошлин и в части НДС. В публикациях и обсуждениях эти процессы регулярно смешиваются, что искажает оценку реального изменения цен для конечного покупателя. В статье четыре процесса разнятся по предмету и сроку действия, рассчитывается совокупное изменение цены трансграничной покупки для покупателя в Российской Федерации и Республике Казахстан, и проводится сравнение с реформой утилизационного сбора на автомобили в России (падение ввоза на 64% за 10 месяцев 2025 года) как с примером того, к чему приводит слишком резкое повышение фискальной нагрузки в условиях, когда у покупателя есть альтернативные каналы покупки.

Ключевые слова:

Электронная торговля, ЕАЭС, трансграничная торговля, НДС, таможенная пошлина, СПОТ, утилизационный сбор, регуляторная нагрузка.

В период с конца 2025 года по середину 2026 года в Российской Федерации и на уровне ЕАЭС одновременно вступают в силу или находятся в стадии итогового согласования четыре регуляторных процесса, прямо или косвенно затрагивающих трансграничную электронную торговлю. В публикациях экспертного сообщества и в общественной дискуссии эти процессы регулярно смешиваются: фискальные параметры одного процесса приписываются другому, сроки их действия трактуются как одинаковые, объекты регулирования (трансграничные покупки физлиц, внутренние продажи на маркетплейсах, ввоз товаров между компаниями стран Союза) объединяются в одну категорию. Такое смешение искажает картину изменения цен для конечного покупателя и не позволяет оценить совокупный регуляторный риск для рынка.

Цель статьи — разнести четыре параллельных процесса по предмету и сроку действия, рассчитать их совокупное влияние на типовые трансграничные покупки в Российской Федерации и Республике Казахстан, и проиллюстрировать риск слишком резкого сценария реформ через сравнение с опытом российского автомобильного рынка после реформы утилизационного сбора в 2024–2025 годах. Структура статьи отражает три задачи: разделы 1–4 описывают каждый из четырёх процессов; раздел 5 сводит их в общую таблицу и рассчитывает изменение цены посылки в обеих странах; раздел 6 проводит сравнение с реформой утильсбора и формулирует практические выводы для рынка электронной торговли.

Первый процесс — формирование единых таможенно-тарифных правил для товаров электронной торговли в рамках Союза. Базовая нормативная основа оформлена двумя документами: Протоколом от 25 декабря 2023 года о внесении изменений в Договор о Таможенном кодексе ЕАЭС (далее — Протокол 2023 года), которым в наднациональное право вводятся категория «товары электронной торговли», институт уполномоченного оператора электронной торговли и специальная декларация на эти товары [3]; и Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 5 декабря 2025 года № 112, которым устанавливается единая ставка таможенной пошлины [1; 2].

Параметры режима закреплены в Решениях Совета Евразийской экономической комиссии № 112 и № 119: единый порог беспошлинного ввоза установлен на уровне 200 евро на одну посылку; единая ставка таможенной пошлины составляет 5% от стоимости товара, но не менее одного евро за 1 кг [1; 2]. Пошлина начисляется со всей стоимости товара и полного веса посылки, если порог превышен (а не с суммы превышения, как в действующем порядке); планируемая дата вступления в силу — 1 июля 2026 года.

Важное уточнение. Формулировка ставки 5% в Решении Совета ЕЭК № 112 и установление отдельного стоимостного порога в Решении Совета ЕЭК № 119 фиксируют, что таможенная пошлина (платёж Союза) и национальный НДС взимаются как два самостоятельных платежа, а не образуют единую ставку. Сами ставки НДС определяются национальным законодательством и применяются в дополнение к пошлине. Это разделение важно для последующего расчёта совокупной нагрузки на покупателя.

Второе существенное содержательное отличие нового режима от действующего — изменение базы обложения пошлиной. До 1 июля 2026 года пошлина 15% начислялась только с суммы, превышающей порог 200 евро. С 1 июля 2026 года пошлина 5% начисляется со всей стоимости товара, если порог превышен. Это сдвиг от «налога на превышение» к «налогу с факта превышения». Параллельно отменяется весовой порог 31 кг [4].

Статус ратификации. Протокол 2023 года ратифицирован Российской Федерацией (Федеральный закон от 8 августа 2024 года № 229-ФЗ), Республикой Беларусь, Республикой Армения, Кыргызской Республикой и Республикой Казахстан. Республика Казахстан завершила ратификацию Законом от 4 октября 2025 года № 221-VIII [21]. Вместе с тем сам Протокол по состоянию на дату подготовки статьи не введён в действие. В декабре 2025 года Российская Федерация официально отозвала направленное депозитарию уведомление о выполнении внутригосударственных процедур, что фактически приостановило вступление Протокола в силу до повторного депонирования уведомления [5]. По

состоянию на апрель–май 2026 года сохраняется официальный ориентир — 1 июля 2026 года, однако фактическая дата запуска режима зависит от вступления в силу Протокола и связанных решений Евразийской экономической комиссии.

Ключевая характеристика процесса 1: общесоюзный, единый для всех пяти государств-членов, политически согласован, нормативно оформлен, но юридически не введён в действие до вступления Протокола 2023 года и связанных решений ЕЭК в силу.

Второй процесс — введение НДС на товары трансграничной электронной торговли на национальном уровне. Согласно пункту 3 статьи 26 Таможенного кодекса ЕАЭС в редакции Протокола 2023 года, в отношении товаров электронной торговли подлежит уплате таможенная пошлина, при этом обязанность по уплате и порядок уплаты НДС и акцизов устанавливаются национальным законодательством государства-члена [11]. Это правовое разделение порождает две принципиально разные модели в рамках одного и того же общесоюзного режима — на примере Российской Федерации и Республики Казахстан.

Российская Федерация. Минфин Российской Федерации в октябре 2025 года опубликовал проект поправок в Налоговый кодекс, согласно которым иностранные товары, продаваемые российскому покупателю через маркетплейсы и иностранные интернет-магазины, облагаются НДС. Налоговыми агентами (то есть лицами, обязанными удержать и перечислить налог) становятся иностранные интернет-магазины, маркетплейсы и компании, через которых иностранные продавцы реализуют товары [6; 7; 12]. Принципиально важно: НДС будет взиматься со всех посылок — как ниже, так и выше порога беспошлинного ввоза 200 евро; различается только формула определения налоговой базы. Для посылок ниже порога база НДС равна стоимости товара; для посылок выше порога в базу НДС включается также сумма таможенной пошлины (5%) [7]. Одновременно с введением НДС автоматически начинает взиматься фиксированный таможенный сбор за операции — 689 рублей (около 7 евро) с каждой облагаемой посылки [13].

Конструкция ставки в Российской Федерации не утверждена; в обсуждении участвуют три основных сценария. Первый — первоначальный поэтапный сценарий Минфина: 5% в 2027 году, 10% в 2028 году, 15% в 2029 году, с 2030 года — стандартная ставка НДС (22% с 1 января 2026 года) [6]. Второй — ускоренный сценарий Минпромторга: стандартная ставка 22% сразу с 1 января 2027 года [8; 9]. Третий — компромиссный сценарий Минфина (апрель 2026 года, актуальная позиция ведомства): 7% в 2027 году, 14% в 2028 году, с 2029 года — 22% [8; 10]. Различия между сценариями принципиальны: ставка НДС в 2027 году при ускоренном сценарии в 4,4 раза выше, чем в первоначальном проекте Минфина (22% против 5%), и примерно в 3,1 раза выше, чем в актуальном компромиссном варианте Минфина (22% против 7%). Однако итоговое удорожание покупки растёт в меньшей пропорции, поскольку на совокупную стоимость также влияют таможенная пошлина и база начисления НДС.

Республика Казахстан. Казахстанская модель принципиально отличается от российской по двум параметрам. Первое — НДС в Казахстане для трансграничных онлайн-покупок вступает в силу одновременно с пошлиной с 1 июля 2026 года, без переходного периода и без поэтапного повышения ставок. Второе — НДС применяется по полной национальной ставке сразу со старта режима. По разъяснениям министра национальной экономики Республики Казахстан С. Жумангарина, НДС на трансграничные покупки будет взимать сама онлайн-площадка (AliExpress, iHerb и аналогичные), включая его в стоимость товара, отображаемую покупателю; этот порядок применяется ко всем посылкам, в том числе ниже порога беспошлинного ввоза в 200 евро [14]. Принципиальное обстоятельство: на момент публичных разъяснений (ноябрь 2025 года) базовая ставка НДС в Казахстане составляла 12%, однако с 1 января 2026 года в соответствии с новым Налоговым кодексом Республики Казахстан № 214-VIII от 18 июля 2025 года ставка повышена до 16% [20]. Таким образом, к моменту запуска союзного режима трансграничной электронной торговли 1 июля 2026 года в Казахстане действует ставка НДС 16%, и именно

эта ставка применяется к трансграничным онлайн-покупкам.

Важно различать два режима в казахстанской конструкции, которые в общественной дискуссии регулярно смешиваются. В соответствии со статьёй 779 нового Налогового кодекса Республики Казахстан (Закон от 18 июля 2025 года № 214-VIII), плательщиком НДС при электронной торговле товарами признаётся иностранная компания, действующая через интернет-площадку. Однако пункт 4 указанной статьи прямо предусматривает, что НДС не подлежит исчислению и уплате иностранной компанией в части превышения стоимостной и (или) весовой нормы беспошлинного ввоза, по которой таможенные пошлины и налоги уплачены в Республике Казахстан в виде совокупного таможенного платежа. По букве закона это означает разделение режимов по порогу 200 евро: для покупок до порога НДС 16% взимает площадка от стоимости товара (пошлина не применяется); для покупок свыше порога НДС взимается в составе совокупного таможенного платежа при ввозе товара через оператора электронной торговли, причём в казахстанской практике исчисления совокупного таможенного платежа НДС начисляется на базу, включающую таможенную пошлину (стоимость товара + пошлина 5%) — это подтверждается, в частности, практикой исчисления СТП для физических лиц на товары для личного пользования [20]. Аналогичная конструкция базы НДС для посылок выше порога предусмотрена и проектом поправок в Налоговый кодекс Российской Федерации [6; 7; 12]. Таким образом, по букве закона обоих государств-членов методика расчёта совокупной фискальной нагрузки для покупок выше порога идентична, и различие сводится только к ставке НДС: 22% в Российской Федерации (в финальной точке поэтапного сценария) против 16% в Республике Казахстан. Расчёты в настоящей статье выполнены по этой методике. Следует, однако, оговорить, что окончательное регулирование категории «товары электронной торговли» в Республике Казахстан, формально вводимой с 1 июля 2026 года, на момент проведения исследования не оформлено подзаконными актами, и публичные разъяснения должностных лиц казахстанских ведомств в ряде случаев описывают иную модель администрирования [14]. Итоговая модель администрирования НДС в новой категории подлежит уточнению по мере публикации подзаконных актов.

Юридическая зависимость от процесса 1. Введение национального НДС на трансграничную электронную торговлю технически возможно только после вступления в силу Протокола 2023 года, поскольку именно он вводит саму категорию «товары электронной торговли» в наднациональное право и создаёт правовое основание для отдельного режима их налогообложения. Иными словами, отзыв Российской Федерацией ратификационного уведомления в декабре 2025 года фактически отложил введение собственного национального режима НДС на трансграничную торговлю — этот взаимосвязанный эффект в публичной дискуссии часто не отмечают.

Ключевая характеристика процесса 2: национальный (отдельный режим в каждом государстве-члене), нормативно не завершён в Российской Федерации (выбор сценария ставки является предметом текущих согласований), уже согласован в Республике Казахстан, запуск увязан со вступлением Протокола 2023 года в силу.

Третий процесс — повышение стандартной ставки НДС в Российской Федерации с 20% до 22% с 1 января 2026 года. Соответствующий закон — Федеральный закон от 28 ноября 2025 г. № 425-ФЗ — подписан Президентом Российской Федерации [9]. Изменение затрагивает внутренние операции продавцов на маркетплейсах, в том числе продавцов из других государств-членов Союза, реализующих товары российскому покупателю через российские торговые площадки. Параллельно с повышением ставки изменяются параметры упрощённой системы налогообложения (УСН): снижены пороги выручки (с 2026 года — 20 млн рублей, с 2027 года — 15 млн рублей, с 2028 года — 10 млн рублей) и количества сотрудников, при которых сохраняется применение упрощённой системы [9].

Важное уточнение. Процесс 3 не относится к трансграничной электронной торговле в собственном смысле. Он затрагивает внутренние российские продажи продавцов на маркетплейсах, в том числе продавцов из других государств-членов Союза, реализующих товары через российские платформы. К

покупкам российских потребителей у иностранных продавцов (трансграничная торговля физлицам) процесс 3 непосредственного отношения не имеет: для этого предусмотрен отдельный режим в рамках процесса 2.

Тем не менее процесс 3 связан с процессом 2 косвенно — через определение базовой ставки НДС, к которой будет приведён режим трансграничной торговли в финальной точке поэтапного сценария: исходный проект Минфина предусматривал выход на 20% к 2030 году, однако после повышения общей ставки НДС в ноябре 2025 года финальный уровень в проекте поправок автоматически смещается до 22%. Это обстоятельство усугубляет потенциальную нагрузку на трансграничные покупки в конечной точке всех сценариев.

Ключевая характеристика процесса 3: национальный (Российская Федерация), внутренний контур, нормативно оформлен и действует с 1 января 2026 года, не имеет прямого отношения к трансграничным покупкам физлиц, но через ставку определяет конечную точку процесса 2.

Четвёртый процесс — введение в Российской Федерации национальной системы подтверждения ожидания поставки товаров (СПОТ) на основании Федерального закона от 17 апреля 2026 года № 101-ФЗ. Система применяется к товарам, ввозимым в Российскую Федерацию из государств-членов Союза автомобильным транспортом, и включает три основных элемента: документ о предстоящей поставке (ДОПП), который импортёр направляет в Федеральную налоговую службу не позднее чем за два дня до ввоза; обеспечительный платёж в размере НДС и акцизов, причитающихся к уплате, который вносится до пересечения границы; QR-код подтверждения, без которого таможенные органы не пропускают транспортное средство на территорию Российской Федерации [15; 16].

Запуск системы поэтапный: с 1 апреля 2026 года — добровольное тестирование с формированием документа о предстоящей поставке без обеспечительного платежа; с 1 июня 2026 года — обязательное применение с обеспечительным платежом и контрольными мерами на границе [15]. Цель введения — пресечение схем уклонения от уплаты косвенных налогов при ввозе товаров из государств-членов Союза («серый» импорт, поставки в адрес фирм-однодневок), что в действующей нормативной конструкции остаётся одним из основных каналов нелегального ухода от налогообложения.

Важное уточнение. СПОТ — это режим ввоза товаров между компаниями стран Союза, а не режим продаж физлицам. Он применяется к импорту автомобильным транспортом и не распространяется на международные почтовые отправления и курьерскую доставку посылок физическим лицам. Тем не менее в общественной дискуссии СПОТ часто упоминается в одном ряду с реформой пошлин и НДС на трансграничную торговлю, что является фактической неточностью.

Ключевая характеристика процесса 4: национальный (Российская Федерация), внутрисоюзный, ввоз между компаниями автотранспортом, не относится к покупкам физлиц, нормативно оформлен и вступает в полноценный режим с 1 июня 2026 года.

Сопоставление четырёх процессов по уровню действия, объекту регулирования, объекту обложения и срокам вступления в силу приведено в таблице 1.

Таблица 1

Сопоставление четырёх параллельных регуляторных процессов 2025–2027 годов

Параметр	Процесс 1: пошлина ЕАЭС	Процесс 2: НДС на трансграничную торговлю	Процесс 3: общая ставка НДС 22% (РФ)	Процесс 4: СПОТ (РФ)
Уровень	Союзный	Национальный (каждая страна отдельно)	Национальный (РФ)	Национальный (РФ)
Кому касается	Покупки физлиц за рубежом	Покупки физлиц за рубежом	Внутренние продажи в России	Ввоз товаров между компаниями стран Союза
Что облагается	Пошлина 5% (при стоимости > 200 €, со всей стоимости)	НДС по национальной ставке: РФ — от 7% до 22% поэтапно; КЗ — 16% сразу	НДС 22% на внутренние операции	Обеспечительный платёж в размере НДС/акцизов

Параметр	Процесс 1: пошлина ЕАЭС	Процесс 2: НДС на трансграничную торговлю	Процесс 3: общая ставка НДС 22% (РФ)	Процесс 4: СПОТ (РФ)
Применение к посылкам физлиц	Только > 200 €	РФ: все посылки (с 2027 г.); КЗ: до 200 € — через площадку, свыше 200 € — в составе совокупного таможенного платежа	Нет	Нет
Дата вступления	1 июля 2026 г. (после вступления Протокола в силу)	РФ: не ранее 01.01.2027; КЗ: 01.07.2026	1 января 2026 г.	1 июня 2026 г.

Источник: составлено автором по [1; 2; 3; 6; 7; 8; 9; 14; 15; 16; 20].

Принципиальное наблюдение из таблицы 1: процессы 1 и 2 образуют связанную пару, формирующую совокупную фискальную нагрузку на трансграничную покупку; процессы 3 и 4 к покупкам физлиц за рубежом не относятся. Расчёты ниже сосредоточены на процессах 1 и 2 — наиболее значимых с точки зрения воздействия на конечного покупателя.

Для оценки совокупного эффекта проведены расчёты по четырём типовым случаям трансграничной покупки: микropосылка стоимостью 15 евро (типичный массовый китайский товар — даёт более половины объёма трансграничных заказов по среднему чеку); посылка 150 евро (ниже порога беспошлинного ввоза); посылка 300 евро (выше порога, типичный сегмент электроники); посылка 500 евро (выше порога, верхний массовый сегмент). Для каждого случая рассчитана итоговая стоимость в Российской Федерации и Республике Казахстан в пяти режимах. Результаты — таблица 2.

Принципы расчёта. Таможенная пошлина: 0 € при стоимости до 200 €; $\max(5\% \times \text{стоимость}; 1 \text{ €/кг} \times \text{вес})$ при стоимости свыше 200 €. НДС в Российской Федерации: 0% до 2027 года; затем по компромиссному сценарию Минфина — 7% в 2027 году, 14% в 2028 году, 22% с 2029 года; либо по ускоренному сценарию Минпромторга — 22% сразу с 2027 года. База НДС в Российской Федерации: стоимость товара при покупке до 200 €; стоимость + пошлина при покупке свыше 200 €. НДС в Республике Казахстан: 16% по той же логике, что и в Российской Федерации — стоимость товара при покупке до 200 € (взимается торговой площадкой по статье 779 НК РК), стоимость + пошлина при покупке свыше 200 € (взимается в составе совокупного таможенного платежа при ввозе). Таможенный сбор 689 рублей (около 7 €) в Российской Федерации в расчёте опущен для сопоставимости (это фиксированная, а не процентная нагрузка).

Таблица 2

Совокупная стоимость трансграничной покупки в Российской Федерации и Республике Казахстан, евро

Покупка	Действующий режим	С 01.07.2026 (только пошлина)	РФ 2027 г. (компромиссный сценарий Минфина: пошлина + НДС 7%)	РФ с 2029 г. / ускоренный сценарий 2027 г. (пошлина + НДС 22%)	КЗ с 01.07.2026 (пошлина + НДС 16%)
15 € / 0,2 кг	15,0	15,0	16,1 (+7,0%)	18,3 (+22,0%)	17,4 (+16,0%)
150 € / 0,8 кг	150,0	150,0	160,5 (+7,0%)	183,0 (+22,0%)	174,0 (+16,0%)
300 € / 1,2 кг	315,0	315,0	337,1 (+12,4%)	384,3 (+28,1%)	365,4 (+21,8%)
500 € / 5,0 кг	545,0	525,0	561,8 (+12,4%)	640,5 (+28,1%)	609,0 (+21,8%)

Источник: расчёты автора по [1; 2; 6; 7; 14; 20]. В скобках — прирост совокупной стоимости к цене товара. Методология идентична для обеих стран: для покупок до 200 € — НДС начисляется на стоимость товара (пошлина не применяется); для покупок свыше 200 € — НДС начисляется на базу, включающую таможенную пошлину 5% (см. раздел 2). Различие сводится только к национальной ставке НДС.

Примечание к расчётам. Для покупки 500 € / 5 кг в действующем режиме пошлина равна $15\% \times (500 - 200) = 45$ €; в новом режиме пошлина равна $\max(5\% \times 500; 1 \times 5) = \max(25; 5) = 25$ €. Таким образом, для среднестатистической покупки в верхнем массовом сегменте новый таможенный режим даже без введения НДС снижает фискальную нагрузку на 20 € по сравнению с действующим. Этот эффект частично нейтрализует ужесточение базы обложения, описанное в разделе 1.

Расчёты обнаруживают несколько закономерностей.

Первое. Для микросылок (дешевле 200 €) в Российской Федерации до 1 января 2027 года совокупная нагрузка не меняется по сравнению с действующим режимом — пошлина не применяется, НДС не введён. Это значит, что в 2026 году (между запуском нового таможенного режима и введением НДС) рост цен на массовые трансграничные товары для российского покупателя не ожидается. Это окно стабильности — характеристика, которая в текущей публичной дискуссии часто упускается из виду.

Второе. Контраст между Российской Федерацией и Республикой Казахстан с 1 июля 2026 года принципиален. В Республике Казахстан НДС 16% начнёт взиматься со всех посылок: для покупок до 200 € — торговой площадкой по статье 779 НК РК, для покупок свыше 200 € — в составе совокупного таможенного платежа при ввозе. Это даст немедленный прирост стоимости на 16% от цены товара для покупок до порога и на 21,8% от цены товара (16% НДС от базы с пошлиной + 5% пошлины) для покупок свыше порога. В Российской Федерации в аналогичный период (июль 2026 — январь 2027) для большинства массовых покупок ниже порога цена не изменится. Это создаёт временной арбитраж: товары, доставленные в Российскую Федерацию через территорию Республики Казахстан, могут оказаться дороже прямой доставки в Российскую Федерацию — что само по себе ослабит интеграционный эффект единого таможенно-тарифного режима.

Третье. Основной прирост фискальной нагрузки для российского покупателя — это процесс 2, а не процесс 1. Переход от действующего режима к новому таможенному режиму (только пошлина 5%) даёт нулевое или даже отрицательное изменение нагрузки для большинства покупок. Введение НДС 22% (по любому сценарию выхода на полную ставку) увеличивает нагрузку на покупку 300 € примерно на 28% от цены товара, на покупку 500 € — также на 28%; для микросылки 15 € — на 22% от цены товара. Эти проценты определяют ценовую разницу между легальным и нелегальным каналом покупки — что критически важно для следующего раздела.

Четвёртое. Сценарий «22% сразу с 2027 года» (Минпромторг) и сценарий «22% к 2029 году» (компромиссный Минфина) дают одинаковую конечную нагрузку, но различаются скоростью её введения. Это в первом приближении определяет, успеют ли покупатели и площадки адаптироваться постепенно или столкнутся с резким ценовым шоком. По оценкам участников рынка, при ускоренном сценарии «22% сразу» рост цен на трансграничные товары составит 15–25% [17].

Опыт Российской Федерации в смежной регуляторной области даёт эмпирическую основу для оценки рисков чрезмерно резкого сценария реформ в трансграничной электронной торговле. Реформа утилизационного сбора на автомобили 2024–2025 годов была направлена на сходные цели — выравнивание конкурентных условий для отечественных производителей за счёт фискального давления на импорт через «серые» каналы (ввоз физическими лицами для последующей продажи, параллельный импорт через юрисдикции Союза с льготными ставками). Поэтапная индексация ставок утильсбора, начавшаяся в октябре 2024 года, и привязка ставок к мощности двигателя с декабря 2025 года привели к резкому повышению совокупной фискальной нагрузки на массовый импортный автомобиль: для среднего сегмента — на сотни тысяч рублей, для премиального — до нескольких миллионов рублей.

Наблюдаемые эффекты реформы за десять месяцев 2025 года оказались иными, чем предполагалось при её проектировании. Ввоз новых автомобилей в Российскую Федерацию за этот период сократился на 64% к аналогичному периоду 2024 года [18]. Часть выпавшего спроса перетекла в «серую» зону — в схемы занижения декларируемой стоимости при ввозе через государства-члены Союза,

в каналы ввоза автомобилей старше определённого возраста с пониженными ставками, в отказ от покупки. Бюджетный эффект также оказался менее прямолинейным, чем предполагает механическое повышение ставок: прогноз поступлений от утилизационного сбора на транспортные средства в федеральный бюджет на 2025 год был снижен почти на 450 млрд рублей по сравнению с первоначальным планом — до уровня около 1,6 трлн рублей — из-за ожидаемого сокращения объёмов ввоза [19]. Сложилась ситуация, в которой повышение ставки не привело к пропорциональному росту сборов, а вместо этого сократило налоговую базу. В литературе по фискальной политике подобная конфигурация известна как «нисходящая ветвь кривой Лаффера» применительно к косвенному налогообложению импорта (упрощённо: если налог слишком высок, поступления падают вместо того, чтобы расти, поскольку покупатели отказываются от покупки или уходят в нелегальные каналы).

Применительно к рынку трансграничной электронной торговли аналогичные сценарии возможны при выборе ускоренного варианта реформы (процесс 2 в конструкции «22% сразу с 2027 года»). Структурно эти два рынка сопоставимы по ключевым параметрам: высокая чувствительность спроса к цене (по данным Ozon Global, основу спроса формирует ценовое преимущество дешёвых иностранных товаров, со средним чеком до 1 000 рублей); наличие альтернативных каналов покупки в обход легального сегмента (международные почтовые отправления в обход маркетплейсов, ввоз через классифайды и социальные сети, ввоз через государства-члены Союза с последующим серым перемещением в Российскую Федерацию); концентрация рынка на ограниченном числе крупных площадок (Ozon Global, AliExpress, Wildberries — свыше 90% сегмента), чувствительных к резкому повышению совокупной налоговой нагрузки [17].

Параметры возможного «эффекта утильсбора» в рынке трансграничной торговли. Участники рынка прогнозируют рост цен на трансграничные товары в диапазоне 15–25% при ускоренном сценарии (22% с 2027 года), что соответствует приросту, рассчитанному в разделе 5 (+22% для покупок ниже порога, +28% для покупок выше порога) [17]. По оценкам ассоциаций электронной торговли, одномоментное введение полной ставки может вызвать резкое сокращение оборота трансграничного сегмента, сужение ассортимента в чувствительных категориях (электроника, одежда, товары для хобби) и переток части спроса в нерегулируемые каналы [17]. Дополнительный фактор риска — фиксированный таможенный сбор 689 рублей (около 7 €) с каждой облагаемой посылки [13]: для среднестатистической российской трансграничной покупки со средним чеком до 1 000 рублей это прирост порядка 70% к стоимости, что многократно превышает процентный эффект НДС.

Поэтапный сценарий, в свою очередь, даёт площадкам и продавцам время на адаптацию: перестройку логистики, локализацию складских остатков, корректировку структуры ассортимента в пользу товаров, менее чувствительных к цене. Сценарий Республики Казахстан (полная ставка 16% с самого старта режима без переходного периода) представляет собой практический референтный кейс в реальном времени: эффективность модели можно будет оценить уже во второй половине 2026 года на основании данных о динамике трансграничных потоков в Казахстан до и после 1 июля. Эти данные сформируют дополнительную эмпирическую базу для калибровки решений Российской Федерации в 2026 году.

Ключевой урок реформы утилизационного сбора применительно к рынку электронной торговли состоит в следующем: при наличии альтернативных каналов покупки в обход легального сегмента ускоренное повышение фискальной нагрузки не приводит к пропорциональному росту бюджетных поступлений, а перераспределяет рынок в пользу «серой» зоны и сокращает совокупную легальную базу. Для рынка электронной торговли это означает, что выбор между ускоренным сценарием (22% сразу) и поэтапным сценарием (7% → 22% за три года) принципиален не только по соображениям защиты покупателя и бизнеса, но и с точки зрения фискальной эффективности самой меры. Опыт Казахстана с 1 июля 2026 года может дать эмпирический ориентир на этот вопрос в реальных рыночных условиях.

Корректная оценка регуляторных изменений в трансграничной электронной торговле 2025–2027

годов требует разнесения четырёх параллельных процессов, частично пересекающихся по срокам и по объекту регулирования, но различающихся по уровню действия, объекту обложения и юридическому статусу. Союзный таможенно-тарифный режим (процесс 1) и национальные режимы НДС государств-членов (процесс 2) образуют связанную пару, в которой второй процесс юридически зависит от вступления первого в силу. При этом реализация процесса 2 принципиально различается между государствами-членами: Республика Казахстан с 1 июля 2026 года вводит НДС 16% на трансграничные покупки — для покупок до порога через механизм взимания площадкой, для покупок выше порога в составе совокупного таможенного платежа вместе с пошлиной; Российская Федерация откладывает запуск национального режима НДС до 1 января 2027 года с поэтапным повышением ставки, конструкция которой не утверждена и находится в стадии межведомственного согласования.

Стандартная ставка НДС 22% в Российской Федерации (процесс 3) затрагивает внутренние продажи на маркетплейсах и не относится к покупкам физлиц за рубежом, но через ставку определяет конечную точку процесса 2. Система СПОТ (процесс 4) применяется к ввозу товаров между компаниями стран Союза автомобильным транспортом и не входит в контур трансграничных покупок физлиц в собственном смысле.

Расчёты в разделе 5 показывают, что основной канал воздействия на цену трансграничной покупки для российского покупателя — национальный НДС (процесс 2), а не пошлина Союза (процесс 1). Реализация ускоренного сценария Минпромторга (22% с 2027 года без переходного периода) увеличивает совокупную нагрузку на типовую покупку выше порога беспошлинного ввоза примерно на 28% от цены товара, на покупки ниже порога — на 22%. Реализация компромиссного сценария Минфина (7% → 22% за три года) распределяет этот прирост во времени, давая площадкам и продавцам пространство для адаптации.

Опыт реформы утилизационного сбора 2024–2025 годов показывает, что в условиях ценочувствительного спроса и наличия альтернативных каналов покупки ускоренное повышение фискальной нагрузки не обеспечивает пропорционального роста бюджетных поступлений, а перераспределяет рынок в пользу «серой» зоны. Применительно к трансграничной электронной торговле это формирует аргумент в пользу поэтапного сценария реформы НДС. Практический референтный кейс Республики Казахстан с 1 июля 2026 года даст эмпирическую базу для калибровки выбора Российской Федерации во второй половине 2026 года.

Список использованной литературы:

1. Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 5 декабря 2025 г. № 112 «Об отдельных вопросах, связанных с товарами электронной торговли» [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия: офиц. сайт. URL: <https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/> (дата обращения: 12.05.2026).
2. Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 5 декабря 2025 г. № 119 «Об установлении стоимостных норм, в пределах которых товары электронной торговли, приобретенные физическими лицами, ввозятся на таможенную территорию Евразийского экономического союза без уплаты таможенной пошлины в отношении товаров электронной торговли» [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия: офиц. сайт. URL: <https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/> (дата обращения: 12.05.2026).
3. Протокол от 25 декабря 2023 г. о внесении изменений в Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия: офиц. сайт. URL: <https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/> (дата обращения: 12.05.2026).
4. Начало игры в лимиты: как изменится ввоз посылок с 1 июля 2026 г. [Электронный ресурс]: аналитический материал // Ассоциация трансграничной электронной торговли и экспресс-доставки. — 2026. — 21 янв. — URL: <https://ated.pro/> (дата обращения: 12.05.2026).

5. Россия отозвала ратификационное уведомление по Протоколу о внесении изменений в Договор о Таможенном кодексе ЕАЭС [Электронный ресурс] // Эксперт. — 2026. — Январь. — URL: <https://expert.ru/> (дата обращения: 12.05.2026).
6. Минфин предложил с 2027 года ввести НДС на импортные товары с маркетплейсов [Электронный ресурс] // Forbes Russia. — 2025. — 3 окт. — URL: <https://www.forbes.ru/> (дата обращения: 12.05.2026).
7. Эксперты рассказали о последствиях внедрения НДС на товары электронной торговли [Электронный ресурс] // Деловая Россия. — 2025. — Октябрь. — URL: <https://deloros.ru/> (дата обращения: 12.05.2026).
8. Минфин предложил поэтапно ввести полный НДС для трансграничной электронной торговли с 2029 года [Электронный ресурс] // Интерфакс. — 2026. — 6 марта. — URL: <https://www.interfax.ru/> (дата обращения: 12.05.2026).
9. Федеральный закон от 28 ноября 2025 г. № 425-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202511280017> (дата обращения: 12.05.2026). Базовая ставка НДС повышена с 20 % до 22 % с 1 января 2026 года; см. также письмо ФНС России от 11 декабря 2025 г. № АБ-4-20/11176@ «О переходе с НДС 20% на 22% с 1 января 2026 года».
10. Минфин предлагает поэтапное введение НДС для товаров электронной торговли [Электронный ресурс] // Фонтанка.ру. — 2026. — 24 апр. — URL: <https://www.fontanka.ru/> (дата обращения: 12.05.2026).
11. Минфин России готовит поправки о введении НДС на товары электронной торговли [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. — 2025. — 26 дек. — URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 12.05.2026).
12. Ввод НДС для онлайн-продаж иностранных товаров. Что важно знать [Электронный ресурс] // РБК. — 2025. — 3 окт. — URL: <https://www.rbc.ru/> (дата обращения: 12.05.2026).
13. Донцова Г. О таможенном сборе 689 рублей и нагрузке на трансграничные посылки [Электронный ресурс]: комментарий президента Ассоциации трансграничной электронной торговли и экспресс-доставки // Деловая Россия. — 2025. — Октябрь. — URL: <https://deloros.ru/> (дата обращения: 12.05.2026).
14. Семёнов К. Посылки с 2026 года: что изменится для покупателей в Казахстане [Электронный ресурс]: разъяснения министра национальной экономики РК С. Жумангарина // ProRosta. — 2025. — Ноябрь. — URL: <https://prorosta.com/posylki-s-2026-goda/> (дата обращения: 12.05.2026).
15. Федеральный закон от 17 апреля 2026 г. № 101-ФЗ «О национальной системе подтверждения ожидания поставки товаров и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 12.05.2026).
16. Система подтверждения ожидания поставки товаров и изменения НК РФ — законы опубликованы [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. — 2026. — Апрель. — URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 12.05.2026).
17. НДС на импортные товары: риски для маркетплейсов в 2027 году [Электронный ресурс] // Logistics.ru: отраслевой портал. — 2026. — Апрель. — URL: <https://logistics.ru/> (дата обращения: 12.05.2026).
18. «Автостат»: импорт новых легковых автомобилей в РФ за 10 месяцев сократился на 64%, до 290 тыс. [Электронный ресурс] // ТАСС. — 2025. — 19 нояб. — URL: <https://tass.ru/ekonomika/25664227> (дата обращения: 12.05.2026).
19. РФ снизила прогноз доходов от утильсбора на автомобили на 448,3 млрд руб. [Электронный ресурс] // Интерфакс. — 2025. — 12 мая. — URL: <https://www.interfax.ru/russia/1025219> (дата обращения: 12.05.2026).

УДК 33

Орехов Г.А.

Магистрант 2 курса

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,

Г. Москва, РФ

**СПЕЦИАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ
ВНУТРЕННЕЙ ОФШОРИЗАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ САР, ОЭЗ И ТОР****Аннотация**

В статье проводится сравнительный анализ САР, ОЭЗ и ТОР с точки зрения соответствия критериям офшорной юрисдикции. Установлено, что только САР обладает ключевыми офшорными признаками: режимом валютного нерезидента, конфиденциальностью бенефициара и бессрочным льготным налогообложением. ОЭЗ и ТОР квалифицируются как инструменты промышленной и региональной политики. Создание САР представляет целенаправленную политику «внутренней офшоризации» для удержания российского капитала в национальной юрисдикции. на удержание российского капитала в национальной юрисдикции.

Ключевые слова:

специальный административный район, особая экономическая зона, территория опережающего развития, офшорная юрисдикция, внутренняя офшоризация, деофшоризация.

Политика деофшоризации российской экономики, активно проводившаяся с 2012–2013 годов, поставила перед государством принципиальный вопрос: каким образом удержать капитал в национальной юрисдикции, не прибегая к административному принуждению, заведомо обречённому на неудачу в условиях глобальной мобильности финансовых ресурсов. Ответом стало создание специальных экономических территорий, призванных воспроизвести конкурентные преимущества зарубежных офшорных юрисдикций на российской правовой почве. Вместе с тем в научной и экспертной литературе до сих пор отсутствует системный сравнительный анализ трёх основных типов подобных территорий – Специальных административных районов (САР), Особых экономических зон (ОЭЗ) и Территорий опережающего развития (ТОР) – с точки зрения их соответствия критериям офшорной юрисдикции.

Понятие «офшорная юрисдикция» не имеет единого международно-правового определения. В российской научной литературе наиболее распространён функциональный подход, при котором офшорная зона определяется через совокупность ключевых признаков, а не через формальную принадлежность к тому или иному реестру. Хейфец Б.А. выделяет четыре существенных признака офшорной юрисдикции: льготное налогообложение нерезидентов, высокая степень конфиденциальности информации о бенефициарах, отсутствие требований к ведению реальной хозяйственной деятельности на территории зоны и упрощённый административный режим. Схожей позиции придерживаются Величко Е.А. и Иванова В.И., добавляя к перечню признаков валютную свободу как самостоятельный критерий.

Специальные административные районы были учреждены Федеральным законом от 03.08.2018 № 290-ФЗ «О международных компаниях и международных фондах» на двух территориях: острове Октябрьский (Калининградская область) и острове Русский (Приморский край) Правовая конструкция САР изначально ориентирована на решение конкретной политической задачи – редомициляции российского бизнеса, ранее зарегистрированного в иностранных офшорных юрисдикциях, прежде всего на Кипре и в Нидерландах. Именно этим объясняется специфический набор предоставляемых льгот, принципиально отличающийся от режимов ОЭЗ и ТОР.

С точки зрения налогового режима резиденты САР получают: ставку налога на прибыль в части

доходов от участия в других организациях в размере до 5%; нулевую ставку налога на дивиденды при условии редомициляции из иностранной юрисдикции. Важно отметить, что большинство преференции не ограничены временными рамками – в отличие от ОЭЗ и ТОР, где льготный период строго фиксирован законом.

Ключевым офшорным признаком САР, не имеющим аналогов в ОЭЗ и ТОР, является режим валютного нерезидента. Международная компания, прошедшая редомициляцию в САР, признаётся валютным нерезидентом для целей российского валютного законодательства, что освобождает её от ограничений на трансграничное движение капитала. На практике это означает возможность свободного открытия счетов в иностранных банках, осуществления платежей в пользу нерезидентов без уведомительных процедур и управления зарубежными активами без валютного контроля – то есть именно те возможности, которые делали кипрскую и нидерландскую регистрацию столь привлекательной для российского бизнеса.

Конфиденциальность бенефициарного владения в САР обеспечивается через закрытый реестр международных компаний, сведения из которого не передаются в общедоступные базы данных и не входят в стандартный периметр автоматического обмена информацией по стандарту CRS в той же мере, что и данные об обычных российских юридических лицах. Луконькина О.В. и Малаева Н. А. отмечают, что именно сочетание конфиденциальности с валютной свободой делает САР функционально эквивалентным классической офшорной юрисдикции применительно к задачам холдингового структурирования.

Практическая работоспособность механизма САР была продемонстрирована в ходе редомициляции группы Яндекс. До 2022 года холдинговая структура группы была выстроена через нидерландскую компанию Yandex N.V., что обеспечивало применение льготной ставки налога на дивиденды по российско-нидерландскому СИДН. После денонсации данного соглашения в 2021 году и введения ограничений, связанных с санкционным давлением, группа осуществила редомициляцию в САР на острове Октябрьский, сохранив сопоставимые налоговые условия в рамках российской юрисдикции. Данный прецедент подтвердил, что с точки зрения крупного холдингового бизнеса САР является функциональным заменителем зарубежного офшора.

Особые экономические зоны функционируют в России с 2005 года на основании Федерального закона от 22.07.2005 № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации». Законодатель изначально концептуализировал ОЭЗ как инструмент привлечения реальных производственных и технологических инвестиций, а не как механизм налогового планирования для холдинговых структур. Это принципиальное целеполагание определяет все ключевые параметры режима и объясняет его несоответствие критериям офшорной юрисдикции.

Налоговый пакет ОЭЗ включает: снижение ставки налога на прибыль от 2% до 15,5% (где, федеральная часть – 2%, региональная – от 0 – 13,5%); нулевую ставку налога на имущество до 10 лет; нулевую ставку земельного налога до 10 лет; режим свободной таможенной зоны, обеспечивающий нулевые пошлины на ввоз оборудования и сырья для производства внутри зоны. Однако все перечисленные льготы имеют строго ограниченный срок действия – как правило, 5 – 10 лет, – после истечения, которого резидент переходит на стандартный налоговый режим. Именно временный характер льгот принципиально отличает ОЭЗ от офшорной юрисдикции.

Отсутствие в режиме ОЭЗ валютной свободы нерезидента и конфиденциальности бенефициарного владения окончательно исключает квалификацию данного инструмента в качестве офшорной юрисдикции. Режим ОЭЗ функционально близок к китайским специальным экономическим зонам и южнокорейским свободным экономическим зонам – это инструменты привлечения производственных инвестиций через налоговые субсидии, а не структуры для оптимизации пассивных доходов холдинговых компаний.

Территории опережающего развития введены в российскую правовую систему Федеральным

законом от 29.12.2014 № 473-ФЗ «О территориях опережающего развития в Российской Федерации». ТОР создавались как инструмент экономического оживления депрессивных территорий – преимущественно Дальнего Востока и монопрофильных городов, – и именно это целеполагание определяет как их сильные стороны, так и их принципиальное несоответствие критериям офшорной юрисдикции.

Налоговый режим ТОР является наиболее агрессивным из трёх рассматриваемых инструментов в части ставок: налог на прибыль – 5% в первые 5 лет (где, в федеральная часть – 0%, региональная часть не более 5%), а следующие 5 лет в региональный не менее 10%; страховые взносы снижены до 7,6% на 10 лет; налог на имущество – 0% на 5 лет.

Во-первых, все налоговые преференции ТОР строго ограничены десятилетним горизонтом, что исключает возможность долгосрочного налогового планирования и стимулирует бизнес к «перерегистрации» схем по истечении льготного периода. Во-вторых, жёсткая географическая привязка к депрессивным территориям Дальнего Востока является не только смыслом, но и ограничением инструмента: бизнес, не имеющий объективных логистических или сырьевых оснований для присутствия в регионе, не переместится туда ради налоговых преференций. В-третьих, отсутствие валютного режима нерезидента и какой-либо конфиденциальности делает ТОР абсолютно несопоставимым с офшорной юрисдикцией. ТОР – это налоговая субсидия, привязанная к конкретной территории, а не офшорный инструмент.

Сопоставление трёх рассматриваемых инструментов по выделенным критериям офшорной юрисдикции представлено в таблицах 1 и 2. Данные таблиц наглядно иллюстрируют принципиальный разрыв между САР, с одной стороны, и ОЭЗ и ТОР – с другой.

Таблица 1

Сравнительный анализ преференциальных налоговых режимов

Критерий офшорной юрисдикции	САР	ОЭЗ	ТОР
Пониженное налогообложение	Бессрочно или до 2036 года	5 - 10 лет	5 - 10 лет
Режим валютного нерезидента	Присутствует	Отсутствует	Отсутствует
Конфиденциальность бенефициара	Присутствует	Отсутствует	Отсутствует
Отсутствие требования реальной деятельности	Присутствует	Отсутствует	Отсутствует
Упрощённое корпоративное управление	Присутствует	Отсутствует	Отсутствует
Доступ к иностранному праву	МХК – до 2039 года, для общественно полезных и международных личных фондов без ограничений	Отсутствует	Отсутствует

Анализ таблицы 1 показывает, что только Специальный административный район соответствует полному набору критериев офшорной юрисдикции. По шести из десяти критериев САР получает оценку «полностью соответствует», тогда как ОЭЗ – лишь по одному (нулевые таможенные пошлины в режиме свободной таможенной зоны), а ТОР – ни по одному безусловно. Принципиальное значение имеет то, что именно по двум ключевым «офшорным» критериям – режим валютного нерезидента и конфиденциальность бенефициара – ОЭЗ и ТОР полностью отсутствуют, тогда как именно эти параметры исторически определяли привлекательность кипрской, нидерландской и британско-виргинской регистрации для российского бизнеса.

Создание САР в 2018 году следует рассматривать не как техническое законодательное решение, а как проявление принципиально новой государственной стратегии в сфере управления трансграничными потоками капитала. До 2018 года российская политика в отношении офшоров сводилась преимущественно к запретительным и ограничительным мерам: введение требований о раскрытии конечных бенефициаров, ужесточение валютного контроля. Данная стратегия показала ограниченную эффективность: по данным Банка России, отток капитала в офшорные юрисдикции продолжался, составив только по направлению «Кипр» более 199 миллиардов долларов за 2010–2021 годы.

Создание САР ознаменовало переход от «запретительной» к «конкурентной» логике деофшоризации: вместо того чтобы запрещать использование зарубежных офшоров, государство предложило их функциональный аналог внутри страны. Данная логика соответствует концепции институциональной конкуренции юрисдикций, разрабатываемой в работах Тибу, а применительно к российским реалиям – в исследованиях Хейфеца Б. А.: юрисдикции конкурируют за мобильный капитал не через запреты, а через качество институционального предложения.

Вместе с тем «внутренняя офшоризация» через механизм САР имеет принципиальное ограничение, которое отличает её от классического офшора: она ориентирована исключительно на российский капитал, возвращающийся из зарубежных юрисдикций, и не создаёт стимулов для привлечения иностранных инвесторов. САР не создаёт условий для привлечения качественно нового иностранного капитала, что ограничивает его долгосрочный потенциал как инструмента развития.

Проведённый сравнительный анализ позволяет сформулировать следующие выводы. Из трёх типов специальных экономических территорий Российской Федерации только Специальный административный район может быть обоснованно квалифицирован как «внутренний офшор». Именно САР обладает полным набором офшорных признаков: пониженным и бессрочным налогообложением, режимом валютного нерезидента, конфиденциальностью бенефициарного владения и отсутствием требований к реальной хозяйственной деятельности на территории зоны.

Особые экономические зоны и Территории опережающего развития не являются офшорными инструментами. ОЭЗ представляет собой механизм промышленной политики, предоставляющий временные налоговые субсидии в обмен на реальные производственные инвестиции. ТОР является инструментом региональной политики, ориентированным на экономическое оживление депрессивных территорий через налоговые льготы с жёстко ограниченным горизонтом действия. Оба инструмента лишены ключевых офшорных признаков – валютной свободы и конфиденциальности, – что делает их функционально несопоставимыми с офшорными юрисдикциями.

Создание САР отражает принципиальный сдвиг в государственной стратегии деофшоризации: от запретительной логики к конкурентной. Однако долгосрочная эффективность данного инструмента будет определяться не налоговыми параметрами – легко воспроизводимыми любым конкурентом, – а качеством правовой защиты прав собственности и предсказуемостью государственного регулирования.

Список использованной литературы:

1. Федеральный закон от 03.08.2018 № 290-ФЗ «О международных компаниях и международных фондах». – М.: Государственная Дума Российской Федерации, 2018.
2. Федеральный закон "О специальных административных районах на территориях Калининградской области и Приморского края" от 03.08.2018 N 291-ФЗ
3. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. действующая).
4. Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» (ред. действующая).
5. Федеральный закон от 22.07.2005 № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» (ред. действующая).
6. Федеральный закон от 29.12.2014 № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» (ред. действующая).
7. Хейфец Б.А. Офшоризация российской экономики: масштабы и перспективы деофшоризации // Вопросы экономики. – 2013. – № 11. – С. 51–67.
8. Величко Е.А., Иванова В.И. Цели и принципы создания особых экономических зон // Вестник ГУУ. 2024. №5. – С. 103 – 115
9. Шахмаметьев А.А. Правовое регулирование налогообложения международных компаний – резидентов специальных административных районов России // Образование и право. – 2024. – № 3. – URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-nalogooblozheniya-mezhdunarodnyh-kompaniy-rezidentov-spetsialnyh-administrativnyh-rayonov-rossii>

10. Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики. Результаты работы территорий опережающего развития в 2024 году. URL: <https://minvr.gov.ru> (дата обращения: 10.05.2025).

11. Банк России. Статистика внешнего сектора: прямые инвестиции. URL: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/external_sector/di/ (дата обращения 11.05.2026)

© Орехов Г.А., 2026

УДК 33

Орехов Г.А.

Магистрант 2 курса

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,

г. Москва, РФ

ОФШОРНЫЕ ЮРИСДИКЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ КОНКУРЕНЦИИ ГОСУДАРСТВ

Аннотация

В статье рассматриваются офшорные юрисдикции как инструмент институциональной конкуренции государств в условиях глобализации. Исследуются природа офшоров, причины их возникновения и трансформация функций в международной финансовой системе. Анализируется политика деофшоризации и деятельность ОЭСР по противодействию налоговой конкуренции.

Ключевые слова:

офшорные юрисдикции, институциональная конкуренция, налоговая конкуренция, глобализация, деофшоризация, международное налоговое право.

Современная мировая экономика характеризуется высокой степенью интеграции финансовых рынков, транснационализацией бизнеса и ростом мобильности капитала. В условиях глобализации государства вступили в конкуренцию за привлечение инвестиций, финансовых потоков и международного бизнеса. Одним из наиболее значимых проявлений данной конкуренции стало формирование офшорных юрисдикций, предоставляющих специальные экономико-правовые режимы для международного капитала.

Традиционно офшорные зоны рассматриваются исключительно как инструмент уклонения от налогообложения и вывода капитала. Во многом подобный подход упрощает природу офшорных юрисдикций. На самом деле офшорные зоны представляют собой сложный механизм, основанный на конкуренции национальных правовых систем, налоговых режимов и условий защиты собственности. В современных условиях офшорные юрисдикции выполняют не только функцию налоговой минимизации, но и выступают средством обеспечения стабильности капитала, конфиденциальности финансовых операций и снижения институциональных рисков.

Особое значение проблема офшоров приобрела после публикации доклада ОЭСР «Harmful Tax Competition: An Emerging Global Issue» в 1998 году, в котором впервые была сформулирована концепция вредоносной налоговой конкуренции. Данный доклад положил начало международной политике деофшоризации и формированию современной системы глобального налогового регулирования.

Целью настоящей статьи является исследование офшорных юрисдикций как инструмента

институциональной конкуренции государств и анализ их роли в современной мировой экономике.

Развитие офшорных юрисдикций непосредственно связано с процессами глобализации мировой экономики и либерализацией международного движения капитала. Во второй половине 20-го века транснациональные корпорации получили возможность осуществлять деятельность одновременно в нескольких юрисдикциях, используя различия национальных налоговых и правовых систем. Именно в этот период государства начали конкурировать между собой не только посредством экономических показателей, но и через создание специальных правовых режимов для международного бизнеса.

С экономической точки зрения офшорная юрисдикция представляет собой территорию, предоставляющую иностранным компаниям и инвесторам льготный налоговый режим, высокий уровень финансовой конфиденциальности и упрощенное регулирование корпоративной деятельности. Однако ключевым элементом офшорной модели является не исключительно низкий уровень налогообложения, а наличие особой институциональной среды, обеспечивающей благоприятные условия для трансграничного движения капитала.

В исследовании ОЭСР 1998 года были впервые выделены основные критерии офшорных юрисдикций: отсутствие либо номинальный уровень налогообложения, непрозрачность законодательства, отсутствие эффективного обмена налоговой информацией и отсутствие требований к ведению реальной экономической деятельности.

Следует отметить, что офшоры выступают не просто «налоговыми убежищами», а полноценными участниками международной институциональной конкуренции. Государства, обладающие ограниченными природными ресурсами и небольшими внутренними рынками, начали использовать собственный суверенитет для формирования конкурентоспособных финансовых режимов. Особенно ярко данная модель проявилась в деятельности Каймановых островов, Британских Виргинских островов, Бермудских островов, Люксембурга и Сингапура.

В условиях глобализации капитал получил возможность свободного перемещения между государствами. Это привело к тому, что эффективность национальной экономики стала зависеть не только от внутреннего производства, но и от способности государства создавать привлекательные институциональные условия для международного бизнеса. В результате офшорные юрисдикции стали важным инструментом глобальной конкуренции правовых режимов.

Глобализация существенно усилила конкуренцию государств за мобильный капитал. Развитие цифровых технологий, либерализация финансовых рынков и рост транснационального бизнеса сделали возможным практически мгновенное перемещение финансовых активов между юрисдикциями. В данных условиях государства начали использовать налоговую политику как инструмент привлечения инвестиций и повышения собственной конкурентоспособности.

Согласно докладу ОЭСР 1998 года, *harmful tax competition* оказывает влияние на распределение мировых инвестиционных потоков, приводит к размыванию налоговой базы и смещению налоговой нагрузки на менее мобильные факторы производства, прежде всего труд и потребление.

При этом офшорные юрисдикции обеспечивают бизнесу ряд преимуществ: снижение налоговых издержек, упрощенное корпоративное регулирование, защиту активов, высокий уровень конфиденциальности, снижение административных барьеров и доступ к международным финансовым рынкам.

В современных условиях налоговая конкуренция перестала ограничиваться исключительно уровнем налоговых ставок. Конкуренция государств осуществляется также посредством качества судебной системы, стабильности законодательства, эффективности защиты собственности и скорости административных процедур. Таким образом, офшоры являются частью более широкой институциональной конкуренции государств за международный капитал.

Таблица 1

Критерии офшорных юрисдикций по классификации ОЭСР

Критерий	Содержание
Номинальное или нулевое налогообложение	Минимальная налоговая нагрузка для нерезидентов
Отсутствие прозрачности	Закрытость информации о бенефициарах
Отсутствие обмена информацией	Ограниченное взаимодействие с иностранными налоговыми органами
Отсутствие существенной деятельности	Возможность регистрации компаний без реального бизнеса

В 2000 году ОЭСР идентифицировала 35 потенциальных налоговых гаваней. Данные показатели свидетельствовали о масштабности распространения офшорных механизмов в мировой экономике.

Одной из важнейших функций офшорных юрисдикций является обеспечение трансграничного движения капитала. Значительная часть прямых иностранных инвестиций в мировой экономике проходит через офшорные финансовые центры. При этом офшоры зачастую выступают промежуточным звеном между государством происхождения капитала и страной конечного инвестирования.

По оценкам международных исследовательских организаций, объем частного капитала, размещенного в офшорных юрисдикциях, исчисляется триллионами долларов. Согласно исследованиям Габриэля Цукмана, объем частных активов, находящихся в офшорах, превышает 8 трлн долларов [3]. Подобные показатели свидетельствуют о высокой степени интеграции офшорных механизмов в глобальную финансовую систему.

Особую роль офшоры играют для государств со слабой институциональной средой. В условиях нестабильного законодательства, низкого уровня защиты собственности и высокого административного давления бизнес стремится использовать иностранные юрисдикции как инструмент минимизации институциональных рисков. В данном случае офшоризация становится не только следствием стремления к налоговой оптимизации, но и реакцией бизнеса на институциональные недостатки государства происхождения капитала.

Следовательно, офшорные юрисдикции выполняют функцию международного институционального арбитража, позволяя экономическим субъектам выбирать наиболее благоприятную правовую среду для осуществления деятельности.

Рост масштабов офшоризации привел к усилению международного регулирования. С конца 1990-х годов ОЭСР, ФАТФ, Европейский союз и США начали активную борьбу с вредоносной налоговой конкуренцией.

Ключевыми направлениями международной деофшоризации стали автоматический обмен налоговой информацией, раскрытие конечных бенефициаров, борьба с размыванием налоговой базы (BEPS), внедрение стандартов финансовой прозрачности и ограничение использования номинальных структур.

Доклад ОЭСР 1998 года предусматривал реализацию принципа «3R»: refrain – отказ от введения новых вредоносных режимов, review – пересмотр действующих режимов и remove – устранение вредоносных налоговых практик.

Однако международная деофшоризация не привела к исчезновению офшорных юрисдикций. Напротив, произошла их институциональная трансформация. Современные офшоры постепенно переходят от модели абсолютной конфиденциальности к модели регулируемой прозрачности. При этом сохраняется фундаментальная функция офшоров — обеспечение конкурентоспособного правового режима для международного капитала.

Интересно, что многие государства, одновременно выступая против офшоров, сами начали создавать специальные льготные режимы. Примером подобной политики являются специальные административные районы в Российской Федерации, а также различные инвестиционные и корпоративные режимы в странах Европейского союза.

Офшорные юрисдикции представляют собой важнейший элемент современной мировой

финансовой системы и являются закономерным результатом институциональной конкуренции государств в условиях глобализации. Их развитие обусловлено не только стремлением бизнеса к минимизации налоговой нагрузки, но и необходимостью обеспечения защиты капитала, стабильности правового режима и снижения институциональных рисков.

В современных условиях конкуренция государств осуществляется не исключительно через уровень налогообложения, но и посредством качества институтов, эффективности правового регулирования и уровня защиты собственности. Именно поэтому офшоры следует рассматривать не как аномалию мировой экономики, а как специфическую форму международной институциональной конкуренции.

Несмотря на усиление международного регулирования и процессы деофшоризации, офшорные юрисдикции продолжают сохранять значительное влияние на глобальные финансовые потоки. Это свидетельствует о том, что причины существования офшоров носят системный характер и связаны с фундаментальными особенностями современной мировой экономики.

Список использованной литературы:

1. Harmful Tax Competition: An Emerging Global Issue. – Paris: OECD Publishing, 1998.
2. Towards Global Tax Co-operation: Progress in Identifying and Eliminating Harmful Tax Practices. – Paris: OECD Publishing, 2001.
3. Zucman G. The Hidden Wealth of Nations: The Scourge of Tax Havens. – Chicago: University of Chicago Press, 2015.
4. Palan R. Tax Havens and the Commercialization of State Sovereignty // International Organization. – 2002. – Vol. 56. – № 1.
5. Shaxson N. Treasure Islands: Tax Havens and the Men Who Stole the World. – London: Bodley Head, 2011.
6. Dharmapala D. What Problems and Opportunities are Created by Tax Havens? // Oxford Review of Economic Policy. – 2008. – Vol. 24. – № 4.
7. Тимофеева, О.Ф., Крестьянинова, М.И. (2014). Офшорные юрисдикции как инструмент международного налогового планирования: мировой опыт их создания // Мир науки. Педагогика и психология. 2014. №1.

© Орехов Г.А., 2026

УДК 339.5:656

Савичев Л.О.

Магистрант Финансового университета при правительстве РФ
Россия, г. Москва

СОВРЕМЕННЫЕ ПОЗИЦИИ КИТАЯ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛЕ ТРАНСПОРТНЫМИ УСЛУГАМИ

Аннотация

В условиях глобализации и растущей конкуренции цифровизация становится ключевым фактором усиления позиций на рынке транспортных услуг. В статье рассматривается, как стратегические инициативы и внедрение IT-технологий укрепляют конкурентоспособность Китая в международной логистике. На примере крупнейших перевозчиков и логистических операторов (COSCO, SF Express, Cainiao) анализируются современные цифровые решения: использование блокчейна в документообороте, искусственного интеллекта для оптимизации маршрутов и Интернета вещей для отслеживания грузов. Обсуждается развитие национальных цифровых логистических платформ (например, Cainiao) и их

глобальная экспансия, а также влияние стратегии «Цифрового шелкового пути» на стандартизацию и создание единой цифровой экосистемы. Рассматриваются возникающие вызовы цифровизации – кибербезопасность, технологическая зависимость и регулирование данных. В заключении обсуждается, формирует ли Китай с помощью этих инструментов цифровое будущее глобальной логистики.

Ключевые слова:

Китай, международная логистика, цифровизация, транспортные услуги, конкурентоспособность, Цифровой Шёлковый путь (DSR), искусственный интеллект (ИИ), блокчейн, кибербезопасность, глобальные цепочки поставок.

В условиях современной глобализации транспортный сектор становится полем жесткой конкуренции, где решающее значение имеют скорость и гибкость поставок. По оценке экспертов, цифровые платформы «кардинально меняют традиционные методы организации грузоперевозок». Китай, являясь крупнейшим экспортером и важным транзитным узлом мировой торговли, испытывает растущую потребность в инновационных решениях. Так, национальный перевозчик COSCO контролирует около 10,8% мирового контейнерного флота. Однако размер флота и выгодное географическое положение сами по себе не гарантируют преимущества: китайским компаниям необходимы современные информационные технологии для повышения эффективности и прозрачности операций. Одновременно китайские интернет-платформы (Alibaba, JD.com и др.) активно выходят на рынки Европы и Северной Америки, что повышает нагрузку на глобальные логистические сети и требует ускорения доставки. В этой ситуации цифровые технологии стали для Китая возможностью компенсировать географические и инфраструктурные ограничения, а также задать новые стандарты в отрасли.

Ведущие китайские логистические компании активно внедряют ключевые цифровые технологии. Так, COSCO Shipping (China COSCO Shipping) разрабатывает блокчейн-решения для повышения надежности документооборота. В апреле 2024 года совместно с международной сетью GSBN компания запустила пилот выпуска «зеленых сертификатов» на базе блокчейна. Эти сертификаты связывают фактическое использование биотоплива с официальным документом перевозки, а сеть блокчейн обеспечивает неизменность записей и полную прослеживаемость. Пилот позволил связать каждую тонну биотоплива с конкретным сертификатом, повысив доверие партнеров к экологическим декларациям компании. Кроме того, COSCO внедряет AI-технологии для оптимизации операций: сотрудничество с европейским стартапом Blockshipping позволило ввести систему прогнозирования времени выхода контейнера со склада с точностью свыше 50%, что существенно повысило эффективность планирования в порту. На китайских терминалах COSCO развернула L4-автономные грузовые автомобили, работающие круглосуточно и сокращающие эксплуатационные расходы более чем на 60% (энергопотребление – на 25%). Система мониторинга «Vessel Safety Visualization», основанная на глубоких нейросетях, обрабатывает свыше 10 млн показателей в сутки и выявляет более 98% потенциальных рисков при эксплуатации судов. Все эти меры позволяют COSCO существенно повысить пропускную способность и надежность перевозок.

Крупнейший китайский экспресс-перевозчик SF Express и его технологическая ветвь SF Technology также внедряют цифровые инновации. В их концепции цифровая трансформация цепочки поставок строится поэтапно: сначала «оцифровываются» все элементы (каждый груз, транспорт и склад получают «цифровой ярлык» – RFID-метку или сенсор для мгновенного отслеживания); затем устанавливается непрерывный обмен данными между этими звеньями; и, наконец, AI применяется к конкретным сценариям, например, для прогнозирования спроса и оптимизации сетей распределения. На практике это означает, что SF Express оснащает свою сеть IoT-датчиками: сенсоры контролируют температуру, влажность и местоположение грузов, а автомобили передают данные о маршруте и техническом состоянии. Все собранные данные анализируются в единой платформе, где AI-алгоритмы моделируют

спрос, генерируют оптимальные маршруты и планируют загрузку складов и транспорта. Уже сейчас SF Express отмечает заметное сокращение времени доставки и рост точности логистики благодаря этой системе. Кроме того, компания совместно с китайской фирмой Xingdong Era планирует масштабное внедрение автономных складских и транспортных роботов в цепочке поставок, что позволит снизить долю ручного труда и ускорить обработку заказов. Для повышения прозрачности SF Express использовала блокчейн: еще в 2017 году в партнерстве с платформой VeChain была внедрена распределенная система учета, исключающая фальсификацию данных и ускоряющая документооборот.

Важным направлением цифровой трансформации стала интеграция логистических сервисов через облачные платформы. Примером служит сеть Cainiao (Alibaba Cainiao Network), объединяющая сотни операторов доставки и сервисы для электронной коммерции. Эта платформа построена на «логистическом облаке» Alibaba Cloud: она отслеживает посылки на каждом этапе доставки благодаря обработке больших данных и алгоритмам машинного обучения. Через пользовательский портал «Link» продавцы и покупатели постоянно получают актуальную информацию о статусе отправок, а компании-операторы могут планировать перевозки по аналитическим показателям. Машинное обучение Cainiao автоматически оптимизирует маршрутизацию и размещение товаров на складах в зависимости от спроса и загрузки транспорта. Благодаря этим технологиям Cainiao удалось существенно расширить сеть: по данным Alibaba Cloud, внедрение облачных решений увеличило пропускную способность ее сети на 170% за год, а доля своевременных доставок достигла 98%. На международном направлении Cainiao активно расширяется: в 2025 году компания запустила специальный сервис между США и Мексикой (Global-to-Global), удешевив доставку примерно до 60% от среднерыночной стоимости. Это новшество позволило преодолеть ценовой барьер на одном из самых востребованных маршрутов Северной Америки. В совокупности эти примеры демонстрируют, как китайские платформы используют цифровые технологии и собственные сети для выхода на глобальные рынки и повышения качества сервиса.

Наконец, Китай на государственном уровне продвигает стратегию «Цифрового шелкового пути» (Digital Silk Road), призванную создать вокруг национальных технологий собственную глобальную цифровую экосистему. DSR включает проекты по развитию трансграничных дата-центров, оптоволоконных каналов и 5G-инфраструктуры в странах Азии, Африки и Европы. Одновременно эта стратегия означает экспорт стандартов: китайские технологические гиганты (Huawei, ZTE и другие) участвуют в формировании международных норм. Так, Huawei стала крупнейшим поставщиком телекоммуникационного оборудования в мире и присутствует более чем в 170 странах, распространяя китайские стандарты 5G. Аналитики подчеркивают, что при государственной поддержке Китай стремится «предлагать низкие цены и активно конкурировать» за мировой рынок технологий. Таким образом, хотя DSR не всегда публично афишируется, фактически она обеспечивает Китаю инструменты для глобального лидерства в цифровой экономике, включая формирование сети электронных торговых и финансовых стандартов на пространстве БРИКС и БРИ.

Однако столь масштабная цифровизация сопровождается серьезными вызовами. Во-первых, возрастает риск кибератак и промышленного шпионажа. Логистические сети все в большей степени зависят от программного обеспечения и связи, и уязвимости в этих системах могут вывести из строя цепочку поставок. Недавние киберинциденты в транспортной отрасли показали, что даже небольшие сбои приводят к многомиллионным убыткам. Во-вторых, политико-правовые факторы осложняют международное взаимодействие. Закон о кибербезопасности КНР обязывает операторов критической инфраструктуры транспорта хранить все данные внутри страны и предоставлять к ним доступ властям. В то же время зарубежные партнеры вводят собственные правила (например, GDPR в ЕС или ограничения на китайские технологии), что создает точки трения. Дополнительные опасения вызывает выявленный риск: согласно ряду аналитических отчетов, оборудование китайского производства может включать незадокументированные уязвимости (backdoors), что усиливает обеспокоенность по безопасности

критических систем. Наконец, зависимость от крупных цифровых платформ создает риск концентрации: несколько китайских операторов контролируют ключевые участки рынка, и при их сбоях или санкциях страдают глобальные цепочки.

Таким образом, цифровая трансформация значительно укрепила конкурентные позиции Китая в глобальной логистике. Инновационные цифровые сервисы позволяют китайским компаниям оптимизировать работу флота и складов, повысить прозрачность операций и предложить рынку новые возможности (например, «умные» маршруты и сокращенное время доставки). К тому же государственная поддержка и масштаб внутреннего рынка обеспечивают Китаю решающее преимущество: при «государственной поддержке» компании получают ресурсы для быстрого роста и могут «предлагать низкие цены и активно конкурировать» на международной арене. COSCO сегодня управляет свыше 10% мирового контейнерооборота, что подчеркивает масштаб амбиций Китая. Будет ли Китай формировать цифровое будущее мировой логистики во многом зависит от готовности глобального сообщества принять его стандарты и выстроить доверительные отношения. Вероятно, Китай станет одной из движущих сил цифровизации транспортного сектора, однако это потребует диалога и согласования норм с остальным миром.

Список источников и литературы:

1. Booz Allen warns China's AI-driven supply chain cyber strategy fuels PRC dominance [Электронный ресурс] // Industrial Cyber. URL: <https://industrialcyber.co/reports/booz-allen-warns-chinas-ai-driven-supply-chain-cyber-strategy-fuels-prc-dominance/> (дата обращения: 18.01.2026).
2. Cainiao Logistics customer success story [Электронный ресурс] // Alibaba Cloud. URL: <https://www.alibabacloud.com/en/customers/cainiao-logistics> (дата обращения: 18.01.2026).
3. China's cybersecurity legislation: paper tiger or institutionalized theft? [Электронный ресурс] // The Institute for Security & Development Policy (ISDP). URL: <https://www.isdp.eu/publication/chinas-cybersecurity-legislation-paper-tiger-institutionalized-theft/> (дата обращения: 18.01.2026).
4. COSCO SHIPPING Ports Spain partners with tech start-up to leverage AI technology [Электронный ресурс] // Container News. URL: <https://container-news.com/cosco-shipping-ports-spain-partners-with-tech-start-up-to-leverage-ai-technology/> (дата обращения: 18.01.2026).
5. Countering the Digital Silk Road [Электронный ресурс] // Center for a New American Security (CNAS). URL: <https://www.cnas.org/publications/reports/countering-the-digital-silk-road> (дата обращения: 18.01.2026).
6. Greater China Logistics Trends [Электронный ресурс] // Maersk. Insights. URL: <https://www.maersk.com/insights/growth/2025/09/30/greater-china-logistics-trends> (дата обращения: 18.01.2026).
7. How IoT is transforming logistics and supply chain management [Электронный ресурс] // Itransition. URL: <https://www.itransition.com/iot/logistics> (дата обращения: 18.01.2026).
8. Internet of Things powers smart logistics [Электронный ресурс] // Huawei. Transform. URL: <https://www.huawei.com/en/media-center/transform/21/09-sf> (дата обращения: 18.01.2026).
9. Logistics Platforms in China: Analysis of Key Players [Электронный ресурс] // GetTransport. URL: <https://gettransport.com/ru/articles/china-logistics-platforms> (дата обращения: 18.01.2026).
10. SF Express: blockchain logistics with big data [Электронный ресурс] // Harvard University. Digital Data Design (D³). Platform. URL: <https://d3.harvard.edu/platform-digit/submission/sf-express-blockchain-logistics-with-big-data/> (дата обращения: 18.01.2026).
11. The 20 largest container shipping companies [Электронный ресурс] // FreightEnder. URL: <https://www.freightender.com/20-largest-container-shipping-companies/> (дата обращения: 18.01.2026).
12. Zhou, Y. COSCO SHIPPING Technology launches AI-powered safety operation system for vessels [Электронный ресурс] // COSCO SHIPPING. URL: <https://au.coscoshipping.com/col/col23648/art/2025/>

art_1740037579.html (дата обращения: 18.01.2026).

13.Zhou, Y. COSCO SHIPPING Technology: contributing smart solutions to the industry chain [Электронный ресурс] // COSCO SHIPPING. URL: https://en.coscoshipping.com/col/col6923/art/2024/art_3b7a182117d8421194ba7e9d2c24a98e.html (дата обращения: 18.01.2026).

© Савичев Л.О., 2026

УДК 339.5:656

Савичев Л.О.

Магистрант Финансового университета при правительстве РФ
Россия, г. Москва

ВЛИЯНИЕ ТОРГОВОЙ ВОЙНЫ МЕЖДУ КИТАЕМ И США НА ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ КИТАЯ В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ТРАНСПОРТНЫХ УСЛУГ

Аннотация

В 2025 году новый виток тарифной войны между Вашингтоном и Пекином резко перестроил мировые товаропотоки – и заодно придал китайским перевозчикам неожиданный импульс к географической и технологической диверсификации. В апреле Белый дом поднял основную «шторку» тарифов на китайский импорт до 125%, объявив это «взаимным» ответом на «искаженную торговлю» [1]. Наступившее «тактическое обморожение» в транстихоокеанской торговле радикально изменило расстановку сил на рынке международных транспортных услуг и заставило логистическую отрасль КНР развернуться к альтернативным коридорам.

Ключевые слова:

торговая война, Китай, США, международные транспортные услуги, глобальные цепочки поставок, логистика, «Один пояс – один путь», протекционизм.

В 2025 году торговое противостояние между Вашингтоном и Пекином перешло из затяжной стадии в фазу открытого тарифного противодействия. 2 апреля президентский указ в США ввел «рекурсивную» ставку до 125% почти на весь китайский импорт, ссылаясь на раздел 301 Закона о торговле и необходимость «выравнивания конкурентных условий»; уже 11 апреля Пекин ответил зеркально, подняв пошлины на американские товары до 84-125% и одновременно отменив упрощенный режим для посылок до 800 долларов [2]. В результате обмена мерами привычные товаропотоки перестали быть актуальными за считанные недели: крупнейший транстихоокеанский коридор «Китай – США» застыл, а китайские перевозчики получили неожиданный стимул к географической и технологической диверсификации.

Первые расчеты показали масштаб удара: независимая консалтинговая компания в области морских исследований Drewry предупредила, что, если две трети новых тарифов сохранятся, американский импорт из КНР может рухнуть на сорок процентов, а мировая перегрузка контейнеров в портах сократится на 1% [3]. На практическом уровне падение стало видно уже в апреле: Maersk фиксировала 30-40% сокращение своих рейсов Китай-США и укрепила продажи в других регионах, чтобы загрузить освободившийся тоннаж [4].

Сокращение спроса на Тихом океане мгновенно обрушил фрахтовые ставки. Индекс World Container Index (WCI) Drewry, который с февраля держался на ставке около \$3500 за сорокафутовый контейнер, к 19 июня просел до 3279 долларов – уменьшение на 7% стало сигналом о том, что грузовых судов в линии теперь объективно больше, чем груза.

На суше Пекин задействовал давно задуманный план «снятия санкционных рисков» через расширение сухопутных коридоров. Так называемый Средний коридор (Китай – Каспий – Закавказье – Черное море) всего за три года нарастил объем с 840 тыс. до 4,5 млн т, выправив узкое «бутылочное горлышко» каспийских паромов через синхронизацию графиков в Актау и Баку [5].

29 апреля на плато Нарын началось строительство трех ключевых тоннелей будущей магистрали SKU (Китай – Киргизия – Узбекистан). Новый путь обходит Россию с юга и, по расчетам Минтранса КНР, к 2031 году даст еще 10-12 млн т пропускной способности, позволяя перенаправить часть Евразийского экспорта в порты Кавказа и далее в Средиземноморье [6].

Удар по воздушным грузам пришел из сферы электронной торговли. Отмена в США режима *de minimis* для посылок до 800 долларов сорвала бизнес-модель маркетплейсов Shein и Temu: за две недели после 2 мая авиаперевозки из Гонконга и Южного Китая в Лос-Анджелес упали на тридцать процентов [7]. Cathay Pacific предупредила о необходимости оперативного «перебалансирования» сети и перекинула часть парковочных слотов под рейсы в Мехико, а China Southern ускорила конвертацию пассажирских Boeing 777 в грузовые, чтобы выполнить чартеры на Ближний Восток [8].

Латиноамериканский вектор одновременно закрыл сразу два стратегических вопроса: открыл новый рынок сбыта для флота и укрепил продовольственный тыл КНР. В мае страна импортировала рекордные 13,92 млн т сои, на 70% покрыв свою потребность поставками из Бразилии [9].

COFCO строит собственный зерновой модуль STS-11 в портовом комплексе Сантус; запуск объекта в 2025-2026 годах утроит пропускную способность холдинга в стране. На тихоокеанском побережье COSCO получила лицензию на эксплуатацию нового глубоководного порта Чанкай в Перу – шаг, который свяжет медный пояс Анд прямой линией с китайскими металлургами и обеспечит обратный поток на маршруте «зерно – руда».

На африканском континенте Пекин продолжает «порт-рельс-финтех» экспансию. В марте ССЕСС объявила о вложении 1,4 млрд долларов в реконструкцию Танзано-Замбийской TAZARA: средства пойдут и на 32 новых локомотива и на 762 вагона, что поднимет грузопоток медной руды к 2028-му почти втрое [10]. Чуть севернее, в Нигерии, China Development Bank произвел финансирование первого транша (254,8 млн долларов) для магистрали Кано – Кадуна, ключевого участка коридора от Лагоса до северных границ Сахеля [11].

В целом, последствия для Китая в ходе торговой войны можно отобразить в виде таблицы:

Таблица 1

Позиции Китая в сфере международных транспортных услуг

Метрика	2024	2025 (оценка)	Комментарий
Доля китайских линий в мировом контейнерном флоте	18%	20%	рост за счет Ocean Alliance
Доля Китая в евразийском ж/д трафике	78%	82%	усиление за счет SKU
Экспорт логистических IT-услуг (Cainiao, JD)	\$5,8 млрд	\$7,4 млрд	спрос из АСЕАН

Источник: таблица составлена автором

Согласно таблице 1, можно наблюдать следующие тенденции:

- Снижение зависимости от США. Упавший транстихоокеанский поток компенсируется усилением товаропотока в Европу, Латинскую Америку и внутренним рынком;

• Сочетание «железо + софт». Китайские игроки остаются едва ли не единственными, кто контролирует одновременно флот, поезда, авиапарки и цифровые платформы;

• Политический капитал. Через проект «Один пояс – Один путь» и двусторонние соглашения (Центральная Азия, Африка) Пекин превращает транспортные проекты в инструмент «дружественного давления» против санкций.

Таким образом, торговая война, разразившаяся в 2025 году, не выбила Китай из глобальной логистики – она лишь ускорила изменение его транспортной стратегии. Пекин меньше ориентируется на США, активнее диверсифицирует морские и сухопутные маршруты, вкладывается в цифровые сервисы и использует инфраструктурные проекты как элемент внешней политики. В результате Китай превращается из «фабрики мира» в транспортный хаб, который может передислоцировать грузы туда, где они политически и экономически выгоднее.

Список использованной литературы:

1. Breaking Down the US-China Trade Tariffs: What's in Effect Now? // China Briefing [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.china-briefing.com/news/us-china-tariff-rates-2025>
2. Modifying reciprocal tariff rates to reflect discussions with the People's Republic of China // The White House [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/05/modifying-reciprocal-tariff-rates-to-reflect-discussions-with-the-peoples-republic-of-china/>
3. Global container shipping volume to fall 1% on Trump trade policies, Drewry says // Reuters [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.reuters.com/business/autos-transportation/global-container-shipping-volume-fall-1-trump-trade-policies-drewry-says-2025-04-24>
4. Maersk warns global container volumes could drop due to trade war // Reuters [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.reuters.com/world/europe/maersk-keeps-2025-outlook-unchanged-q1-profits-beat-forecast-2025-05-08>
5. Freight Traffic on Middle Corridor Grows Fivefold Since 2021 // Industry publication for railway transport specialists [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.railway.supply/en/freight-traffic-on-middle-corridor-grows-fivefold-since-2021>
6. Kyrgyzstan begins tunnel construction on CKU line // Railway pro [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.railwaypro.com/wp/kyrgyzstan-begins-tunnel-construction-on-cku-line>
7. Is this the end of fashion's international shipping? // Vogue business [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.voguebusiness.com/story/consumers/is-this-the-end-of-fashions-international-shipping>
8. Cathay Pacific expects lower US-China air cargo demand from tariffs impact // Reuters [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.reuters.com/world/china/cathay-pacific-expects-lower-us-china-air-cargo-demand-tariffs-impact-2025-04-23>
9. China's May soybean imports from Brazil jump 37.5 per cent year over year // The western producer [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.producer.com/daily/chinas-may-soybean-imports-from-brazil-jump-37-5-per-cent-year-over-year>
10. China's CCECC to invest \$1.4 billion in Tanzania-Zambia railway // Reuters [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.reuters.com/world/africa/chinas-ccecc-invest-14-billion-tanzania-zambia-railway-2025-03-20>
11. China Development Bank releases \$255 mln for Nigeria rail project // Reuters [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.reuters.com/business/autos-transportation/china-development-bank-releases-255-mln-nigeria-rail-project-2025-01-08>

УДК 332.143:353

Устюгов Ю.А.

доктор технических наук,

Почётный профессор

ЧОУ ВО «Сибирская академия финансов и банковского дела»,

г. Новосибирск, РФ

**МАТЕМАТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МЕТОДОЛОГИИ ОПТИМАЛЬНОГО ONLINE КВАНТОВОГО АДАПТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯМИ НА ТЕРРИТОРИИ.
ЧАСТЬ 7: МЕТОД ОРТ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ОБЩЕГО РЕСУРСА РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ, ОПРЕДЕЛЕНИЯ СИСТЕМНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК, ВОЗМОЖНОСТЕЙ И ПРИЗНАКОВОГО ПРОСТРАНСТВА ИССЛЕДОВАНИЙ, ОХВАТЫВАЕМЫХ МЕТОДОЛОГИЕЙ, ОРТ УРОВНЯ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ДЛЯ УДОВЛЕТВОРЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОТРЕБНОСТЕЙ В КОМПЛЕКСЕ “СЭР_V + СЭР_H + СЭР_W”**

Аннотация

В настоящей статье продолжено развитие математических основ разрабатываемой автором Методологии оптимального online квантового адаптивного управления социально-экономическими взаимодействиями (СЭВ) на территории

[1-6] (далее – Методологии) в части разработки и изложения математических основ метода орт решения в online режиме важных системных задач в комплексе “СЭР_V + СЭР_H + СЭР_W”: *орт распределения общего ресурса развития территории*, предназначенного для создания дополнительных и восполнения утраченных возможностей СЭР для субъектов СЭВ; *определения орт уровня возможностей СЭР для максимального удовлетворения социально-экономических потребностей субъектов СЭВ*, характеризующих уровень и качество жизни населения территории; *количественной оценки социально-экономической эффективности и упущенных возможностей СЭР субъектов СЭВ реализуемого на практике управления* в текущий момент времени и за весь период наблюдения; *оценки возможностей и признакового пространства исследований*, охватываемых Методологией; *дальнейшего расширения признакового пространства Методологии в процедурах выработки оптимальных управленческих решений* в ходе оптимального объединения индивидуальных спросов субъектов СЭВ при оптимальном формировании их многофакторных способностей наращивать указанные возможности при их использовании. При изложении математических основ предлагаемого в статье метода *сохранена уникальная система обозначений, принятая в [1-6]*, широко используются разработанные автором итерационные оптимизационные процедуры. Последовательно раскрыт функционал всех слоёв оптимальных преобразований. Излагаемое в статье является естественным продолжением опубликованного в [1-6]. *Методология орт online квантового адаптивного управления СЭВ на территории и её развитие в представленном в статье названном выше методе – универсальны*, их можно использовать при *орт управлении процессами СЭВ на любой территории*, они ориентированы на применение современных и перспективных достижений в области цифровых технологий и искусственного интеллекта, *могут быть полезны* органам публичной власти, социальным инженерам, аспирантам, докторантам, специалистам, исследующим проблемы *автоматизированного орт управления жизнедеятельностью на территории*.

Ключевые слова:

методология, метод, парадигма, признаковое пространство, математические основы, система обозначений, шаг орт управления в слое орт преобразований.

Оптимальное социально-экономическое взаимодействие (СЭВ, СЭВ_V, СЭВ_H, СЭВ_W), развитие (СЭР, СЭР_V, СЭР_H, СЭР_W), действие (СЭД, СЭД_V, СЭД_H, СЭД_W), управление СЭР, СЭР_V, СЭР_H, СЭР_W, распределение и применение возможностей СЭР, СЭР_V, СЭР_H, СЭР_W. Оптимальная социально-экономическая задача (СЭЗ, СЭЗ_V, СЭЗ_H), потребность (СЭП), стратегическая цель СЭР (СЦ_V, СЦ_H), сфера жизнедеятельности. Оптимальные локации СЭВ, СЭВ_V, СЭВ_H, СЭВ_W, исполнители СЭД, СЭД_V, СЭД_H, СЭД_W, весовые коэффициенты. Оптимизационные процедуры в слоях оптимальных преобразований в комплексе “СЭР_V + СЭР_H + СЭР_W”. Индивидуальные спросы субъектов СЭВ. Системные характеристики возможностей Методологии.

Оптимизационные процедуры в слоях V34-V38 подсистемы орт управления процессами СЭР_V

При изложении математических основ предлагаемого в статье метода сохранена уникальная система обозначений, принятая в [1-6], широко используются разработанные автором итерационные оптимизационные процедуры, в которых применяются следующие обозначения: $\hat{\alpha}_{(\cdot)}$, $\hat{\alpha}_{(\cdot)}^*$ - оптимальные весовые коэффициенты (.) при орт объединении после 1-й и 2-й итерации $\varepsilon_{(\cdot),1}$ и $\varepsilon_{(\cdot),2}$ в слое оптимальных преобразований (.) соответственно; $\hat{V}_{(\cdot)}^*$, $\hat{V}_{(\cdot)}^{**}$ - оптимальные уровни возможностей (.) СЭР_V при орт объединении при $\varepsilon_{(\cdot),1}$ и $\varepsilon_{(\cdot),2}$ соответственно.

Излагаемое ниже является естественным продолжением опубликованного в [2,5]. Для связки с новым материалом напомним: на каждом шаге орт управления СЭР_V последовательно осуществляется цепочка оптимизационных процедур, в ходе которых:

→ в слоях оптимальных преобразований V1-V4 среди множества стратегических целей (СЦ_V) СЭР_V $f = \overline{1, F}$ выбирается оптимальное подмножество СЦ_V СЭР_V $f^* = \overline{1, F^*}$, $F^* \subseteq F$; (1)

→ в слоях оптимальных преобразований V5-V8 среди множества социально-экономических задач (СЭЗ_V) $l = \overline{1, L_{f^*}}$ по достижению оптимально выбранной СЦ_V СЭР_V f^* определяется оптимальное подмножество СЭЗ_V $l^* = \overline{1, L_{f^*}^*}$, $f^* = \overline{1, F^*}$, $L_{f^*}^* \subseteq L_{f^*}$; (2)

→ в слоях оптимальных преобразований V6-V12 среди множества локаций СЭВ_V $n = \overline{1, N_{f^*l^*}}$, в которых решается оптимально выбранная СЭЗ_V l^* по оптимально выбранной СЦ_V СЭР_V f^* , определяется оптимальное подмножество локаций СЭВ_V $n^* = \overline{1, N_{f^*l^*}^*}$, $f^* = \overline{1, F^*}$, $l^* = \overline{1, L_{f^*}^*}$, $N_{f^*l^*}^* \subseteq N_{f^*l^*}$; (3)

→ в слоях оптимальных преобразований V13-V16 среди множества социально-экономических действий (СЭД_V) $m = \overline{1, M_{f^*l^*n^*}}$, реализующих в оптимально выбранной локации СЭВ_V n^* решение оптимально выбранной СЭЗ_V l^* по оптимально выбранной СЦ_V СЭР_V f^* , определяется оптимальное подмножество СЭД_V $m^* = \overline{1, M_{f^*l^*n^*}^*}$, $f^* = \overline{1, F^*}$, $l^* = \overline{1, L_{f^*}^*}$, $n^* = \overline{1, N_{f^*l^*}^*}$, $M_{f^*l^*n^*}^* \subseteq M_{f^*l^*n^*}$; (4)

→ в слоях оптимальных преобразований V17-V20 среди множества исполнителей СЭД_V $i = \overline{1, I_{f^*l^*n^*m^*}}$, способных осуществить оптимально выбранное СЭД_V m^* в оптимально выбранной локации СЭВ_V n^* при решении оптимально выбранной СЭЗ_V l^* по оптимально выбранной СЦ_V СЭР_V f^* , определяется оптимальное подмножество исполнителей СЭД_V $i^* = \overline{1, I_{f^*l^*n^*m^*}^*}$, $f^* = \overline{1, F^*}$, $l^* = \overline{1, L_{f^*}^*}$, $n^* = \overline{1, N_{f^*l^*}^*}$, $m^* = \overline{1, M_{f^*l^*n^*}^*}$, $I_{f^*l^*n^*m^*}^* \subseteq I_{f^*l^*n^*m^*}$. (5)

В слое оптимальных преобразований V34 (выражения (6) – (9)) в online режиме в системе обозначений Методологии [1-6] определяется орт объединение $\hat{V}_{34fy}^{**}[\lambda(k_{V34}, \varepsilon_{V34.2})]$ индивидуальных спросов $V_{34fy\omega}[\lambda(k_{V34}, \varepsilon_{V34.1})]$

ω -ых субъектов СЭВ на территории на y -ые компоненты потока способностей в цепочке оптимизационных процедур, указанных в выражении (1) при

$$f = \overline{1, F}, y = \overline{1, Y_f}, \omega = \overline{1, \Omega_{fy}}:$$

$$\hat{\alpha}_{34fy\omega}(k_{V34}, \varepsilon_{V34.1}) = \hat{\alpha}_{34fy\omega}^*(k_{V34} - 1, \varepsilon_{V34.2}), \quad (6)$$

$$\hat{V}_{34fy\Sigma}^*[\lambda(k_{V34}, \varepsilon_{V34.1})] = \sum_{\omega=1}^{\Omega_{fy}} [\hat{\alpha}_{34fy\omega}(k_{V34}, \varepsilon_{V34.1}) \cdot V_{34fy\omega}[\lambda(k_{V34}, \varepsilon_{V34.1})]], \quad (7)$$

$$\hat{\alpha}_{34fy\omega}^*(k_{V34}, \varepsilon_{V34.2}) = [\hat{\alpha}_{34fy\omega}(k_{V34}, \varepsilon_{V34.1}) \cdot V_{34fy\omega}[\lambda(k_{V34}, \varepsilon_{V34.1})]] / \hat{V}_{34fy\Sigma}^*[\lambda(k_{V34}, \varepsilon_{V34.1})], \quad (8)$$

$$\hat{V}_{34fy}^{**}[\lambda(k_{V34}, \varepsilon_{V34.2})] = \sum_{\omega=1}^{\Omega_{fy}} [\hat{\alpha}_{34fy\omega}^* (k_{V34}, \varepsilon_{V34.2}) \cdot V_{34fy\omega}[\lambda(k_{V34}, \varepsilon_{V34.1})]]. \quad (9)$$

В слое оптимальных преобразований V35 (выражения (10) – (13)) в online режиме в системе обозначений Методологии [1-6] определяется опт. объединение $\hat{V}_{35f^*ly}^{**}[\lambda_{f^*}(k_{V35}, \varepsilon_{V35.2})]$

индивидуальных спросов $V_{35f^*ly\omega}[\lambda_{f^*}(k_{V35}, \varepsilon_{V35.1})]$

ω -ых субъектов СЭВ на территории на y -ые компоненты потока способностей в цепочке

оптимизационных процедур, указанных в выражении (2) при $f^* = \overline{1, F^*}$

$l = \overline{1, L_{f^*}}, y = \overline{1, Y_{f^*l}}, \omega = \overline{1, \Omega_{f^*ly}}$:

$$\hat{\alpha}_{35f^*ly\omega}^* (k_{V35}, \varepsilon_{V35.1}) = \hat{\alpha}_{35f^*ly\omega}^* (k_{V35} - 1, \varepsilon_{V35.2}), \quad (10)$$

$$\hat{V}_{35f^*ly\Sigma}^*[\lambda_{f^*}(k_{V35}, \varepsilon_{V35.1})] = \sum_{\omega=1}^{\Omega_{f^*ly}} [\hat{\alpha}_{35f^*ly\omega}^* (k_{V35}, \varepsilon_{V35.1}) \cdot V_{35f^*ly\omega}[\lambda_{f^*}(k_{V35}, \varepsilon_{V35.1})]], \quad (11)$$

$$\hat{\alpha}_{35f^*ly\omega}^* (k_{V35}, \varepsilon_{V35.2}) = [\hat{\alpha}_{35f^*ly\omega}^* (k_{V35}, \varepsilon_{V35.1}) \cdot V_{35f^*ly\omega}[\lambda_{f^*}(k_{V35}, \varepsilon_{V35.1})]] / \hat{V}_{35f^*ly\Sigma}^*[\lambda_{f^*}(k_{V35}, \varepsilon_{V35.1})], \quad (12)$$

$$\hat{V}_{35f^*ly}^{**}[\lambda_{f^*}(k_{V35}, \varepsilon_{V35.2})] = \sum_{\omega=1}^{\Omega_{f^*ly}} [\hat{\alpha}_{35f^*ly\omega}^* (k_{V35}, \varepsilon_{V35.2}) \cdot V_{35f^*ly\omega}[\lambda_{f^*}(k_{V35}, \varepsilon_{V35.1})]]. \quad (13)$$

В слое оптимальных преобразований V36 (выражения (14) – (17)) в online режиме в системе обозначений Методологии [1-6] определяется опт. объединение $\hat{V}_{36f^*l^*ny}^{**}[\lambda_{f^*l^*}(k_{V36}, \varepsilon_{V36.2})]$

индивидуальных спросов ω -ых субъектов СЭВ на территории $V_{36f^*l^*ny\omega}[\lambda_{f^*l^*}(k_{V36}, \varepsilon_{V36.1})]$ на y -ые

компоненты потока способностей в цепочке оптимизационных процедур, указанных в выражении (3)

при $f^* = \overline{1, F^*}, l^* = \overline{1, L_{f^*}^*}, n = \overline{1, N_{f^*l^*}}, y = \overline{1, Y_{f^*l^*n}}, \omega = \overline{1, \Omega_{f^*l^*ny}}$:

$$\hat{\alpha}_{36f^*l^*ny\omega}^* (k_{V36}, \varepsilon_{V36.1}) = \hat{\alpha}_{36f^*l^*ny\omega}^* (k_{V36} - 1, \varepsilon_{V36.2}), \quad (14)$$

$$\hat{V}_{36f^*l^*ny\Sigma}^*[\lambda_{f^*l^*}(k_{V36}, \varepsilon_{V36.1})] = \sum_{\omega=1}^{\Omega_{f^*l^*ny}} [\hat{\alpha}_{36f^*l^*ny\omega}^* (k_{V36}, \varepsilon_{V36.1}) \cdot V_{36f^*l^*ny\omega}[\lambda_{f^*l^*}(k_{V36}, \varepsilon_{V36.1})]], \quad (15)$$

$$\hat{\alpha}_{36f^*l^*ny\omega}^* (k_{V36}, \varepsilon_{V36.2}) = [\hat{\alpha}_{36f^*l^*ny\omega}^* (k_{V36}, \varepsilon_{V36.1}) \cdot V_{36f^*l^*ny\omega}[\lambda_{f^*l^*}(k_{V36}, \varepsilon_{V36.1})]] / \hat{V}_{36f^*l^*ny\Sigma}^*[\lambda_{f^*l^*}(k_{V36}, \varepsilon_{V36.1})], \quad (16)$$

$$\hat{V}_{36f^*l^*ny}^{**}[\lambda_{f^*l^*}(k_{V36}, \varepsilon_{V36.2})] = \sum_{\omega=1}^{\Omega_{f^*l^*ny}} [\hat{\alpha}_{36f^*l^*ny\omega}^* (k_{V36}, \varepsilon_{V36.2}) \cdot V_{36f^*l^*ny\omega}[\lambda_{f^*l^*}(k_{V36}, \varepsilon_{V36.1})]]. \quad (17)$$

В слое оптимальных преобразований V37 (выражения (18) – (21)) в online режиме в системе обозначений Методологии [1-6] определяется опт. объединение $\hat{V}_{37f^*l^*n^*my}^{**}[\lambda_{f^*l^*n^*}(k_{V37}, \varepsilon_{V37.2})]$

индивидуальных спросов ω -ых субъектов СЭВ на территории $V_{37f^*l^*n^*my\omega}[\lambda_{f^*l^*n^*}(k_{V37}, \varepsilon_{V37.1})]$ на y -ые

компоненты потока способностей в цепочке оптимизационных процедур, указанных в выражении (4)

при $f^* = \overline{1, F^*}, l^* = \overline{1, L_{f^*}^*}, n^* = \overline{1, N_{f^*l^*}^*}, m = \overline{1, M_{f^*l^*n^*}}, y = \overline{1, Y_{f^*l^*n^*m}}, \omega = \overline{1, \Omega_{f^*l^*n^*my}}$:

$$\hat{\alpha}_{37f^*l^*n^*my\omega}^* (k_{V37}, \varepsilon_{V37.1}) = \hat{\alpha}_{37f^*l^*n^*my\omega}^* (k_{V37} - 1, \varepsilon_{V37.2}), \quad (18)$$

$$\hat{V}_{37f^*l^*n^*my\Sigma}^*[\lambda_{f^*l^*n^*}(k_{V37}, \varepsilon_{V37.1})] = \sum_{\omega=1}^{\Omega_{f^*l^*n^*my}} [\hat{\alpha}_{37f^*l^*n^*my\omega}^* (k_{V37}, \varepsilon_{V37.1}) \cdot V_{37f^*l^*n^*my\omega}[\lambda_{f^*l^*n^*}(k_{V37}, \varepsilon_{V37.1})]], \quad (19)$$

$$\hat{\alpha}_{37f^*l^*n^*my\omega}^* (k_{V37}, \varepsilon_{V37.2}) = [\hat{\alpha}_{37f^*l^*n^*my\omega}^* (k_{V37}, \varepsilon_{V37.1}) \cdot V_{37f^*l^*n^*my\omega}[\lambda_{f^*l^*n^*}(k_{V37}, \varepsilon_{V37.1})]] / \hat{V}_{37f^*l^*n^*my\Sigma}^*[\lambda_{f^*l^*n^*}(k_{V37}, \varepsilon_{V37.1})], \quad (20)$$

$$\hat{V}_{37f^*l^*n^*my}^{**}[\lambda_{f^*l^*n^*}(k_{V37}, \varepsilon_{V37.2})] = \sum_{\omega=1}^{\Omega_{f^*l^*n^*my}} [\hat{\alpha}_{37f^*l^*n^*my\omega}^* (k_{V37}, \varepsilon_{V37.2}) \cdot V_{37f^*l^*n^*my\omega}[\lambda_{f^*l^*n^*}(k_{V37}, \varepsilon_{V37.1})]]. \quad (21)$$

В слое оптимальных преобразований V38 (выражения (22) – (25)) в online режиме в системе обозначений Методологии [1-6] определяется опт. объединение $\hat{V}_{38f^*l^*n^*m^*iy}^{**}[\lambda_{f^*l^*n^*m^*}(k_{V38}, \varepsilon_{V38.2})]$

индивидуальных спросов ω -ых субъектов СЭВ на территории $V_{38f^*l^*n^*m^*iy\omega}[\lambda_{f^*l^*n^*m^*}(k_{V38}, \varepsilon_{V38.1})]$ на y -

ые компоненты потока способностей в цепочке оптимизационных процедур, указанных в выражении (5)

$$\text{при } f^* = \overline{1, F^*}, l^* = \overline{1, L_{f^*}^*}, n^* = \overline{1, N_{f^* l^*}^*}, m^* = \overline{1, M_{f^* l^* n^*}^*},$$

$$i = \overline{1, I_{f^* l^* n^* m^*}^*}, y = \overline{1, Y_{f^* l^* n^* m^*}^*}, \omega = \overline{1, \Omega_{f^* l^* n^* m^*}^*};$$

$$\hat{\alpha}_{38 f^* l^* n^* m^* i y \omega}^*(k_{V38}, \varepsilon_{V38.1}) = \hat{\alpha}_{38 f^* l^* n^* m^* i y \omega}^*(k_{V38} - 1, \varepsilon_{V38.2}), \quad (22)$$

$$\hat{V}_{38 f^* l^* n^* m^* i y \Sigma}^*[\lambda_{f^* l^* n^* m^*}^*(k_{V38}, \varepsilon_{V38.1})] = \sum_{\omega=1}^{\Omega_{f^* l^* n^* m^*}^*} [\hat{\alpha}_{38 f^* l^* n^* m^* i y \omega}^*(k_{V38}, \varepsilon_{V38.1}) \cdot V_{38 f^* l^* n^* m^* i y \omega}[\lambda_{f^* l^* n^* m^*}^*(k_{V38}, \varepsilon_{V38.1})]], \quad (23)$$

$$\hat{\alpha}_{38 f^* l^* n^* m^* i y \omega}^*(k_{V38}, \varepsilon_{V38.2}) = [\hat{\alpha}_{38 f^* l^* n^* m^* i y \omega}^*(k_{V38}, \varepsilon_{V38.1}) \cdot V_{38 f^* l^* n^* m^* i y \omega}[\lambda_{f^* l^* n^* m^*}^*(k_{V38}, \varepsilon_{V38.1})]] / \hat{V}_{38 f^* l^* n^* m^* i y \Sigma}^*[\lambda_{f^* l^* n^* m^*}^*(k_{V38}, \varepsilon_{V38.1})], \quad (24)$$

$$\hat{V}_{38 f^* l^* n^* m^* i y \Sigma}^{**}[\lambda_{f^* l^* n^* m^*}^*(k_{V38}, \varepsilon_{V38.2})] = \sum_{\omega=1}^{\Omega_{f^* l^* n^* m^*}^*} [\hat{\alpha}_{38 f^* l^* n^* m^* i y \omega}^*(k_{V38}, \varepsilon_{V38.2}) \cdot V_{38 f^* l^* n^* m^* i y \omega}[\lambda_{f^* l^* n^* m^*}^*(k_{V38}, \varepsilon_{V38.1})]]. \quad (25)$$

Оптимизационные процедуры в слоях Н40-Н45 подсистемы орт управления процессами СЭР_Н

При изложении математических основ предлагаемого в статье метода сохранена уникальная система обозначений, принятая в [1-6], широко используются разработанные автором итерационные оптимизационные процедуры, в которых применяются следующие обозначения: $\hat{\beta}_{(.)}, \hat{\beta}_{(.)}^*$, - оптимальные весовые коэффициенты (.) при орт объединении после 1-й и 2-й итерации $\varepsilon_{(.)1}$ и $\varepsilon_{(.)2}$ в слое оптимальных преобразований (.) соответственно; $\hat{H}_{(.)}, \hat{H}_{(.)}^{**}$ - оптимальные квоты возможностей (.) СЭР_Н при орт объединении при $\varepsilon_{(.)1}$ и $\varepsilon_{(.)2}$ соответственно.

Излагаемое ниже является естественным продолжением опубликованного в [1-6]. Для связки с новым материалом напомним: на каждом шаге орт управления СЭР_Н последовательно осуществляется цепочка оптимизационных процедур, в ходе которых:

→ в слоях оптимальных преобразований Н1-Н4 среди множества сфер жизнедеятельности на территории $g = \overline{1, G}$ выбирается орт подмножество $g^* = \overline{1, G^*}, G^* \subseteq G$; (26)

→ в слоях оптимальных преобразований Н5-Н8 среди множества стратегических целей (СЦ_{Н_g*}) $z = \overline{1, Z_{g^*}}$ в орт выбранной g^* -ой сфере жизнедеятельности выбирается орт подмножество СЦ_{Н_g*} $z^* = \overline{1, Z_{g^*}^*}, Z_{g^*}^* \subseteq Z_{g^*}, g^* = \overline{1, G^*}$; (27)

→ в слоях оптимальных преобразований Н9-Н12 среди множества социально-экономических задач (СЭЗ_{Н_g^{z*}}) $p = \overline{1, P_{g^* z^*}}$ по достижению орт выбранной z^* -ой СЦ_{Н_g*} в орт выбранной g^* -ой сфере жизнедеятельности выбирается орт подмножество СЭЗ_{Н_g^{z*}} $p^* = \overline{1, P_{g^* z^*}^*}, P_{g^* z^*}^* \subseteq P_{g^* z^*}, g^* = \overline{1, G^*}, z^* = \overline{1, Z_{g^*}^*}$; (28)

→ в слоях оптимальных преобразований Н13-Н16 среди множества локаций СЭВ_{Н_g^{z*p*}} $q = \overline{1, Q_{g^* z^* p^*}}$, в которых может решаться орт выбранная p^* -ая СЭЗ_{Н_g^{z*}} по орт выбранной z^* -ой СЦ_{Н_g*} в орт выбранной g^* -ой сфере жизнедеятельности, выбирается орт подмножество локаций СЭВ_{Н_g^{z*p*}} $q^* = \overline{1, Q_{g^* z^* p^*}^*}, Q_{g^* z^* p^*}^* \subseteq Q_{g^* z^* p^*}, g^* = \overline{1, G^*}, z^* = \overline{1, Z_{g^*}^*}, p^* = \overline{1, P_{g^* z^*}^*}$; (29)

→ в слоях оптимальных преобразований Н17-Н20 среди множества социально-экономических действий (СЭД_{Н_g^{z*p*q*}}) $d = \overline{1, D_{g^* z^* p^* q^*}}$, осуществляемых в орт выбранной q^* -ой локации СЭВ_{Н_g^{z*p*}}, в которой решается орт выбранная p^* -ая СЭЗ_{Н_g^{z*}} по орт выбранной z^* -ой СЦ_{Н_g*} в орт выбранной g^* -ой сфере жизнедеятельности, выбирается орт подмножество СЭД_{Н_g^{z*p*q*}} $d^* = \overline{1, D_{g^* z^* p^* q^*}^*}$, (30)

$D_{g^* z^* p^* q^*}^* \subseteq D_{g^* z^* p^* q^*}, g^* = \overline{1, G^*}, z^* = \overline{1, Z_{g^*}^*}, p^* = \overline{1, P_{g^* z^*}^*}, q^* = \overline{1, Q_{g^* z^* p^*}^*}$; (30)

→ в слоях оптимальных преобразований Н21-Н24 среди множества исполнителей $j = \overline{1, J_{g^* z^* p^* q^* d^*}}$ орт выбранного d^* -го СЭД_{Н_g^{z*p*q*}}, осуществляемого в орт выбранной q^* -ой локации СЭВ_{Н_g^{z*p*}}, в которой

решается орт выбранная p^* -ая СЭЗ $H_{g^*z^*}$ по орт выбранной z^* -ой СЦ H_{g^*} в орт выбранной g^* -ой сфере жизнедеятельности, выбирается орт подмножество $j^* = \overline{1, J^*_{g^*z^*p^*q^*d^*}}$, $g^* = \overline{1, G^*}$, $z^* = \overline{1, Z^*_{g^*}}$, $p^* = \overline{1, P^*_{g^*z^*}}$, $q^* = \overline{1, Q^*_{g^*z^*p^*}}$, $d^* = \overline{1, D^*_{g^*z^*p^*q^*}}$, $J^*_{g^*z^*p^*q^*d^*} \subseteq J_{g^*z^*p^*q^*d^*}$. (31)

В слое оптимальных преобразований $H40$ (выражения (32) – (35)) в online режиме в системе обозначений Методологии [1-6] определяется орт объединение $\hat{H}^*_{40gy}[\mu(k_{H40}, \varepsilon_{H40.2})]$ индивидуальных спросов $H_{40gy\omega}[\mu(k_{H40}, \varepsilon_{H40.1})]$

ω -ых субъектов СЭВ на территории на y -ые компоненты потока способностей в цепочке оптимизационных процедур, указанных в выражении (26) при $g = \overline{1, G}$, $y = \overline{1, Y_g}$, $\omega = \overline{1, \Omega_{gy}}$:

$$\hat{\beta}_{40gy\omega}(k_{H40}, \varepsilon_{H40.1}) = \hat{\beta}^*_{40gy\omega}(k_{H40} - 1, \varepsilon_{H40.2}), \quad (32)$$

$$\hat{H}^*_{40gy\Sigma}[\mu(k_{H40}, \varepsilon_{H40.1})] = \sum_{\omega=1}^{\Omega_{gy}} [\hat{\beta}_{40gy\omega}(k_{H40}, \varepsilon_{H40.1}) \cdot H_{40gy\omega}[\mu(k_{H40}, \varepsilon_{H40.1})]], \quad (33)$$

$$\hat{\beta}^*_{40gy\omega}(k_{H40}, \varepsilon_{H40.2}) = [\hat{\beta}_{40gy\omega}(k_{H40}, \varepsilon_{H40.1}) \cdot H_{40gy\omega}[\mu(k_{H40}, \varepsilon_{H40.1})]] / \hat{H}^*_{40gy\Sigma}[\mu(k_{H40}, \varepsilon_{H40.1})], \quad (34)$$

$$\hat{H}^*_{40gy}[\mu(k_{H40}, \varepsilon_{H40.2})] = \sum_{\omega=1}^{\Omega_{gy}} [\hat{\beta}^*_{40gy\omega}(k_{H40}, \varepsilon_{H40.2}) \cdot H_{40gy\omega}[\mu(k_{H40}, \varepsilon_{H40.1})]], \quad (35)$$

В слое оптимальных преобразований $H41$ (выражения (36) – (39)) в online режиме в системе обозначений Методологии [1-6] определяется орт объединение $\hat{H}^*_{41g^*zy}[\mu_{g^*}(k_{H41}, \varepsilon_{H41.2})]$ индивидуальных спросов ω -ых субъектов СЭВ на территории $H_{41g^*zy\omega}[\mu_{g^*}(k_{H41}, \varepsilon_{H41.1})]$ на y -ые компоненты потока способностей в цепочке оптимизационных процедур, указанных в выражении (27) при

$g^* = \overline{1, G^*}$, $z = \overline{1, Z^*_{g^*}}$, $y = \overline{1, Y^*_{g^*z}}$, $\omega = \overline{1, \Omega^*_{g^*zy}}$:

$$\hat{\beta}_{41g^*zy\omega}(k_{H41}, \varepsilon_{H41.1}) = \hat{\beta}^*_{41g^*zy\omega}(k_{H41} - 1, \varepsilon_{H41.2}), \quad (36)$$

$$\hat{H}^*_{41g^*zy\Sigma}[\mu_{g^*}(k_{H41}, \varepsilon_{H41.1})] = \sum_{\omega=1}^{\Omega^*_{g^*zy}} [\hat{\beta}_{41g^*zy\omega}(k_{H41}, \varepsilon_{H41.1}) \cdot H_{41g^*zy\omega}[\mu_{g^*}(k_{H41}, \varepsilon_{H41.1})]], \quad (37)$$

$$\hat{\beta}^*_{41g^*zy\omega}(k_{H41}, \varepsilon_{H41.2}) = [\hat{\beta}_{41g^*zy\omega}(k_{H41}, \varepsilon_{H41.1}) \cdot H_{41g^*zy\omega}[\mu_{g^*}(k_{H41}, \varepsilon_{H41.1})]] / \hat{H}^*_{41g^*zy\Sigma}[\mu_{g^*}(k_{H41}, \varepsilon_{H41.1})], \quad (38)$$

$$\hat{H}^*_{41g^*zy}[\mu_{g^*}(k_{H41}, \varepsilon_{H41.2})] = \sum_{\omega=1}^{\Omega^*_{g^*zy}} [\hat{\beta}^*_{41g^*zy\omega}(k_{H41}, \varepsilon_{H41.2}) \cdot H_{41g^*zy\omega}[\mu_{g^*}(k_{H41}, \varepsilon_{H41.1})]]. \quad (39)$$

В слое оптимальных преобразований $H42$ (выражения (40) – (43)) в online режиме в системе обозначений Методологии [1-6] определяется орт объединение $\hat{H}^*_{42g^*z^*py}[\mu_{g^*z^*}(k_{H42}, \varepsilon_{H42.2})]$ индивидуальных спросов ω -ых субъектов СЭВ на территории $H_{42g^*z^*py\omega}[\mu_{g^*z^*}(k_{H42}, \varepsilon_{H42.1})]$ на y -ые компоненты потока способностей в цепочке оптимизационных процедур, указанных в выражении (28) при $g^* = \overline{1, G^*}$, $z^* = \overline{1, Z^*_{g^*}}$, $p = \overline{1, P^*_{g^*z^*}}$, $y = \overline{1, Y^*_{g^*z^*p}}$, $\omega = \overline{1, \Omega^*_{g^*z^*py}}$:

$$\hat{\beta}_{42g^*z^*py\omega}(k_{H42}, \varepsilon_{H42.1}) = \hat{\beta}^*_{42g^*z^*py\omega}(k_{H42} - 1, \varepsilon_{H42.2}), \quad (40)$$

$$\hat{H}^*_{42g^*z^*py\Sigma}[\mu_{g^*z^*}(k_{H42}, \varepsilon_{H42.1})] = \sum_{\omega=1}^{\Omega^*_{g^*z^*py}} [\hat{\beta}_{42g^*z^*py\omega}(k_{H42}, \varepsilon_{H42.1}) \cdot H_{42g^*z^*py\omega}[\mu_{g^*z^*}(k_{H42}, \varepsilon_{H42.1})]], \quad (41)$$

$$\hat{\beta}^*_{42g^*z^*py\omega}(k_{H42}, \varepsilon_{H42.2}) = [\hat{\beta}_{42g^*z^*py\omega}(k_{H42}, \varepsilon_{H42.1}) \cdot H_{42g^*z^*py\omega}[\mu_{g^*z^*}(k_{H42}, \varepsilon_{H42.1})]] / \hat{H}^*_{42g^*z^*py\Sigma}[\mu_{g^*z^*}(k_{H42}, \varepsilon_{H42.1})], \quad (42)$$

$$\hat{H}^*_{42g^*z^*py}[\mu_{g^*z^*}(k_{H42}, \varepsilon_{H42.2})] = \sum_{\omega=1}^{\Omega^*_{g^*z^*py}} [\hat{\beta}^*_{42g^*z^*py\omega}(k_{H42}, \varepsilon_{H42.2}) \cdot H_{42g^*z^*py\omega}[\mu_{g^*z^*}(k_{H42}, \varepsilon_{H42.1})]]. \quad (43)$$

В слое оптимальных преобразований $H43$ (выражения (44) – (47)) в online режиме в системе обозначений Методологии [1-6] определяется орт объединение $\hat{H}^*_{43g^*z^*p^*qy}[\mu_{g^*z^*p^*}(k_{H43}, \varepsilon_{H43.2})]$

индивидуальных спросов ω -ых субъектов СЭВ на территории $H_{43g^*z^*p^*qy\omega}[\mu_{g^*z^*p^*}(k_{H43}, \varepsilon_{H43.1})]$ на y -ые компоненты потока способностей в цепочке оптимизационных процедур, указанных в выражении (29) при $\omega = \overline{1, \Omega_{g^*z^*p^*qy}}, g^* = \overline{1, G^*}, z^* = \overline{1, Z_{g^*}}, p^* = \overline{1, P_{g^*z^*}}, q = \overline{1, Q_{g^*z^*p^*}},$

$y = \overline{1, Y_{g^*z^*p^*q}}:$

$$\hat{\beta}_{43g^*z^*p^*qy\omega}(k_{H43}, \varepsilon_{H43.1}) = \hat{\beta}_{43g^*z^*p^*qy\omega}(k_{H43} - 1, \varepsilon_{H43.2}), \quad (44)$$

$$\hat{H}_{43g^*z^*p^*qy\omega}[\mu_{g^*z^*p^*}(k_{H43}, \varepsilon_{H43.1})] = \sum_{\omega=1}^{\Omega_{g^*z^*p^*qy}} [\hat{\beta}_{43g^*z^*p^*qy\omega}(k_{H43}, \varepsilon_{H43.1}) \cdot H_{43g^*z^*p^*qy\omega}[\mu_{g^*z^*p^*}(k_{H43}, \varepsilon_{H43.1})]], \quad (45)$$

$$\hat{\beta}_{43g^*z^*p^*qy\omega}(k_{H43}, \varepsilon_{H43.2}) = [\hat{\beta}_{43g^*z^*p^*qy\omega}(k_{H43}, \varepsilon_{H43.1}) \cdot H_{43g^*z^*p^*qy\omega}[\mu_{g^*z^*p^*}(k_{H43}, \varepsilon_{H43.1})]] / \hat{H}_{43g^*z^*p^*qy\omega}[\mu_{g^*z^*p^*}(k_{H43}, \varepsilon_{H43.1})], \quad (46)$$

$$\hat{H}_{43g^*z^*p^*qy}[\mu_{g^*z^*p^*}(k_{H43}, \varepsilon_{H43.2})] = \sum_{\omega=1}^{\Omega_{g^*z^*p^*qy}} [\hat{\beta}_{43g^*z^*p^*qy\omega}(k_{H43}, \varepsilon_{H43.2}) \cdot H_{43g^*z^*p^*qy\omega}[\mu_{g^*z^*p^*}(k_{H43}, \varepsilon_{H43.1})]]. \quad (47)$$

В слое оптимальных преобразований $H44$ (выражения (48) – (51)) в online режиме в системе обозначений Методологии [1-6] определяется опт. объединение $\hat{H}_{44g^*z^*p^*q^*dy}[\mu_{g^*z^*p^*q^*}(k_{H44}, \varepsilon_{H44.2})]$, индивидуальных спросов ω -ых субъектов СЭВ на территории $H_{44g^*z^*p^*q^*dy\omega}[\mu_{g^*z^*p^*q^*}(k_{H44}, \varepsilon_{H44.1})]$ на y -ые компоненты потока способностей в цепочке оптимизационных процедур, указанных в выражении (30) при $g^* = \overline{1, G^*}, z^* = \overline{1, Z_{g^*}}, p^* = \overline{1, P_{g^*z^*}}, q^* = \overline{1, Q_{g^*z^*p^*}},$

$d = \overline{1, D_{g^*z^*p^*q^*}}, y = \overline{1, Y_{g^*z^*p^*q^*d}}, \omega = \overline{1, \Omega_{g^*z^*p^*q^*dy}}:$

$$\hat{\beta}_{44g^*z^*p^*q^*dy\omega}(k_{H44}, \varepsilon_{H44.1}) = \hat{\beta}_{44g^*z^*p^*q^*dy\omega}(k_{H44} - 1, \varepsilon_{H44.2}), \quad (48)$$

$$\hat{H}_{44g^*z^*p^*q^*dy\omega}[\mu_{g^*z^*p^*q^*}(k_{H44}, \varepsilon_{H44.1})] = \sum_{\omega=1}^{\Omega_{g^*z^*p^*q^*dy}} [\hat{\beta}_{44g^*z^*p^*q^*dy\omega}(k_{H44}, \varepsilon_{H44.1}) \cdot H_{44g^*z^*p^*q^*dy\omega}[\mu_{g^*z^*p^*q^*}(k_{H44}, \varepsilon_{H44.1})]], \quad (49)$$

$$\hat{\beta}_{44g^*z^*p^*q^*dy\omega}(k_{H44}, \varepsilon_{H44.2}) = [\hat{\beta}_{44g^*z^*p^*q^*dy\omega}(k_{H44}, \varepsilon_{H44.1}) \cdot H_{44g^*z^*p^*q^*dy\omega}[\mu_{g^*z^*p^*q^*}(k_{H44}, \varepsilon_{H44.1})]] / \hat{H}_{44g^*z^*p^*q^*dy\omega}[\mu_{g^*z^*p^*q^*}(k_{H44}, \varepsilon_{H44.1})], \quad (50)$$

$$\hat{H}_{44g^*z^*p^*q^*dy}[\mu_{g^*z^*p^*q^*}(k_{H44}, \varepsilon_{H44.2})] = \sum_{\omega=1}^{\Omega_{g^*z^*p^*q^*dy}} [\hat{\beta}_{44g^*z^*p^*q^*dy\omega}(k_{H44}, \varepsilon_{H44.2}) \cdot H_{44g^*z^*p^*q^*dy\omega}[\mu_{g^*z^*p^*q^*}(k_{H44}, \varepsilon_{H44.1})]]. \quad (51)$$

В слое оптимальных преобразований $H45$ (выражения (52) – (55)) в online режиме в системе обозначений Методологии [1-6] определяется опт. объединение $\hat{H}_{45g^*z^*p^*q^*d^*jy}[\mu_{g^*z^*p^*q^*d^*}(k_{H45}, \varepsilon_{H45.2})]$ индивидуальных спросов ω -ых субъектов СЭВ на территории $H_{45g^*z^*p^*q^*d^*jy\omega}[\mu_{g^*z^*p^*q^*d^*}(k_{H45}, \varepsilon_{H45.1})]$ на y -ые компоненты потока способностей в цепочке оптимизационных процедур, указанных в выражении (31) при $g^* = \overline{1, G^*}, z^* = \overline{1, Z_{g^*}}, p^* = \overline{1, P_{g^*z^*}}, q^* = \overline{1, Q_{g^*z^*p^*}},$

$d^* = \overline{1, D_{g^*z^*p^*q^*d^*}}, j = \overline{1, J_{g^*z^*p^*q^*d^*}}, y = \overline{1, Y_{g^*z^*p^*q^*d^*j}}, \omega = \overline{1, \Omega_{g^*z^*p^*q^*d^*jy}}:$

$$\hat{\beta}_{45g^*z^*p^*q^*d^*jy\omega}(k_{H45}, \varepsilon_{H45.1}) = \hat{\beta}_{45g^*z^*p^*q^*d^*jy\omega}(k_{H45} - 1, \varepsilon_{H45.2}), \quad (52)$$

$$\hat{H}_{45g^*z^*p^*q^*d^*jy\omega}[\mu_{g^*z^*p^*q^*d^*}(k_{H45}, \varepsilon_{H45.1})] = \sum_{\omega=1}^{\Omega_{g^*z^*p^*q^*d^*jy}} [\hat{\beta}_{45g^*z^*p^*q^*d^*jy\omega}(k_{H45}, \varepsilon_{H45.1}) \cdot H_{45g^*z^*p^*q^*d^*jy\omega}[\mu_{g^*z^*p^*q^*d^*}(k_{H45}, \varepsilon_{H45.1})]], \quad (53)$$

$$\hat{\beta}_{45g^*z^*p^*q^*d^*jy\omega}(k_{H45}, \varepsilon_{H45.2}) = [\hat{\beta}_{45g^*z^*p^*q^*d^*jy\omega}(k_{H45}, \varepsilon_{H45.1}) \cdot H_{45g^*z^*p^*q^*d^*jy\omega}[\mu_{g^*z^*p^*q^*d^*}(k_{H45}, \varepsilon_{H45.1})]] / \hat{H}_{45g^*z^*p^*q^*d^*jy\omega}[\mu_{g^*z^*p^*q^*d^*}(k_{H45}, \varepsilon_{H45.1})], \quad (54)$$

$$\hat{H}_{45g^*z^*p^*q^*d^*jy}[\mu_{g^*z^*p^*q^*d^*}(k_{H45}, \varepsilon_{H45.2})] = \sum_{\omega=1}^{\Omega_{g^*z^*p^*q^*d^*jy}} [\hat{\beta}_{45g^*z^*p^*q^*d^*jy\omega}(k_{H45}, \varepsilon_{H45.2}) \cdot H_{45g^*z^*p^*q^*d^*jy\omega}[\mu_{g^*z^*p^*q^*d^*}(k_{H45}, \varepsilon_{H45.1})]]. \quad (55)$$

Оптимизационные процедуры в слоях W39-W44 подсистемы опт. управления процессами СЭР_W

При изложении математических основ предлагаемого в статье метода сохранена уникальная система обозначений, принятая в [1-6], широко используются разработанные автором итерационные оптимизационные процедуры, в которых применяются следующие обозначения: $\hat{Y}_{(\cdot)}, \hat{Y}_{(\cdot)}^*$, - оптимальные

весовые коэффициенты $(.)$ при опт объединении после 1-й и 2-й итерации $\varepsilon_{(.)1}$ и $\varepsilon_{(.)2}$ в слое оптимальных преобразований $(.)$ соответственно; $\widehat{W}_{(.)}^*$, $\widehat{W}_{(.)}^{**}$ - оптимальные квоты возможностей $(.)$ СЭР_W при опт объединении при $\varepsilon_{(.)1}$ и $\varepsilon_{(.)2}$ в слое оптимальных преобразований $(.)$ соответственно.

Излагаемое ниже является естественным продолжением опубликованного в [1-6]. Для связки с новым материалом напомним: на каждом шаге опт управления СЭР_W последовательно осуществляется цепочка оптимизационных процедур, в ходе которых:

→ в слоях оптимальных преобразований W1-W4 среди множества групп субъектов СЭР_W на территории $\psi = \overline{1, \Psi}$ выбирается опт подмножество $\psi^* = \overline{1, \Psi^*}$, $\Psi^* \subseteq \Psi$; (56)

→ в слоях оптимальных преобразований W5-W8 среди множества сфер жизнедеятельности G_{ψ^*} на территории для ψ^* -ой группы субъектов СЭР_{W\psi^*} выбирается опт подмножество

$$g^* = \overline{1, G_{\psi^*}^*}, \psi^* = \overline{1, \Psi^*}, G_{\psi^*}^* \subseteq G_{\psi^*}; \quad (57)$$

→ в слоях оптимальных преобразований W9-W12 среди множества социально-экономических потребностей (СЭП_{\psi^*g^*}) $c = \overline{1, C_{\psi^*g^*}}$, которые необходимо удовлетворить ψ^* -ой группе субъектов СЭР_{W\psi^*} в g^* -ой сфере жизнедеятельности на территории, выбирается опт подмножество СЭП_{\psi^*g^*} $c^* = \overline{1, C_{\psi^*g^*}^*}$,

$$\psi^* = \overline{1, \Psi^*}, g^* = \overline{1, G_{\psi^*}^*}, C_{\psi^*g^*}^* \subseteq C_{\psi^*g^*}; \quad (58)$$

→ в слоях оптимальных преобразований W13-W16 среди множества локаций СЭВ_{W\psi^*g^*c^*}, $u = \overline{1, U_{\psi^*g^*c^*}}$, в которых удовлетворяется c^* -ая СЭП_{\psi^*g^*} ψ^* -ой группы субъектов СЭР_{W\psi^*} в g^* -ой сфере жизнедеятельности на территории, выбирается опт подмножество локаций СЭВ_{W\psi^*g^*c^*} $u^* = \overline{1, U_{\psi^*g^*c^*}^*}$, $\psi^* = \overline{1, \Psi^*}$,

$$g^* = \overline{1, G_{\psi^*}^*}, c^* = \overline{1, C_{\psi^*g^*}^*}, U_{\psi^*g^*c^*}^* \subseteq \overline{1, U_{\psi^*g^*c^*}}; \quad (59)$$

→ в слоях оптимальных преобразований W16-W20 среди множества социально-экономических действий (СЭД_{W\psi^*g^*c^*u^*}) $s = \overline{1, S_{\psi^*g^*c^*u^*}}$, с помощью которых в u^* -локации СЭВ_{W\psi^*g^*c^*} удовлетворяется c^* -ая СЭП_{\psi^*g^*} ψ^* -ой группы субъектов СЭР_{W\psi^*} в g^* -ой сфере жизнедеятельности на территории, выбирается опт подмножество СЭД_{W\psi^*g^*c^*u^*} $s^* = \overline{1, S_{\psi^*g^*c^*u^*}^*}$, $\psi^* = \overline{1, \Psi^*}$, $g^* = \overline{1, G_{\psi^*}^*}$, $c^* = \overline{1, C_{\psi^*g^*}^*}$, $u^* = \overline{1, U_{\psi^*g^*c^*}^*}$, $S_{\psi^*g^*c^*u^*}^* \subseteq S_{\psi^*g^*c^*u^*}$; (60)

→ в слоях оптимальных преобразований W21-W24 среди множества исполнителей $\varphi = \overline{1, \Phi_{\psi^*g^*c^*u^*s^*}}$ s^* -го СЭД_{W\psi^*g^*c^*u^*}, с помощью которого в u^* -ой локации СЭВ_{W\psi^*g^*c^*} удовлетворяется c^* -ая СЭП_{\psi^*g^*} ψ^* -ой группы субъектов СЭР_{W\psi^*} в g^* -ой сфере жизнедеятельности на территории, выбирается опт подмножество исполнителей $\varphi^* = \overline{1, \Phi_{\psi^*g^*c^*u^*s^*}^*}$ s^* -го СЭД_{W\psi^*g^*c^*u^*},

$$\psi^* = \overline{1, \Psi^*}, g^* = \overline{1, G_{\psi^*}^*}, c^* = \overline{1, C_{\psi^*g^*}^*}, u^* = \overline{1, U_{\psi^*g^*c^*}^*}, s^* = \overline{1, S_{\psi^*g^*c^*u^*}^*}, \Phi_{\psi^*g^*c^*u^*s^*}^* \subseteq \overline{1, \Phi_{\psi^*g^*c^*u^*s^*}}. \quad (61)$$

В слое оптимальных преобразований W39 (выражения (62) – (65)) в online режиме в системе обозначений Методологии [1-6] определяется опт объединение $\widehat{W}_{39\psi\gamma}^{**}[\xi(k_{W39}, \varepsilon_{W39.2})]$ индивидуальных спросов $W_{39\psi\gamma\omega}[\xi(k_{W39}, \varepsilon_{W39.1})]$

ω -ых субъектов СЭВ на территории на γ -ые компоненты потока способностей в цепочке оптимизационных процедур, указанных в выражении (56) при

$$\psi = \overline{1, \Psi}, \gamma = \overline{1, \Upsilon}, \omega = \overline{1, \Omega_{\psi\gamma}}: \quad \widehat{\Upsilon}_{39\psi\gamma\omega}(k_{W39}, \varepsilon_{W39.1}) = \widehat{\Upsilon}_{39\psi\gamma\omega}^*(k_{W39} - 1, \varepsilon_{W39.2}), \quad (62)$$

$$\widehat{W}_{39\psi\gamma\omega}^*[\xi(k_{W39}, \varepsilon_{W39.1})] = \sum_{\omega=1}^{\Omega_{\psi\gamma}} [\widehat{\Upsilon}_{39\psi\gamma\omega}(k_{W39}, \varepsilon_{W39.1}) \cdot W_{39\psi\gamma\omega}[\xi(k_{W39}, \varepsilon_{W39.1})]], \quad (63)$$

$$\widehat{\Upsilon}_{39\psi\gamma\omega}(k_{W39}, \varepsilon_{W39.2}) = [\widehat{\Upsilon}_{39\psi\gamma\omega}(k_{W39}, \varepsilon_{W39.1}) \cdot W_{39\psi\gamma\omega}[\xi(k_{W39}, \varepsilon_{W39.1})]] / \widehat{W}_{39\psi\gamma\omega}^*[\xi(k_{W39}, \varepsilon_{W39.1})], \quad (64)$$

$$\widehat{W}_{39\psi\gamma}^{**}[\xi(k_{W39}, \varepsilon_{W39.2})] = \sum_{\omega=1}^{\Omega_{\psi\gamma}} [\widehat{\Upsilon}_{39\psi\gamma\omega}^*(k_{W39}, \varepsilon_{W39.2}) \cdot W_{39\psi\gamma\omega}[\xi(k_{W39}, \varepsilon_{W39.1})]], \quad (65)$$

В слое оптимальных преобразований $W40$ (выражения (66) – (69)) в online режиме в системе обозначений Методологии [1-6] определяется опт объединение $\widehat{W}_{40\psi^*g^y}^{**}[\xi_{\psi^*}(k_{W40}, \varepsilon_{W40.2})]$ индивидуальных спросов ω -ых субъектов СЭВ на территории $W_{40\psi^*g^y\omega}[\xi_{\psi^*}(k_{W40}, \varepsilon_{W40.1})]$ на y -ые компоненты потока способностей в цепочке оптимизационных процедур, указанных в выражении (57) при $\psi^* = \overline{1, \Psi^*}$, $g = \overline{1, G_{\psi^*}}$, $y = \overline{1, Y_{\psi^*g}}$, $\omega = \overline{1, \Omega_{\psi^*g^y}}$:

$$\widehat{Y}_{40\psi^*g^y\omega}(k_{W40}, \varepsilon_{W40.1}) = \widehat{Y}_{40\psi^*g^y\omega}^*(k_{W40} - 1, \varepsilon_{W40.2}), \quad (66)$$

$$\widehat{W}_{40\psi^*g^y\omega}^*[\xi_{\psi^*}(k_{W40}, \varepsilon_{W40.1})] = \sum_{\omega=1}^{\Omega_{\psi^*g^y}} [\widehat{Y}_{40\psi^*g^y\omega}(k_{W40}, \varepsilon_{W40.1}) \cdot W_{40\psi^*g^y\omega}[\xi_{\psi^*}(k_{W40}, \varepsilon_{W40.1})]], \quad (67)$$

$$\widehat{Y}_{40\psi^*g^y\omega}^*(k_{W40}, \varepsilon_{W40.2}) = [\widehat{Y}_{40\psi^*g^y\omega}(k_{W40}, \varepsilon_{W40.1}) \cdot W_{40\psi^*g^y\omega}[\xi_{\psi^*}(k_{W40}, \varepsilon_{W40.1})]] / \widehat{W}_{40\psi^*g^y\omega}^*[\xi_{\psi^*}(k_{W40}, \varepsilon_{W40.1})], \quad (68)$$

$$\widehat{W}_{40\psi^*g^y}^{**}[\xi_{\psi^*}(k_{W40}, \varepsilon_{W40.2})] = \sum_{\omega=1}^{\Omega_{\psi^*g^y}} [\widehat{Y}_{40\psi^*g^y\omega}^*(k_{W40}, \varepsilon_{W40.2}) \cdot W_{40\psi^*g^y\omega}[\xi_{\psi^*}(k_{W40}, \varepsilon_{W40.1})]]. \quad (69)$$

В слое оптимальных преобразований $W41$ (выражения (70) – (73)) в online режиме в системе обозначений Методологии [1-6] определяется опт объединение

$\widehat{W}_{41\psi^*g^*c^y}^{**}[\xi_{\psi^*g^*}(k_{W41}, \varepsilon_{W41.2})]$ индивидуальных спросов ω -ых субъектов СЭВ на территории $W_{41\psi^*g^*c^y\omega}[\xi_{\psi^*g^*}(k_{W41}, \varepsilon_{W41.1})]$ на y -ые компоненты потока способностей в цепочке оптимизационных процедур, указанных в выражении (58) при $\psi^* = \overline{1, \Psi^*}$, $g^* = \overline{1, G^*}$, $c = \overline{1, C_{\psi^*g^*}}$, $y = \overline{1, Y_{\psi^*g^*c}}$, $\omega = \overline{1, \Omega_{\psi^*g^*c^y}}$:

$$\widehat{Y}_{41\psi^*g^*c^y\omega}(k_{W41}, \varepsilon_{W41.1}) = \widehat{Y}_{41\psi^*g^*c^y\omega}^*(k_{W41} - 1, \varepsilon_{W41.2}), \quad (70)$$

$$\widehat{W}_{41\psi^*g^*c^y\omega}^*[\xi_{\psi^*g^*}(k_{W41}, \varepsilon_{W41.1})] = \sum_{\omega=1}^{\Omega_{\psi^*g^*c^y}} [\widehat{Y}_{41\psi^*g^*c^y\omega}(k_{W41}, \varepsilon_{W41.1}) \cdot W_{41\psi^*g^*c^y\omega}[\xi_{\psi^*g^*}(k_{W41}, \varepsilon_{W41.1})]], \quad (71)$$

$$\widehat{Y}_{41\psi^*g^*c^y\omega}^*(k_{W41}, \varepsilon_{W41.2}) = [\widehat{Y}_{41\psi^*g^*c^y\omega}(k_{W41}, \varepsilon_{W41.1}) \cdot W_{41\psi^*g^*c^y\omega}[\xi_{\psi^*g^*}(k_{W41}, \varepsilon_{W41.1})]] / \widehat{W}_{41\psi^*g^*c^y\omega}^*[\xi_{\psi^*g^*}(k_{W41}, \varepsilon_{W41.1})], \quad (72)$$

$$\widehat{W}_{41\psi^*g^*c^y}^{**}[\xi_{\psi^*g^*}(k_{W41}, \varepsilon_{W41.2})] = \sum_{\omega=1}^{\Omega_{\psi^*g^*c^y}} [\widehat{Y}_{41\psi^*g^*c^y\omega}^*(k_{W41}, \varepsilon_{W41.2}) \cdot W_{41\psi^*g^*c^y\omega}[\xi_{\psi^*g^*}(k_{W41}, \varepsilon_{W41.1})]]. \quad (73)$$

В слое оптимальных преобразований $W42$ (выражения (74) – (77)) в online режиме в системе обозначений Методологии [1-6] определяется опт объединение

$\widehat{W}_{42\psi^*g^*c^*u^y}^{**}[\xi_{\psi^*g^*c^*}(k_{W42}, \varepsilon_{W42.2})]$ индивидуальных спросов ω -ых субъектов СЭВ на территории $W_{42\psi^*g^*c^*u^y\omega}[\xi_{\psi^*g^*c^*}(k_{W42}, \varepsilon_{W42.1})]$ на y -ые компоненты потока способностей в цепочке оптимизационных процедур, указанных в выражении (59) при $\psi^* = \overline{1, \Psi^*}$, $g^* = \overline{1, G^*}$, $c^* = \overline{1, C^*_{\psi^*g^*}}$, $u = \overline{1, U_{\psi^*g^*c^*}}$,

$$y = \overline{1, Y_{\psi^*g^*c^*u}}, \quad \omega = \overline{1, \Omega_{\psi^*g^*c^*u^y}}:$$

$$\widehat{Y}_{42\psi^*g^*c^*u^y\omega}(k_{W42}, \varepsilon_{W42.1}) = \widehat{Y}_{42\psi^*g^*c^*u^y\omega}^*(k_{W42} - 1, \varepsilon_{W42.2}), \quad (74)$$

$$\widehat{W}_{42\psi^*g^*c^*u^y\omega}^*[\xi_{\psi^*g^*c^*}(k_{W42}, \varepsilon_{W42.1})] = \sum_{\omega=1}^{\Omega_{\psi^*g^*c^*u^y}} [\widehat{Y}_{42\psi^*g^*c^*u^y\omega}(k_{W42}, \varepsilon_{W42.1}) \cdot W_{42\psi^*g^*c^*u^y\omega}[\xi_{\psi^*g^*c^*}(k_{W42}, \varepsilon_{W42.1})]], \quad (75)$$

$$\widehat{Y}_{42\psi^*g^*c^*u^y\omega}^*(k_{W42}, \varepsilon_{W42.2}) = [\widehat{Y}_{42\psi^*g^*c^*u^y\omega}(k_{W42}, \varepsilon_{W42.1}) \cdot W_{42\psi^*g^*c^*u^y\omega}[\xi_{\psi^*g^*c^*}(k_{W42}, \varepsilon_{W42.1})]] / \widehat{W}_{42\psi^*g^*c^*u^y\omega}^*[\xi_{\psi^*g^*c^*}(k_{W42}, \varepsilon_{W42.1})], \quad (76)$$

$$\widehat{W}_{42\psi^*g^*c^*u^y}^{**}[\xi_{\psi^*g^*c^*}(k_{W42}, \varepsilon_{W42.2})] = \sum_{\omega=1}^{\Omega_{\psi^*g^*c^*u^y}} [\widehat{Y}_{42\psi^*g^*c^*u^y\omega}^*(k_{W42}, \varepsilon_{W42.2}) \cdot W_{42\psi^*g^*c^*u^y\omega}[\xi_{\psi^*g^*c^*}(k_{W42}, \varepsilon_{W42.1})]]. \quad (77)$$

В слое оптимальных преобразований $W43$ (выражения (78) – (81)) в online режиме в системе обозначений Методологии [1-6] определяется опт объединение

$\widehat{W}_{43\psi^*g^*c^*u^*s^y}^{**}[\xi_{\psi^*g^*c^*u^*}(k_{W43}, \varepsilon_{W43.2})]$ индивидуальных спросов ω -ых субъектов СЭВ на территории $W_{43\psi^*g^*c^*u^*s^y\omega}[\xi_{\psi^*g^*c^*u^*}(k_{W43}, \varepsilon_{W43.1})]$ на y -ые компоненты потока способностей в цепочке оптимизационных процедур, указанных в выражении (60) при $\psi^* = \overline{1, \Psi^*}$, $g^* = \overline{1, G^*}$, $c^* = \overline{1, C^*_{\psi^*g^*}}$, $u^* = \overline{1, U^*_{\psi^*g^*c^*}}$,

$$s = \overline{1, S_{\psi^* g^* c^* u^*}}, y = \overline{1, Y_{\psi^* g^* c^* u^* s}}, \omega = \overline{1, \Omega_{\psi^* g^* c^* u^* s y}};$$

$$\hat{Y}_{43 \psi^* g^* c^* u^* s y \omega}(k_{W43}, \varepsilon_{W43.1}) = \hat{Y}_{43 \psi^* g^* c^* u^* s y \omega}^*(k_{W43} - 1, \varepsilon_{W43.2}), \quad (78)$$

$$\widehat{W}_{43 \psi^* g^* c^* u^* s y \omega}^*[\xi_{\psi^* g^* c^* u^*}(k_{W43}, \varepsilon_{W43.1})] = \sum_{\omega=1}^{\Omega_{\psi^* g^* c^* u^* s y}} [\hat{Y}_{43 \psi^* g^* c^* u^* s y \omega}(k_{W43}, \varepsilon_{W43.1}) \cdot W_{43 \psi^* g^* c^* u^* s y \omega}[\xi_{\psi^* g^* c^* u^*}(k_{W43}, \varepsilon_{W43.1})]], \quad (79)$$

$$\hat{Y}_{43 \psi^* g^* c^* u^* s y \omega}^*(k_{W43}, \varepsilon_{W43.2}) = [\hat{Y}_{43 \psi^* g^* c^* u^* s y \omega}(k_{W43}, \varepsilon_{W43.1}) \cdot W_{43 \psi^* g^* c^* u^* s y \omega}[\xi_{\psi^* g^* c^* u^*}(k_{W43}, \varepsilon_{W43.1})]] / \widehat{W}_{43 \psi^* g^* c^* u^* s y \omega}^*[\xi_{\psi^* g^* c^* u^*}(k_{W43}, \varepsilon_{W43.1})], \quad (80)$$

$$\widehat{W}_{43 \psi^* g^* c^* u^* s y \omega}^{**}[\xi_{\psi^* g^* c^* u^*}(k_{W43}, \varepsilon_{W43.2})] = \sum_{\omega=1}^{\Omega_{\psi^* g^* c^* u^* s y}} [\hat{Y}_{43 \psi^* g^* c^* u^* s y \omega}^*(k_{W43}, \varepsilon_{W43.2}) \cdot W_{43 \psi^* g^* c^* u^* s y \omega}[\xi_{\psi^* g^* c^* u^*}(k_{W43}, \varepsilon_{W43.1})]]. \quad (81)$$

В слое оптимальных преобразований $W44$ (выражения (82) – (85)) в online режиме в системе обозначений Методологии [1-6] определяется орт объединение

$\widehat{W}_{44 \psi^* g^* c^* u^* s^* \varphi y}^{**}[\xi_{\psi^* g^* c^* u^* s^*}(k_{W44}, \varepsilon_{W44.2})]$ индивидуальных спросов ω -ых субъектов СЭВ на территории $W_{44 \psi^* g^* c^* u^* s^* \varphi y \omega}[\xi_{\psi^* g^* c^* u^* s^*}(k_{W44}, \varepsilon_{W44.1})]$ на y -ые компоненты потока способностей в цепочке оптимизационных процедур, указанных в выражении (61) при $\psi^* = \overline{1, \Psi^*}$, $g^* = \overline{1, G^*}$, $c^* = \overline{1, C^*}$, $\psi^* g^*$, $u^* = \overline{1, U^*}$, $\psi^* g^* c^*$,

$$s^* = \overline{1, S^*_{\psi^* g^* c^* u^* s^* \varphi}}, \varphi = \overline{1, \Phi_{\psi^* g^* c^* u^* s^* \varphi}}, y = \overline{1, Y_{\psi^* g^* c^* u^* s^* \varphi}}, \omega = \overline{1, \Omega_{\psi^* g^* c^* u^* s^* \varphi y}};$$

$$\hat{Y}_{44 \psi^* g^* c^* u^* s^* \varphi y \omega}(k_{W44}, \varepsilon_{W44.1}) = \hat{Y}_{44 \psi^* g^* c^* u^* s^* \varphi y \omega}^*(k_{W44} - 1, \varepsilon_{W44.2}), \quad (82)$$

$$\widehat{W}_{44 \psi^* g^* c^* u^* s^* \varphi y \omega}^*[\xi_{\psi^* g^* c^* u^* s^*}(k_{W44}, \varepsilon_{W44.1})] = \sum_{\omega=1}^{\Omega_{\psi^* g^* c^* u^* s^* \varphi y}} [\hat{Y}_{44 \psi^* g^* c^* u^* s^* \varphi y \omega}(k_{W44}, \varepsilon_{W44.1}) \cdot W_{44 \psi^* g^* c^* u^* s^* \varphi y \omega}[\xi_{\psi^* g^* c^* u^* s^*}(k_{W44}, \varepsilon_{W44.1})]], \quad (83)$$

$$\hat{Y}_{44 \psi^* g^* c^* u^* s^* \varphi y \omega}^*(k_{W44}, \varepsilon_{W44.2}) = [\hat{Y}_{44 \psi^* g^* c^* u^* s^* \varphi y \omega}(k_{W44}, \varepsilon_{W44.1}) \cdot W_{44 \psi^* g^* c^* u^* s^* \varphi y \omega}[\xi_{\psi^* g^* c^* u^* s^*}(k_{W44}, \varepsilon_{W44.1})]] / \widehat{W}_{44 \psi^* g^* c^* u^* s^* \varphi y \omega}^*[\xi_{\psi^* g^* c^* u^* s^*}(k_{W44}, \varepsilon_{W44.1})] \quad (84)$$

$$\widehat{W}_{44 \psi^* g^* c^* u^* s^* \varphi y}^{**}[\xi_{\psi^* g^* c^* u^* s^*}(k_{W44}, \varepsilon_{W44.2})] = \sum_{\omega=1}^{\Omega_{\psi^* g^* c^* u^* s^* \varphi y}} [\hat{Y}_{44 \psi^* g^* c^* u^* s^* \varphi y \omega}^*(k_{W44}, \varepsilon_{W44.2}) \cdot W_{44 \psi^* g^* c^* u^* s^* \varphi y \omega}[\xi_{\psi^* g^* c^* u^* s^*}(k_{W44}, \varepsilon_{W44.1})]]. \quad (85)$$

Количественная оценка системных характеристик подсистемы орт управления процессами

СЭР_V

Полученные в [1-6] выражения для определения в online режиме: max уровня возможностей СЭР_V территории $\hat{V}_{25}^{**}(k_{V25}, \varepsilon_{V25.2}) \rightarrow \hat{V}_{25}^{**}(t)$ на текущий момент времени $t = k_{V25} \cdot \Delta t_{k_{V25}}$ и оценки эффективности оптимального управления подсистемой СЭР_V $\hat{V}_{33}^{**}(k_{V33}, \varepsilon_{V33.2}) \rightarrow \hat{V}_{33}^{**}(T)$ за всё время наблюдения T позволяют в парадигме и признаковом пространстве Методологии [1-6] проводить количественную оценку, анализ и оптимизацию важных системных характеристик:

→ социально-экономической эффективности реализуемого на практике управления подсистемой СЭР_V
 $\mathcal{E}_{1V}(t) = V(t) / \hat{V}_{25}^{**}(t); \quad (86)$

→ упущенных социально-экономических возможностей в реализуемом на практике управлении подсистемой СЭР_V $\Delta V_1(t) = \hat{V}_{25}^{**}(t) - V(t); \quad (87)$

→ социально-экономической эффективности реализованного на практике управления подсистемой СЭР_V за время наблюдения T :

$$\mathcal{E}_{2V}(T) = \int_0^T V(t) dt / \hat{V}_{33}^{**}(T); \quad (88)$$

→ упущенные социально-экономические возможности в реализованном на практике управлении подсистемой СЭР_V на всём интервале наблюдения T :

$$\Delta V_2(T) = \hat{V}_{33}^{**}(T) - \int_0^T V(t) dt. \quad (89)$$

Количественная оценка системных характеристик подсистемы орт управления процессами

СЭР_H

Полученные в [1-6] выражения для определения в online режиме: max уровня возможностей СЭР_H территории $\widehat{H}_{30}^{**}(k_{H30}, \varepsilon_{H30.2}) \rightarrow \widehat{H}_{30}^{**}(t)$ на текущий момент времени $t = k_{H30} \cdot \Delta t_{k_{H30}}$ и оценки эффективности оптимального управления подсистемой СЭР_H $\widehat{H}_{39}^{**}(k_{H39}, \varepsilon_{H39.2}) \rightarrow \widehat{H}_{39}^{**}(T)$ за всё время наблюдения T позволяют в парадигме и признаковом пространстве Методологии [1-6] проводить количественную оценку, анализ и оптимизацию важных системных характеристик:

→ социально-экономической эффективности реализуемого на практике управления подсистемой СЭР_H
 $\Delta_{1H}(t) = H(t) / \widehat{H}_{30}^{**}(t);$ (90)

→ упущенных социально-экономических возможностей в реализуемом на практике управлении подсистемой СЭР_H $\Delta H_1(t) = \widehat{H}_{30}^{**}(t) - H(t);$ (91)

→ социально-экономической эффективности реализованного на практике управления подсистемой СЭР_H за время наблюдения T :

$\Delta_{2H}(T) = \int_0^T H(t) dt / \widehat{H}_{39}^{**}(T);$ (92)

→ упущенные социально-экономические возможности в реализованном на практике управлении подсистемой СЭР_H на всём интервале наблюдения T :

$\Delta H_2(T) = \widehat{H}_{39}^{**}(T) - \int_0^T H(t) dt.$ (93)

Количественная оценка системных характеристик подсистемы орт управления процессами

СЭР_W

Полученные в [1-6] выражения для определения в online режиме: max уровня возможностей СЭР_W территории $\widehat{W}_{30}^{**}(k_{W30}, \varepsilon_{W30.2}) \rightarrow \widehat{W}_{30}^{**}(t)$ на текущий момент времени $t = k_{W30} \cdot \Delta t_{k_{W30}}$ и оценки эффективности оптимального управления подсистемой СЭР_W $\widehat{W}_{38}^{**}(k_{W38}, \varepsilon_{W38.2}) \rightarrow \widehat{W}_{38}^{**}(T)$ за всё время наблюдения T позволяют в парадигме и признаковом пространстве Методологии [1-6] проводить количественную оценку, анализ и оптимизацию важных системных характеристик:

→ социально-экономической эффективности реализуемого на практике управления подсистемой СЭР_W
 $\Delta_{1W}(t) = W(t) / \widehat{W}_{30}^{**}(t);$ (94)

→ упущенных социально-экономических возможностей в реализуемом на практике управлении подсистемой СЭР_W $\Delta W_1(t) = \widehat{W}_{30}^{**}(t) - W(t);$ (95)

→ социально-экономической эффективности реализованного на практике управления подсистемой СЭР_W за время наблюдения T :

$\Delta_{2W}(T) = \int_0^T W(t) dt / \widehat{W}_{38}^{**}(T);$ (96)

→ упущенные социально-экономические возможности в реализованном на практике управлении подсистемой СЭР_H на всём интервале наблюдения T :

$\Delta W_2(T) = \widehat{W}_{38}^{**}(T) - \int_0^T W(t) dt.$ (97)

Оптимальное распределение ресурсов развития территории в комплексе

“СЭР_V + СЭР_H + СЭР_W”

При изложении математических основ оптимального распределения ресурсов развития территории в комплексе “СЭР_V + СЭР_H + СЭР_W” развита уникальная система обозначений, принятая в [1-6], используются разработанные автором итерационные оптимизационные процедуры, в которых применяются следующие обозначения: $\delta_{(\cdot)}$, $\delta_{(\cdot)}^*$ - оптимальные весовые коэффициенты (.) при орт распределении после 1-й и 2-й итерации $\varepsilon_{(\cdot),1}$ и $\varepsilon_{(\cdot),2}$ в слое оптимальных преобразований (.) соответственно; $\check{E}_{(\cdot)}^*$, $\check{E}_{(\cdot)}^{**}$ - оптимального распределение ресурсов развития территории в комплексе “СЭР_V + СЭР_H + СЭР_W” (.) - СЭР_E при $\varepsilon_{(\cdot),1}$ и $\varepsilon_{(\cdot),2}$ соответственно.

Согласно Методологии оптимального управления СЭВ на территории [1-6] для создания дополнительных и восполнения утраченных возможностей в комплексе “СЭР_V + СЭР_H + СЭР_W” в online

режиме оптимально распределяется (выражения (98) – (105)) общий ресурс развития территории $E(k_E, \varepsilon_{E.1})$ между подсистемами СЭР_V, СЭР_H, СЭР_W в виде $V(k_{V27}, \varepsilon_{V27.1})$, $H(k_{H32}, \varepsilon_{H32.1})$, $W(k_{W31}, \varepsilon_{W31.1})$ соответственно при $P_{E1} = \overline{1,3}$ следующим образом:

$$\delta_{1P_{E1}}(k_{E1}, \varepsilon_{E1.1}) = \delta_{1P_{E1}}^*(k_{E1} - 1, \varepsilon_{E1.2}), \quad (98)$$

$$\tilde{E}_{1P_{E1}}(k_{E1}, \varepsilon_{E1.1}) = \delta_{1P_{E1}}(k_{E1}, \varepsilon_{E1.1}) \cdot E(k_E, \varepsilon_{E.1}), \quad (99)$$

$$\tilde{E}_{1\Sigma}^*(k_{E1}, \varepsilon_{E1.1}) = \sum_{P_{E1}=1}^3 [\delta_{1P_{E1}}(k_{E1}, \varepsilon_{E1.1}) \cdot \tilde{E}_{1P_{E1}}(k_{E1}, \varepsilon_{E1.1})], \quad (100)$$

$$\delta_{1P_{E1}}^*(k_{E1}, \varepsilon_{E1.2}) = [\delta_{1P_{E1}}(k_{E1}, \varepsilon_{E1.1}) \cdot \tilde{E}_{1P_{E1}}(k_{E1}, \varepsilon_{E1.1})] / \tilde{E}_{1\Sigma}^*(k_{E1}, \varepsilon_{E1.1}), \quad (101)$$

$$\tilde{E}_{1P_{E1}}^{**}(k_{E1}, \varepsilon_{E1.2}) = \delta_{1P_{E1}}^*(k_{E1}, \varepsilon_{E1.2}) \cdot E(k_E, \varepsilon_{E.1}), \quad (102)$$

$$\tilde{E}_{1P_{E1}}^{**}(k_{E1}, \varepsilon_{E1.2}) = \begin{cases} V(k_{V27}, \varepsilon_{V27.1}) & \text{при } P_{E1} = 1, \\ H(k_{H32}, \varepsilon_{H32.1}) & \text{при } P_{E1} = 2, \\ W(k_{W31}, \varepsilon_{W31.1}) & \text{при } P_{E1} = 3. \end{cases} \quad (103)$$

$$\tilde{E}_{1P_{E1}}^{**}(k_{E1}, \varepsilon_{E1.2}) = \begin{cases} H(k_{H32}, \varepsilon_{H32.1}) & \text{при } P_{E1} = 2, \\ W(k_{W31}, \varepsilon_{W31.1}) & \text{при } P_{E1} = 3. \end{cases} \quad (104)$$

$$(105)$$

Оптимальное непрерывное определение в online режиме в комплексе “СЭР_V + СЭР_H + СЭР_W” оптимального уровня возможностей для удовлетворения социально-экономических потребностей, характеризующих уровень и качество жизни населения территории

При изложении математических основ оптимального непрерывного определения в online режиме в комплексе “СЭР_V + СЭР_H + СЭР_W” оптимального уровня возможностей для удовлетворения социально-экономических потребностей, характеризующих уровень и качество жизни населения территории, развита уникальная система обозначений, принятая в [1-6], используются разработанные автором итерационные оптимизационные процедуры, в которых применяются следующие обозначения: $\hat{\delta}_{(.)}$, $\hat{\delta}_{(.)}^*$ - оптимальные весовые коэффициенты (.) при орт объединении после 1-й и 2-й итерации $\varepsilon_{(.)1}$ и $\varepsilon_{(.)2}$ в слое оптимальных преобразований (.) соответственно; $\hat{E}_{(.)}^*$, $\hat{E}_{(.)}^{**}$ - оптимальные объёмы удовлетворённых социально-экономических потребностей, характеризующих уровень и качество жизни населения территории (.) СЭР_V при орт объединении при $\varepsilon_{(.)1}$ и $\varepsilon_{(.)2}$ соответственно.

Согласно Методологии оптимального управления СЭВ на территории [1-6] в ходе созидательной деятельности в процессах СЭР_V и СЭР_H исполнители, решая задачи наращивания возможностей СЭР_V территории в целом и СЭР_H всех сфер жизнедеятельности на данной территории, частично удовлетворяют свои социально-экономические потребности, все процессы СЭР_W направлены на максимальное удовлетворение социально-экономических потребностей всех исполнителей и наращивание возможностей СЭР_W. В связи со сказанным выше непрерывное определение в online режиме (выражения (106) – (111)) в комплексе “СЭР_V + СЭР_H + СЭР_W” оптимального уровня возможностей СЭР для удовлетворения социально-экономических потребностей $\hat{E}_{2}^{**}(k_{E2}, \varepsilon_{E2.2})$, характеризующих уровень и качество жизни населения территории, на основе оптимального объединения максимальных уровней СЭР_V, СЭР_H, СЭР_W [1-6] соответственно $\hat{W}_{30}^{**}(k_{W30}, \varepsilon_{W30.2})$, $\hat{V}_{25}^{**}(k_{V25}, \varepsilon_{V25.2})$, $\hat{H}_{30}^{**}(k_{H30}, \varepsilon_{H30.2})$ при $P_{E2} = \overline{1,3}$ и задаваемых в online режиме весовых коэффициентах $\alpha_{25}(k_{V25}, \varepsilon_{V25.1})$ и $\beta_{30}(k_{H30}, \varepsilon_{H30.1})$ осуществляется следующим образом:

$$\hat{\delta}_{2P_{E2}}(k_{E2}, \varepsilon_{E2.1}) = \hat{\delta}_{2P_{E2}}^*(k_{E2} - 1, \varepsilon_{E2.2}), \quad (106)$$

$$\begin{aligned} \hat{E}_{2\Sigma}^*(k_{E2}, \varepsilon_{E2.1}) &= \hat{\delta}_{21}(k_{E2}, \varepsilon_{E2.1}) \cdot \hat{W}_{30}^{**}(k_{W30}, \varepsilon_{W30.2}) + \\ &+ \hat{\delta}_{22}(k_{E2}, \varepsilon_{E2.1}) \cdot \hat{V}_{25}^{**}(k_{V25}, \varepsilon_{V25.2}) \cdot \alpha_{25}(k_{V25}, \varepsilon_{V25.1}) + \\ &+ \hat{\delta}_{23}(k_{E2}, \varepsilon_{E2.1}) \cdot \hat{H}_{30}^{**}(k_{H30}, \varepsilon_{H30.2}) \cdot \beta_{30}(k_{H30}, \varepsilon_{H30.1}), \end{aligned} \quad (107)$$

$$\hat{\delta}_{21}^*(k_{E2}, \varepsilon_{E2.2}) = [\hat{\delta}_{21}(k_{E2}, \varepsilon_{E2.1}) \cdot \hat{W}_{30}^{**}(k_{W30}, \varepsilon_{W30.2})] / \hat{E}_{2\Sigma}^*(k_{E2}, \varepsilon_{E2.1}), \quad (108)$$

$$\hat{\delta}_{22}^*(k_{E2}, \varepsilon_{E2.2}) = [\hat{\delta}_{22}(k_{E2}, \varepsilon_{E2.1}) \cdot \hat{V}_{25}^{**}(k_{V25}, \varepsilon_{V25.2}) \cdot \alpha_{25}(k_{V25}, \varepsilon_{V25.1})] / \hat{E}_{2\Sigma}^*(k_{E2}, \varepsilon_{E2.1}), \quad (109)$$

$$\hat{\delta}_{23}^*(k_{E2}, \varepsilon_{E2.2}) = [\hat{\delta}_{23}(k_{E2}, \varepsilon_{E2.1}) \cdot \hat{H}_{30}^{**}(k_{H30}, \varepsilon_{H30.2}) \cdot \beta_{30}(k_{H30}, \varepsilon_{H30.1})] / \hat{E}_{2\Sigma}^*(k_{E2}, \varepsilon_{E2.1}), \quad (110)$$

$$\begin{aligned} \hat{E}_{2.2}^{**}(k_{E2}, \varepsilon_{E2.2}) &= \hat{\delta}_{2.1}^{*}(k_{E2}, \varepsilon_{E2.2}) \cdot \hat{W}_{30}^{**}(k_{W30}, \varepsilon_{W30.2}) + \\ &+ \hat{\delta}_{2.2}^{*}(k_{E2}, \varepsilon_{E2.2}) \cdot \hat{V}_{25}^{**}(k_{V25}, \varepsilon_{V25.2}) \cdot \alpha_{25}(k_{V25}, \varepsilon_{V25.1}) + \\ &+ \hat{\delta}_{2.3}^{*}(k_{E2}, \varepsilon_{E2.2}) \cdot \hat{H}_{30}^{**}(k_{H30}, \varepsilon_{H30.2}) \cdot \beta_{30}(k_{H30}, \varepsilon_{H30.1}). \end{aligned} \quad (111)$$

Фрагмент системной характеристики возможностей и признакового пространства исследований, охватываемого Методологией орт управления СЭР субъектов СЭВ на территории, в комплексе “СЭР_V + СЭР_H + СЭР_W”

Для частичной характеристики возможностей и признакового пространства исследований, охватываемого Методологией орт управления СЭР субъектов СЭВ на территории [1-6], отметим, что Методология позволяет одновременно в online режиме:

→ определять тах уровень возможностей СЭР_V территории $\hat{V}_{25}^{**}(k_{V25}, \varepsilon_{V25.2})$, являющийся итогом орт объединения на шаге орт управления k_{V25} в слое оптимальных преобразований V25 в подсистеме СЭР_V результатов осуществлённых оптимальных СЭИ_V оптимальным множеством исполнителей (выражение (112)) оптимального множества СЭД_V (выражение (113)) при решении в оптимальном множестве локаций СЭВ_V (выражение (114)) оптимального множества СЭЗ_V (выражение (115)) в интересах достижения оптимального подмножества СЦ_V СЭР_V F^* при $j^* = \overline{1, J^*_{g^*z^*p^*q^*d^*}}$, $g^* = \overline{1, G^*}$, $z^* = \overline{1, Z^*_{g^*}}$, $p^* = \overline{1, P^*_{g^*z^*}}$, $q^* = \overline{1, Q^*_{g^*z^*p^*}}$, $d^* = \overline{1, D^*_{g^*z^*p^*q^*}}$:

$$I_{F^*L_{F^*}^*N_{F^*L_{F^*}^*}M_{F^*L_{F^*}^*N_{F^*L_{F^*}^*}}^*} = \sum_{f^*=1}^{F^*} \left(\sum_{l^*=1}^{L_{f^*}^*} \left(\sum_{n^*=1}^{N_{f^*l^*}^*} \left(\sum_{m^*=1}^{M_{f^*l^*n^*}^*} I_{f^*l^*n^*m^*}^* \right) \right) \right). \quad (112)$$

$$M_{F^*L_{F^*}^*N_{F^*L_{F^*}^*}}^* = \sum_{f^*=1}^{F^*} \left(\sum_{l^*=1}^{L_{f^*}^*} \left(\sum_{n^*=1}^{N_{f^*l^*}^*} M_{f^*l^*n^*}^* \right) \right). \quad (113)$$

$$N_{F^*L_{F^*}^*}^* = \sum_{f^*=1}^{F^*} \left(\sum_{l^*=1}^{L_{f^*}^*} N_{f^*l^*}^* \right). \quad (114)$$

$$L_{F^*}^* = \sum_{f^*=1}^{F^*} L_{f^*}^*. \quad (115)$$

→ определять максимальный уровень возможностей СЭР_H всех сфер жизнедеятельности, предоставляемых всем субъектам СЭВ в ходе их СЭР на территории

$\hat{H}_{30}^{**}(k_{H30}, \varepsilon_{H30.2})$, являющийся итогом орт объединения на шаге орт управления k_{H30} в слое оптимальных преобразований H30 в подсистеме СЭР_H результатов осуществлённых оптимальных СЭИ_H оптимальным множеством исполнителей (выражение (116)) оптимального множества СЭД_V (выражение (117)) при решении в оптимальном множестве локаций СЭВ_V (выражение (118)) оптимального множества СЭЗ_H (выражение (119)) в интересах достижения оптимального подмножества СЦ_V СЭР_V (выражение (120)) в оптимальном подмножестве сфер жизнедеятельности G^* при $j^* = \overline{1, J^*_{g^*z^*p^*q^*d^*}}$, $g^* = \overline{1, G^*}$, $z^* = \overline{1, Z^*_{g^*}}$, $p^* = \overline{1, P^*_{g^*z^*}}$, $q^* = \overline{1, Q^*_{g^*z^*p^*}}$, $d^* = \overline{1, D^*_{g^*z^*p^*q^*}}$:

$$\begin{aligned} J_{G^*Z_{G^*}^*P_{G^*Z_{G^*}^*}Q_{G^*Z_{G^*}^*P_{G^*Z_{G^*}^*}}^*D^*_{G^*Z_{G^*}^*P_{G^*Z_{G^*}^*}Q_{G^*Z_{G^*}^*P_{G^*Z_{G^*}^*}}}^*} &= \\ &= \sum_{g^*=1}^{G^*} \left(\sum_{z^*=1}^{Z_{g^*}^*} \left(\sum_{p^*=1}^{P_{g^*z^*}^*} \left(\sum_{q^*=1}^{Q_{g^*z^*p^*}^*} \left(\sum_{d^*=1}^{D_{g^*z^*p^*q^*}^*} J_{g^*z^*p^*q^*d^*}^* \right) \right) \right) \right). \end{aligned} \quad (116)$$

$$D_{G^*Z_{G^*}^*P_{G^*Z_{G^*}^*}Q_{G^*Z_{G^*}^*P_{G^*Z_{G^*}^*}}}^* = \sum_{g^*=1}^{G^*} \left(\sum_{z^*=1}^{Z_{g^*}^*} \left(\sum_{p^*=1}^{P_{g^*z^*}^*} \left(\sum_{q^*=1}^{Q_{g^*z^*p^*}^*} D_{g^*z^*p^*q^*}^* \right) \right) \right). \quad (117)$$

$$Q_{G^*Z_{G^*}^*P_{G^*Z_{G^*}^*}}^* = \sum_{g^*=1}^{G^*} \left(\sum_{z^*=1}^{Z_{g^*}^*} \left(\sum_{p^*=1}^{P_{g^*z^*}^*} Q_{g^*z^*p^*}^* \right) \right). \quad (118)$$

$$P_{G^*Z_{G^*}^*}^* = \sum_{g^*=1}^{G^*} \left(\sum_{z^*=1}^{Z_{g^*}^*} P_{g^*z^*}^* \right). \quad (119)$$

$$Z_{G^*}^* = \sum_{g^*=1}^{G^*} Z_{g^*}^*; \quad (120)$$

→ определять максимальный уровень социально-экономического развития СЭР_W субъектов социально-экономических взаимодействий (СЭВ) на территории

$\hat{W}_{30}^{**}(k_{W30}, \varepsilon_{W30.2})$, являющийся итогом орт объединения на шаге орт управления k_{W30} в слое

оптимальных преобразований W_{30} в подсистеме $CЭP_W$ результатов осуществлённых оптимальных $CЭИ_W$ оптимальным множеством исполнителей (выражение (121)) оптимального множества $CЭД_W$ (выражение (122)) при решении в оптимальном множестве локаций $CЭB_W$ (выражение (123)) удовлетворение оптимального множества социально-экономических потребностей (выражение (124)) в оптимальном подмножестве сфер жизнедеятельности G^* (выражение (125)) для оптимального подмножества групп субъектов $CЭP_W$ при:

$$\begin{aligned} \varphi^* &= \overline{1, \Phi^* \psi^* g^* c^* u^* s^*}, \psi^* = \overline{1, \Psi^*}, g^* = \overline{1, G^* \psi^*}, c^* = \overline{1, C^* \psi^* g^*}, u^* = \overline{1, U^* \psi^* g^* c^*}, \\ s^* &= \overline{1, S^* \psi^* g^* c^* u^*}. \\ \Phi^* \psi^* G^* \psi^* C^* \psi^* G^* \psi^* U^* \psi^* G^* \psi^* C^* \psi^* G^* \psi^* S^* \psi^* G^* \psi^* C^* \psi^* G^* \psi^* U^* \psi^* G^* \psi^* C^* \psi^* G^* \psi^* &= \\ &= \sum_{\psi^*=1}^{\Psi^*} \left(\sum_{g^*=1}^{G^* \psi^*} \left(\sum_{c^*=1}^{C^* \psi^* g^*} \left(\sum_{u^*=1}^{U^* \psi^* g^* c^*} \left(\sum_{s^*=1}^{S^* \psi^* g^* c^* u^*} \Phi^* \psi^* g^* c^* u^* s^* \right) \right) \right) \right). \end{aligned} \quad (121)$$

$$S^* \psi^* G^* \psi^* C^* \psi^* G^* \psi^* U^* \psi^* G^* \psi^* C^* \psi^* G^* \psi^* = \sum_{\psi^*=1}^{\Psi^*} \left(\sum_{g^*=1}^{G^* \psi^*} \left(\sum_{c^*=1}^{C^* \psi^* g^*} \left(\sum_{u^*=1}^{U^* \psi^* g^* c^*} S^* \psi^* g^* c^* u^* \right) \right) \right). \quad (122)$$

$$U^* \psi^* G^* \psi^* C^* \psi^* G^* \psi^* = \sum_{\psi^*=1}^{\Psi^*} \left(\sum_{g^*=1}^{G^* \psi^*} \left(\sum_{c^*=1}^{C^* \psi^* g^*} U^* \psi^* g^* c^* \right) \right). \quad (123)$$

$$C^* \psi^* G^* \psi^* = \sum_{\psi^*=1}^{\Psi^*} \left(\sum_{g^*=1}^{G^* \psi^*} C^* \psi^* g^* \right). \quad (124)$$

$$G^* \psi^* = \sum_{\psi^*=1}^{\Psi^*} G^* \psi^*. \quad (125)$$

Заключение. Приведенные в статье математические основы презентуемого метода являются логическим продолжением представленных в статьях [1-6] математических основ опт управления процессами $CЭP_V$, $CЭP_H$, $CЭP_W$ и развивают разрабатываемую автором Методологию опт управления социально-экономическими взаимодействиями (СЭВ) на территории в части опт решения в online режиме важных системных задач в комплексе “ $CЭP_V + CЭP_H + CЭP_W$ ”: опт распределения общего ресурса развития территории; определения опт уровня СЭР для максимального удовлетворения социально-экономических потребностей субъектов СЭВ; количественной оценки социально-экономической эффективности и упущенных возможностей реализуемого на практике управления; оценки возможностей и признакового пространства исследований, охватываемых Методологией; дальнейшего расширения признакового пространства Методологии в процедурах выработки оптимальных управленческих решений.

Изложенные в [1-6] и развитые в данной статье математические основы (146 слоёв оптимальных преобразований, 833 взаимосвязанных математических выражений) охватывают комплекс непрерывно одновременно и параллельно происходящих взаимосвязанных процессов $CЭP_V$, $CЭP_H$ и $CЭP_W$ [1-6], в ходе которых *многослойно оптимизируется управление миллионами одновременно происходящих СЭВ в различных локациях СЭВ, в которых различные исполнители совершают различные социально-экономические действия, при этом решается множество различных социально-экономических задач, удовлетворяется множество социально-экономических потребностей в различных сферах жизнедеятельности и достигается множество различных стратегических целей СЭР.*

Анализ и развитие математических основ авторской Методологии опт управления СЭВ на территории будут продолжены в последующих статьях цикла.

Список использованной литературы:

1. Устюгов Ю.А. Математические основы методологии оптимального online квантового адаптивного управления социально-экономическими взаимодействиями на территории. Часть 1: Авторские методы и математические модели оптимального управления, лежащие в фундаменте создания и развития методологии [Текст] // Международный научный журнал Инновационная наука. 2025. №8-1/2025. С. 51-64.
2. Устюгов Ю.А. Математические основы методологии оптимального online квантового адаптивного управления социально-экономическими взаимодействиями на территории. Часть 2: Метод многослойной online оптимизации квантового управления социально-экономическими взаимодействиями на основе многофакторного анализа распределённых данных о возможностях

социально-экономического развития территории и способностях их нарастить [Текст] //Международный научный журнал Инновационная наука. 2026. № 2-2-1/2026. С. 136-148.

3. Устюгов Ю.А. Математические основы методологии оптимального online квантового адаптивного управления социально-экономическими взаимодействиями на территории. Часть 3: Метод многослойной многофакторной системной online оптимизации управления социально-экономическим развитием различных сфер жизнедеятельности на территории (СЭР_H) на основе оптимального множественного выбора победителей и распределения между ними квантов возможностей СЭР_H [Текст] // Международный научный журнал Инновационная наука. 2026. № 3-1/2026. С. 97-111.

4. Устюгов Ю.А. Математические основы методологии оптимального online квантового адаптивного управления социально-экономическими взаимодействиями на территории. Часть 4: Метод многослойного и многофакторного online квантового оптимального управления процессами распределения интегральных и дифференциальных возможностей социально-экономического развития между субъектами социально-экономических взаимодействий на территории в ходе удовлетворения их социально-экономических потребностей [Текст] // Международный научный журнал Инновационная наука. 2026. № 3-2/2026. С. 131-146.

5. Устюгов Ю.А. Математические основы методологии оптимального online квантового адаптивного управления социально-экономическими взаимодействиями на территории. Часть 5: Метод многослойного online opt распределения возможностей социально-экономического развития в комплексе “СЭР_V[2] + СЭР_H[3] + СЭР_W[4]” и opt объединения результатов выполнения принятых решений при оценке эффективности opt управления социально-экономическими взаимодействиями на территории [Текст] // Международный научный журнал Инновационная наука. 2026. № 4-1/2026. С. 99 - 112.

6. Устюгов Ю.А. Математические основы методологии оптимального online квантового адаптивного управления социально-экономическими взаимодействиями на территории. Часть 6: метод расширения признакового пространства методологии [1-5] при opt многослойном учёте спроса субъектов СЭВ на возможности социально-экономического развития на территории и opt формировании много факторных способностей субъектов СЭВ наращивать указанные возможности при их использовании [Текст] // Международный научный журнал Инновационная наука. 2026. № 4-2 /2026. С. 147 – 160.

© Устюгов Ю.А., 2026

УДК 33

Чумаков К.С.

Магистрант 2 курса

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,

Г. Москва, РФ

РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ВНЕШНЕ-ТОРГОВЫЕ ОПЕРАЦИИ В СФЕРЕ ХИМИЧЕСКОЙ ПРОДУКЦИИ

Аннотация

В статье проводится исследование российско-китайских внешнеторговых операций в сфере химической продукции для выявления тенденций его развития в современной экономической среде на основе проведённого анализа.

Ключевые слова:

химическая промышленность, Российско-китайские внешне-торговые операции, рынок химической промышленности, Российско-китайский экспорт, российско-китайский импорт.

Российский рынок начиная с 2022 года начал испытывать проблемы с получением необходимого количества химической продукции из-за рубежа. Прекращение многих экономических отношений с европейскими и американскими производителями подобного сырья негативно сказалось на ряде производств в Российской Федерации.

Огромное количество производителей было вынуждено искать аналоги, подходящие не только по торговому наименованию, но и качеству. Для разного производства нужна разная продукция, химическая сфера не является исключением, скорее, она является примером наиболее исключительного спроса, особенно в сфере фармацевтического производства.

Вопрос о качестве и широком спектре торговых наименований, исключая рынки европейских стран и США, подталкивает потребителя рассмотреть ещё один крупный экономический субъект – Китай.

В Китае широко развито производство, и исключением химическая продукция являться не будет. Более того, достаточно сильная экономика способствует появлению более качественных и инновационных товаров.

Помимо этого, российские производители также столкнулись с проблемами экспорта своей продукции зарубеж. Китай в данном направлении выглядит, как надёжный партнёр и разносторонний потребитель.

Актуальность выбранной темы обусловлена необходимостью российских производителей искать альтернативное химическое сырьё и прочие продукты химического рынка в странах помимо Европейских и США, а также новых партнёров для экспорта своей продукции.

Основной задачей, поставленной при написании данной статьи, является выполнение анализа российско-китайских торговых операций на рынке химической продукции в части её экспорта и импорта, а также рассмотрения таможенных аспектов и финансовой части подобных отношений.

Китай всё больше интегрируется в рынок Российской Федерации в плане импорта химической продукции. В 2022 году импорт данного вида продукции с китайского рынка в Россию вырос более, чем в два раза, а в 2023 году уровень импорта упал менее, чем на два процента (Рис. 1).

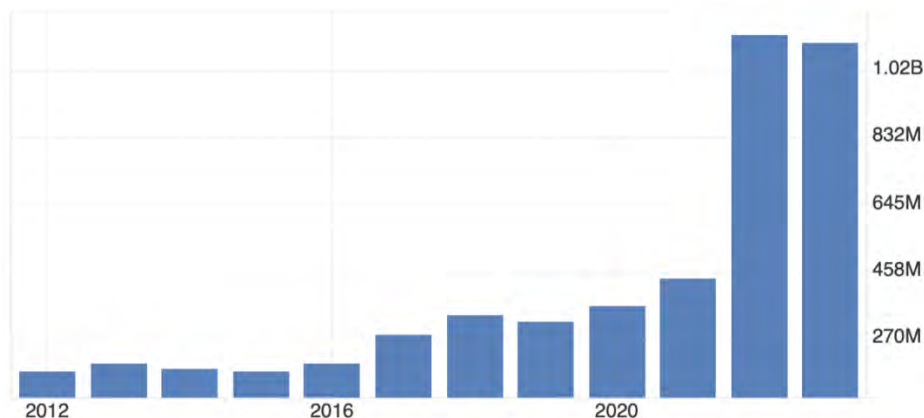

Рисунок 1 – Китайский экспорт различных химических продуктов в Россию

Неудивительно, что в условиях санкций экспорт китайской химической продукции в Россию настолько сильно вырос, что по данным за 2022 год Китай является безусловным лидером по импорту данного типа товаров – более 22 процентов всего импорта химической продукции в Россию производилось из Китая (Рис. 2).

Если же рассматривать российско-китайские отношения по импорту в Россию по продуктам, то по статистике за 2023 год импорт химической продукции займёт вторую строчку с 11 процентами, уступив лишь импорту автомобильной продукции [2, с. 91].

Не маловажной частью внешнеторговых операций является как импорт, так и экспорт. В России существует немало производителей химической продукции, которые в свою очередь поставляют её на территорию Китая.

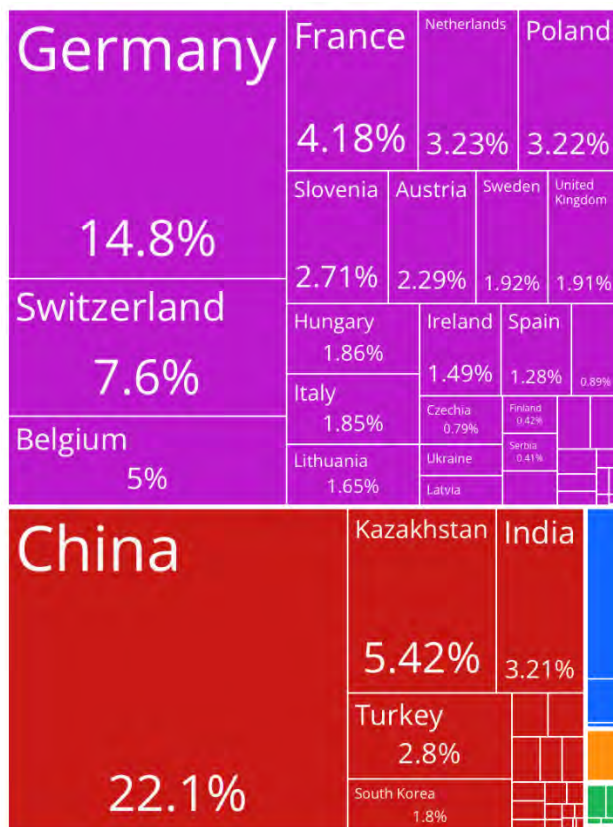

Рисунок 2 – Импорт Химической продукции в России

Опираясь на статистику 2022 года, можно судить о том, что Китай уверенно входит в четвёрку импортёров российской химической продукции, уступая Бразилии, США и Индии (Рис. 3).

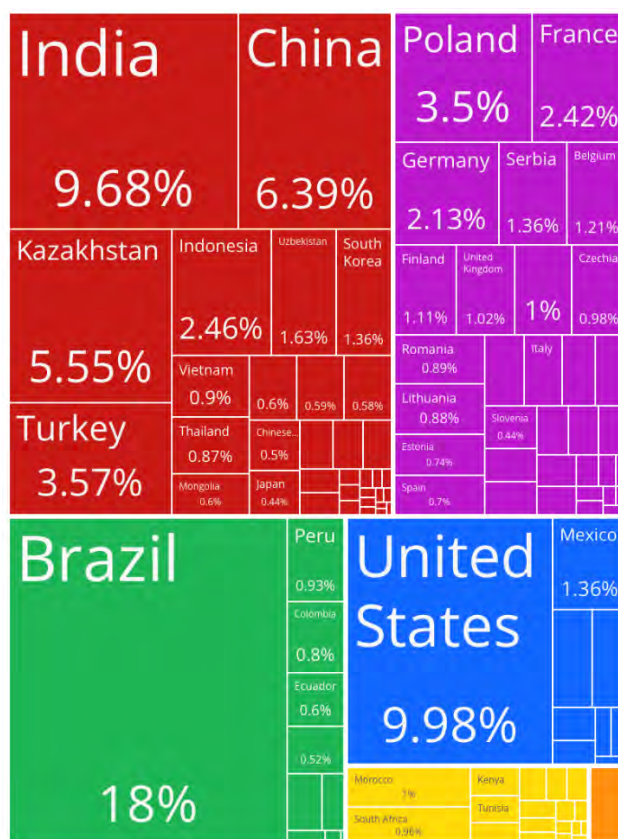

Рисунок 3 – Экспорт Химической продукции в России

Внешнеторговые операции заключаются не только в экспорте и импорте товаров. С экономической стороны, как минимум, стоит рассматривать как финансовую, так и таможенную части.

Финансовые отношения Российской Федерации с иностранными контрагентами терпят серьёзные проблемы, так как компании и банки опасаются вторичных санкций, или же вовсе отказываются или не могут работать с российскими компаниями.

Подобная ситуация зеркальна и для Китая, с которым в том числе приоритетно вести операции в китайском юане, что так же осложняет работу не только с китайскими банками, как финансовыми институтами, но и ставит курс рубля и инфляцию, как дополнительный риск, которые может вылиться не только в удорожание продукции для российского потребителя, но и в более серьёзные проблемы.

Китай является удобным партнёром для России, с точки зрения таможенных вопросов, что выливается в различные плюсы в рамках таможенного контроля и регулирования для обеих сторон.

Большое значение имеют комплексные свободные зоны. В провинции Хэйлунцзян в 2019 году была открыта зона свободной торговли с Россией, содержащая три кластера, в которых происходит сотрудничество с Россией в определенной отрасли производства. Вопрос создания единой зоны свободной торговли между Китаем и ЕАЭС находится на рассмотрении. Достоинством такой формы торговли является исключение посредников при перемещении товаров, снижение размера таможенных пошлин и сокращение сроков доставки, что требует также оптимизацию работы логистических компаний и развитие инфраструктуры по всей цепочке логистического маршрута [1, с. 45].

Между Россией и Китаем действует также принцип о взаимном признании результатов таможенного контроля, согласно которому российские таможенные органы не проводят повторную проверку грузов, проконтролированных таможенными органами Китая при отправке. Во всех операциях применяются информационные технологии как наиболее действенный способ повышения результативности деятельности таможенных органов в условиях цифровизации [1, с. 45].

Ситуация в части внешнеторговых отношений России и Китая в период начиная с 2022 определённо получила положительную тенденцию, заключающуюся в увеличении объёмов как экспорта, так и импорта.

Несмотря на кажущуюся на первый взгляд простоту и двустороннюю выгодность торговых отношений между Россией и Китаем, как и в любых международных торговых отношениях существует множество рисков, связанных не только с конкретными индивидуальными случаями, но и с торговыми отношениями в целом.

К таким рискам в условиях санкционного давления на Россию можно отнести риски финансовых отношений с Китаем ввиду того, что китайские компании, в том числе и банки, также опасаются введения вторичных санкций, как и партнёры из других стран.

Так или иначе, Китай на данный момент остаётся один из наиболее благоприятных партнёров в сфере химической продукции, о чём и говорят различные показатели внешнеторговой деятельности.

Список использованной литературы:

1. Кошелева Ольга Эдуардовна, Денисов Сергей Генрихович ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ РОССИИ И КИТАЯ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТАМОЖЕННОГО КОНТРОЛЯ // БИТ. 2023. №4 (28). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnyaya-torgovlya-rossii-i-kitaya-nekotorye-voprosy-tamozhennogo-kontrolya> (дата обращения: 09.12.2024).
2. Петушкова Влада Валерьевна РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ТОРГОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРИОД САНКЦИЙ // ЭСПР. 2024. №3 (59). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiysko-kitayskie-torgovye-otnosheniya-v-period-sanktsiy> (дата обращения: 09.12.2024).
3. Trading Economics [Электронный ресурс] // China Exports of miscellaneous chemical products to Russia - URL: <https://tradingeconomics.com/china/exports/russia/miscellaneous-chemical-products>
4. ОЕС [Электронный ресурс] // Chemical products in Russia – URL: <https://oec.world/en/profile/bilateral-product/chemical-products/reporter/rus>

УДК 339.56

Шикин Ф.Р.

студент Финансового университета при Правительстве РФ
г. Москва, РФ**ЦИФРОВАЯ ПОВЕСТКА ЕАЭС ДО 2025 ГОДА И ТРАНСГРАНИЧНАЯ E-COMMERCE: ЧТО РЕАЛЬНО ЗАРАБОТАЛО, А ЧТО ОСТАЛОСЬ ДЕКЛАРАЦИЕЙ****Аннотация**

В статье проанализирован фактический эффект реализации цифровой повестки ЕАЭС до 2025 года в сфере трансграничной электронной торговли товарами. На основе актов ЕЭК и решений по таможенному регулированию выделены направления, которые успешно функционируют (интегрированная информационная система, элементы трансграничного пространства доверия, институционализация оператора электронной торговли), и развивают направления, сохранившиеся на уровне пилотов и дорожных карт (цифровые транспортные коридоры, сквозные B2B-процессы, единые правила оборота данных). Сделан вывод о том, что измеримые результаты достигаются при наличии обязательного правового режима и устойчивой архитектуры данных, тогда как ключевые ограничения e-commerce связаны с налогово-таможенной гармонизацией, доверительной инфраструктурой и сопоставимостью национальных ИТ-контуров.

Ключевые слова

ЕАЭС; цифровая повестка; интегрированная информационная система; трансграничное пространство доверия; оператор электронной торговли; декларация на товары электронной торговли; прослеживаемость; маркировка; навигационные пломбы; таможенные платежи; НДС; маркетплейсы.

Цифровая повестка Евразийского экономического союза (ЕАЭС) до 2025 года закреплена как рамочный документ стратегического характера, нацеленный на ускорение свободы движения товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов за счет сквозных цифровых процессов, цифровых активов и сопряжения национальных информационных систем [1–3]. При этом в документе 2017 года заложена проектная логика: значительная часть инициатив должна проходить через стадию “регулятивных песочниц”, пилотирования и последующего переноса успешных решений в обязательный режим [1]. Поэтому рубеж 2025 года удобен для проверки: какие элементы цифровой интеграции перешли из проектных описаний в устойчивые сервисы, а какие остались на уровне концепций и дорожных карт.

Для трансграничной e-commerce эта проверка особенно важна. Электронная торговля товарами через маркетплейсы усиливает нагрузку на таможенное администрирование, создает риски недостоверного декларирования и “утечек” налога на добавленную стоимость (НДС), усложняет контроль запретов и ограничений, а также обнажает проблему идентификации товара при возвратах и перераспределении потоков через склады на территории Союза. В то же время e-commerce наиболее чувствительна к цифровым инструментам: сокращению времени оформления, предсказуемости платежей, юридически значимым электронным документам, прослеживаемости и совместимости данных.

Цель статьи – дать прикладную оценку состояния цифровой повестки ЕАЭС на конец 2025 года в части e-commerce: выделить блоки, которые реально работают (в смысле наличия обязательных правил и операционной инфраструктуры), обозначить блоки, где внедрение не превысило декларативный уровень, и показать, как эти различия отражаются на издержках и легальности трансграничной электронной торговли.

“Основные направления реализации цифровой повестки ЕАЭС до 2025 года” закрепили рамочную

модель цифровой интеграции [1]. Инициативы формируются и прорабатываются в рамках Союза, затем переводятся в проекты с ожидаемым экономическим эффектом; для новых сфер предлагается механизм регулятивной песочницы; ключевой организационный принцип – сопряжение национальных информационных систем при необходимом уровне эффективного и бесшовного взаимодействия [1]. Такая архитектура изначально делала цифровую повестку “портфелем” проектов, а не единым кодексом цифрового регулирования.

С практической точки зрения результат цифровой повестки к 2025 году целесообразно оценивать по трем признакам: наличие устойчивой наднациональной инфраструктуры данных (интегрированная информационная система и общие процессы); наличие обязательного правового режима, который требует цифрового взаимодействия (форматы, правила, ответственность); и наличие массового пользовательского контура, где цифровой процесс реально замещает бумагу. Если хотя бы один из признаков отсутствует, инициатива может быть полезной концептуально, но для e-commerce она будет восприниматься как декларация: маркетплейсы и логистические операторы принимают решения исходя из издержек и рисков “здесь и сейчас”, а не из перспективных описаний.

В контексте e-commerce полезно уточнить, что “массовый пользовательский контур” здесь включает не только государственные органы, но и платформы (маркетплейсы), логистические компании, таможенных представителей, операторов складов и платежную инфраструктуру. Если цифровой сервис покрывает только межведомственный обмен, но не встроен в бизнес-процесс платформы, его влияние на рынок будет косвенным и отложенным.

К 2025 году наиболее зрелым элементом цифровой повестки стала интегрированная информационная система (ИИС) и модель общих процессов. Устойчивость подтверждается тем, что Совет Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) ежегодно утверждает детализированные планы работ по созданию, обеспечению функционирования и развитию ИИС, включая план на 2025 год [4]. ИИС не решает напрямую все проблемы e-commerce, но обеспечивает “язык” обмена сведениями между ведомствами и предсказуемость развития инфраструктуры для последующих сервисов (контроль, статистика, разрешительные данные). С точки зрения рынка это означает, что в ЕАЭС сформирован относительно стабильный “магистральный слой” обмена данными, к которому можно подстраивать отраслевые решения.

Осязаемым результатом стало утверждение правил признания электронной подписи в электронных документах для трансграничного взаимодействия бизнеса с уполномоченными органами (B2G) с использованием службы доверенной третьей стороны [6]. Для e-commerce это “базовый слой”: часть операций (заявления, разрешительные процедуры, обжалование) в перспективе может быть переведена в сквозной цифровой режим без повторного выпуска сертификатов. В 2024 году принимались решения, направленные на ввод отдельных элементов доверительной инфраструктуры в эксплуатацию [8], что снижает риск того, что нормы останутся только на бумаге.

Маркировка средствами идентификации в ЕАЭС развивается как набор обязательных требований по категориям товаров, но ее эффект для e-commerce проявляется через снижение оборота нелегальной продукции и повышение ответственности цепочки поставок. На уровне актов ЕЭК закреплено, что при идентификации товаров электронной торговли (в том числе при возврате) может использоваться средство идентификации, нанесенное по правилам маркировки ЕАЭС [13]. Это уменьшает риск подмены товара и повышает управляемость постпродажных операций.

В 2023–2025 гг. был принят пакет решений, направленных на комплексное регулирование перемещения товаров внешней электронной торговли: выделение товаров e-commerce в отдельную категорию, введение института оператора электронной торговли, подготовка нового вида декларации (декларация на товары электронной торговли), а также возможность использования таможенных складов для реализации товаров физическим лицам (модель “бондовых” складов) [15]. Совет ЕЭК утвердил

требования к операторам для включения в единый реестр и установил размер обеспечения исполнения обязанностей оператора [14], а также порядок идентификации товаров, по которым возможен возврат [13]. Здесь цифровизация выражена не лозунгами, а встраиванием цифровых данных в юридический режим: без электронных сведений об отправлении, стоимости, перевозке и получателе специализированная процедура работать не может.

Системы прослеживаемости для Союза важны как цифровая защита против разрыва цепочек поставок и недостоверного учета. В 2025 году ЕЭК объявила о запуске механизма прослеживаемости товаров, ввезенных на таможенную территорию ЕАЭС, и о начале практической интеграции информационных контуров государств-членов [11]. Перевод механизма в постоянный режим привязан к 2026 году [12], что подтверждает постепенный характер внедрения. Для e-commerce импорта это имеет прямое значение: прослеживаемость повышает вероятность корректного начисления платежей и снижает поле для “серых” схем, особенно при использовании складских моделей.

Логика института оператора электронной торговли состоит в том, чтобы собрать в одном участнике три функции, которые в классической схеме рассредоточены: логистику (консолидация/доставка), хранение (включая таможенный склад) и декларирование. С точки зрения цифровой повестки это рационально: легче стандартизировать данные и ответственность, когда “точка входа” едина. Однако в 2025 году институт оператора еще находится в фазе настройки. Установленный размер обеспечения исполнения обязанностей оператора (эквивалент не менее 500 тыс. евро) [14] одновременно повышает надежность и создает барьер входа, что объективно ведет к концентрации рынка вокруг нескольких крупных игроков. Для e-commerce это двойственный эффект: с одной стороны, проще внедрять технологические стандарты и обмен данными; с другой – растет зависимость от ограниченного числа посредников и риск повышения тарифов на логистику и услуги декларирования.

В результате “реально заработавшим” к концу 2025 года следует считать именно нормативный контур оператора и связанных с ним требований (реестр, обеспечение, идентификация при возврате), тогда как массовая операционная практика зависит от готовности национальных таможенных ИС, форматов данных и сервисов доверительной инфраструктуры.

Проект цифровых транспортных коридоров часто рассматривается как ключевой эффект цифровой интеграции, но к концу 2025 года он сохраняет преимущественно пилотный характер. Наиболее наглядный пример – навигационные пломбы для отслеживания перевозок. Правовая база сформирована соглашением и последующими решениями, однако переход к обязательному применению приходится уже на 2026 год [9–10]. Следовательно, в горизонте 2025 года массовая логистическая прослеживаемость на уровне Союза еще не стала повседневной нормой для потоков e-commerce.

Правила взаимного признания электронной подписи в B2G [6] не равнозначны запуску массового B2B электронного документооборота между контрагентами из разных стран ЕАЭС. Для e-commerce основной объем данных формируется именно в B2B-сегменте (маркетплейс – продавец – логистический оператор – склад – платежный агент). Здесь сохраняются различия национальных форматов, требований к хранению и архивированию, а также неодинаковая правоприменительная практика. В результате бизнес продолжает дублировать критические документы, что снижает эффект цифровизации и усложняет аудит.

Цифровая повестка 2017 года фиксирует чувствительность темы трансграничного обмена данными и необходимость баланса интересов [1]. К 2025 году в Союзе не сформирован единый обязательный режим оборота данных, который был бы одновременно достаточен для масштабирования платформенных бизнес-моделей и приемлем для национальных требований по локализации, безопасности и надзору. Для e-commerce это означает высокие транзакционные издержки на комплаенс и ограничение на объединение данных о клиентах, заказах, возвратах и платежах в единый аналитический контур.

Даже при развитии цифровых инструментов рост легальной трансграничной e-commerce требует

предсказуемости таможенных платежей и НДС. В конце 2025 года Совет ЕЭК установил стоимостные нормы беспошлинного ввоза товаров электронной торговли (200 евро) [16]. Однако практический эффект решения связан с поэтапным внедрением специализированных процедур и модели начисления платежей уже после 2025 года. Это показывает, что налогово-таможенная гармонизация – наиболее инерционная часть “цифрового” проекта.

Для единого рынка критично, чтобы потребительские права и механизмы претензионной работы были сопоставимыми, а возвраты и возврат платежей – исполнимыми независимо от юрисдикции продавца. На конец 2025 года соответствующие элементы остаются фрагментированными: нормы о возврате товаров и гарантиях, порядок рассмотрения жалоб и полномочия органов различаются по странам. Отсутствие наднационального цифрового механизма рассмотрения претензий и обмена доказательствами (электронные чеки, трекинг, идентификаторы товара) делает этот блок менее “цифровизируемым” и поддерживает недоверие потребителя к трансграничным покупкам.

Таким образом, разрыв между декларацией и внедрением имеет структурный характер: цифровой проект не становится массовым, пока не совпадают обязательность, совместимые данные и экономический стимул.

Таблица 1

Сводная оценка: где эффект использован e-commerce

Блок/инструмент	Статус на конец 2025 года	Значение для e-commerce
Интегрированная информационная система ЕАЭС и общие процессы	Функционирует; утвержден план развития ИИС на 2025 год.	База межведомственного обмена сведениями и построения наднациональных сервисов.
Взаимное признание электронной подписи в трансграничных B2G	Правила утверждены; инфраструктура доверенной третьей стороны вводится поэтапно.	Юридическая значимость электронных документов при взаимодействии с госорганами.
Идентификация товара для возвратов, связь с маркировкой	Порядок идентификации утвержден.	Снижение мошенничества и прозрачность возвратов, поддержка послепродажных операций.
Институт оператора электронной торговли и обеспечение обязанностей	Требования и обеспечение утверждены.	Формализация ответственности посредника и “упаковка” данных заказа для декларирования.
Прослеживаемость импорта	Запуск механизма начат в 2025 году; постоянный режим в 2026 году.	Снижение “серых” схем и повышение точности начисления платежей.
Навигационные пломбы	Переход к обязательному режиму в 2026 году.	Потенциальное ускорение перевозок и снижение рисков, но ограниченный эффект в 2025.
Стоимостные нормы беспошлинного ввоза	Решение принято в 2025 году.	Предсказуемость платежей; база для настройки процедур на стороне платформ и операторов.
Единые правила оборота данных/цифровая идентичность	Единый обязательный режим не сформирован.	Главный барьер масштабирования платформ и сквозной аналитики (заказы, возвраты, платежи).

Источник: составлено автором на основе [1, 4, 6, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 16].

Сводная таблица (таблица 1) подтверждает: наибольший прикладной эффект для e-commerce дают меры, где цифровой процесс встроен в обязательный режим и поддерживается инфраструктурой (оператор, идентификация товара, доверительная среда). Проекты, требующие глубокого сопряжения отраслевых ИТ-контуров и правовых режимов (данные, B2B ЭДО), развиваются медленнее и к 2025 году воспринимаются рынком как менее “готовые к применению”.

Для оценки “реальной работы” цифровых решений удобно разложить типовой трансграничный заказ на маркетплейсе на этапы: оформление заказа; формирование сведений о товаре и стоимости;

консолидация и перевозка; таможенное декларирование; доставка; возврат. Цифровая повестка влияет на каждый этап по-разному.

На этапе оформления заказа наиболее востребована единая структура данных о товаре и отправлении. В горизонте 2025 года единый набор атрибутов на уровне Союза не закреплён, поэтому платформы продолжают адаптировать карточку товара и реквизиты продавца под требования каждой юрисдикции. Это – пример декларативности: интеграционная цель понятна, но техническое “правило данных” отсутствует.

На этапе консолидации и перевозки потенциальный эффект дают навигационные пломбы и элементы цифровых транспортных коридоров, но в 2025 году этот эффект ограничен из-за поэтапного перехода к обязательному режиму [9–10].

На этапе декларирования и начисления платежей эффект проявляется сильнее, потому что появляются специальные институты и документы (оператор электронной торговли, специализированная декларация, стоимостные нормы) [13–16]. Даже если часть процедур начинает работать после 2025 года, сам факт “сборки” режима снижает неопределённость для бизнеса: процесс становится проектируемым, а платежи – рассчитываемыми в одном контуре. На этапе возвратов прямой результат даёт порядок идентификации товара [13], который позволяет связать возврат с конкретной единицей товара и тем самым снижает риск злоупотреблений и ошибок учёта.

Причины разрыва между декларациями и промышленным внедрением можно свести к пяти группам. Институциональная: решения требуют согласия всех государств-членов и затрагивают чувствительные сферы (данные, безопасность, надзор), что повышает стоимость согласования. Технологическая: разные уровни зрелости национальных ИС и разные подходы к архитектуре данных усложняют “бесшовность” интеграции. Финансовая: интеграционные сервисы нуждаются в устойчивом финансировании и понятной модели владения и эксплуатации, иначе пилоты не масштабируются. Правоприменительная: бизнес ориентируется на практику органов и судов и на способность инфраструктуры обеспечивать юридическую значимость электронных документов. Экономическая: там, где цифровизация не снижает издержки или не даёт преимуществ по времени и рискам, участники сохраняют привычные схемы.

Для ускорения легальной трансграничной e-commerce в пост-2025 периоде практический акцент целесообразно сместить с множества инициатив на несколько сквозных процессов (заказ – платеж – доставка – возврат – платежи). Приоритетными выглядят: закрепление обязательных минимальных форматов данных по заказу и отправлению; распространение доверительных сервисов на ключевые B2B-связки e-commerce; а также синхронизация контрольных контуров (маркировка, прослеживаемость, риск-менеджмент) так, чтобы добросовестный участник получал измеримую “скидку на комплаенс” – ускоренное оформление и меньше проверок. Такой подход переводит цифровую повестку из деклараций в управляемые сервисы с KPI: временем выпуска, долей электронных документов, точностью данных и уровнем собираемости платежей.

Рубеж 2025 года показал, что цифровая повестка ЕАЭС дала результат прежде всего в узлах, где совпали инфраструктура и обязательное регулирование: функционирование ИИС и планирование ее развития [4], правовая конструкция трансграничного пространства доверия в B2G [6, 8], а также формирование специализированного таможенного режима для товаров электронной торговли с институтом оператора и правилами идентификации [13–16]. Эти элементы создают основу для снижения издержек и повышения легальности e-commerce, хотя в ряде случаев значимая часть эффекта проявляется уже после 2025 года.

Одновременно сохраняется зона декларативности: цифровые транспортные коридоры в части массовой логистической прослеживаемости, сквозной B2B документооборот, единые правила трансграничного оборота данных и наднациональные механизмы потребительских споров. Без

сопоставимых данных и доверительной инфраструктуры маркетплейсы вынуждены строить процессы “по странам”, что противоречит идее единого рынка. Следовательно, следующий цикл цифровой интеграции должен концентрироваться на доведении до промышленного масштаба нескольких сквозных процессов e-commerce, где наднациональные сервисы обеспечивают юридическую силу, единые данные и экономический стимул для участников.

Список использованной литературы:

1. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.10.2017 № 12 «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_280084/ (дата обращения: 21.01.2026).
2. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 26.12.2016 № 21 «О формировании цифровой повестки Евразийского экономического союза» [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/456056117> (дата обращения: 21.01.2026).
3. Договор о Евразийском экономическом союзе (Астана, 29.05.2014) (в т.ч. Приложение № 3: Протокол об информационно-коммуникационных технологиях и информационном взаимодействии) [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=f01400176> (дата обращения: 21.01.2026).
4. Распоряжение Совета Евразийской экономической комиссии от 24.09.2024 № 32 «О плане мероприятий по созданию, обеспечению функционирования и развитию интегрированной информационной системы ЕАЭС в 2025 году» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/24rs0032/> (дата обращения: 21.01.2026).
5. Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 22.08.2017 № 100 «Об утверждении Стратегии развития интегрированной информационной системы Евразийского экономического союза на период до 2025 года» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/17sr0100/> (дата обращения: 21.01.2026).
6. Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 22.08.2023 № 120 «О Правилах признания электронной цифровой подписи (электронной подписи) в электронном документе и обеспечения юридической силы электронных документов при трансграничном информационном взаимодействии ... с использованием службы доверенной третьей стороны» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/23kr0120/> (дата обращения: 21.01.2026).
7. Евразийская экономическая комиссия. ЕЭК приняла решение о взаимном признании электронной цифровой подписи в трансграничных B2G взаимодействиях (22.08.2023) [Электронный ресурс]. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/eek-prinyala-reshenie-o-vzaimnom-priznanii-elektronnoy-tsifrovoy-podpisi-v-transgranichnykh-b2g-vzai/> (дата обращения: 21.01.2026).
8. Распоряжение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 01.04.2024 № 41 «О вводе в эксплуатацию отдельных элементов инфраструктуры трансграничного пространства доверия» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/24r00041/> (дата обращения: 21.01.2026).
9. Соглашение о применении в Евразийском экономическом союзе навигационных пломб для отслеживания перевозок (19.04.2022) [Электронный ресурс]. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202204260010> (дата обращения: 21.01.2026).
10. Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 23.09.2025 № 84 (о навигационных пломбах; переход к обязательному применению с 11.02.2026) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/25kr0084/> (дата обращения: 21.01.2026).
11. Евразийская экономическая комиссия. От «пилота» к практике: в ЕАЭС заработает механизм прослеживаемости импорта (30.09.2025) [Электронный ресурс]. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/ot-pilota-k-praktike-v-eaes-zarabotaet-mekhanizm-proslezhivaemosti-importa/> (дата обращения: 21.01.2026).
12. Решение Евразийского межправительственного совета от 30.09.2025 № 5 «О начале функционирования механизма прослеживаемости товаров, ввезенных на таможенную территорию ЕАЭС,

на постоянной основе» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/25ms0005/> (дата обращения: 21.01.2026).

13. Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 24.09.2024 № 75 «О порядке идентификации товаров электронной торговли, в отношении которых предусмотрена возможность их возврата после приобретения» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/24sr0075/> (дата обращения: 21.01.2026).

14. Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 24.09.2024 № 76 «О размере обеспечения исполнения обязанностей оператора электронной торговли» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/24sr0076/> (дата обращения: 21.01.2026).

15. Протокол от 25.12.2023 «О внесении изменений в Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11.04.2017» (в т.ч. регулирование внешней электронной торговли товарами) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/23bn0196/> (дата обращения: 21.01.2026).

16. Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 05.12.2025 № 119 «Об установлении стоимостных норм, в пределах которых товары электронной торговли, приобретенные физическими лицами, ввозятся на таможенную территорию ЕАЭС без уплаты таможенной пошлины...» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/25sr0119/> (дата обращения: 21.01.2026).

17. Попова И. М. Проблемы реализации цифровой повестки ЕАЭС // Вестник международных организаций. 2021. Т. 16. № 1. С. 127–141. DOI: 10.17323/1996-7845-2021-01-06 [Электронный ресурс]. URL: <https://iorj.hse.ru/2021-16-1/459406007.html> (дата обращения: 21.01.2026).

© Шикин Ф.Р., 2026

УДК 339.56

Шикин Ф.Р.

студент Финансового университета при Правительстве РФ
г. Москва, РФ

ОСОБЕННОСТИ ВНЕШНЕТОРГОВОЙ ПОЛИТИКИ СТРАН ЕАЭС: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация

В статье проанализированы особенности внешнеторговой политики государств – членов ЕАЭС в условиях фрагментации мировой торговли, усиления нетарифных ограничений и перестройки логистических цепочек. Сделан вывод о том, что политика ЕАЭС функционирует как двухуровневая система: наднациональная координация задаёт рамки тарифно-нетарифного регулирования и переговорной повестки, а национальные стратегии формируют инструменты экспортной поддержки и отраслевые приоритеты. На основе материалов ЕЭК и агрегированной статистики выделены ключевые тенденции: развитие сети преференциальных соглашений, смещение акцента к торговому упрощению и снижению транзакционных издержек, рост роли транспортной связанности и цифровых решений («единое окно», интегрированные информационные системы, риск-ориентированный контроль). Охарактеризованы перспективы внешнеторговой политики ЕАЭС на 2026–2030 гг. и предложены индикаторы оценки эффективности мер имплементации соглашений и торгового упрощения.

Ключевые слова:

ЕАЭС; внешнеторговая политика; торговые соглашения; интеграция; торговое упрощение; логистика; цифровизация; нетарифные меры; транспортные коридоры.

Современная внешнеторговая среда характеризуется сочетанием противоречивых процессов: с одной стороны, сохраняется потребность в либерализации торговли и снижении барьеров, с другой – усиливаются элементы протекционизма, санкционных и технологических ограничений, а также регуляторной фрагментации. В этих условиях региональные интеграционные объединения (включая Евразийский экономический союз (ЕАЭС)) выполняют функцию «институциональных платформ» для согласования торговых режимов, технических требований и процедур, а также для переговоров с третьими странами.

В данной статье будут охарактеризованы особенности внешнеторговой политики стран ЕАЭС, выявить ключевые тенденции и обозначить перспективы развития на горизонте 2026–2030 гг. Объект исследования – внешнеторговая политика государств – членов ЕАЭС; предмет – институциональные механизмы координации и практические инструменты реализации внешнеторговых приоритетов. Методологическая база включает институциональный и сравнительный анализ, контент-анализ материалов Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), а также обобщение выводов профильных исследований.

При интерпретации динамики внешней торговли необходимо учитывать ограниченность публичной статистики: ЕЭК указывает, что с итогов за январь–февраль 2022 г. официальная информация об объемах внешней и взаимной торговли по отдельным государствам-членам отнесена к сведениям ограниченного распространения и в полном объеме не публикуется. Это повышает значимость агрегированных индикаторов, качественных оценок и анализа институциональных изменений [2].

Внешнеторговая политика в ЕАЭС носит двухуровневый характер. Наднациональный контур (Союз и ЕЭК) формирует общий вектор международной деятельности, координирует внешние переговоры, разрабатывает общие подходы к торговому упрощению и обеспечивает согласование регуляторных режимов. Национальные контуры определяют отраслевые приоритеты экспорта, инструменты поддержки бизнеса, практику применения мер нетарифного регулирования и адаптацию внешнеэкономической политики к структуре национальной экономики.

Ключевая особенность институциональной модели ЕАЭС – сочетание общего таможенного тарифа и единого таможенного регулирования с сохранением суверенитета государств-членов в сфере национальных программ поддержки экспорта и развития инфраструктуры. В результате эффективность общей внешнеторговой политики во многом определяется качеством «стыковки» наднациональных решений с национальными административными процедурами (скорость и предсказуемость оформления, полнота цифровых сервисов, контроль соблюдения техрегламентов и т. д.).

В основных направлениях международной деятельности ЕАЭС на 2025 год закреплены задачи развития механизмов сотрудничества с третьими странами и международными организациями, создания условий для бизнеса и сопряжения внешнеэкономической повестки с развитием евразийских транспортных коридоров. Это отражает переход от преимущественно «тарифной» интеграционной логики к логике комплексного снижения барьеров – институциональных, процедурных и инфраструктурных [1].

Научная литература отмечает, что развитие сети преференциальных торговых соглашений ЕАЭС служит инструментом институционального закрепления присутствия Союза в мировой торговле в условиях осложнения многосторонней повестки и роста региональных торговых блоков. При этом спектр вопросов, включаемых в соглашения, расширяется: помимо тарифных уступок, все больший вес приобретают регуляторные разделы, вопросы процедур, услуг и инвестиций [3].

Национальные внешнеторговые приоритеты определяются структурой экономики, специализацией экспорта, зависимостью от транзита и доступа к инфраструктуре, а также уровнем трансграничной связанности бизнеса и логистики. Это означает, что унифицированные наднациональные меры неизбежно проявляются по-разному: для одних стран критично расширение рынков сбыта и диверсификация партнерств, для других – снижение стоимости торговли через ускорение процедур и цифровизацию.

Таблица 1

Сравнительная матрица внешнеторговых приоритетов государств – членов ЕАЭС

Страна	Ключевые внешнеторговые акценты	Уязвимости и ограничения	Приоритетные инструменты
Россия	Диверсификация рынков и экспортных цепочек; рост роли азиатских направлений и рынков глобального Юга	Логистика и расчеты; технологические ограничения; повышенная регуляторная неопределенность на ряде рынков	Соглашения и партнерства; развитие логистики и сервисов ВЭД; поддержка экспортных проектов и локализация цепочек
Казахстан	Транзитная роль в евразийских коридорах; сырьевой экспорт и углубление переработки; развитие приграничной торговли	Зависимость от пропускной способности коридоров и инфраструктуры; конкуренция транзитных маршрутов	Транспортно-логистические проекты; развитие хабов; кооперация внутри ЕАЭС и с внешними партнерами
Беларусь	Экспорт промышленной продукции и АПК; кооперационные цепочки в рамках Союза; участие в региональных производственных связях	Доступ к внешним рынкам и ограничения по отдельным направлениям; логистические издержки	Кооперация; экспортная поддержка; адаптация стандартов и процедур; развитие контейнерной и мультимодальной логистики
Армения и Кыргызстан	Высокая чувствительность к барьерам; значимость процедур и стоимости торговли; ориентация на нишевые экспортные позиции и услуги	Инфраструктурные ограничения; транзакционные издержки; зависимость от транспортной доступности	Торговое упрощение; цифровизация; поддержка МСП; развитие сервисов сопровождения ВЭД

Источник: составлено автором на основе [1]

Сопоставление показывает, что единые интеграционные инструменты (торговые соглашения, унификация процедур, снижение барьеров) требуют настройки под различия экономических структур. При переговорах о тарифных уступках и нетарифной повестке ключевым вопросом становится согласование перечней чувствительных товаров, процедур подтверждения происхождения, а также механизмов мониторинга фактических эффектов.

Одновременно усиливается общая для всех стран потребность в повышении устойчивости внешнеторговых операций: переориентация цепочек поставок, управление рисками контрагентов и перевозчиков, переход к электронным документам, оптимизация сроков прохождения границы. Эти задачи сближают внешнеторговые приоритеты стран ЕАЭС даже при различии их специализации.

ЕАЭС последовательно расширяет внешнеторговую повестку через сеть торговых соглашений и переговорных треков. Важным шагом стало вступление в силу полноформатного соглашения о свободной торговле (ССТ) с Ираном 15 мая 2025 года, предусматривающего широкий охват товарных позиций и более развитую регуляторную часть. В конце 2025 года подписано соглашение о свободной торговле между ЕАЭС и Индонезией, предполагающее преференции по значительной доле тарифных линий и ориентированное на рост двусторонней торговли [4; 5].

Наращивание сети соглашений усиливает переговорные позиции Союза, но одновременно повышает требования к имплементации: для бизнеса ключевыми становятся прозрачность происхождения товаров, доступность разъяснений о применении преференций, согласованность санитарных и технических требований, наличие цифровых инструментов подтверждения и обмена данными. Системный эффект соглашений возникает только при сочетании тарифных уступок с процедурными улучшениями.

Таблица 2

Выборка торговых соглашений ЕАЭС с третьими странами

Партнер	Статус	Подписание / вступление в силу	Комментарий
Вьетнам	ССТ действует	29.05.2015 / 05.10.2016	Пилотный формат ССТ ЕАЭС; демонстрация способности Союза вести внешние переговоры
Сербия	ССТ действует	25.10.2019 / 10.07.2021	Диверсификация внешних рынков; снижение тарифных барьеров по широкому перечню товаров

Партнер	Статус	Подписание / вступление в силу	Комментарий
Иран	Полноформатное ССТ действует	25.12.2023 / 15.05.2025	Расширение тарифного и регуляторного охвата; акцент на устранении барьеров
Индонезия	ССТ подписано	22.12.2025 / (внутригосударственные процедуры)	Расширение присутствия в ЮВА; потенциал роста торговли
Сингапур	Пакет соглашений, процедуры	01.10.2019 / (процедуры)	Переход к «пакетной» модели: товары – услуги – инвестиции; длительный цикл запуска полного режима

Источник: составлено автором на основе [4–9]

В дополнение к количественному расширению соглашений наблюдается качественный сдвиг: растет доля соглашений, включающих нормы о торговом упрощении, техническом регулировании, электронных процедурах и взаимодействии компетентных органов. Это соответствует общемировой тенденции перехода к «расширенной» повестке (процедуры, услуги, инвестиции), которая часто реализуется поэтапно.

Смещение акцента на торговое упрощение отражает переход от «тарифной» логики торговой политики к логике снижения транзакционных издержек. Для государств с транзитным потенциалом транспортные коридоры формируют дополнительную ценность через развитие сервисной экономики и снижение издержек экспортеров. Для малых экономик (Армения, Кыргызстан) критично ускорение процедур, снижение административных барьеров и расширение цифровых сервисов для участников ВЭД.

На уровне ЕАЭС одним из ключевых проектов является развитие национальных компонентов механизма «единого окна» и их последующая интеграция. ЕЭК указывает, что «единое окно» должно охватывать весь процесс ведения внешнеэкономической деятельности – от регистрации и заключения сделки до выпуска товаров и последующего контроля. Практическая реализация «единого окна» повышает предсказуемость процедур, уменьшает число контактов с контролирующими органами и создает основу для автоматизации межведомственного обмена данными [10].

Институциональной опорой цифровизации выступает интегрированная информационная система внешней и взаимной торговли, в рамках которой разрабатываются общие процессы информационного взаимодействия и реестры документов. На прикладном уровне это означает возможность перехода к электронному подтверждению соблюдения запретов и ограничений, использованию единых справочников и повышению качества контроля без увеличения административной нагрузки [15].

Дополнительный эффект дает внедрение риск-ориентированных подходов в государственном контроле, включая сферу технического регулирования: концентрация ресурсов на зонах повышенного риска позволяет снижать издержки добросовестных участников внешнеэкономической деятельности (ВЭД) и одновременно повышать результативность надзора. Для бизнеса это выражается в ускорении процедур при сохранении требований к безопасности продукции [14].

Рост значимости регуляторной составляющей проявляется в усилении роли нетарифных условий доступа на рынки (технические требования, санитарные и фитосанитарные меры, оценка соответствия, требования к документации, экспортный контроль и др.). В таких условиях конкурентоспособность экспорта определяется не только тарифами, но и скоростью и предсказуемостью процедур. Особенно это важно для товаров с высокой долей регуляторных требований: пищевой продукции, фармацевтики, машиностроения и электроники.

Фактором внешней среды выступает рост числа ограничительных мер в торговле с третьими странами. По сообщениям, основанным на данных ЕЭК, Союз сталкивается с сотнями торговых барьеров и ограничений, что усиливает потребность в их мониторинге и юридически выверенном диалоге с партнерами. Для ЕАЭС это означает повышение роли наднациональной экспертизы и механизмов уведомления бизнеса о барьерах, а также развитие практики «точечной» работы по устранению препятствий [13].

Внутри Союза аналогичная логика применима к снижению внутренних нетарифных барьеров и повышению качества единых правил. Чем выше согласованность подходов к техническим регламентам и процедурам оценки соответствия, тем сильнее интеграционный эффект в виде расширения взаимной торговли и кооперации. По данным ЕЭК, доля взаимной торговли во внешнеторговом обороте Союза выросла до 19,8% в 2024 году, что отражает углубление связности внутренних рынков на фоне внешних ограничений [11].

Несмотря на ограничения по детализации статистики, доступны отдельные агрегированные ориентиры, позволяющие оценить масштаб внешнеторговых потоков Союза и их структурные изменения. ЕЭК указывает, что объем взаимной торговли товарами в Союзе с 2015 года удвоился и достиг почти 100 млрд долл. США в 2024 году, а удельный вес взаимной торговли в общем внешнеторговом обороте увеличился по сравнению с 2015 годом [11].

Оперативные оценки за 2025 год также подтверждают значительный масштаб внешнеторгового оборота: по данным, распространяемым со ссылкой на ЕЭК, объем внешней торговли стран ЕАЭС с третьими странами за январь–октябрь 2025 года составил 629,7 млрд долл. США, а доля взаимной торговли во внешнеторговом обороте сохранялась около 20%. Эти значения задают контекст для оценки потенциального эффекта торговых соглашений и мер торгового упрощения [12].

Таблица 3

Инструменты внешнеторговой политики и уровни их применения

уровень	инструменты	ожидаемый эффект (кратко)
наднациональный (еаэс/еэк)	внешние переговоры и торговые соглашения; единый таможенный тариф; общие подходы к торговому упрощению; координация по устранению барьеров; гармонизация отдельных требований и процедур	снижение тарифных и нетарифных барьеров; предсказуемость правил; усиление переговорной позиции; сокращение издержек торговли
национальный	экспортная поддержка и финансирование; развитие логистики и инфраструктуры; отраслевые программы; администрирование процедур; стимулирование кооперации	рост конкурентоспособности экспорта; ускорение операций; адаптация к отраслевой специфике; снижение логистических и финансовых рисков
корпоративный/проектный	стандартизация процессов вэд; управление рисками поставок; цифровая интеграция с таможен/банками; комплаенс по происхождению и техтребованиям; диверсификация контрагентов	устойчивость поставок; снижение издержек; повышение качества соблюдения требований; сокращение времени поставки

Источник: составлено автором на основе [1; 10; 14; 15]

Среднесрочные перспективы внешнеторговой политики ЕАЭС целесообразно рассматривать в логике четырех взаимосвязанных направлений.

Во-первых, повышение эффективности имплементации торговых соглашений. Это включает практическую настройку тарифных режимов, прозрачные механизмы работы с исключениями, согласование процедур подтверждения происхождения и системный мониторинг фактических эффектов по отраслям (объемы торговли, изменение структуры поставок, чувствительность к барьерам, эффекты для кооперации и для малых и средних предпринимательств).

Во-вторых, системное снижение стоимости торговли через инфраструктуру и цифровизацию. Для Союза это означает углубление координации торгового упрощения и сопряжение транспортной повестки с внешними партнерствами. На национальном уровне – развитие логистических узлов и экспортных коридоров, страховых и финансовых механизмов сопровождения контрактов, а также устранение «узких мест» на погранпереходах.

В-третьих, развитие регуляторной и цифровой совместимости: расширение практики электронных документов, унификация отдельных требований по техническому и санитарному контролю, обмен данными между ведомствами и внедрение риск-ориентированных моделей. Приоритетом становится не только формальная унификация норм, но и сопоставимость их применения (единые разъяснения,

цифровые сервисы, предсказуемая правоприменительная практика) [10; 14; 15].

В-четвертых, постепенное расширение внешнеторговой повестки за счет сервисно-инвестиционных компонентов и «пакетных» форматов соглашений. Опыт переговоров показывает, что торговля товарами все чаще требует параллельных решений по услугам, инвестициям и защите прав участников рынка, что удлиняет цикл запуска полного режима, но повышает его устойчивость.

Ключевые риски включают: (а) расхождение национальных интересов при определении чувствительных отраслей и мер защиты; (б) логистические и финансовые ограничения, влияющие на фактическую реализуемость торговых режимов; (в) усиление конкуренции на целевых рынках со стороны партнеров, имеющих более глубокие соглашения с третьими странами; (г) рост нетарифной неопределенности и барьеров, усложняющих доступ на рынки. В этих условиях приоритетом становится институциональное качество координации, наличие измеримых индикаторов эффективности и прозрачный диалог с бизнесом.

Таблица 4

Примеры индикаторов оценки эффективности внешнеторговой политики ЕАЭС

Направление	Индикатор (пример)	Логика использования
Имплементация ССТ	Доля экспорта/импорта, проходящая по преференциям; число отказов в преференциях по причинам происхождения	Позволяет оценить, превращаются ли договорные уступки в реальные выгоды для бизнеса
Торговое упрощение	Среднее время совершения таможенных операций; доля электронных документов; доля автоматического выпуска (если применимо)	Отражает динамику транзакционных издержек и эффективность цифровых сервисов
Барьеры и доступ на рынки	Количество выявленных и снятых торговых барьеров; срок реакции на обращение бизнеса	Характеризует способность институциональной системы «разминировать» внешние препятствия
Логистика и коридоры	Пропускная способность ключевых маршрутов; стабильность сроков доставки; доля мультимодальных перевозок	Показывает, как инфраструктура влияет на фактическую реализуемость торговых режимов

Источник: составлено автором на основе [1; 10; 14; 15]

Внешнеторговая политика стран ЕАЭС представляет собой двухуровневую систему: наднациональный контур формирует рамки международной деятельности и сеть внешних партнерств, а национальные стратегии определяют практическую конфигурацию инструментов, отраслевые акценты и административную реализацию процедур. Ключевые тенденции включают расширение сети торговых соглашений, рост роли логистики и торгового упрощения, усиление регуляторно-цифровых инструментов и повышение значимости управления нетарифными условиями доступа на рынки.

Перспективы на горизонте 2026–2030 гг. связаны с повышением эффективности имплементации соглашений, развитием транспортной связанности и цифровизации процедур, а также с усложнением повестки внешних партнерств за счет услуг и инвестиций. Для достижения измеримых результатов требуется увязать внешнепереговорную активность с набором индикаторов эффективности и обеспечить согласованность правоприменительной практики в государствах-членах.

Список использованной литературы:

1. Утверждены Основные направления международной деятельности ЕАЭС на 2025 год [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. — 26.12.2024. — URL: <https://eec.eaeunion.org/news/utverzhdeny-osnovnyye-napravleniya-mezhdunarodnoy-deyatelnosti-eaes-na-2025-god/> (дата обращения: 21.01.2026).
2. Статистика внешней и взаимной торговли (примечание о режиме ограниченного распространения статистики с итогов за январь–февраль 2022 г.) [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. — URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_stat/tradestat/ (дата обращения: 21.01.2026).

3. Померлян Е.А. Торговые соглашения Евразийского экономического союза: текущий статус и перспективы // Вестник НГУЭУ. — 2022. — № 3. — С. 154–168. — DOI: 10.34020/2073-6495-2022-3-154-168.
4. ЕАЭС – Иран: вступило в силу полноформатное соглашение о свободной торговле [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. — 15.05.2025. — URL: <https://eec.eaeunion.org/news/eaes-iran-vstupilo-v-silu-polnoformatnoe-soglashenie-o-svobodnoy-torgovle/> (дата обращения: 21.01.2026).
5. Indonesia signs free trade deal with Russian-led Eurasian Economic Union [Электронный ресурс] // Reuters. — 22.12.2025. — URL: <https://www.reuters.com/world/china/indonesia-signs-free-trade-deal-with-russian-led-eurasian-economic-union-2025-12-22/> (дата обращения: 21.01.2026).
6. Социалистическая Республика Вьетнам [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. — URL: <https://eec.eaeunion.org/comission/department/dotp/torgovye-soglasheniya/vietnam.php> (дата обращения: 21.01.2026).
7. Республика Сербия [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. — URL: <https://eec.eaeunion.org/comission/department/dotp/torgovye-soglasheniya/serbia.php> (дата обращения: 21.01.2026).
8. Республика Сингапур [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. — URL: <https://eec.eaeunion.org/comission/department/dotp/torgovye-soglasheniya/singapore.php> (дата обращения: 21.01.2026).
9. Сингапур: соглашение о свободной торговле товарами ЕАЭС–Сингапур (подписано 01.10.2019) [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Российской Федерации. — URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d11/soglasheniya_o_svobodnoy_torgovle/singapur/ (дата обращения: 21.01.2026).
10. «Единое окно» в системе регулирования ВЭД [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. — URL: https://eec.eaeunion.org/press_sluzhba/edinoe-okno-v-sisteme-regulirovaniya-ved/ (дата обращения: 21.01.2026).
11. Эльдар Алишеров: «Евразийская экономическая интеграция обеспечивает заметный рост ключевых показателей развития стран ЕАЭС» [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. — 13.03.2025. — URL: <https://eec.eaeunion.org/news/eldar-alisherov-evraziyskaya-ekonomicheskaya-integratsiya-obespechivaet-zametnyy-rost-klyuchevykh-po/> (дата обращения: 21.01.2026).
12. ЕЭК: страны ЕАЭС демонстрируют устойчивый экономический рост [Электронный ресурс] // БелТА. — 26.12.2025. — URL: <https://belta.by/economics/view/eek-strany-eaes-demonstrirujut-ustojchivyj-ekonomicheskij-rost-756187-2025/> (дата обращения: 21.01.2026).
13. EAEU faces 280 trade barriers [Электронный ресурс] // BelTA. — 13.10.2025. — URL: <https://eng.belta.by/economics/view/eaeu-faces-280-trade-barriers-159016-2025/> (дата обращения: 21.01.2026).
14. О принципах и подходах в отношении применения риск-ориентированного подхода в сфере государственного контроля (надзора) за соблюдением требований технических регламентов ЕАЭС: Рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии от 26.01.2021 № 4 [Электронный ресурс]. — URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/H21RK000004/history> (дата обращения: 21.01.2026).
15. О требованиях к типовой структуре технологических документов, регламентирующих информационное взаимодействие при реализации средствами интегрированной информационной системы внешней и взаимной торговли общего процесса: Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 06.11.2014 № 200 [Электронный ресурс]. — URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0053837/clcd_06112014_200 (дата обращения: 21.01.2026).

УДК 33

Якушкин В.В.

аспирант

ФГАОУ ВО "КФУ им. В.И. Вернадского

Институт "Таврическая академия",

г. Симферополь

Научный руководитель: Некрасова Е.В.

кандидат юридических наук доцент

ФГАОУ ВО "КФУ им. В.И. Вернадского

Институт "Таврическая академия",

г. Симферополь

ВЛИЯНИЕ САНКЦИОННЫХ УСЛОВИЙ НА ВОЗВРАТНОСТЬ КРЕДИТА И СПОСОБЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Аннотация

В статье исследуется влияние санкционных ограничений на возвратность кредитов и эффективность механизмов обеспечения обязательств в российском банковском секторе. Анализируется динамика просроченной задолженности в 2020–2024 годах, изменение ликвидности предметов залога, трансформация рискованного профиля заемщиков и усиление роли гарантийных инструментов. Приведены результаты обработки статистических данных и рассмотрены актуальные научные и нормативные источники. Сделан вывод о необходимости адаптации банковских риск-менеджмент-процессов к новым экономическим условиям.

Ключевые слова:

санкции, банковский сектор, кредитование, просроченная задолженность, обеспечение обязательств, залог, ликвидность, банковская гарантия, кредитный риск.

Современная банковская система Российской Федерации функционирует в условиях значительного санкционного давления, которое оказывает комплексное влияние на устойчивость финансового сектора, структуру кредитного рынка и поведение заемщиков. В научной литературе подчеркивается, что санкции выступают важным фактором трансформации банковской системы, влияя как на макроэкономические параметры, так и на операционные показатели кредитных организаций [1, с. 12–14]. Это обуславливает необходимость углубленного анализа механизмов обеспечения возвратности кредитов и адаптации инструментов управления рисками.

Санкционные ограничения оказывают непосредственное влияние на кредитоспособность заемщиков, как в корпоративном, так и в розничном сегменте. Снижение внешнеэкономической активности, ограничение доступа к зарубежным рынкам и технологиям приводят к ухудшению финансового состояния предприятий, что, в свою очередь, отражается на качестве кредитных портфелей банков. Как отмечают исследователи, в условиях санкционного давления наблюдается рост доли проблемных активов и снижение показателей эффективности банковского сектора [2, с. 107–108; 3, с. 2612–2615]. Данные тенденции подтверждают необходимость пересмотра подходов к оценке кредитного риска.

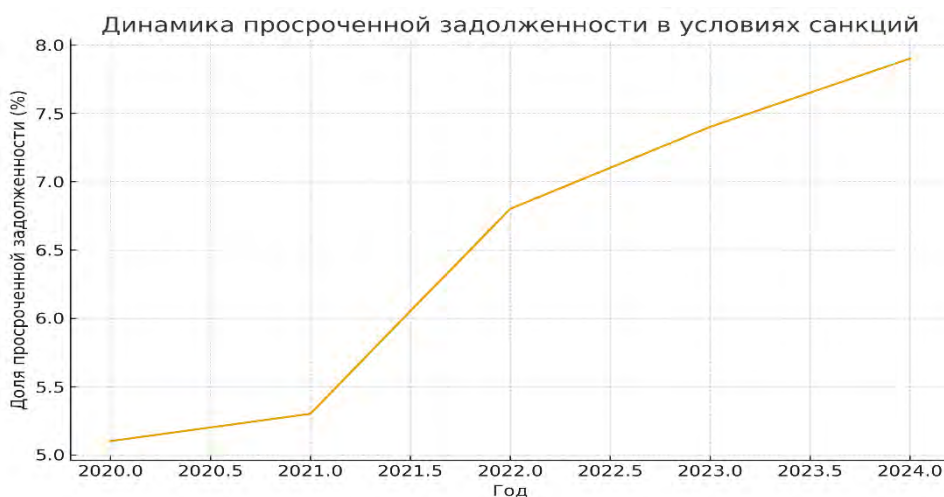

Рисунок 1 – Динамика просроченной задолженности в условиях санкций

Источник: составлено автором

Анализ динамики просроченной задолженности показывает наличие устойчивой тенденции к её увеличению в 2022–2024 годах, что связано с ухудшением платёжеспособности заемщиков и ростом долговой нагрузки. В научных работах подчеркивается, что санкции оказывают опосредованное влияние на уровень просроченной задолженности через снижение деловой активности и рост неопределённости в экономике [4, с. 270–271]. Это требует от банков более консервативной кредитной политики и усиления контроля за качеством активов.

Существенные изменения наблюдаются и в сфере обеспечения кредитных обязательств. В условиях санкций снижается ликвидность ряда активов, используемых в качестве залога, особенно в отношении импортного оборудования и товаров, связанных с внешнеэкономической деятельностью. Как отмечается в исследованиях, трансформация структуры банковского сектора сопровождается изменением подходов к оценке и управлению залоговым обеспечением [6, с. 155–160]. В результате банки вынуждены применять повышенные коэффициенты дисконтирования и более тщательно оценивать рыночную стоимость залогового имущества.

Одновременно возрастает роль альтернативных инструментов обеспечения, таких как банковские гарантии, поручительства и страхование финансовых рисков. Усиление их значения обусловлено необходимостью компенсации снижения ликвидности традиционных форм залога. В научной литературе подчеркивается, что в условиях санкций происходит перераспределение акцентов в системе обеспечения обязательств в сторону более гибких и адаптивных инструментов [5, с. 60–62].

Дополнительным фактором, влияющим на возвратность кредитов, является изменение стоимости кредитных ресурсов. Повышение процентных ставок и рост общей экономической неопределенности приводят к увеличению долговой нагрузки заемщиков. Это, в свою очередь, ограничивает их способность своевременно исполнять обязательства перед банками. Международные исследования также подтверждают, что санкции способны оказывать значительное влияние на банковские операции и финансовые потоки, включая трансграничные расчёты и ликвидность банков [7, р. 42–45].

Таким образом, санкционные условия формируют новую среду функционирования банковского сектора, характеризующуюся повышенными рисками, изменением структуры обеспечения и необходимостью адаптации кредитной политики. Рост просроченной задолженности, снижение ликвидности залоговых активов и усиление роли альтернативных инструментов обеспечения свидетельствуют о трансформации механизмов возвратности кредитов. В этих условиях ключевое значение приобретает совершенствование систем риск-менеджмента и разработка новых подходов к оценке кредитоспособности заемщиков.

Список использованной литературы:

1. Синиченко О.А. Влияние санкционной политики на состояние банковского сектора России // Известия Саратовского университета. Экономика. Управление. Право. – 2024. – Т. 24, № 1. – С. 11–20.
2. Белади А.А., Коржов Р.А. Влияние санкций на развитие банковского сектора РФ // Финансовая экономика. – 2024. – № 7. – С. 106–110.
3. Мокеева Т.В., Новоженина А.Д. Оценка влияния санкций на показатели эффективности российских банков // Финансы и кредит. – 2024. – Т. 30, № 11. – С. 2609–2626.
4. Тимченко А.И., Сеидов М.А. Оценка влияния санкций на внутреннее корпоративное кредитование в России // Финансовая экономика. – 2024. – № 10. – С. 269–273.
5. Скрипник О. Б. Риски банковской системы в условиях санкций // Экономические науки. – 2023. – № 12. – С. 59–63.
6. Дементьев Н.П. Структурные трансформации в банковском секторе России на фоне геополитических перемен // ЭКО. – 2024. – № 1. – С. 150–169.
7. Drott C., Goldbach S., Nitsch V. The effects of sanctions on Russian banks in TARGET2 transactions data // Journal of Economic Behavior & Organization. – 2024. – Vol. 219. – P. 38–51.

© Якушкин В.В., 2026

УДК 339.9

Якушкова О.Д.

Магистрант

Финансовый университет при Правительстве РФ

Москва, РФ

Научный руководитель: Рудаков М.И.,

доцент, экономические науки

Москва, РФ

**РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ ИНВЕСТИЦИОННОЕ ПАРТНЁРСТВО:
СТРУКТУРА, СТИМУЛЫ, БАРЬЕРЫ (2023–2025)**

Аннотация

В статье проанализировано современное состояние инвестиционного сотрудничества России и Китая в условиях внешних санкционных ограничений. Рассмотрены ключевые инвестиционные проекты в энергетике и транспортной инфраструктуре, выявлены основные риски взаимодействия: асимметрия инвестиционных потоков, валютная нестабильность. На основе статистических данных Банка России обоснован вывод о росте синхронизации деловых циклов двух стран.

Ключевые слова:

Россия, Китай, инвестиционное партнёрство, прямые иностранные инвестиции, энергетика, санкции, национальные валюты.

RUSSIAN-CHINESE INVESTMENT PARTNERSHIP: STRUCTURE, INCENTIVES, BARRIERS (2023–2025)

Abstract

The article analyzes the current state of investment cooperation between Russia and China amid external

sanctions. Key investment projects in energy and transport infrastructure are considered, main risks such as investment asymmetry and currency instability are identified. Based on the Bank of Russia statistics, the paper concludes about the growing synchronization of the two countries' business cycles.

Keywords:

Russia, China, investment partnership, foreign direct investment, energy sector, sanctions, national currencies.

Введение

После 2022 года Россия и Китай перешли к формату углублённого стратегического инвестиционного партнёрства. Актуальность темы обусловлена переориентацией внешнеэкономических связей РФ с европейского рынка на азиатское направление, ростом взаимных расчётов в национальных валютах и реализацией крупных межгосударственных проектов.

Цель исследования — оценить структуру современного российско-китайского инвестиционного сотрудничества, определить основные стимулы развития и существующие барьеры в период 2023–2025 годов на основе открытой статистической отчётности.

Основная доля накопленных китайских прямых иностранных инвестиций в российскую экономику сосредоточена в энергетическом секторе — 62% от общего объёма [1, с. 9]. Ключевым инфраструктурным проектом является газопровод «Сила Сибири», общий объём инвестиций в который составляет около 63 млрд долларов США. Проект обеспечивает ежегодные поставки природного газа в объёме 38 млрд кубических метров, что покрывает 15% импорта газа КНР.

В нефтяных проектах Арктической зоны и Дальнего Востока Китай реализовал вложения на сумму 4,7 млрд долларов США. Плановая добыча нефти по данным проектам к 2030 году составит 10 млн тонн в год.

Развитие транспортной инфраструктуры представлено модернизацией порта «Восточный», объём инвестиций в проект — 2,5 млрд долларов США, доля китайского участия составляет 40%. Реализация проекта позволила снизить логистические издержки участников внешнеэкономической деятельности на 18% [1, с. 10].

В сфере инновационных технологий (искусственный интеллект, зелёная энергетика) за последние годы инвестировано 2,1 млрд долларов США, что соответствует росту показателя на 120%. Совместный проект Yandex и Huawei на сумму 1,5 млрд долларов позволил снизить энергопотребление нефтеперерабатывающих заводов на 9%.

Особенностями сложившейся модели российско-китайского инвестиционного партнёрства являются:

- 89% межгосударственных инвестиционных соглашений заключаются на срок более 10 лет;
- доля взаимных расчётов в рублях и юанях выросла с 12% в 2020 году до 41% в 2025 году [1, с. 11];
- государственные банки двух стран предоставили проектное финансирование на сумму 7,3 млрд долларов США, что составляет 35% от общего объёма инвестиций.

На современном этапе выделяют комплекс рисков и барьеров, сдерживающих развитие инвестиционного партнёрства:

1. Вторичные санкции. Китайские корпорации ограничивают активное инвестирование в российские проекты из-за риска потери доступа к западным высоким технологиям и рынкам.
2. Валютная нестабильность. Операционные издержки при проведении расчётов в рублях и юанях на 2–4% выше по сравнению с использованием доллара США.
3. Асимметрия инвестиционных потоков. Объём китайских вложений в экономику РФ в 3,2 раза превышает размер российских инвестиций в КНР [1, с. 9].
4. Сырьевая концентрация. 87% иностранных инвестиций направляются в энергетический сектор; снижение мировых цен на нефть на 10% приводит к падению рентабельности проектов на 7–9 процентных пунктов.

5. Нормативные и технологические барьеры. Изменения налогового законодательства РФ и санкционные ограничения привели к задержке модернизации нефтеперерабатывающих заводов на 6 месяцев и удорожанию проектных работ на 12%.

Таблица 1

Доля стран и интеграционных блоков в торговом обороте России с добавленной стоимостью, %

Страна / интеграционный блок	2019 г	2023 г	Динамика изменения
Китай	19,4	29,0	+9,6
ЕС	27,0	11,0	-16,0
АСЕАН	-5,6	8,5	+2,0

Источник: [1, с. 9–10, 49–50].

Вывод

Российско-китайское инвестиционное партнёрство существенно укрепилось за период 2023–2025 годов на фоне переориентации внешнеэкономических связей России. При этом сотрудничество сохраняет выраженную сырьевую направленность и высокую зависимость от государственного финансирования.

Для обеспечения устойчивого долгосрочного роста инвестиционного взаимодействия необходимо:

1. Снизить нормативную неопределённость для иностранных инвесторов и упростить административные процедуры реализации проектов;
2. Создать специализированные механизмы страхования валютных и санкционных рисков;
3. Перейти к системному многоотраслевому проектному финансированию, снизив концентрацию инвестиций только в энергетике.

Список использованной литературы:

1. Крылов Д., Пахмутов Н. Синхронизация деловых циклов России и Китая. Москва: Банк России, 2025. 58 с.
2. Банк России. Статистика внешнего сектора: Прямые инвестиции Российской Федерации за 2020–2025 годы. Москва, 2025. URL: https://www.cbr.ru/ec_research/ser/wp_150/ (дата обращения: 02.05.2026).
3. Народный банк Китая. Отчёт о развитии системы международных платежей CIPS. Пекин, 2025.
4. Министерство экономического развития РФ. Стратегическое соглашение между Россией и Китаем о развитии финансово-инвестиционного партнерства до 2030 года. Москва, 2024.
5. Азиатский инфраструктурный инвестиционный банк. Инвестиции в инфраструктурные проекты Центральной Азии за 2024 год. Пекин, 2025.

© Якушкова О.Д., 2026

УДК 339.9

Якушкова О.Д., магистрант

Финансовый университет при Правительстве РФ

Москва, РФ

Научный руководитель: Рудаков М.И.,

доцент, экономические науки

Москва, РФ

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И КИТАЯ: ВОЗМОЖНОСТЬ РАСЧЁТОВ В КРИПТОВАЛЮТАХ

Аннотация

В статье рассматриваются современные проблемы и перспективы торгово-экономического

сотрудничества России и Китая в условиях санкционного давления и трансформации глобальной финансовой системы. Особое внимание уделяется поиску альтернативных механизмов расчётов, включая использование криптовалют, цифровых финансовых активов (ЦФА) и технологий распределённого реестра. Автором обосновывается потенциал криптовалютных расчётов для снижения зависимости от доллара и евро, а также анализируются основные риски и регуляторные барьеры. В заключении формулируются рекомендации по развитию экспериментального правового режима для криптовалютных транзакций в двусторонней торговле.

Ключевые слова:

Россия, Китай, торгово-экономическое сотрудничество, криптовалюты, цифровые финансовые активы, расчёты, санкции, дедолларизация, цифровой рубль, цифровой юань.

**PROBLEMS AND PROSPECTS OF RUSSIAN-CHINESE TRADE AND ECONOMIC COOPERATION:
THE POSSIBILITY OF SETTLEMENTS IN CRYPTOCURRENCIES**

Abstract

The article examines current problems and prospects of trade and economic cooperation between Russia and China under sanctions pressure and the transformation of the global financial system. Special attention is paid to the search for alternative settlement mechanisms, including the use of cryptocurrencies, digital financial assets (DFA) and distributed ledger technologies. The author substantiates the potential of cryptocurrency settlements to reduce dependence on the US dollar and the euro, and also analyzes the main risks and regulatory barriers. The conclusion formulates recommendations for the development of an experimental legal regime for cryptocurrency transactions in bilateral trade.

Keywords:

Russia, China, trade and economic cooperation, cryptocurrencies, digital financial assets, settlements, sanctions, de-dollarization, digital ruble, digital yuan.

Введение

После февраля 2022 года торгово-экономическое сотрудничество России и Китая вышло на качественно новый уровень [1]. Доля Китая в товарообороте России выросла с 15% в 2021 году до 34% в 2023 году, а по итогам 2025 года, по оценкам, достигла 36–38% [1, с. 9]. Однако наряду с ростом объёмов торговли обостряются и проблемы, связанные с проведением международных расчётов. Отключение ряда российских банков от SWIFT, блокировка активов и вторичные санкции сделали традиционные долларовые и евровые переводы рискованными и дорогостоящими.

Цель данной статьи — выявить ключевые проблемы расчётного обслуживания российско-китайской торговли и оценить перспективы использования криптовалют и цифровых финансовых активов как альтернативного канала платежей.

Современное состояние и проблемы расчётов

В 2023–2025 гг. Россия и Китай активно переходят на расчёты в национальных валютах. Доля рубля и юаня во взаимной торговле превысила 40% [1, с. 11].

Однако эта система сталкивается с тремя главными проблемами:

1. Низкая ликвидность рубля и юаня на международных рынках, что повышает транзакционные издержки на 2–4%.
2. Ограничения корреспондентских отношений – многие китайские банки опасаются вторичных санкций со стороны США.
3. Асимметрия встречных потоков – российский экспорт в Китай значительно превышает импорт, что создаёт дисбаланс в накоплении юаней.

В этих условиях всё активнее обсуждаются альтернативные платёжные инструменты, в том числе основанные на технологиях распределённого реестра.

Теоретически криптовалюты (например, Bitcoin, Ethereum, стейблкоины) позволяют проводить трансграничные переводы без участия банков-корреспондентов, быстро и с относительно низкими комиссиями. Однако на практике их использование во взаимной торговле РФ и КНР пока ограничено в силу ряда факторов.

В России с 2024 года действует закон о майнинге и экспериментальные правовые режимы (ЭПР) для операций с криптовалютами во внешней торговле [2]. Китай, напротив, запретил криптовалютные транзакции внутри страны, но разрешил их использование в трансграничных операциях через специальные площадки в Гонконге и зоне Большого залива [3].

Наиболее реалистичным сценарием на 2026–2028 гг. выглядит не использование «свободных» криптовалют, а применение цифровых финансовых активов (ЦФА) и платформ на основе блокчейна с привязкой к национальным валютам (цифровой рубль, цифровой юань) [4]. Пилотные проекты таких расчётов уже запущены между российскими и китайскими компаниями в 2025 году.

Основные риски использования криптовалют в двусторонней торговле:

- высокая волатильность курсов (кроме стейблкоинов);
- неопределённость регулирования в обеих странах;
- риск вторичных санкций со стороны США за использование криптобирж, не внесённых в «белые списки»;
- технические риски взлома кошельков и мошенничества.

Проблемы расчётного обслуживания российско-китайской торговли объективны, но не имеют быстрого решения в рамках традиционной банковской системы. Наиболее перспективным направлением является не «вольная» криптовалюта, а использование цифровых валют центральных банков (CBDC) – цифрового рубля и цифрового юаня – через прямые межсистемные мосты.

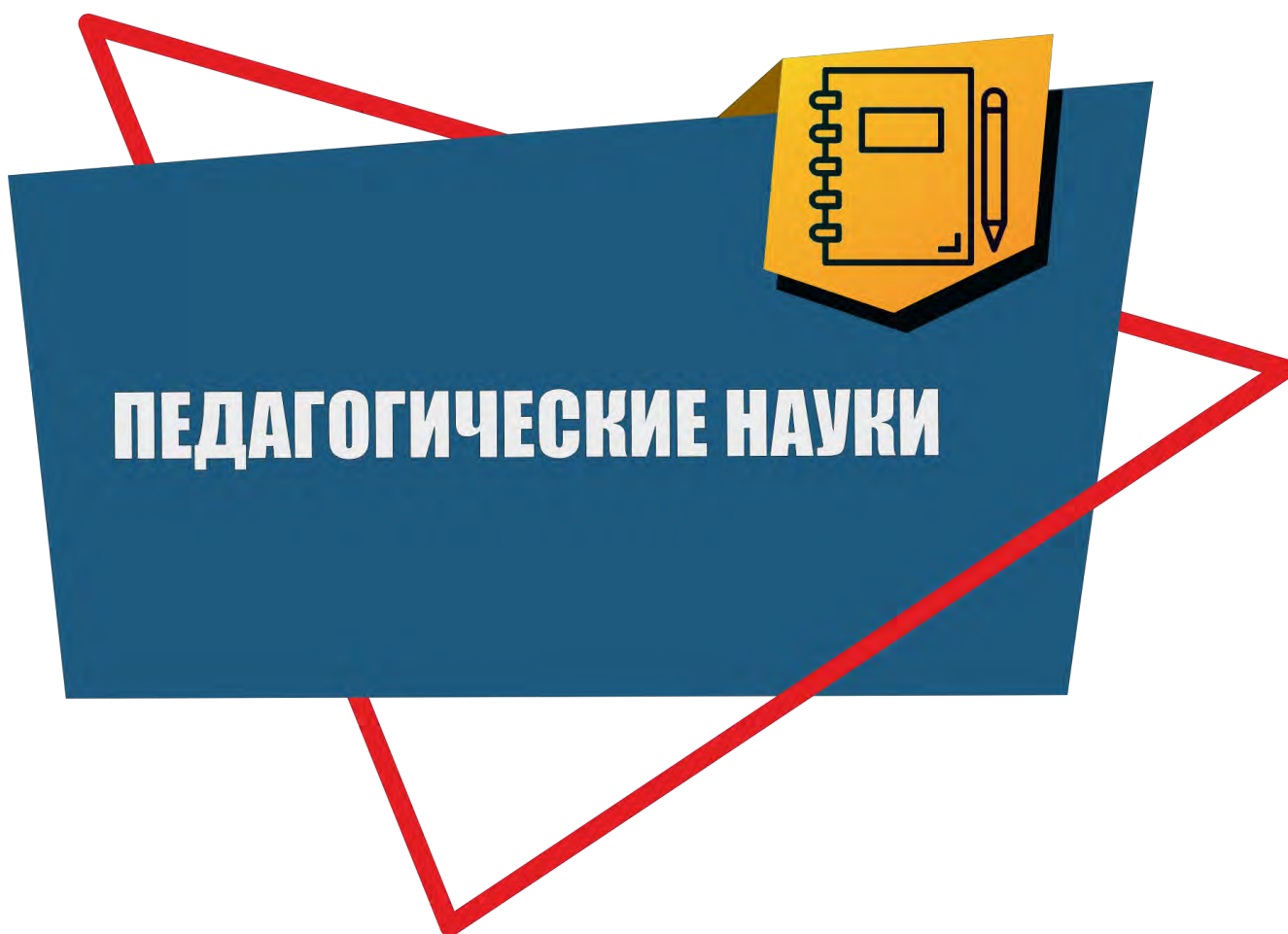
Для этого необходимо:

1. Расширить экспериментальные правовые режимы для трансграничных расчётов в ЦФА.
2. Унифицировать требования к идентификации участников таких сделок.
3. Создать совместную российско-китайскую рабочую группу по блокчейн-платформам.

Список использованной литературы:

1. Крылов Д., Пахмутов Н. Синхронизация деловых циклов России и Китая. Банк России. Серия докладов об экономических исследованиях. № 150. Май 2025. 58 с.
2. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изменениями от 2024 г.).
3. People's Bank of China. (2024). Digital Yuan Pilot Expansion and Cross-Border Use Guidelines. Beijing.
4. Bank for International Settlements. (2025). CBDC and cross-border payments: Russia-China corridor. BIS Papers No 145.
5. Винокуров Е., Либман А. (2024). Трансформация внешнеэкономических связей России: торговля, инвестиции, расчёты. Евразийская экономическая интеграция, № 3, с. 45–62.

© Якушкова О.Д., 2026

УДК 37

Annamov R.

Lecturer

Supanov H.

Student

International Horse breeding academy named after Aba Annayev
Arkadag, Turkmenistan**OVERCOMING PROCRASTINATION: THE PSYCHOLOGICAL AND PHYSIOLOGICAL
MECHANISMS OF INITIATING PHYSICAL EXERCISE****Abstract**

The transition from a sedentary lifestyle to regular physical activity is frequently obstructed by a cognitive and behavioral state colloquially termed "laziness." This article analyzes this phenomenon through the lenses of behavioral psychology, neurobiology, and exercise physiology. It argues that overcoming exercise initialization resistance requires a strategic shift from reliance on volatile emotional motivation to the establishment of automated habits and minimized cognitive barriers. By exploring behavioral frameworks such as the "2-Minute Rule," friction reduction, and progressive overload, this research outlines a systematic methodology for individual habit formation. The findings indicate that optimizing the initial environment is critical for building long-term physiological resilience and athletic consistency.

Keywords:

procrastination, behavioral friction, habit automation, dopamine kinetics,
initiation resistance, progressive overload, physical activation.

Introduction

In the modern post-industrial era, technological automation has drastically reduced the necessity for daily physical exertion, creating an environment that inadvertently rewards sedentary behavior. Within this context, the psychological barrier known as "laziness" is rarely a permanent character flaw; rather, it is an evolutionary energy-conservation mechanism combined with cognitive procrastination. Overcoming this initial inertia to begin a sports regimen is a primary challenge in personal health management. This article explores the scientific principles behind behavioral friction and neurological reward systems, providing a practical, data-driven framework to defeat procrastination and build a sustainable relationship with physical fitness.

The Neurobiological Underpinnings of Lethargy and Energy Regulation. Deconstructing "Laziness" via Dopamine and Adenosine Kinetics

What individuals perceive as laziness is often a neurobiological calculation of energy expenditure versus immediate reward. The human brain is naturally wired to conserve caloric energy and prioritize immediate dopamine spikes over long-term health benefits. To override this biological default, the cognitive cost of initiating an activity must be drastically reduced. Behavioral psychologists frequently utilize the "2-Minute Rule," which dictates that a new habit should take less than two minutes to start. For example, the goal should not be "to run for five kilometers," but simply "to put on running shoes and step outside." By bypassing the brain's defense mechanisms against heavy exertion, the momentum of initiation carries the individual into the actual workout.

Neuroplasticity and the Recoding of Action Thresholds

The neural pathways governing behavioral loops are heavily modified by repetition through a process

known as long-term potentiation (LTP). When an individual repeatedly avoids physical activity, the neural circuits reinforcing sedentary defaults grow stronger, raising the activation threshold required to initiate exercise. Conversely, by forcing even microscopic physical movements, neuroplastic changes begin to lower this activation threshold. Over time, the brain rewires its structural networks, reducing the cellular resistance experienced at the start of a workout. This neuroplastic adaptation transforms a highly difficult cognitive action into an intuitive, default physiological response.

Minimizing Choice Anxiety Through Physical Space Modification

The probability of executing a positive behavior is inversely proportional to the number of obstacles standing in its way. To successfully start a sports routine, one must systematically engineer the physical environment to minimize "friction." Laying out workout clothing and packing a gym bag the evening prior reduces the morning cognitive load required to start. Choosing a training facility that is directly on the daily commute route eliminates the secondary decision-making process required to travel to a distant location. Utilizing automated application tracking and pre-scheduled calendar blocks converts a vague intention into a concrete, non-negotiable structural commitment.

Choice Architecture and the Power of Default Options

Choice architecture dictates that individuals are highly likely to select the easiest path available in their immediate vicinity. By altering the default options in one's living and working spaces, physical activation can be automated. For instance, placing exercise equipment in plain sight while hiding television remotes or digital entertainment devices shifts the psychological path of least resistance. When the default option in an environment encourages movement, the amount of conscious willpower required to choose physical fitness drops dramatically. Designing spaces for physical default ensures that the subconscious mind naturally aligns with long-term health goals.

Social Priming and Structural Accountability Networks

Human behavior is deeply communal, shaped by the perceived expectations and habits of the surrounding social group. Entering a sports environment alone maximizes psychological friction, as the brain perceives the unfamiliar space as a potential social threat. By joining structured accountability networks—such as group fitness classes, personal coaching sessions, or amateur sports clubs—an individual leverages positive social pressure to ensure attendance. The cognitive fear of social non-compliance or breaking a commitment to a peer operates as a powerful behavioral driver, successfully overriding the internal biochemical desire to remain sedentary.

Conclusion

Overcoming procrastination and initiating an athletic lifestyle is an engineering problem rather than a test of raw willpower. By understanding the neurobiological mechanisms of energy conservation, minimizing environmental friction, and scaling physical load through progressive adaptation, individuals can reliably bypass behavioral resistance. The transition from a sedentary state to active physical engagement is a vital investment in personal human capital, yielding compounding returns in cognitive clarity, metabolic health, and structural longevity. Fostering a scientific, systematic approach to habit formation ensures that the initial step into the world of physical fitness transforms into a permanent foundation for lifelong physiological wellness.

References list:

1. Atomic Habits: Tiny Changes, Remarkable Results, Clear, J., New York, 2018.
2. Good Habits, Bad Habits: The Science of Sustained Behavior Change, Wood, W., Boston, 2019.
3. Physiology of Sport and Exercise, Wilmore, J. and Costill, D., Champaign, 2020.
4. The Power of Habit: Why We Do What We Do, Duhigg, C., London, 2012.
5. Neurobiology of Extreme Motivation and Behavioral Activation, Roberts, J. and Thompson, L., Oxford, 2022.

© Annamov R., Supanov H., 2026

УДК 37

Bashimova M.S.,

instructor

Abdyrahmanov A.S.,

student,

Magtymguly Turkmen State University,

Ashgabat, Turkmenistan

THE IMPORTANCE OF PRONUNCIATION IN PERSIAN LANGUAGE EDUCATION

Annotation

This article examines the importance of pronunciation in Persian language education and its influence on effective communication, listening comprehension, speaking fluency, and language acquisition. Pronunciation plays a crucial role in mastering Persian as a foreign language because accurate pronunciation helps learners communicate clearly and understand native speakers more effectively.

Keywords:

Persian language, pronunciation, phonetics, language education, pronunciation teaching.

Introduction

Language is one of the most important tools of communication, and pronunciation is a fundamental component of language learning. In foreign language education, pronunciation directly affects learners' ability to communicate successfully and to understand spoken language. Persian, also known as Farsi, is an Indo-Iranian language with a rich literary and cultural heritage. As interest in Persian language learning increases worldwide, the importance of effective pronunciation teaching becomes more significant.

Pronunciation is not limited to the production of individual sounds; it also includes stress, rhythm, intonation, and connected speech. Correct pronunciation allows learners to express themselves clearly and avoid misunderstandings during communication. In Persian language education, pronunciation is especially important because certain Persian sounds and phonetic structures may be unfamiliar to learners whose native languages differ greatly from Persian.

The development of pronunciation skills contributes not only to speaking ability but also to listening comprehension and communicative confidence. Learners with good pronunciation are generally more successful in interacting with native speakers and participating in real-life communication. Therefore, pronunciation instruction should be considered an essential part of Persian language education rather than a secondary or optional component.

Moreover, pronunciation contributes to learners' self-confidence. Students who feel comfortable pronouncing Persian words are usually more willing to participate in conversations, classroom discussions, and communicative activities. Fear of making pronunciation mistakes often creates anxiety and reduces motivation. Therefore, supportive pronunciation instruction can encourage active language use and increase learner engagement.

Pronunciation also affects social interaction. Native speakers may respond more positively to learners whose pronunciation is understandable and natural. Although achieving native-like pronunciation is not always necessary, intelligible pronunciation is essential for effective communication.

Methods of Teaching Persian Pronunciation

Effective pronunciation teaching requires a combination of traditional and modern teaching methods. Teachers play an essential role in helping students recognize, practice, and improve Persian pronunciation.

One widely used method is imitation and repetition. In this approach, learners listen to native speaker

models and repeat words or sentences. Repetition helps students develop muscle memory and improve articulation.

Listening activities also support pronunciation development. Exposure to authentic Persian audio materials, such as conversations, songs, podcasts, and films, helps learners become familiar with natural pronunciation patterns. Listening practice improves learners' ability to recognize sounds, stress, and intonation.

Communicative activities encourage practical pronunciation use. Role plays, discussions, dialogues, and group conversations provide opportunities for students to apply pronunciation skills in realistic situations. Such activities increase fluency and confidence.

Technology has become increasingly important in pronunciation education. Language learning applications, pronunciation software, speech recognition tools, and online dictionaries provide immediate feedback and allow independent practice. Digital resources also give learners access to authentic Persian speech from native speakers.

Conclusion

Pronunciation is an essential aspect of Persian language education and plays a critical role in successful communication. Accurate pronunciation improves speaking fluency, listening comprehension, learner confidence, and communicative competence. Since Persian contains unique phonetic features, foreign learners often face pronunciation difficulties related to sounds, stress, intonation, and connected speech.

Effective pronunciation teaching requires a combination of listening practice, phonetic instruction, communicative activities, and technological support. Teachers should provide learners with regular opportunities to practice pronunciation in meaningful communication contexts while creating a positive and encouraging learning environment.

Although achieving perfect native-like pronunciation may not always be necessary, intelligible pronunciation is essential for effective interaction in Persian. Therefore, pronunciation instruction should remain a central component of Persian language education programs. Continuous practice, exposure to authentic language input, and supportive teaching strategies can help learners develop accurate and confident Persian pronunciation skills.

References:

1. Celce-Murcia, M., Brinton, D., & Goodwin, J. Teaching Pronunciation: A Course Book and Reference Guide. Cambridge University Press, 2010.
2. Crystal, D. A Dictionary of Linguistics and Phonetics. Blackwell Publishing, 2008.

© Bashimova M.S., Abdyrahmanov A.S., 2026

УДК 37

Hudayberdiyev M.

lecturer of the Department of Language Studying
International University of Industrialists and Entrepreneurs
Ashgabat, Turkmenistan

EXPERIENTIAL FRAMEWORKS AND STRATEGIC MODELS IN ENTREPRENEURSHIP AND INDUSTRIAL EDUCATION

Abstract

Industrial education and entrepreneurship training serve as vital educational components for driving

economic innovation, technological literacy, and operational agility. This article examines the core pedagogical dimensions of teaching industry and entrepreneurship as an integrated curriculum, analyzing the shift from passive economic lectures to active, project-based venture creation. By evaluating the structural execution of lean startup methodologies within secondary education, the implementation of simulated micro-economies, the integration of advanced automation and industrial engineering logic, and the role of agile diagnostic feedback, the research outlines a comprehensive administrative framework. The study concludes that balancing rigorous systemic market analysis with hands-on technical management is essential for cultivating financial resilience and preparing students to navigate complex global value chains.

Keywords:

Industrial Education, Entrepreneurship, Lean Startup Methodology, Micro-Economies, Project-Based Learning, Operational Management, Financial Literacy, Agile Scaffolding.

Introduction

The contemporary global marketplace operates with rapid volatility, demanding that educational systems produce graduates who possess both practical technical skills and a proactive, innovative mindset. Traditional instructional paradigms that treat industrial management and entrepreneurship as separate, highly theoretical subjects frequently leave students unprepared for the fast-paced realities of the modern corporate sector. Effective contemporary pedagogy requires an integrated approach that connects the physical mechanics of industrial production directly with the strategic frameworks of business development and market analysis. As commercial landscapes adapt to automated workflows and changing consumer demands, the classroom must transform into an active business incubator and an operational prototyping lab. This article investigates the primary methodological pillars of modern enterprise education, demonstrating how project-based venture creation, manufacturing simulation, and dynamic risk management operate in harmony to cultivate deep operational competence.

**Methodological Pillars and Pedagogical Frameworks in Industrial and Entrepreneurship Education
Lean Startup Methodologies and the Scaffolding of Venture Creation**

A central challenge in entrepreneurship pedagogy is guiding students past abstract business concepts toward the execution of practical business operations. Modern instructional design addresses this barrier through the systematic integration of the Lean Startup methodology, modified specifically for an academic lesson plan. Instead of spending months writing a traditional, unverified business plan, students are instructed to map out their commercial assumptions using a visual Business Model Canvas. Learners work in collaborative teams to identify a target consumer problem, propose a value solution, and immediately build a Minimum Viable Product (MVP)—a basic, low-cost iteration of their product or service. This agile scaffolding forces students to step out of the classroom to gather real-world consumer feedback, analyze structural data variations, and rapidly pivot their operational assumptions based on empirical evidence rather than theoretical guesswork.

Simulated Micro-Economies and the Mastery of Financial Fluid Mechanics

To instill authentic economic literacy, advanced pedagogy establishes fully functioning, simulated micro-economies within the educational institution. In this structured classroom model, students take on defined organizational roles—such as chief financial officers, operations managers, or marketing directors—within student-run micro-enterprises. These student entities navigate real economic parameters, managing localized capital allocation, calculating marginal utility, and executing supply transactions using a simulated currency system. When students are forced to balance a ledger, manage raw material inventory overheads, and respond to sudden regulatory or inflationary constraints imposed by the educator, the mathematical abstractions of macroeconomics are instantly transformed into vital operational tools. This immersion provides a deep, intuitive understanding of cash flow velocity, profit-and-loss mechanics, and the fiscal discipline required to maintain institutional solvency.

Industrial Engineering Integration: Prototyping, Logistics, and Automation

An enterprise curriculum remains incomplete without an objective understanding of the industrial systems that underpin modern production, supply chains, and manufacturing efficiency. Advanced industry lessons bridge this gap by connecting business theory directly with hands-on industrial engineering and prototyping technologies. Students utilize computer-aided design (CAD) software, additive manufacturing systems, and automation tools to design and manufacture the physical components of their business ventures. Concurrently, the curriculum introduces core industrial principles such as Total Quality Management (TQM), Six Sigma efficiency metrics, and Just-in-Time logistics optimization. By calculating the physical and economic trade-offs between automated assembly lines, raw material handling costs, and production cycle times, students learn how to design supply chains that minimize operational waste while maximizing output quality.

Adaptive Diagnostic Analytics and Agile Performance Evaluation

Because the process of building a business and managing industrial production involves continuous adaptation and failure analysis, traditional, memorization-based testing is insufficient for measuring student progress. Modern entrepreneurship and industrial education rely heavily on continuous, low-stakes formative diagnostics and agile performance evaluations. Instructors utilize weekly stand-up meetings, sprint retrospectives, and interactive digital dashboards to track the operational velocity of student teams. When an industrial prototype fails a stress test or a student venture experiences a drop in user acquisition, the software and the instructor do not simply deduct academic points. Instead, the analytical data is utilized as a real-time diagnostic mechanism to identify root technical or structural fallacies, training students to debug their operational strategies in a manner that mirrors professional corporate administration.

While technical skills are the foundation, the "professionalization" of entrepreneurship also involves the psychological conditioning of the student. Educators focus on the "Entrepreneurial Mindset"—a cognitive framework characterized by proactivity, resilience, and the ability to identify opportunities where others see obstacles. Instructional design often includes "Stress-Testing" simulations where students must resolve sudden supply chain collapses or PR crises. By treating emotional intelligence and resilience as core professional competencies, the pedagogical process ensures that the specialist is mentally equipped for the high-pressure environment of the private sector, reducing burnout and increasing the long-term success rate of new enterprises.

The final pillar of professional entrepreneurship pedagogy is the seamless integration of the academic world with the private sector. Effective programs utilize a "Practitioner-Scholar" model, where successful entrepreneurs act as guest lecturers, mentors, and evaluators. This provides students with "tacit knowledge"—the unwritten rules of the market—that cannot be found in textbooks. Furthermore, strategic partnerships with local chambers of commerce and innovation hubs allow students to participate in professional internships and networking events. This exposure ensures that by the time a student completes their education, they are already embedded in a professional ecosystem, bridging the gap between graduation and active business leadership.

Cultivating Risk Resilience and Ethical Corporate Governance

The final frontier of contemporary enterprise instruction is the conscious development of psychological risk resilience and the integration of sustainable, ethical corporate governance into core business decisions. Entrepreneurship is inherently tied to the possibility of financial and operational failure. Advanced pedagogy addresses this reality by reframing failure not as an academic end-point, but as a critical empirical data stream necessary for system optimization. Furthermore, lessons incorporate the explicit study of corporate social responsibility (CSR) and green industrial practices, utilizing the "Triple Bottom Line" framework to measure an enterprise's economic, environmental, and social footprint. By analyzing real-world case studies regarding corporate governance failures, structural environmental damage, and labor ethics, students learn to balance profit motives with long-term ecological and societal stewardship.

Conclusion

The evolution of industrial and entrepreneurship education from a theoretical lecture series into a highly interactive, experiential science is an essential requirement for sustaining global economic vitality and technological progress. As this article has analyzed, the integration of lean venture scaffolding, simulated macro-environments, advanced prototyping engineering, and real-time diagnostic loops provides a robust framework for building modern business competence. The future of global commerce relies on the capability of educational institutions to continuously update these curricula to keep pace with rapid digital and automated transitions while maintaining a firm grip on core fiscal discipline. Ultimately, by fostering classrooms that prioritize analytical problem-solving, structural agility, and ethical governance, contemporary pedagogy ensures that entrepreneurial knowledge serves as an empowering vehicle for human innovation, industrial resilience, and global wealth creation.

References list:

1. The Lean Startup: How Today's Entrepreneurs Use Continuous Innovation to Create Radically Successful Businesses, Ries, E., New York, 2011.
2. Entrepreneurship Education: New Perspectives on Learning, Teaching and Practice, Fayolle, A., Cheltenham, 2007.
3. Operations Management: Sustainability and Supply Chain Management, Heizer, J., Render, B., and Munson, C., Boston, 2016.
4. Entrepreneurship Education: Theory and Practice, Kuratko, D. F., Boston, 2016.
5. The Lean Startup: How Constant Innovation Creates Radically Successful Businesses, Ries, E., New York, 2011.
6. Experiential Learning: Experience as the Source of Learning and Development, Kolb, D. A., New Jersey, 1984 (Revised 2014).
7. Effective Entrepreneurship Education, Fayolle, A., Cheltenham, 2007.
8. Teaching Entrepreneurship: A Practice-Based Approach, Neck, H. M., Greene, P. G., and Brush, C. G., Northampton, 2014.
9. Introduction to Industrial and Systems Engineering, Turner, W. C., Mize, J. H., Case, K. E., and Nazemetz, J. W., Upper Saddle River, 1993.

© Hidayberdiyev M., 2026

УДК 37

Shylyyeva A.T.

Lecturer Department of foreign literature.
Dovletmammet Azadi Turkmen National Institute of World Languages.
Ashgabat, Turkmenistan.

APPROACHES AND METHODS IN TEACHING ENGLISH: A METHODOLOGICAL OVERVIEW

Annotation

This article provides a concise overview of the key methodologies in teaching English as a foreign language. It traces the historical development from traditional methods (Grammar-Translation, Audio-Lingual) to communicative and post-communicative approaches (Communicative Language Teaching, Task-Based Learning, and the Lexical Approach). The paper also discusses the role of technology in modern language education and emphasizes that effective teaching requires an eclectic, context-sensitive integration of methods rather than rigid adherence to a single approach.

Keywords:

English language teaching (ELT), methodology, Communicative Language Teaching (CLT), Task-Based Language Teaching (TBLT), Grammar-Translation Method, eclectic approach, language pedagogy.

1. Introduction

The methodology of teaching English has undergone significant transformation over the past century. From rote memorization of grammatical rules to interactive, learner-centered classrooms, each new method has attempted to address the shortcomings of its predecessors. However, there is no "perfect method" that works for all learners in all contexts. This article aims to survey the major methods in English Language Teaching (ELT) and offer a balanced perspective on their practical application.

2. Major Historical Methods**2.1 Grammar-Translation Method (GTM)**

Originating in the 19th century, GTM focuses on learning grammatical rules and translating texts between the target language and the native language. Instruction is teacher-centered, with little attention to pronunciation or speaking. While criticized for producing learners who cannot speak fluently, GTM remains useful for teaching advanced reading comprehension and academic grammar.

2.2 Direct Method

Developed as a reaction to GTM, the Direct Method prohibits use of the native language. Meaning is conveyed through demonstration, visual aids, and realia. Speaking and listening are prioritized. However, it requires highly skilled teachers and is less effective for abstract concepts.

2.3 Audio-Lingual Method (ALM)

Popular in the 1950s-60s, ALM is based on behaviorist psychology (stimulus-response-reinforcement). Students memorize dialogues and practice grammatical patterns through drills. While effective for developing pronunciation and automaticity, ALM fails to develop creative, spontaneous communication.

3. The Communicative Turn**3.1 Communicative Language Teaching (CLT)**

Since the 1980s, CLT has been the dominant global approach. Its core principle is that language is learned through meaningful communication. CLT emphasizes:

- **Real-life tasks** (ordering food, asking for directions)
- **Fluency over accuracy** (errors are tolerated as part of learning)
- **Learner autonomy** and interaction (pair work, group work)
- **Authentic materials** (newspapers, podcasts, menus)

Critics note that CLT can be challenging in large classes or exam-oriented educational systems.

3.2 Task-Based Language Teaching (TBLT)

A strong form of CLT, TBLT structures lessons around **tasks** (e.g., planning a trip, solving a problem). Students use language to complete the task before receiving explicit grammar instruction. Research shows TBLT improves fluency and confidence, though it requires careful task design.

4. The Role of Technology in Modern Methodology

Digital tools have transformed ELT methodology. Key innovations include:

- **Blended Learning:** Combining face-to-face instruction with online platforms (Moodle, Google Classroom).
- **Mobile-Assisted Language Learning (MALL):** Using apps like Duolingo, Quizlet, and Anki for vocabulary and grammar practice.
- **Corpus Linguistics:** Using large databases of real language (corpora) to teach authentic word usage and collocations.

However, technology should enhance, not replace, sound pedagogical principles.

Conclusion

The methodology of teaching English has evolved from rigid, teacher-centered systems to flexible, learner-oriented frameworks. While CLT and TBLT are currently dominant, no method is universally superior. The key to successful teaching lies in understanding the strengths and limitations of each approach and adapting them to the specific classroom context. Future developments in AI and personalized learning will likely challenge traditional methodologies, but the core principle remains: language teaching must be meaningful, interactive, and learner-responsive.

References:

1. Brown, H.D. (2007). *Teaching by Principles: An Interactive Approach to Language Pedagogy* (3rd ed.). Pearson Education. (Comprehensive overview of methods, chapters 4-6).
2. Richards, J.C., & Rodgers, T. S. (2014). *Approaches and Methods in Language Teaching* (3rd ed.). Cambridge University Press. (The standard textbook on ELT methodology).
3. Ellis, R. (2003). *Task-Based Language Learning and Teaching*. Oxford University Press. (Key work on TBLT theory and practice).
4. Lewis, M. (1993). *The Lexical Approach: The State of ELT and a Way Forward*. Language Teaching Publications. (Foundational text on the Lexical Approach).

© Shyhliyeva A.T., 2026

УДК 004.8:378.14

Vasilyev M.A.

Student, RTU MIREA, Moscow, Russia

Scientific supervisor: Kravets O.S.

Assistant, RTU MIREA, Moscow, Russia

THE IMPACT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE ON STUDENTS' ACADEMIC MOTIVATION

Abstract

This article examines the impact of artificial intelligence tools on the academic motivation of higher education students. Results of an empirical study conducted among 120 RTU MIREA students are presented.

Keywords:

artificial intelligence, academic motivation, students, higher education, digital technologies, adaptive learning.

Introduction

The integration of artificial intelligence (AI) into higher education has transformed the way students interact with academic content. Tools such as ChatGPT, adaptive learning platforms, and AI-powered feedback systems are now part of the everyday learning environment [1]. This study investigates whether AI tool usage strengthens or weakens students' academic motivation, drawing on Self-Determination Theory (SDT) and Expectancy-Value Theory (EVT) as analytical frameworks [2, 3].

Research Methodology

A mixed-methods approach was used: a structured 24-item Likert-scale questionnaire combined with follow-up interviews. The sample comprised 120 undergraduate students (mean age 20.3; 58% male, 42% female) from RTU MIREA across engineering (40%), IT (35%), and economics (25%) programmes. Data were collected between February and April 2025 and analyzed using descriptive statistics and Pearson correlations.

Results and Discussion

Survey results showed that 94% of respondents use at least one AI tool regularly for academic purposes

(see Table 1). A significant positive correlation was found between AI tool use and perceived academic competence ($r = 0.61$, $p < 0.01$). However, 52% of heavy AI users noted a decline in intrinsic motivation, reporting a reduced sense of intellectual challenge—consistent with SDT predictions [2].

In line with EVT, frequent AI users reported higher performance expectancy ($r = 0.54$, $p < 0.01$), yet this was not accompanied by deeper learning engagement. Autonomy perceptions were mixed: 63% felt greater control over their learning pace, while 47% expressed concern about constrained independent thinking. Engineering students showed the most positive motivational outcomes, whereas economics students raised concerns about analytical skill development.

Table 1

AI Tool Usage Frequency Among Respondents

Frequency	Students (n)	%
Daily	49	41%
Several times/week	46	38%
Occasionally	25	21%

Source: compiled by the author

Conclusion

The findings demonstrate that AI tools have a dual effect on academic motivation: they enhance perceived competence and performance expectancy while posing risks to intrinsic motivation and autonomous thinking—effects moderated by prior self-efficacy and field of study. Educators should design AI-integrated activities that preserve intellectual challenge and foster metacognitive reflection, ensuring AI serves as a genuine learning catalyst rather than a cognitive substitute [5].

Список использованной литературы:

1. Holmes W., Bialik M., Fadel C. Artificial Intelligence in Education. Boston: CCR, 2019. 236 p.
2. Deci E. L., Ryan R. M. Self-determination and intrinsic motivation in human behavior. New York: Plenum Press, 1985. 371 p.
3. Eccles J. S., Wigfield A. Motivational beliefs, values, and goals // Annual Review of Psychology. 2002. Vol. 53. P. 109–132.
4. Pintrich P. R. A Motivational Science Perspective on the Role of Student Motivation // Journal of Educational Psychology. 2003. Vol. 95, No. 4. P. 667–686.
5. Zawacki-Richter O. et al. Systematic review of research on AI applications in higher education // Int. J. of Educational Technology in Higher Education. 2019. Vol. 16, No. 39. P. 1–27.

© Васильев М.А., 2026

УДК 37

Аникина Ю.И., Зеленский В.Г., Пшеничников М.В.,

студенты

Научный руководитель: Комиссарова О.Ю.

к.т.н., доцент каф. ТМСИ,

г. Самара, РФ

ИННОВАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ ПОДГОТОВКИ ИНЖЕНЕРНЫХ КАДРОВ: ОТ ШКОЛЫ ДО ПРОИЗВОДСТВА

Аннотация

В статье рассматривается концепция двухуровневой инженерной школы, направленной на решение

проблемы профессиональной ориентации школьников и повышения качества подготовки студентов технических специальностей. Представлена комплексная система обучения, объединяющая теоретические знания с практическим опытом. Цель работы - разработать двухуровневую систему инженерной школы, которая поможет школьникам определиться с профессией и поступить в институт, а студентов научит реальным навыкам и поможет с трудоустройством.

Ключевые слова:

инженерное образование, профессиональная ориентация, практико-ориентированное обучение, подготовка кадров, инженерная школа, школьники, студенты.

Введение

Современная система образования сталкивается с двумя серьёзными вызовами. Во-первых, профориентационных мероприятий в школах проводится сравнительно немного: из-за этого выпускники часто не могут определиться с выбором профессии. Во-вторых, некоторые программы вузов утратили актуальность и в данный момент не соответствуют запросам работодателей.

Наша школа предлагает комплексное решение этих проблем. Мы дополняем образовательный процесс так, чтобы: дать школьникам возможность познакомиться с профессиями на практике - через стажировки, мастер-классы и проекты с реальными задачами, также хотим обеспечить студентов навыками, востребованными в индустрии, - актуализируя учебные программы с учётом текущих запросов рынка труда.

Такой подход позволит подготовить специалистов, обладающих необходимыми компетенциями и способных решать профессиональные задачи с первых дней работы.

Концепция проекта

Школьный этап помогает осознанно выбрать профессию.

1. Лабораторные работы: школьники выполняют реальные задачи и эксперименты, выявляя склонности.

2. Мастер-классы с профессионалами, воркшопы, симуляции разрушают мифы о профессиях и развивают интерес.

3. Портфолио достижений (эксперименты, творчество) учит ставить цели, планировать, представлять итоги.

Этап снижает риск ошибки при выборе вуза и мотивирует к углублённому изучению профильных предметов.

Студенческий этап — освоение профессии в условиях, близких к реальным.

1. Производственные задачи: работа с запросами компаний (прототипы, оптимизация) учит применять теорию.

2. Современное оборудование (лаборатории, симуляторы) даёт конкурентное преимущество и сокращает адаптацию после выпуска.

3. Наставничество опытных специалистов ускоряет рост компетенций и помогает наладить профессиональные контакты.

Сочетание этих элементов превращает обучение в вузе в инвестицию в карьеру.

Основные направления реализации

Школьный этап: базовые инженерные компетенции через модули:

- 3D-моделирование и прототипирование (цифровое проектирование, физические модели),
- материаловедение (свойства и применение материалов),
- основы механики (принципы механизмов, расчёт нагрузок, движение тел),
- обратный инжиниринг (анализ готовых изделий).

Студенческий этап: реальная инженерная деятельность через инженерный практикум

(спецоборудование, технологии), имитационные игры (моделирование производственных ситуаций), работу над реальными кейсами предприятий, экономический анализ (оценка эффективности и рентабельности).

Заключение

Представленная модель инженерной школы является эффективным инструментом решения проблемы подготовки квалифицированных инженерных кадров. Интеграция школьного и вузовского образования с производственной практикой позволяет формировать специалистов, готовых к реальным условиям работы.

Список использованной литературы:

1. Власова О.С. Профорентация школьников в области инженерного образования средствами 3D-моделирования и прототипирования // Инновации в образовании. – 2023. – № 4. – С. 97-105.
2. Киселев Б.Р., Замятина О.М. Основы обратного инжиниринга в проектной деятельности школьников и студентов младших курсов // Современные наукоемкие технологии. – 2022. – № 7. – С. 156-160.

© Аникина Ю.И., Зеленский В.Г., Пшеничников М.В., 2026

УДК 378.81

Афанасьева К.В.

студентка 2 курса РТУ МИРЭА

г. Москва, РФ

Научный руководитель: Кравец О.С.

Ассистент кафедры иностранных языков РТУ МИРЭА

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗЕ

Аннотация

В статье рассматриваются педагогические условия интеграции инструментов корпусной лингвистики (языковых корпусов BNC, COCA, Sketch Engine) в процесс обучения иностранному языку в высшей школе. Обосновывается, что эпизодическое использование корпусов не даёт устойчивого результата. Выделены четыре условия: формирование корпусной грамотности преподавателя и студента, дидактическая адаптация корпусных данных, системная интеграция в структуру каждого занятия, учёт зоны ближайшего развития при постановке задач. Приведены результаты экспериментальной апробации (ИвГУ, 2023–2025 гг.), подтверждающие эффективность предложенных условий.

Ключевые слова:

корпусная лингвистика, педагогические условия, обучение иностранному языку, вуз, лингводидактика, аутентичные тексты, корпусная грамотность.

Современный этап развития высшего образования характеризуется активным поиском методов, которые позволяют приблизить учебный языковой материал к реальной коммуникации. Одним из перспективных инструментов выступает корпусная лингвистика – направление, опирающееся на анализ больших массивов аутентичных текстов (языковых корпусов). Однако практика показывает, что педагогические условия использования корпусов в вузовском обучении иностранному языку разработаны недостаточно. Преподаватели либо игнорируют возможности корпусов, либо эпизодически используют

их без системы. В связи с этим в статье ставится задача выявить и содержательно охарактеризовать педагогические условия, обеспечивающие эффективную интеграцию корпусной лингвистики в процесс обучения иностранному языку в вузе.

В качестве теоретической базы выступили работы отечественных исследователей: Т.М. Балыхиной, В.П. Захаровой, Л.В. Калининой, а также зарубежные исследования в области data-driven learning (DDL). Методология включает теоретический анализ, моделирование учебной деятельности и обобщение опыта применения корпусов (COCA, BNC, Русский национальный корпус) в работе со студентами 2–3 курсов языковых направлений.

В результате теоретического анализа и экспериментальной апробации (2023–2025 гг., ИвГУ, выборка – 48 студентов) было выделено четыре необходимых и достаточных педагогических условия. Первое условие – формирование корпусной грамотности преподавателя и студента. Большинство вузовских педагогов не имеют опыта работы с корпусными менеджерами (AntConc, Sketch Engine), не умеют составлять поисковые запросы. Без этого этапа использование корпусов становится формальным. Поэтому обязательным является вводный модуль для преподавателей и мини-тренинг для студентов. Например, студентам даётся задание найти в корпусе BNC 5 примеров употребления фразового глагола to put up with с разными дополнениями. Второе условие – дидактическая адаптация корпусных данных. Языковые корпуса содержат «сырой» материал (опечатки, неполные предложения). Для учебных целей его необходимо фильтровать. Педагогическое условие – создание учебных мини-корпусов или выдача предварительно очищенных конкордансов (см. табл. 1).

Таблица 1

Фрагмент адаптированного конкорданса для изучения синонимии «big / large / great» (по BNC)

Левый контекст	Ключевое слово	Правый контекст
a surprisingly	large	number of participants refused
he made a	great	contribution to the project
no need for a	big	house if you live alone
this represents a	large	increase in revenue
she has a	great	sense of humor

Задача студента – сформулировать правило: large сочетается с количественными существительными (number, increase), great – с абстрактными (contribution, humor), big – с физическими объектами (house). Третье условие – интеграция ёкорпусных заданий в структуру каждого практического занятия. Корпус не может быть «развлечением» раз в семестр. Нами разработана типология заданий для разных этапов работы: этап предъявления нового материала (индуктивный вывод правила), этап тренировки (проверка гипотезы через поиск в корпусе), этап контроля (воспроизведение выявленных закономерностей без корпуса). Системность означает, что каждая лексическая или грамматическая тема сопровождается корпусным мини-исследованием. Четвёртое условие – учёт зоны ближайшего развития при постановке корпусных задач. Запросы к корпусу могут быть слишком сложными для начинающих. Выделены три уровня сложности: базовый уровень – работа с готовыми конкордансами (выдаёт преподаватель); средний уровень – самостоятельный простой запрос в открытом корпусе; продвинутый уровень – составление сложных CQL-запросов, создание мини-корпуса текстов по специальности.

Проверка эффективности выделенных условий проводилась в двух группах (ЭГ – 24 человека, обучение с соблюдением всех четырёх условий; КГ – 24 человека, эпизодическое использование корпусов). Длительность – один семестр (72 часа). Диагностический срез показал: в ЭГ доля студентов, способных самостоятельно проверить сочетаемость слов в аутентичном корпусе, выросла с 21% до 79%; в КГ – с 18% до 34%. Также в ЭГ отмечено снижение числа лексических ошибок, связанных с межъязыковой интерференцией (на 42%). Таким образом, для эффективного использования корпусной лингвистики в вузовском обучении иностранному языку необходимы четыре педагогических условия: формирование корпусной грамотности, дидактическая адаптация корпусных данных, системная интеграция в структуру

занятия и учёт зоны ближайшего развития.

Соблюдение данных условий позволяет перейти от декларативного знания о языке к процедуральному, формирует навык работы с реальными языковыми данными и повышает автономию студента. Перспективой дальнейших исследований является разработка критериально-диагностического инструментария для оценки уровня сформированности корпусной грамотности у студентов неязыковых направлений подготовки.

Список использованной литературы:

1. Балыхина Т.М., Захарова В.П. Компьютерная лингводидактика: теория и практика. М.: Изд-во РУДН, 2021. 240 с.
2. Калинина Л.В. Корпусная лингвистика в подготовке будущего учителя иностранного языка // Иностранные языки в школе. 2022. № 6. С. 67–73.
3. Иванова А.А. Использование национального корпуса английского языка (СОСА) при обучении лексике студентов языковых вузов: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. М., 2023. 198 с.
4. Ременок С. Я благодарна судьбе // Приношение Надежде Голубовской / под ред. Т.А. Зайцевой. СПб., 2007.
5. Тальрозе Г. Надежда Тальрозе // Приношение Надежды. СПб., 2007.
6. Боултон А. Обучение на основе корпусных данных: достижения и перспективы // Вопросы языкознания. 2021. № 4. С. 112–128.

© Афанасьева К.В., 2026

УДК 37

Ашырова А.

преподаватель.

Аннагулыева Г.

студентка.

Бабаева Б.

студентка.

Халымова Х.

студентка.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА им. АМАНА КЕКИЛОВА.

Ашхабад, Туркменистан.

ЛОШАДИ БЕДУИНОВ: КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И ГЕНЕТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ АРАВИЙСКОЙ ПУСТЫНИ

Аннотация

Данная статья посвящена всестороннему анализу феномена бедуинских лошадей, известных в мире как чистокровные арабские скакуны. В работе рассматривается многовековая история формирования породы в суровых условиях Аравийского полуострова, её ключевая роль в культуре и военном деле кочевников-бедуинов, а также уникальная система племенного учёта, основанная на матриархате. Особое внимание уделяется современному генетическому исследованию, которое подтверждает древнее происхождение этих лошадей и их высокое разнообразие. Статья демонстрирует, как культурные традиции бедуинов находят подтверждение в современных научных данных, подчёркивая уникальное положение арабской лошади как «живого сокровища» человечества.

Ключевые слова:

арабская чистокровная лошадь, бедуины, кобылицы Пророка, система асиль, матриархат в коневодстве, WAHO, генетическое разнообразие, митохондриальная ДНК, культурное наследие, Аравийский полуостров.

Введение: Дар пустыни

На бескрайних просторах Аравийского полуострова, где вода ценится дороже золота, а палящее солнце не знает пощады, возникла одна из самых древних и благородных пород лошадей в мире — чистокровная арабская. Эти лошади были не просто животными для бедуинов, они стали символом рыцарства, власти, неотъемлемым атрибутом выживания и предметом национальной гордости. Как гласит древняя поговорка жителей Аравии, «главное для бедуина богатство — это родник чистой воды и лошадь».

1. Исторический контекст и происхождение

Считается, что арабская порода лошадей была выведена бедуинами в центральных районах Аравийского полуострова примерно в IV-VI веках нашей эры, хотя некоторые изображения указывают на существование подобных животных уже во II-III тысячелетии до н. э. В отличие от европейских пород, развивавшихся в условиях конюшен, арабский скакун формировался в суровой среде пустыни, что наделило его феноменальной выносливостью, крепким здоровьем и неприхотливостью. Эти качества сделали его идеальным компаньоном для военных набегов (газу) и дальних переходов.

2. Культурный код породы: Религия и традиции

Отношение бедуинов к лошадям было сакральным. С приходом ислама в VII веке арабская лошадь обрела духовное измерение. Пророк Мухаммад, согласно преданиям, изрёк: «Да не отважится злой дух проникнуть в шатёр, где находится лошадь чистой крови. Каждую ночь да спустится к ней ангел, поцелует её в лоб и благословит её хозяина».

Существует красивая легенда о сотворении арабского скакуна: «Когда Аллах захотел создать лошадь, он сказал южному ветру: "Из благоволения к тебе я желаю сотворить живое существо из тебя...". И ветер сгустил себя». Это религиозное основание наложило отпечаток на всю культуру коневодства, сделав разведение этих животных священным долгом.

3. Система «Асиль» и культ материнства

Ключевой особенностью бедуинского коневодства был строжайший матриархат. В то время как европейские конные заводы столетиями ориентировались на выдающихся жеребцов-производителей, бедуины вели племенную работу исключительно через кобыл. Происхождение жеребёнка определялось по материнской линии, а родословные (асиль) передавались из уст в уста, от отца к сыну.

Для бедуина было важнее знать происхождение своей лошади, чем своё собственное. Существовало всего пять «благородных» пород, ведущих начало, по легендам, от пяти любимых кобылиц Пророка Мухаммеда. Случка чистокровной кобылы с жеребцом «нечистой крови» (кадиш) была строжайше запрещена и всегда проводилась в присутствии заслуживающих доверия свидетелей. Это позволило сохранить «кровь» в невероятной чистоте на протяжении двух тысяч лет.

4. Научный взгляд: Генетическое подтверждение древности

Современная наука подтверждает то, что бедуины знали интуитивно: уникальность арабской лошади заложена в её ДНК. Исследование, опубликованное в журнале *Animals* в 2023 году, посвящённое генетическому анализу популяций арабских лошадей (включая «Desert-Bred» из Саудовской Аравии и ОАЭ, прямых потомков бедуинских лошадей), выявило высокое генетическое разнообразие

Заключение

Лошади бедуинов — это уникальный пример того, как культурная традиция и суровый природный отбор создали биологический шедевр. От священных писаний Корана до публикаций в рецензируемых

научных журналах — арабская лошадь остаётся символом благородства, выносливости и красоты. Она является живым мостом, соединяющим древний мир кочевых племён с современной глобальной цивилизацией.

Список использованной литературы:

1. Ганулич, А.К. (2000). Лошади Пророка Мухаммада. Кони Петербурга, №6.
2. Материалы сайта Федерация Конного Sports Кыргызстана. Арабская порода.
3. Публикация Goldmustang. Коннозаводство: Руководство по матриархату «Генеральный студбук» арабской чистокровной породы.

© Ашырова А., Аннагулыева Г., Бабаева Б., Халымова Х., 2026

УДК 377.8

Бахор Т.А., Любина Е.В., Фотина Т.А.

преподаватели специальных дисциплин ИПК – филиала ГГТУ
г. Истра, Московская область, РФ

**СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК КОМПОНЕНТ ЭФФЕКТИВНОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ
(ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО КОЛЛЕДЖА)**

Аннотация

В статье представлен опыт Истринского профессионального колледжа по организации эффективной модели социального партнерства как условия высокого качества профессиональной подготовки педагогов. Нацеленность на укрепление и развитие социального партнерства позволяет выпускникам колледжа быть конкурентоспособными на рынке труда.

Ключевые слова:

среднее профессиональное образование, социальное партнерство, профессионализация образовательного процесса, инфраструктурная модель, наставничество, ФП «Профессионалитет».

В современном СПО особое значение приобретает социальное партнерство всех субъектов образовательного процесса. В контексте образовательной деятельности педагоги характеризуют социальное партнерство как сотрудничество, способствующее созданию «условий для взаимопонимания и координации действий между образовательными учреждениями, государственными органами, работодателями, родителями и другими заинтересованными сторонами» [4, с.25].

Социальное партнерство в современном профессиональном образовании является ключевым компонентом, позволяющим обеспечить его высокое качество, поскольку представляет собой системный подход к организации профессионального образования, особенно актуальный для подготовки будущих педагогов в целом. Подготовка педагогических работников - специалистов среднего звена является определяющей для Истринского профессионального колледжа - филиала ГГТУ: из 28 академических групп, обучающихся в колледже в 2025/26 уч. году, 23 студенческие группы обучаются по педагогическим специальностям: учителя начальных классов (15 групп), воспитатели ДОО (4 группы), педагоги по физической культуре и спорту (4 группы). Т.о., приоритетным направлением работы ИПК ГГТУ является подготовка педагогических кадров для Московской области, чем и обусловлен выбор инфраструктурной модели социального партнерства, которая предполагает такое сотрудничество между заинтересованными сторонами образовательного процесса, которое нацелено на согласование

интересов и достижении организаций–партнеров, позволяя достичь более эффективных результатов, чем это может быть при простой сумме отдельных усилий указанных партнеров. Построение такой модели социального партнерства началось в 2023 году, когда ИПК ГГТУ стал базовой организацией образовательного кластера «Педагогика» ФП «Профессионалитет», в который вошли еще пять колледжей Московской области, реализующих педагогические специальности.

В ИПК ГГТУ социальное партнерство проявляется в разных формах. Например, индивидуальное сопровождение будущего учителя начальных классов в его профессиональном самоопределении в колледже включает его сотрудничество с педагогами-наставниками при углублении его интересов в области специальных наук (филология, математика, биология, история и др.). Приобретаемые научно-исследовательские умения студенты могут проявить на многочисленных научно-практических конференциях и конкурсах и в практической педагогической деятельности. Так, рассуждения студентов о том, как научить младших школьников анализу стихотворений, т.к. дети не имеют соответствующего контекстного опыта, привел к знакомству с имманентным анализом стихотворений, который пропагандировал М.Л. Гаспаров, убежденный, что юные читатели могут многое увидеть художественном мире большинства лирических произведений, «не выходя за пределы того, о чем прямо сказано в тексте» [3]. Использование этого анализа на занятиях, позволяет студентам проявлять свои исследовательские умения в школе в сотрудничестве с учителем-наставником, который сопровождал «непосредственное вхождение в профессию» студента [2, с.192], когда тот, например, проводил занятия в 3 классе на тему «Стихи живые сами говорят...». Так учебный процесс колледжа интегрирует теоретическое обучение с практической деятельностью.

Важнейшим направлением профессиональной подготовки студентов колледжа является «интеграция будущих педагогов в профессиональную деятельность, направленную на поддержку детей, оказавшихся в сложных жизненных условиях» посредством вовлечения их в «позитивную развивающую деятельность» [1]

В колледже постоянно проводят свои мастер-классы учителя школ Московской области. Большой интерес вызвал мастер – класс «Искусственный интеллект в образовательном процессе», организованный Рябовой М.А. и нацеленный на практическое применение ИИ на уроках: будущие воспитатели, учителя начальных классов и физической культуры вместе с школьным учителем с помощью нейросетей создавали динамические физкультминутки, творческий пересказ народных сказок, их песенное сопровождение, упражнения по тренировке дикции (в том числе - под рэп-бит) и др.

Цель социального партнерства заключается в профессиональной подготовке компетентного педагога, способного работать в условиях современных образовательных вызовов: цифровизация обучения, его геймификация, инклюзивное образование и др.

По данным внутреннего мониторинга колледжа за 2024–2025 учебные годы, более 80 % выпускников колледжа педагогических специальностей трудоустроены в течение 3-х месяцев после окончания обучения, что является высоким для среднеотраслевых показателей по Московской области.

Регулярными являются встречи руководства колледжа с представителями администрации г.о. Истра, на которых обсуждаются вопросы подготовки и переподготовки педагогов, трудоустройства выпускников колледжа, развития молодежной политики в регионе и др. На базе ИПК ГГТУ проводились такие методические мероприятия, как заседание ФУМО СПО по УГПС 44.00.00 «Образование и педагогические науки», панельная дискуссия «Актуальные вопросы государственной политики в сфере подготовки педагогических кадров», позволяющие коллективу колледжа (преподавателям и студентам) иметь представление о стратегии развития СПО.

Направленность на качественную профессиональную подготовку педагогических кадров для региона как результат четкого понимания коллективом колледжа основных целей и задач воспитательной политики и в целом стратегия развития СПО, нацеленность на укрепление и развитие социального

партнерства, способствуют конкурентоспособности выпускников на рынке труда и их готовности к любым вызовам современности.

Список использованной литературы:

1. Бахор Т.А., Любина Е.В., Еленская А.И. Проектная деятельность как средство актуализации профессионального самоопределения будущих педагогов // Международный научный журнал: Инновационная наука. 2025. №10-1/2025. С. 113 - 115.
2. Бычина В.Ю., Евдокимов Д.С. Система наставничества в контексте современного образования // Отечественная и зарубежная педагогика. 2025. №4. С. 192–203.
3. Гаспаров М.Л. «Снова тучи надо мною»: Методика анализа. – URL: <https://books.yandex.ru/books/rRibn9tE/read-online> (дата обращения: 11.05.2026).
4. Повстан Л.А., Захлабаева В.В., Абильмажинова Б.Ж., Юдина Т.М. Социальное партнерство как фактор успешного развития деятельности образовательной организации // Наука и реальность. 2024. № 4 (20). С. 24–29.

© Бахор Т.А., Любина Е.В., Фотина Т.А., 2026

УДК 373.33

Белчуг В.В.

студент 2 курса РТУ МИРЭА

г. Москва, РФ

Научный руководитель: Кравец О. С.

ассистент кафедры иностранных языков РТУ МИРЭА

г. Москва, РФ

2026 год

**СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

Annotation

The article discusses modern teaching methods used in primary schools. It provides a theoretical analysis of traditional and innovative approaches to organizing the educational process. Special attention is given to the activity-based approach, game technologies, and information and communication methods of teaching. The article substantiates the need for differentiated application of methods, taking into account the age and individual characteristics of students. The conclusion is made that the effectiveness of teaching in primary schools is ensured by the comprehensive use of various methods aimed at developing the cognitive activity and learning motivation of primary school students.

Keywords:

teaching methods, primary school, activity-based approach, game technologies, ICT, cognitive activity, and younger schoolchildren.

Введение

Начальная школа является фундаментом всей системы образования, поскольку именно в этот период формируются базовые учебные умения, навыки и познавательные интересы ребёнка. Выбор методов обучения во многом определяет не только уровень усвоения знаний, но и отношение ученика к

процессу познания в целом. В условиях реализации Федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования (ФГОС НОО) перед педагогами стоит задача не только передачи предметных знаний, но и формирования универсальных учебных действий (УУД), что требует осмысленного и гибкого применения разнообразных методов обучения.

Актуальность темы обусловлена необходимостью переосмысления роли и места традиционных методов обучения в контексте инновационных образовательных подходов, а также усиливающейся цифровизацией образовательного пространства начальной школы.

1. Традиционные методы обучения в начальной школе

Традиционные методы обучения долгое время оставались и продолжают оставаться основой образовательного процесса в начальной школе. К ним относятся словесные, наглядные и практические методы.

Словесные методы (рассказ, объяснение, беседа, лекция) позволяют учителю систематизировано и последовательно излагать учебный материал. В начальной школе особую роль играет беседа — диалогический метод, в ходе которого учитель задаёт вопросы, а учащиеся на основе имеющихся знаний приходят к новым выводам. Этот метод активизирует мышление детей и создаёт условия для развития речи.

Наглядные методы (демонстрация, иллюстрация, наблюдение) соответствуют ведущему типу восприятия младших школьников. Согласно возрастной психологии, дети 6–10 лет воспринимают информацию преимущественно через зрительный канал, поэтому использование таблиц, схем, картин, моделей существенно повышает качество усвоения материала. По данным ряда педагогических исследований, применение наглядности увеличивает запоминаемость учебного материала на 40–60% по сравнению с чисто вербальным изложением.

Практические методы (упражнения, лабораторные работы, практические задания) направлены на формирование умений и навыков через непосредственную деятельность. В начальной школе они реализуются прежде всего через разнообразные учебные упражнения по русскому языку, математике, а также через труд, рисование, конструирование. Практические методы развивают самостоятельность, приучают к точности и аккуратности в работе.

2. Деятельностный подход как методологическая основа современного обучения

ФГОС НОО ориентирован на системно-деятельностный подход, согласно которому ребёнок должен быть не пассивным получателем знаний, а активным субъектом учебной деятельности. Этот подход, разработанный в трудах Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, Д. Б. Эльконина и В. В. Давыдова, предполагает, что знания не «передаются» учителем, а «открываются» самими учениками в ходе специально организованной деятельности [5].

В рамках деятельностного подхода широко применяется технология проблемного обучения (проблемный метод). Суть его заключается в создании учителем проблемных ситуаций, которые побуждают учащихся к поиску решения. При этом в начальной школе проблема должна быть доступна для понимания ребёнка и эмоционально значима для него. Исследования показывают, что проблемное обучение повышает не только качество знаний, но и устойчивость учебной мотивации.

Проектный метод, также базирующийся на деятельностном подходе, позволяет интегрировать знания из различных предметных областей и развивать у младших школьников умение планировать, работать в группе, оценивать результаты своей деятельности. Несмотря на то что в полном объёме метод проектов реализуется преимущественно в основной школе, его адаптированные формы успешно применяются уже с первого класса.

3. Игровые технологии в обучении младших школьников

Игра является ведущей деятельностью дошкольника и сохраняет важное значение на протяжении всего периода начальной школы. Игровые методы обучения органично соответствуют психологическим

особенностям детей этого возраста: их потребности в движении, эмоциональном отклике, непосредственности переживаний.

Дидактические игры — специально созданные или приспособленные для обучения игры — позволяют усваивать знания в увлекательной форме, снижают психологическую нагрузку, создают положительный эмоциональный фон урока. Эффективность игровых методов подтверждается исследованиями: у учащихся, обучение которых систематически включает игровые элементы, выше показатели учебной мотивации и ниже уровень тревожности.

Важно разграничивать игру как метод обучения и игру как форму организации досуга. Дидактическая игра всегда имеет учебную задачу, правила и результат, по которому оценивается её выполнение. К игровым технологиям в начальной школе относятся ролевые игры, игры-соревнования, игры-путешествия, деловые игры в адаптированной форме.

Заключение

Анализ современных методов обучения в начальной школе позволяет сформулировать ряд выводов. Во-первых, ни один метод не является универсальным: эффективность педагогического воздействия обеспечивается продуманным сочетанием различных методов с учётом содержания учебного материала, возрастных и индивидуальных особенностей учащихся, а также конкретной дидактической цели урока.

Список использованной литературы:

1. Асмолов А. Г. Системно-деятельностный подход к разработке стандартов нового поколения // Педагогика. — 2009. — № 4. — С. 18–22.
2. Дидактика средней школы / под ред. М. А. Данилова, М. Н. Скаткина. — М.: Просвещение, 1975. — 303 с.
3. Выготский Л. С. Педагогическая психология. — М.: Педагогика, 1991. — 480 с.
4. Занков Л. В. Обучение и развитие (Экспериментально-педагогическое исследование). — М.: Педагогика, 1975. — 440 с.
5. Эльконин Д. Б. Психология обучения младшего школьника. — М.: Знание, 1974. — 64 с.
6. Роберт И. В. Современные информационные технологии в образовании. — М.: Школа-Пресс, 1994. — 205 с.

© Белчуг В.В., 2026

УДК 372.412

Буковцова М.А.,

студентка 4 курса факультета дошкольного, начального и специального образования педагогического института ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»,
г. Белгород, РФ

ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ ПИСАТЕЛЕЙ КАК СРЕДСТВО НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Аннотация

В статье рассматривается педагогический потенциал эпистолярного наследия русских писателей в контексте духовно-нравственного воспитания учащихся начальной школы. На материале писем А.П. Гайдара к детям, а также с привлечением данных об эпистолярной культуре других классиков (А.А. Фета, А.А. Блока, К.И. Чуковского), обосновывается эффективность использования частной переписки на уроках литературного чтения. Раскрыт механизм воздействия художественно-публицистического

эпистолярного текста на эмоциональную и когнитивную сферы ребенка. Особое внимание уделено системе работы над языковыми средствами выразительности как инструменту формирования нравственных компетенций.

Ключевые слова:

эпистолярное наследие, А.П. Гайдар, нравственное воспитание, младшие школьники, литературное чтение, письмо, автобиографизм, языковая картина мира, коммуникативная компетентность, методика преподавания литературы.

В эпоху цифровизации и клипового мышления эпистолярный жанр уходит из повседневной жизни, вытесняясь обезличенными сообщениями. В этих условиях школьный предмет «Литературное чтение» призван решать задачу формирования духовно-нравственных компетенций, развивая «родственное внимание» к миру и способность к сопереживанию [1, с. 80]. Уникальным дидактическим материалом, незаслуженно обойдённым вниманием методистов, выступает эпистолярное наследие писателей. Письма, адресованные детям, в силу диалогичности, лирической интонации и образной насыщенности способны стать мостом между литературой и личным опытом младшего школьника, эффективно воспитывая нравственное чувство.

Центральное место в проблеме занимает феномен автобиографизма. Как отмечал Г.Ф. Ковалев, биография автора неизбежно накладывает отпечаток на текст, и любое творчество можно рассматривать сквозь призму автобиографических включений [3, с. 48]. Эта мысль особенно справедлива по отношению к эпистолярию, где автобиографический импульс максимален. Для младшего школьника крайне важно выйти за рамки вымысла и ощутить личностный контакт с автором. Письмо перестаёт быть отвлечённым текстом и воспринимается как послание реального человека, что многократно усиливает его воспитательное воздействие. Например, А. Блок, испытывая внутреннюю близость к поэзии А.А. Фета, насыщал свои юношеские послания цитатами из его стихотворений: строки старшего поэта были для него «путеводной звездой» [6, с. 102]. Эта способность письма срастить искусство и жизнь обладает колоссальным педагогическим потенциалом.

Классическим образцом нравственно ориентированного эпистолярия для детей выступает переписка А.П. Гайдара. И.В. Кузина справедливо полагает, что письма писателя к детям А.Я. Трофимовой – это не бытовые записки, а художественные миниатюры с мощным воспитательным зарядом [4, с. 136]. Их эффективность объясняется небольшим объёмом и сказочностью, созвучной психологии ребёнка 8-10 лет. Исследователи фиксируют: дети отмечают, что письма Гайдара похожи на сказки, но в них нет нарочитой фантастики [4, с. 137]. Секрет в мастерстве автора, который, разговаривая с детьми на их языке, использует богатый арсенал тропов: олицетворения, оценочные эпитеты и гиперболы. Через них писатель не только рисует образ прекрасного мира, но и прививает ценностное отношение к действительности. Антитеза и мягкая ирония снимают менторский тон, создавая атмосферу доверительного дружеского разговора [4, с. 138].

Методика работы с письмами Гайдара, опирающаяся на принципы коммуникативной компетентности, предложенные А.В. Курьянович, строится на переходе от эмоционального восприятия к исследовательской деятельности [5]. Первый этап – анкетирование, показывающее, что дети не всегда знают, кому и о чём писать [4, с. 136]. Далее следует чтение и иллюстрирование писем, позволяющее передать эмоциональный отклик в рисунке. Анализ «чужого» текста с выявлением композиционных и лингвистических сигналов, как подчёркивает Курьянович, – необходимый шаг к созданию собственного речевого произведения [5, с. 61]. На материале гайдаровских писем усваивается этическая норма: на письма нужно отвечать. Игровое обращение «злые люди» при долгом молчании наглядно показывает ребёнку важность внимания к адресату.

Ценность представляет и сопоставление текстов разной адресной направленности. Если письма к девочкам насыщены уменьшительно-ласкательной лексикой и игрой, то послания к взрослой А.Я. Трофимовой демонстрируют смену стиля – это вводит понятие адресата как фактора

текстообразования [4, с. 139]. Показателен и опыт нравственного самовоспитания через переписку на «взрослом» уровне. Искренний тон общения К.И. Чуковского и Н.К. Гудзия, их готовность бороться за справедливость и признаваться в ученичестве – «...я Ваш преданный и верный ученик» – служат ярким примером того, как письменное слово может врачевать душу и сохранять «роскошь человеческого общения» [7, с. 209].

Таким образом, системное использование эпистолярного наследия в начальной школе отвечает задачам ФГОС НОО. Письма, благодаря автобиографизму, становятся ключом к личности автора. На материале писем А.П. Гайдара преодолевается страх «чистого листа» и усваивается, что писать можно обо всём, что нас окружает. Анализ художественных приёмов развивает языковое чутьё, а диалоговая природа переписки формирует коммуникативную компетентность в её высшем проявлении – культуре общения и эмпатии.

Список использованной литературы:

1. Беловицкая, С.И. Формирование духовно-нравственных компетенций обучающихся средствами литературного чтения / С.И. Беловицкая, О.С. Литвиненко, С.А. Тлепцеришева. – Текст: непосредственный // Мир науки. Педагогика и психология. – 2021. – № 4. – С. 77-87.
2. Григорьева, Т.И. К проблеме дуализма в лирике Ф.И. Тютчева / Т.И. Григорьева, Т.В. Ковалева. – Текст: непосредственный // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2023. – № 2(99). – С. 108-112.
3. Ковалев, Г.Ф. К пониманию автобиографизма в литературной ономастике / Г.Ф. Ковалев. – Текст: непосредственный // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2018. – № 4(31). – С. 47-57.
4. Кузина, И. В. Эпистолярное наследие А.П. Гайдара на школьном уроке литературы / И. В. Кузина. – Текст: непосредственный // Приволжский научный вестник. – 2013. – № 8-2(24). – С. 136-139.
5. Курьянович, А.В. О роли эпистолярных текстов в развитии коммуникативной компетентности школьников / А.В. Курьянович. – Текст: непосредственный // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. – 2013. – № 2(2). – С. 58-63.
6. Скрипкина, В.А. Фет в эпистолярном наследии А. Блока 1890-1900-х годов / В. А. Скрипкина. – Текст: непосредственный // Литературоведческий журнал. – 2011. – № 30. – С. 101-109.
7. Фролов, М.А. «Я ваш преданный и верный ученик...» (Из переписки Корнея Чуковского и Николая Гудзия. 1943-1963) / М. А. Фролов. – Текст: непосредственный // Литературоведческий журнал. – 2024. – № 64. – С. 197-220.

© Буковцова М.А., 2026

УДК 377

Гривкова Л.В.

преподаватель ПЦК «Хореографическое творчество»

ГАПОУ «РМК им. Г. И А. Пироговых»

Клименко Н.А.

к. философ.н., доцент

ТОГБОУ ВО «Тамбовский государственный музыкально-педагогический

институт им. С.В. Рахманинова»

КЛАСС-КОНЦЕРТ КАК МОТИВАЦИЯ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА СТУДЕНТОВ УЧЕБНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ СРЕДНЕГО ЗВЕНА

Аннотация

Статья посвящена изучению класс-концерта как средства повышения мотивации студентов-

хореографов учебных учреждений среднего звена. Обосновывается роль этой формы в превращении «рутинного» обучения в осознанную творческую деятельность. В работе представлен системный анализ методики создания класс-концерта: от подбора музыки до организации сценического пространства. Особое внимание уделяется возможности самореализации студентов в жанре балетного искусства и регуляции их интереса к занятиям через подготовку к публичному выступлению. Изложенные позиции помогут расширить профессиональный инструментарий педагогов-хореографов и руководителей творческих коллективов.

Ключевые слова:

мотивация, класс-концерт, студенты, учебные занятия, профессиональное обучение.

Grivkova L.V.

Teacher of the Department of Choreographic Creativity
GAPOU «RMC named after G. and A. Pirogov»

Klimenko N.A.

Candidate of Philosophy, Associate Professor
Tambov State Music and Pedagogical Institute named after S.V. Rakhmaninov

CLASS-CONCERT AS A MOTIVATION FOR STUDENTS OF SECONDARY SCHOOLS

Abstract

The article is devoted to the study of a class concert as a means of increasing the motivation of students-choreographers in secondary educational institutions. The role of this form in transforming «routine» learning into conscious creative activity is substantiated. The article presents a systematic analysis of the methodology for creating a class concert, from the selection of music to the organization of the stage space. Special attention is paid to the possibility of self-realization of students in the genre of ballet art and the regulation of their interest in classes through preparation for public performances. The presented positions will help to expand the professional toolkit of choreographers and heads of creative groups.

Keywords:

motivation, class concert, students, academic classes, vocational training.

Тенденции современного общества определяют стратегическое направление детского образования и воспитания, не только академической сферы, но и направления любительского художественного творчества. В этом контексте, хореографическая направленность, выступает, как наиболее востребованной. Отечественное хореографическое пространство наполнено многочисленными творческими коллективами разновозрастных групп, начиная от детей дошкольного возраста и, заканчивая юношеским. Такое количество творческих объединений, требует квалифицированных и хорошо образованных руководителей и педагогов-хореографов. В этом отношении, учебные учреждения среднего звена, являются востребованными кадрами, возможными для обеспечения эффективного учебно-творческого процесса хореографических коллективов любительской сферы. Современная образовательная школа танца, находится на стадии динамического обновления, постоянно происходит совершенствование содержания, организационных форм, а также инновационных технологий обучения. Но, не смотря на это, педагоги-хореографы часто сталкиваются с недостаточным желанием осваивать методику исполнительской хореографической практики, что не должным образом может сказаться на достижениях того высокохудожественного уровня, которое требует современный зритель. Причин такому обстоятельству достаточно много: это и «плоды» семейного воспитания, это и нереализованные потребности, увлечение современными технологическими средствами общения и досуга, которые

формируют привычку получать нужную информацию быстро и без затраты собственных сил и энергии. В этом контексте, долгосрочные хореографические занятия, зачастую, для студентов являются «работой» утомительной и мало значимой. Изменение такой ситуации, на наш взгляд, заключается в формировании факторов, влияющих на регулирование заинтересованности и активности личности, которой является мотивация, особенно учащихся учебных учреждений среднего звена.

Мотивирующий фактор является актуальным в любой деятельности человека и на каждом этапе развития общества. Современное время не является исключением. Ведь лишь мотивированная личность способна добиваться поставленных перед ней целей и достичь апогея в профессиональном освоении выбранной сферы деятельности.

Проблеме мотивации подрастающего поколения к учебным, творческим, и иным занятиям, уделяется серьезное внимание государством и обществом. Так за последние годы в России создано большое количество целевых программ посвященных образованию и воспитанию детей и юношества, например, такие как: Федеральная целевая программа «Программа развития образования РФ на 2016-2020 г.»; «Национальная доктрина образования в РФ до 2025 г.»; «Концепции модернизации Российского образования на период до 2020 г.» и др.

Значительное внимание уделяется проблеме художественного образования, неотъемлемой частью которого является и хореографическое, в частности «Развитие дополнительного образования детей в Российской Федерации до 2020 года».

Мотивация всегда была предметом, к которой обращались и обращаются сегодня, ученые и практики различных наук – психологии, педагогики, художественного образования и др.

Так теоретические вопросы структуры и развития мотивационной сферы личности, анализ природы мотивов широко рассматриваются в исследованиях психологов: В.Г. Асеева, Л.И. Божович, В.К. Вилюнаса, А.Н. Леонтьева, В.Э. Мильмана, А.Б. Орлова, С.Л. Рубинштейна, и других.

В трудах по педагогике разработаны общепедагогические положения формирования мотивации, как неотъемлемого компонента развития личноститакими авторами, как: М.А. Даниловой, А.С. Макаренко, М.М. Пистрак, Е.П. Ильиным, А.К. Марковой и др.

В балетной педагогике проблемы мотивации частично отражены в работах: А.Я. Вагановой, Н.И. Тарасова, Р.В. Захарова, И.В. Смирнова, В.Ю. Никитина, В.Ф. Матвеева и др.

Однако, несмотря на столь значительный научный интерес, проблема развития мотивации как основы эффективности профессионального обучения, нами выявлено не было, что подтверждает актуальность темы.

Нам представляется важным рассмотреть понятия «мотив и мотивация». «МОТИВ – это побудительная причина, повод к какому-нибудь действию» [6, с. 366]. «МОТИВАЦИЯ (от лат. movere) побуждение к действию: психофизиологический процесс, управляющий поведением человека, задающий его направленность, организацию, активность и устойчивость; способность человека деятельно удовлетворять свои потребности» [1, с. 312].

Мотивация имеет внешние и внутренние контуры проявления. Внешняя мотивация зависит от внешних факторов и их (внешних факторов) воздействия на человека. В ее основе лежат: желание избежать проблемных ситуаций, возможность получения признания за заслуги и иные стимулы, оказывающие влияние на поведение, действия и поступки человека. Внутренняя мотивация напрямую связана с самим процессом деятельности, не зависит от внешних обстоятельств и формируется в самом человеке. Это личные устремления, интересы, самостоятельный, внутренний контроль, когда напряжение и трудности сопровождаются удовлетворенностью от проделанной работы, воодушевлением и удовольствием от процесса деятельности.

Мотивация, относительно учебного процесса, в широком смысле этого слова, а также учебного процесса в более узком значении, в нашем случае, хореографической направленности, на наш взгляд, в

большей степени носит черты внутреннего проявления. Хотя, надо отметить, что и внешняя мотивация, оказывает достаточно сильное влияние на внутренние процессы человека: комфортная коммуникативная среда, помощь и поддержка педагога и сокурсников, все это формирует факторы внешней мотивации.

В мотивации к занятиям хореографией немаловажную роль играет интерес, который формируется на хореографических занятиях (уроке).

Уроком принято называть время для обучения. Слово «урок» означает «давать задание, выполнять работу». М.Н. Снаткин в своем труде «Дидактика средней школы» дает следующее определение: «...урок – это педагогическое произведение, и поэтому он должен отличаться целостностью, внутренней взаимосвязанностью частей, единой логикой развертывания деятельности учителя и учащихся» [2, с. 227]. Согласно концепции, М.И. Махмутова: «...урок – это динамичная и вариативная форма организации процесса целенаправленного взаимодействия учителя и учащихся, включающая содержание, формы, методы, средства обучения и систематически применяемая для решения, развития и воспитания в процессе обучения» [2, с. 227].

Занятия или урок, включают несколько целей: обучение, развитие, формирование навыков воспитание и ряд иных. Урок играет ведущую роль в развитии и формировании личности. В педагогической литературе до сих пор нет единой классификации типов уроков. Но в зависимости от задач в хореографическом классе можно выделить примерные (следующие) типы хореографических занятий: учебные, постановочные, репетиционные, контрольные, демонстрационные, в том числе и класс-концерт.

Практика показывает, что хореографические занятия в формате класс-концерта, является одними из главных мотивационных действий учебного процесса хореографического класса учебного заведения среднего звена.

Границы дефиниции класс-концерта значительно размыты. Основным определением принято считать класс-концерт как художественное произведение. В то же время, данная форма устойчиво начала присутствовать в сценических показах хореографических образовательных учреждений с достаточно раннего периода их существования как форма демонстрации исполнительского потенциала своих воспитанников, особенно выпускных классов. Формирование практики класс-концертов осуществлялось в тесной взаимосвязи с процессом обучения различным танцевальным системам, таким как классический танец, характерный, дуэтно-классический, исторический (бальный, ныне историко-бытовой) и др. Традиции открытого (контрольного, экзаменационного, показательного и др.) урока в хореографической сфере как профессионального, так и художественно-эстетического образования и воспитания существовали всегда, достаточно активно, они (класс-концерты) востребованы и сегодня [3, 38].

Класс-концерт, в этом смысле, отличается от классического понимания всех иных сценических форм и, до сегодняшнего времени, не является объектом теоретического осмысления. В теоретической хореографической базе нет точного определения термину «класс-концерт», не рассмотрена классификационная база, функции, структурно-содержательная и другие основы. «Публичное исполнение <...> произведений и <...> номеров по определенной программе (франц. concert, итал. concerto, букв. – согласие, от лат. concerto – состязаясь)» [5, с. 638]. То есть, в контексте хореографического искусства, это – публичное выступление с программой отдельных танцевальных номеров, в том числе и миниатюрных, сюитных и иных форм. Термин «класс» имеет достаточно широкое энциклопедическое представление. В обобщенном представлении данного термина, можно остановиться на следующем, который определяет «класс», в следующей конфигурации: «Большая, относительно устойчивая группа людей, объединенная общностью людей...». В этом же представлении раскрывается термин «класс» который раскрывается таким образом: «...школе (обычно художественной) подразделение учащихся, занимающихся у <...> преподавателя...» [5, с. 598]. Соответственно, представление термина «класс», в отношении образовательной среды, – это аудитория, где осуществляется учебная деятельность. В сфере хореографического искусства и творчества, класс обозначается и как аудитория для занятий –

«хореографический класс», так и комплекс упражнений, выполняемых на занятиях: «тренажный класс», «класс подготовки», «класс усовершенствования» и др. Исходя, из выше представленных аргументов, условно, можно сформировать определение классу-концерту, как произведению особой структуры построения учебного материала в художественном осмыслении и оформлении, представленного для демонстрации на сценических площадках.

Надо отметить, что практиковать такую форму сценического действия, где представлялась отчетность хореографического учебного процесса в творческом осмыслении, достаточно часто стали применять со второй половины XX века. Со сцены высокого профессионального искусства данный формат был перенесен в практику любительского хореографического искусства. И в большей степени это относится к учебным заведениям, а вот хореографическая образовательная сфера, прибегает к сценической форме класс-концерта крайне редко, хотя здесь имеются значительные возможности для показа исполнительских навыков и умений зрительской аудитории, особенно на старших курсах. Но, главное, на наш взгляд, участие в подготовке и сценической демонстрации класс-концерта создает условия самореализации студента на сценической площадке, в жанре балетного искусства, в нашем случае, классического танца, что осуществляется крайне редко. Это объясняется многими причинами, одной из которых, на наш взгляд, особый подход к построению хореографических занятий в сценической форме – класс-концерта, выбору музыкального материала, будет он (музыкальный материал) целостным произведением или состоять из разрозненных отрывков и частей, включение в вариационное построение танцевального материала движений высокого уровня сложности и мн.др., что создает определенные трудности. Но, желание участия в таком художественном действии, формирует мотивацию и к «простым» занятиям.

Методика создания класс-концерта идентична общей сочинительской практике любого балетмейстерского действия. Но, важно учитывать несколько важных моментов.

1. Выбор музыкального материала:

- живое звучание инструмента (фортепиано, скрипка, камерный состав и т.д.) или аудио-запись;
- целостное художественное произведение композитора, компиляция отдельных частей из произведений одного и того же композитора или компиляция отдельных частей из произведений разных авторов;

- компиляция с соблюдением единой тональности, темпо-ритмического рисунка, характера и т.д.

2. Структура движений, составляющих класс-концерт:

- традиционная, содержащая все упражнения, входящие в учебный класс;
- выборочная, зависящая от музыкального материала, метроритмическая структура которого, не позволяет включать танцевальные движения, диссонирующие с данной позицией;
- синкретическая, дающая возможность соединения движений, схожих по характеру, темпу и иным свойствам исполнения;
- оригинальная, включающая подход авторского художественного прочтения и др.

3. Формат композиционного построения движений:

- академический, включающий традиционные упражнения экзерсиса классического танца, с опорой на балетный станок;
- имитационный, когда облик балетного станка создается композиционными построениями, но с сохранением традиционной структуры упражнений у палки;
- оригинальный, включающий только авторский подход;
- копированный, то есть существующий уже в информационном пространстве и полностью заимствованный у создателя;
- синтез классического и оригинального, с использованием всего спектра сценических возможностей и др.

4. Гендерный состав:

- женский класс;
- мужской класс;
- смешанный класс.

5. Местоположение балетного станка на сценической площадке:

- фронтальное (хореографический станок располагается по линии третьей или второй кулис сцены);
- колонное (хореографический станок находится в рисунке от центра задника сцены, до центра авансцены);
- диагональное или двух диагональное, (хореографический станок имеет направление от правой верхней кулисы до левой нижней кулисы, а при диагональном, необходимы два станка опоры, которые могут быть распределяться от центра задника по направлению к нижним – правой и левой кулисам.

Каким бы не был процесс создания класс-концерта, важно помнить о том, что это художественное произведение, соответственно, содержанием которого должно быть «...идейно-эмоциональная, чувственно-образная сфера значения и смысла, адекватно воплощенная в художественной форме и обладающая социально-эстетической ценностью» [4, с. 151].

Возможность участия студента в сценической практике, в форме класс-концерта, мотивирует к более продуктивной учебной деятельности, посредством повышения самооценки, своих возможностей, качеств и значимого собственного места среди других студентов. Самооценка сказывается и на выстраивании эмоциональной коммуникативной сферы, то есть взаимоотношений с педагогом(ми), сокурсниками и иными окружающими его (студента) людьми, тем самым формируя требовательность к себе, ответственность к порученному делу и мн.др., что оказывает влияние и на эффективность деятельности и дальнейшее личностное развитие.

Таким образом, вышеизложенный материал формирует определенные тезисы.

1. Класс-концерт является благодатным полем для демонстрации, как оригинальной сценической формы, так и исполнительского мастерства хореографических коллективов.

2. Особую значимость формат класс-концерта привлекателен для студентов хореографической направленности среднего звена, так как является хорошей возможностью продемонстрировать свое исполнительское мастерство в жанре балетного искусства на сцене.

3. Участие в творческом процессе по созданию, подготовке и демонстрации на сценической площадке, создает условия регуляции мотивационного процесса, не только при подготовке к класс-концерту, но и более осмысленным, заинтересованным занятиям в формате учебного процесса.

4. Знания специфических особенностей по методике сочинительского процесса, предоставляют возможность показать творческий потенциал, как постановщика (педагога, хореографа), так и студента.

Изложенные позиции, на наш взгляд, позволяют расширить теоретический багаж знаний и воспользоваться методическими рекомендациями хореографам, как образовательных учреждений всех сфер и уровней, так и специалистам любительского хореографического искусства и творчества.

Список использованной и литературы:

1. Большой психологический словарь / сост. и общ.ред. Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. – 4-е изд., расшир. – Москва: АСТ; Санкт-Петербург: Прайм-Еврознак, 2009. – 811 с. – (Психология – лучшее) – С. 312.
2. Дидактика средней школы: некоторые проблемы современной дидактики: учеб. Пособие для студентов пед. ин-тов / под ред. М.Н. Снаткина. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Просвещение, 1982. – 319 с. – С. 227.
3. Клименко, Н.А. Наукосфера. №12 (1), 2022 Педагогические науки ISSN 2542-0402 137 <http://naukosfera.ru> – С. 38.
4. Краткий словарь по эстетике: Кн. для учителя / под ред. М.Ф. Овсянникова. – М.: Просвещение, 1983. – 223 с. – С. 151.
5. Новый энциклопедический словарь. М.: РИПОЛ классик, 2014. – 1568 с. – (Библиотека энциклопедических словарей). – С. 638.

6. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведов. – 4-е изд., доп. – Москва: А Темп, 2006. – 944 с. – С. 366.

© Гривкова Л.В., Клименко Н.А., 2026

УДК 373.24

Евтенко Н.В.

учитель – дефектолог МАДОУ № 1
Краснодарский край, ст. Ленинградская, РФ

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПОСТРОЕНИЯ ПАРТНЁРСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ «ПЕДАГОГ – РЕБЁНОК»

Аннотация

В статье рассматриваются современные педагогические технологии, направленные на формирование партнёрских взаимоотношений между педагогом и ребёнком в условиях дошкольного образования. Раскрывается сущность понятия «партнёрство», анализируются ключевые принципы и условия его реализации, а также представлены эффективные технологии: технология сотрудничества, проектная деятельность, игровые и цифровые образовательные технологии. Обосновывается значимость гуманистического подхода и субъект-субъектного взаимодействия как основы развития личности ребёнка.

Ключевые слова:

партнёрские отношения, педагог и ребёнок, технология сотрудничества, дошкольное образование, субъект-субъектное взаимодействие, образовательные технологии.

Современная система образования ориентирована на гуманизацию педагогического процесса и признание ребёнка активным субъектом образовательной деятельности. В этой связи особую актуальность приобретает проблема построения партнёрских взаимоотношений между педагогом и ребёнком, основанных на доверии, уважении и сотрудничестве.

Партнёрство в педагогике рассматривается как форма взаимодействия, предполагающая равноправие участников образовательного процесса, совместное целеполагание и ответственность за результат. Такой подход соответствует требованиям Федеральных государственных образовательных стандартов дошкольного образования и отражает переход от авторитарной модели обучения к личностно-ориентированной. Партнёрские отношения в системе «педагог – ребёнок» базируются на следующих принципах: признание ценности личности ребёнка, уважение его мнения и инициативы, добровольность участия в деятельности, эмоционально-положительное взаимодействие, совместное принятие решений.

Сущность партнёрства заключается в организации субъект-субъектного взаимодействия, при котором педагог выступает не только источником знаний, но и фасилитатором, помощником и соучастником образовательного процесса.

Исследования показывают, что при грамотно выстроенной педагогической работе формирование партнёрских взаимоотношений способствует развитию коммуникативных навыков, социальной компетентности и эмоциональной устойчивости детей.

Современные технологии построения партнёрства

1. Технология сотрудничества. Технология сотрудничества является базовой для формирования партнёрских отношений. Она предполагает: организацию совместной деятельности педагога и детей, равноправное участие всех субъектов, ориентацию на процесс взаимодействия.

В рамках данной технологии педагог и ребёнок совместно создают образовательную среду,

участвуют в творческой деятельности, играх и проектах.

2. *Проектная деятельность.* Проектная технология позволяет выстраивать взаимодействие на основе общей цели. Основные характеристики: совместное планирование и реализация деятельности, распределение ролей, ориентация на практический результат. Проектная деятельность способствует формированию инициативности, ответственности и навыков сотрудничества.

3. *Игровые технологии.* Игра выступает ведущим видом деятельности дошкольника и эффективным средством установления партнёрских отношений.

Педагог в игровой деятельности: принимает на себя равноправную роль, поддерживает инициативу ребёнка, создаёт условия для самовыражения.

Игровое взаимодействие способствует развитию доверия и эмоциональной близости.

4. *Цифровые и интерактивные технологии.* Современные цифровые технологии (интерактивные платформы, образовательные приложения, элементы дополненной реальности) расширяют возможности взаимодействия.

Исследования показывают, что использование инновационных технологий, включая смешанную реальность, способствует развитию навыков сотрудничества и социальной коммуникации у детей.

5. *Технология индивидуализации обучения.* Индивидуализация предполагает учет особенностей каждого ребёнка, его интересов и уровня развития. Реализация технологии включает: выбор индивидуальных образовательных маршрутов, гибкость методов обучения, поддержку инициативы ребёнка.

Современные технологии построения партнёрских взаимоотношений «педагог – ребёнок» являются важным условием реализации личностно-ориентированного подхода в образовании. Их применение обеспечивает развитие субъектной позиции ребёнка, формирование коммуникативных и социальных компетенций, а также повышение качества образовательного процесса.

Таким образом, переход к партнёрской модели взаимодействия является необходимым условием модернизации дошкольного образования и соответствует современным требованиям педагогической науки и практики.

Список использованной литературы:

1. Темирчева С. Н. Развитие партнёрских взаимоотношений детей в компенсирующей группе детского сада // Молодой ученый. — 2024
2. Каракулова Е. В., Бездетко С. Н., Конева Н. А. Эффективные формы взаимодействия педагогов и семьи ребенка с ОВЗ // Современные наукоемкие технологии. — 2024.
3. Петровский А. М., Абрамов О. Н., Ваганова О. И. Технологии социального партнерства в образовании // Науки об образовании. — 2019.

© Евтенко Н.В., 2026

УДК 378.147

Кугелев А. С., студент 2 курса бакалавриата

Научный руководитель: Кравец О.С., ассистент

ФГБОУ ВО «МИРЭА — Российский технологический университет» (РТУ МИРЭА)

г. Москва, Россия

ЦИФРОВАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ УЧЕБНОЙ МОТИВАЦИИ СТУДЕНТОВ

Аннотация

В статье рассматривается влияние цифровой образовательной среды на формирование учебной

мотивации студентов. Раскрываются педагогические возможности электронных ресурсов, интерактивных заданий, проектной работы и обратной связи. Обосновывается необходимость сочетания цифровых инструментов с деятельностным подходом и личностно ориентированным обучением.

Ключевые слова:

цифровая образовательная среда, учебная мотивация, высшее образование, педагогические технологии, самостоятельная работа, обратная связь.

Введение

Современное высшее образование развивается в условиях активного внедрения цифровых технологий. Электронные образовательные платформы, онлайн-курсы, интерактивные задания, цифровые библиотеки и средства дистанционного взаимодействия стали частью учебного процесса. Однако само наличие технических средств не гарантирует повышения качества обучения. Для педагогики важен вопрос о том, каким образом цифровая образовательная среда влияет на учебную мотивацию студентов и какие методические условия делают это влияние положительным.

Учебная мотивация является одним из ключевых факторов успешности образовательной деятельности. Студент может иметь доступ к учебным материалам, заданиям и консультациям, но при отсутствии внутренней заинтересованности его образовательные результаты остаются ограниченными. Поэтому задача преподавателя состоит не только в передаче содержания дисциплины, но и в создании условий, при которых студент понимает смысл изучаемого материала, видит практическую ценность заданий и принимает активное участие в учебной работе.

Актуальность темы связана с тем, что цифровая среда постепенно меняет характер взаимодействия между преподавателем и студентом. Обучение становится более гибким, индивидуализированным и открытым, но одновременно возрастает риск формального выполнения заданий, информационной перегрузки и снижения живого педагогического общения. В связи с этим необходимо рассматривать цифровые инструменты не как замену преподавателя, а как средство педагогически организованной деятельности.

1. Педагогическая сущность учебной мотивации студентов

В педагогической науке учебная мотивация понимается как совокупность внутренних и внешних побуждений, определяющих отношение обучающегося к учебной деятельности. Она проявляется в интересе к предмету, стремлении к достижению результата, готовности преодолевать трудности, самостоятельности и ответственности за собственное обучение. В работах Л. С. Выготского и А. Н. Леонтьева подчёркивается, что развитие личности связано с активной деятельностью, в которой обучающийся не просто воспринимает информацию, а осваивает способы действия [1; 2].

Для студентов мотивация имеет особое значение, поскольку обучение в вузе предполагает большую долю самостоятельной работы. Если в школе учебная деятельность во многом регулируется внешним контролем, то в высшем образовании студент должен уметь планировать время, выбирать источники информации, анализировать материал и оценивать собственные результаты. Именно поэтому педагогическая организация самостоятельной работы становится важным условием формирования устойчивой мотивации.

Можно выделить несколько групп мотивов, характерных для студентов. Познавательные мотивы связаны с интересом к содержанию дисциплины и стремлением получить новые знания. Профессиональные мотивы выражаются в понимании связи учебного материала с будущей специальностью. Социальные мотивы включают потребность в признании, общении и успешном взаимодействии с другими участниками образовательного процесса. Внешние мотивы могут быть связаны с оценкой, зачётом или требованием учебного плана. Задача преподавателя состоит в том, чтобы внешние стимулы постепенно переходили во внутреннюю заинтересованность студента.

2. Возможности цифровой образовательной среды

Цифровая образовательная среда представляет собой совокупность электронных ресурсов, технических средств, программных платформ и организационно-методических решений, обеспечивающих учебное взаимодействие. Её педагогический потенциал заключается в том, что студент получает доступ к материалам в удобное время, может возвращаться к сложным темам, выполнять задания в индивидуальном темпе и получать обратную связь.

Одним из важных преимуществ цифровой среды является наглядность. Мультимедийные материалы, схемы, видеолекции, интерактивные модели и тренажёры позволяют представить учебную информацию в разных формах. Это особенно значимо для студентов, которым недостаточно только текстового объяснения. При грамотном использовании цифровая наглядность помогает сделать сложное содержание более понятным и снижает барьер входа в новую тему.

Второе преимущество связано с организацией самостоятельной работы. Электронный курс может содержать план изучения темы, методические рекомендации, задания для самопроверки, тесты, дополнительные источники и критерии оценивания. Такая структура делает учебный процесс более прозрачным. Студент понимает, что именно от него требуется, в какие сроки необходимо выполнить работу и по каким параметрам будет оцениваться результат.

Третье направление связано с коммуникацией. Форумы, чаты, видеоконференции и системы комментариев позволяют поддерживать связь между преподавателем и студентами вне аудиторного занятия. Это расширяет возможности консультационной помощи и делает обучение более непрерывным. Однако цифровая коммуникация должна иметь ясные правила: сроки ответа, формат вопросов, требования к оформлению работ и нормы академического общения.

3. Методические условия формирования мотивации в цифровой среде

Цифровые технологии оказывают положительное влияние на мотивацию только при наличии продуманной методики. Если электронная платформа используется лишь как место для размещения файлов, её педагогический эффект ограничен. В этом случае студент воспринимает цифровую среду как формальное хранилище материалов, а не как пространство активной учебной деятельности.

Первым методическим условием является связь заданий с будущей профессиональной деятельностью. Для студентов важно понимать, зачем изучается конкретная тема и где полученные знания могут быть применены. Например, задания могут строиться на анализе практических ситуаций, мини-проектов, кейсов, профессиональных задач и проблемных вопросов. Контекстный подход, описанный А. А. Вербицким, позволяет приблизить учебную деятельность к реальным профессиональным ситуациям [5].

Вторым условием является активное включение студентов в учебный процесс. Это может быть реализовано через проектные задания, работу в малых группах, обсуждение результатов, взаимную оценку и подготовку цифровых материалов. Активные методы обучения способствуют тому, что студент становится не пассивным потребителем информации, а участником образовательного процесса. В такой ситуации повышается личная ответственность за результат и формируется более осознанное отношение к обучению.

Третьим условием является регулярная обратная связь. В цифровой среде она может быть автоматической, когда студент сразу видит результат теста, и содержательной, когда преподаватель комментирует выполненную работу. Для мотивации особенно важна не только итоговая оценка, но и объяснение сильных сторон работы, указание на ошибки и рекомендации по улучшению. Такая обратная связь помогает студенту видеть динамику собственного продвижения.

Четвёртым условием является разумная дозировка цифровой нагрузки. Избыточное количество платформ, ссылок, файлов и заданий может привести к усталости и снижению интереса. Поэтому электронный курс должен быть логично структурирован: темы, задания, сроки и критерии должны

располагаться последовательно и понятно. Чем меньше организационной неопределённости, тем больше внимания студент может уделить содержанию обучения.

4. Риски и ограничения цифрового обучения

Несмотря на значительные возможности, цифровая образовательная среда имеет ряд ограничений. Первый риск связан с формализацией учебной деятельности. Студент может выполнять тесты и задания механически, ориентируясь только на получение баллов. В этом случае цифровая система фиксирует активность, но не всегда отражает глубину понимания материала. Поэтому контроль должен включать не только тестовые задания, но и открытые вопросы, анализ ситуаций, практические работы и устную защиту результатов.

Второй риск связан с недостатком непосредственного общения. Образование является не только передачей информации, но и педагогическим взаимодействием, в котором важны интонация, обсуждение, поддержка, личный пример преподавателя и атмосфера учебной группы. Полностью заменить эти элементы цифровыми средствами невозможно. Поэтому наиболее обоснованным является смешанное обучение, где цифровые инструменты дополняют аудиторную работу.

Третий риск связан с различиями в уровне цифровой грамотности студентов. Не все обучающиеся одинаково уверенно работают с электронными платформами, редакторами, сервисами для совместной работы и поисковыми системами. Если преподаватель не учитывает эти различия, часть студентов может испытывать трудности не из-за содержания дисциплины, а из-за технической стороны выполнения заданий. Поэтому важно давать понятные инструкции и предусматривать время на освоение используемых сервисов.

Четвёртый риск заключается в информационной перегрузке. Большой объём электронных материалов не всегда означает высокое качество обучения. Педагогическая ценность цифрового курса определяется не количеством файлов, а тем, насколько материалы связаны с целями дисциплины, заданиями и результатами обучения. Преподаватель должен отбирать ресурсы, объяснять их назначение и выстраивать последовательность работы с ними.

5. Практические направления применения цифровых инструментов

Для формирования учебной мотивации студентов целесообразно использовать цифровую среду в нескольких направлениях. Во-первых, электронный курс может выступать как навигационная основа дисциплины. В нём размещаются рабочая программа, календарный план, темы занятий, критерии оценивания, материалы и задания. Такая организация снижает неопределённость и помогает студенту самостоятельно планировать учебную работу.

Во-вторых, цифровые инструменты могут использоваться для проблемного и проектного обучения. Студенты могут готовить презентации, аналитические записки, инфографику, отчёты, мини-исследования и групповые проекты. При этом важно, чтобы результат имел понятную цель и был связан с содержанием дисциплины. Проектная деятельность развивает самостоятельность, коммуникацию и способность применять знания на практике [6].

В-третьих, цифровая среда подходит для текущего контроля и самоконтроля. Тесты, тренировочные задания, чек-листы и электронные формы позволяют студенту своевременно выявлять пробелы в знаниях. Однако контроль не должен превращаться только в систему баллов. Его задача состоит в том, чтобы помогать студенту осознавать собственные ошибки и корректировать дальнейшую работу.

В-четвёртых, цифровые средства позволяют индивидуализировать обучение. Студент может получать дополнительные материалы по сложным темам, выполнять задания разного уровня, работать с рекомендованными источниками и возвращаться к материалам после занятия. Такая гибкость особенно важна для высшего образования, где уровень подготовки студентов в одной группе может различаться.

Заключение

Таким образом, цифровая образовательная среда может выступать значимым фактором

формирования учебной мотивации студентов, если она используется педагогически обоснованно. Её эффективность определяется не количеством применяемых сервисов, а тем, насколько цифровые инструменты помогают студенту понимать цель обучения, видеть практическую значимость материала, получать обратную связь и участвовать в активной учебной деятельности.

Формирование мотивации в цифровой среде требует сочетания технологических и педагогических решений. Необходимо связывать задания с профессиональным контекстом, использовать активные методы обучения, обеспечивать регулярную обратную связь, поддерживать понятную структуру электронного курса и учитывать уровень цифровой подготовки студентов. При таком подходе цифровая среда становится не формальным дополнением к учебному процессу, а инструментом повышения самостоятельности, ответственности и познавательной активности обучающихся.

Перспективы дальнейшего изучения данной темы связаны с анализом конкретных методик организации цифрового обучения в вузе, сравнением эффективности аудиторных, дистанционных и смешанных форм, а также разработкой критериев оценки влияния цифровой среды на учебную мотивацию студентов.

Список использованной литературы:

1. Выготский Л. С. Мышление и речь. — М.: Лабиринт, 1999. — 352 с.
2. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. — М.: Политиздат, 1975. — 304 с.
3. Бабанский Ю. К. Оптимизация процесса обучения. — М.: Педагогика, 1977. — 254 с.
4. Зимняя И. А. Педагогическая психология. — М.: Логос, 2004. — 384 с.
5. Вербицкий А.А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход. — М.: Высшая школа, 1991. — 207 с.
6. Полат Е.С. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования. — М.: Академия, 2002. — 272 с.
7. Роберт И.В. Теория и методика информатизации образования (психолого-педагогический и технологический аспекты). — М.: ИИО РАО, 2010. — 356 с.

© Кугелев А.С., 2026

УДК 373.24

Кукса О.А.

учитель – логопед МАДОУ № 1
Краснодарский край, ст. Ленинградская, РФ

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ ОБУЧЕНИЕ ГРАМОТЕ

Аннотация

В статье рассматриваются основные аспекты подготовки детей дошкольного возраста к обучению грамоте. Раскрывается значение речевого развития как основы успешного овладения навыками чтения и письма. Особое внимание уделяется формированию фонематического слуха, развитию звуковой культуры речи, мелкой моторики и познавательных процессов. Представлены практические методы и приемы, способствующие эффективной подготовке дошкольников к обучению грамоте в условиях дошкольной образовательной организации и семьи.

Ключевые слова:

обучение грамоте, дошкольный возраст, речевое развитие, фонематический слух, звуковая культура речи, подготовка к школе, мелкая моторика, развитие речи.

Обучение грамоте начинается прежде всего с развития устной речи ребенка. Чем богаче словарный запас дошкольника, тем легче ему овладевать навыками чтения и письма. Ребенок должен уметь правильно произносить звуки, строить предложения, пересказывать тексты, отвечать на вопросы и выражать собственные мысли.

Одним из важнейших компонентов подготовки к грамоте является формирование фонематического слуха. Фонематический слух — это способность различать и узнавать звуки речи. Недостаточное развитие данного навыка может приводить к трудностям при обучении чтению и письму, а также к появлению дисграфии и дислексии. Работа по развитию фонематического слуха начинается с умения ребенка вслушиваться в окружающие звуки. Воспитатели и родители могут предлагать детям игровые упражнения: определить источник звука, различить громкие и тихие звуки, узнать голос животного или музыкального инструмента. Постепенно внимание ребенка переводится на звуки речи. Особую роль играют упражнения на выделение звука в слове. Дети учатся определять первый и последний звук, находить слова на заданный звук, делить слова на слоги. Подобные задания развивают слуховое внимание и помогают подготовить ребенка к звуковому анализу слов.

Важным условием успешного обучения грамоте является правильное звукопроизношение. Если ребенок искажает или заменяет звуки, ему будет трудно соотносить звук и букву при чтении и письме. Поэтому при наличии нарушений звукопроизношения необходима своевременная помощь учителя-логопеда.

Большое значение в подготовке к обучению грамоте имеет развитие мелкой моторики. Движения пальцев тесно связаны с развитием речи и деятельностью головного мозга. Развитие координации движений рук способствует подготовке кисти к письму и одновременно стимулирует речевые зоны мозга. Для развития мелкой моторики используются: пальчиковые игры, лепка, рисование, штриховка, застегивание пуговиц, работа с мозаикой и конструктором, упражнения с прищепками и шнуровкой.

Особое место в обучении грамоте занимает формирование интереса к книге и чтению. Ребенок должен воспринимать книгу как источник новых знаний и положительных эмоций. Совместное чтение художественной литературы способствует развитию речи, внимания, памяти и воображения.

Во время чтения взрослому важно обращать внимание ребенка на содержание текста, задавать вопросы, обсуждать поступки героев, предлагать пересказать услышанное. Такие формы работы развивают связную речь и формируют навыки понимания текста.

Одним из условий успешной подготовки к грамоте является создание развивающей речевой среды. В группе детского сада и дома должны присутствовать книги, иллюстрации, настольно-печатные игры, азбуки, карточки со словами и буквами. Речевая среда стимулирует познавательный интерес и способствует естественному развитию речевых навыков. Современные педагоги активно используют игровые технологии при подготовке детей к обучению грамоте. Именно игра является ведущей деятельностью дошкольника, поэтому обучение в игровой форме проходит наиболее эффективно. Используются дидактические игры, речевые упражнения, театрализованная деятельность, элементы логоритмики. Например, игра «Назови первый звук» помогает ребенку учиться выделять звук в слове, а игра «Собери слово» способствует развитию навыков звукового анализа. Театрализованные игры развивают выразительность речи и коммуникативные способности.

Важную роль в подготовке ребенка к грамоте играет взаимодействие педагогов и родителей. Родители должны быть активными участниками образовательного процесса, продолжать речевое развитие ребенка дома, выполнять рекомендации воспитателей и логопеда. Эффективными формами взаимодействия с семьей являются: консультации, мастер-классы, памятки, совместные речевые игры, открытые занятия.

Таким образом, обучение грамоте начинается с полноценного речевого развития ребенка, формирования фонематического слуха, правильного звукопроизношения, развития мелкой моторики и

познавательных процессов. Систематическая работа педагогов и родителей позволяет создать необходимые условия для успешного овладения ребенком навыками чтения и письма в школе.

Список использованной литературы:

1. Жукова Н. С. Букварь: учебное пособие — Москва: Эксмо, 2021.
2. Ушакова О. С. Развитие речи дошкольников — Москва: ТЦ Сфера, 2020.
3. Филичева Т. Б., Чиркина Г. В. Подготовка к обучению грамоте детей дошкольного возраста — Москва: Просвещение, 2019.

© Кукса О.А., 2026

УДК 371.3

Курочкин А.В.

студент 2 курса РТУ МИРЭА
г. Москва, РФ

Лысенко А.В.

студент 2 курса РТУ МИРЭА
г. Москва, РФ

Научный руководитель: **Кравец О. С.**

ассистент кафедры иностранных языков РТУ МИРЭА
г. Москва, РФ

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБРАЗОВАНИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация

В статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с внедрением цифровых технологий в современную образовательную среду. Анализируются основные направления цифровизации образования, а также выявляются преимущества и потенциальные риски использования информационно-коммуникационных технологий в учебном процессе. Обоснованы педагогические условия эффективного использования цифровых инструментов в обучении. Предложены пути совершенствования профессиональной подготовки педагогов к работе в цифровой образовательной среде.

Ключевые слова:

цифровые технологии, образование, цифровизация, информационно-коммуникационные технологии, электронное обучение, педагогическая деятельность, дистанционное обучение.

DIGITAL TECHNOLOGIES IN EDUCATION: CURRENT STATE AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Annotation

The article examines current issues related to the implementation of digital technologies in the modern educational environment. The main directions of education digitalization are analyzed, and the advantages and potential risks of using information and communication technologies in the learning process are identified. The pedagogical conditions for the effective use of digital tools in teaching are substantiated. Ways to improve the professional training of teachers for working in a digital educational environment are proposed.

Keywords:

digital technologies, education, digitalization, information and communication technologies, e-learning, pedagogical activity, distance learning.

Введение

Актуальность данной темы определяется тем, что, несмотря на широкое распространение цифровых инструментов, педагогическое сообщество по-прежнему ищет ответ на вопрос: каким образом технологии можно интегрировать в учебный процесс так, чтобы они действительно повышали качество образования, а не служили лишь формальным атрибутом современности? Цель статьи — систематизировать имеющиеся данные о применении цифровых технологий в образовании и обозначить перспективные направления их развития.

1. Основные направления цифровизации образования

Современная цифровая образовательная среда включает несколько взаимосвязанных направлений. Первое — электронное обучение (e-learning) и массовые открытые онлайн-курсы (МООС). Платформы Coursera, Khan Academy, а также отечественные аналоги обеспечивают доступ к качественным образовательным материалам для миллионов пользователей по всему миру независимо от их географического положения и социального статуса.

Второе направление — смешанное обучение, предполагающее органичное сочетание традиционных аудиторных занятий с онлайн-компонентами. Эта модель признаётся многими исследователями наиболее эффективной, поскольку позволяет сохранить живое взаимодействие педагога и обучающегося и одновременно использовать преимущества цифровых технологий: интерактивность, персонализацию темпа, мгновенную обратную связь.

Третье направление связано с применением адаптивных обучающих систем на основе искусственного интеллекта. Анализируя успеваемость, типичные ошибки и темп освоения материала каждым учеником, такие системы формируют индивидуальные образовательные траектории и предлагают задания оптимального уровня сложности. Среди наиболее известных примеров — платформы Carnegie Learning и Smart Sparrow.

2. Преимущества и риски цифровых технологий в обучении

Использование цифровых технологий в образовании обладает рядом неоспоримых преимуществ. Прежде всего, это доступность: обучающиеся получают возможность изучать материал в удобное время и в удобном месте. Интерактивные симуляции, дополненная и виртуальная реальность позволяют визуализировать сложные абстрактные понятия и создавать практикоориентированный опыт там, где реальная практика невозможна или опасна — например, в медицинском образовании или при изучении физических процессов.

Вместе с тем цифровизация образования сопряжена с серьёзными вызовами. Цифровое неравенство остаётся острой социальной проблемой: не все учащиеся имеют равный доступ к устройствам и высокоскоростному интернету. Избыточное время за экраном негативно сказывается на физическом и психическом здоровье детей. Возникают вопросы конфиденциальности данных и кибербезопасности.

3. Педагогические условия эффективного применения цифровых технологий

Эффективная интеграция цифровых технологий в образовательный процесс требует соблюдения ряда педагогических условий. Во-первых, технология должна служить педагогической цели, а не самой себе: выбор инструмента определяется образовательной задачей, а не соображениями моды или престижа. Во-вторых, педагог обязан обладать достаточным уровнем цифровой компетентности, чтобы грамотно отбирать, адаптировать и применять цифровые ресурсы в соответствии с возрастными особенностями и образовательными потребностями обучающихся.

В-третьих, необходимо выстраивать системное взаимодействие всех участников образовательного процесса — учителей, учащихся, родителей и администрации — с опорой на чёткие правила использования технологий в учебных и внеучебных ситуациях.

Особую роль играет подготовка и профессиональное развитие педагогических кадров. Системы повышения квалификации должны не только обучать конкретным цифровым инструментам, но и

формировать у учителей критическое мышление в отношении технологий, способность оценивать их дидактический потенциал и ограничения. Модель ТРАСК (Technological Pedagogical Content Knowledge), предложенная М. Кёлером и П. Мишрой, остаётся одним из наиболее признанных концептуальных оснований для проектирования такой подготовки.

Заключение

Перспективными направлениями дальнейших исследований представляются: изучение долгосрочного влияния цифровой образовательной среды на когнитивное и социально-эмоциональное развитие обучающихся; разработка доказательно обоснованных моделей смешанного обучения для различных уровней образования; поиск эффективных механизмов преодоления цифрового неравенства. Только комплексный подход, объединяющий усилия педагогов, исследователей, разработчиков технологий и органов управления образованием, позволит в полной мере реализовать потенциал цифровой трансформации на благо каждого учащегося.

Список использованной литературы:

1. Андреев А.А. Педагогика в информационном обществе, или электронная педагогика // Высшее образование в России. — 2011. — № 11. — С. 113–117.
2. Коджаспирова Г.М. Педагогика: учебник для академического бакалавриата. — М.: Юрайт, 2019. — 719 с.
3. Koehler M. J., Mishra P. What is Technological Pedagogical Content Knowledge (TPACK)? // Contemporary Issues in Technology and Teacher Education. — 2009. — Vol. 9, No. 1. — PP. 60–70.
4. Means B., Toyama Y., Murphy R., Bakia M. Effectiveness of Online and Blended Learning: A Meta-Analysis of the Empirical Literature // Teachers College Record. — 2013. — Vol. 115, No. 3. — PP. 1–47.
5. ЮНЕСКО. Рекомендации по использованию ИКТ в образовании в условиях пандемии. — Париж: ЮНЕСКО, 2020. — 52 с.
6. Robert I.V. Theory and Methodology of Education Informatization (Psychological, Pedagogical and Technological Aspects). — 3rd ed. — Moscow: BINOM. Laboratoriya Znany, 2014. — 398 p.

© Курочкин А.В., Лысенко А.В., 2026

УДК 37.013.77

Лукьянова Е.А.

Студентка 2 курса РТУ МИРЭА

Г. Москва, РФ

Научный руководитель: Кравец О.С.

Ассистент кафедры иностранных языков РТУ МИРЭА

Г. Москва, РФ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ПРОФИЛАКТИКИ ЗАВИСИМОСТИ ОТ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация

Статья посвящена проблеме формирования «когнитивного долга» у обучающихся, активно использующих генеративные нейросети. Проанализированы исследования 2025 года, доказывающие, что неконтролируемое применение ИИ на начальных этапах обучения ведет к ухудшению способности к самостоятельному решению задач. Рассматриваются педагогические условия, при которых ИИ-инструменты могут способствовать развитию, а не деградации учебных навыков. Предложены стратегии

интеграции ИИ в образование, основанные на принципе поэтапного формирования умственных действий.

Ключевые слова:

искусственный интеллект в образовании, когнитивный долг, цифровая дидактика, педагогические стратегии, ИИ-тьютор.

Современный этап развития образовательных систем характеризуется взрывным ростом доступности технологий искусственного интеллекта (ИИ). Если ранее цифровизация в педагогике ассоциировалась преимущественно с электронными образовательными средами и онлайн-курсами, то сегодня ключевым вызовом становится интеграция больших языковых моделей (LLM), таких как ChatGPT, в повседневную учебную деятельность. Данный процесс несет в себе не только широкие возможности для персонализации обучения, но и серьезные риски, связанные с редукцией когнитивных функций обучающегося.

Актуальность настоящего исследования обусловлена накоплением эмпирических данных, свидетельствующих о феномене «когнитивного долга». Данный термин, предложенный исследователями из Массачусетского технологического института (MIT), описывает ситуацию, при которой постоянное делегирование интеллектуальных задач внешним инструментам (нейросетям) блокирует развитие собственных нейронных связей мозга, необходимых для обучения. В условиях, когда учащийся мгновенно получает готовый текст, решение задачи или программный код, исчезает продуктивное затруднение – ключевое условие для формирования новых знаний и навыков.

Целью данной работы является выявление и обоснование педагогических стратегий, позволяющих нивелировать эффект когнитивного долга и трансформировать ИИ из средства списывания в инструмент развития метапредметных компетенций.

Методологическую основу исследования составил теоретический анализ и синтез актуальных зарубежных и отечественных экспериментальных работ в области педагогической психологии и цифровой дидактики. Исследование опирается на сравнительный анализ результатов применения ИИ-инструментов в контрольных и экспериментальных группах, описанных в научной периодике. В частности, анализируются данные мета-анализа ученых КНР, доказывающие, что успеваемость, показанная при использовании ИИ, не воспроизводится в условиях запрета на его применение на экзаменах.

В ходе анализа выявлено, что ключевая педагогическая ошибка заключается в использовании модели «ИИ-исполнитель», когда нейросеть генерирует конечный продукт (эссе, реферат, ответ) за ученика. Исследования 2025 года, проведенные на выборке из более чем 10 тысяч участников, показали, что созданные с помощью чат-ботов тексты поверхностны, а их авторы демонстрируют низкий уровень усвоения информации по сравнению с теми, кто использовал традиционные поисковые системы. Мозг, не проходящий через этапы поиска, анализа и синтеза информации из множественных источников, фиксирует низкую нейронную активность, формируя привычку к «когнитивной лени».

Однако полный запрет ИИ не является эффективной педагогической стратегией. Более продуктивной представляется модель «ИИ-тьютор». Экспериментальные данные показывают, что если нейросеть не пишет текст за ученика, а лишь указывает на структурные недочеты, задает наводящие вопросы и проверяет соответствие критериям, то на следующий день, при самостоятельном выполнении аналогичного задания, такие учащиеся демонстрируют значимо лучшие результаты.

Таким образом, тотальная цифровизация не должна превращаться в «цифровой колониализм», уничтожающий субъектность учащегося. Ключевой задачей современного педагога становится воспитание культуры использования ИИ, что невозможно без глубокой интеграции в учебный процесс специально спроектированных развивающих заданий.

Список использованной литературы:

1. Узденова А.А. Современная педагогическая наука: методология и перспективы развития // Научно-

методический семинар «Актуальные проблемы современной педагогики» (КЧГУ, 2025).

2. The Effect of Generative AI on Learning: A Meta-Analysis of Cognitive Disengagement // Educational Research Review. — 2025. — V. 44. — P. 100-118. (In English).

3. Neurocognitive Consequences of ChatGPT Usage in Academic Writing: An EEG Study // MIT Cognitive Science Series. — 2025. — Preprint. (In English).

© Лукьянова Е.А., 2026

УДК 811.161.1(075.8)

Маркарян К.А.

канд. пед. наук

КФ НПУА

г. Капан, РА

**К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
(НА ОСНОВЕ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА РУССКИХ И АРМЯНСКИХ
ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ «ЧАСТИ ТЕЛА»)**

Аннотация

В статье представлены некоторые определения понятия «фразеологизм» и выделены наиболее важные характерные признаки. Отмечается актуальность использования фразеологизмов с учетом объективных процессов, имеющих место в межкультурной коммуникации в современном мире, а также роли фразеологизмов в обогащении речи эмоциональностью, выразительностью. Кратко говорится о генезисе фразеологизмов, акцентируя внимание на неизбежность приобретения свободным словосочетанием переносного, метафорического значения, в результате чего словосочетание становится «устойчивым» и приобретает идиоматический смысл.

Отмечается важность и характерные особенности перевода фразеологических единиц из одного языка в другой (на примере перевода русских фразеологических единиц на армянский язык) с учетом сложности данного процесса, имеющего целью не собственно перевод значений слов, входящих в целостный структурный состав фразеологической единицы, а передачу культурного подтекста фразеологизма-оригинала.

На отдельных примерах рассматриваются возможности достижения полноценного перевода фразеологической единицы в зависимости от соотношений между единицами исходного языка и языка перевода.

Проведен сопоставительный анализ ряда русских и армянских фразеологизмов с компонентом «части тела» («глаза», «рука», «душа (сердце)», «язык» («рот»), «уши») с учетом культурных, национальных и исторических особенностей народов и представлены выводы.

Ключевые слова:

словосочетание, фразеологизм, переносное значение, перевод фразеологизма, фразеологический эквивалент, компонентный состав фразеологизма.

Margaryan K.A.

PhD in Pedagogy

Kapan Branch of the NPUA

Kapan, Armenia

**ON THE TRANSLATION CHARACTERISTIC FEATURES OF PHRASEOLOGICAL UNITS
(BASED ON A COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIAN AND ARMENIAN PHRASEOLOGICAL
UNITS WITH THE COMPONENT "BODY PARTS")**

Abstract

This article presents several definitions of the term "phraseological unit" and highlights its most important characteristics. It emphasizes the relevance of using phraseological units in the light of the objective processes taking place in intercultural communication in the modern world and the role of phraseological units in enriching the speech with emotionality and expressiveness. The genesis of phraseological units is briefly discussed, emphasizing the inevitability of acquiring figurative, metaphorical meanings by free phrases, as a result of which the phrase becomes "stable" and acquires an idiomatic meaning.

The article highlights the importance and characteristics of translating phraseological units from one language to another (using the example of translating Russian phraseological units into Armenian), taking into consideration the complexity of this process, which aims not to translate the meanings of the words that comprise the integral structural composition of the phraseological unit, but to convey the cultural subtext of the original phraseological unit.

Using specific examples, the possibilities for achieving a complete translation of a phraseological unit are examined, depending on the relationships between the units of the original and translated languages.

A comparative analysis of a number of Russian and Armenian phraseological units with the component "body parts" ("eyes", "hand", "heart", "tongue" ("mouth"), "ears") was carried out, taking into consideration the cultural, national and historical characteristics of the nations, and conclusions were presented.

Keywords:

phrase, idiom, figurative meaning, translation of an idiom, phraseological equivalent,
component composition of an idiom.

Изучению природы и проблем перевода фразеологизмов посвящено много исследований (В.Н. Комиссаров, Я.И. Рецкер, А.В. Кунин, Н.М. Шанский, В.В. Виноградов, В.П. Фелицына, В.М. Мокиенко, Р. Агаян и др.). Существующая обширная и богатая литература представляет большую значимость и в то же время привлекает внимание специалистов для последующих исследований в рамках лингвистического образования вследствие постоянного пополнения языка новыми фразеологизмами.

Актуальность исследований природы фразеологизмов определяется тем, что фразеологизмы выступают важнейшими носителями культурного кода народов, служат действенным средством современной межкультурной коммуникации, используются как выразительные средства оценки той или иной ситуации, а также способствуют обогащению речи и расширению знаний о языке.

В специальной литературе встречаются различные термины, отражающие природу фразеологизмов (устойчивых сочетаний слов): *фразеологические единицы, фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические обороты, фразеологические выражения, фразеологические сочетания, идиомы*, а также трактовки данного понятия. Фразеологизмы в лингвистике определяются как «...воспроизводимое в готовом виде устойчивое словосочетание, выполняющее номинативную или коммуникативную функцию и имеющее целостное значение, постоянный состав и строение» [3, с. 120]. Это «устойчивые сочетания слов, имеющие переносный общий смысл и передающие вместе с тем оценку предмета мысли...» [2, с. 3]. Н.М. Шанский дает следующее определение фразеологизмам: «...это воспроизводимое в готовом виде языковая единица, состоящая из двух или более ударных компонентов словарного характера, фиксированная (т. е. постоянная) по своему значению, составу и структуре» [9, с. 20]. Такое разнообразие названий и определений данного понятия обусловлено тем, что фразеологизмы выполняют важнейшую коммуникативную функцию и служат средством повышения экспрессивности

речи и воздействия на слушателя. При этом большинство исследователей придерживаются единого мнения в выделении следующих, наиболее важных, характерных признаков фразеологизмов:

- структурная целостность и неизменность структурного состава, что предполагает наличие в них постоянно присутствующих одних и тех же словоформ;

- постоянство выражаемого ими значения; они не образуются в процессе речи, а воспроизводятся из памяти как готовые единицы, находящиеся в лексическом запасе говорящего;

- образность;

- выполнение ими одного члена предложения.

Генезис фразеологизмов, как правило, представляет собой приобретение свободным словосочетанием переносного, метафорического значения, в результате чего словосочетание как бы «застывает», становится «устойчивым», «связанным». Прямой смысл словосочетания всегда предшествует появлению у этого выражения идиоматического смысла. Таким образом, имеет место процесс, при котором компоненты свободного словосочетания теряют свою самостоятельность, а само словосочетание приобретает переносное, устойчивое значение, развиваясь во фразеологизм, и воспроизводится в речи целиком. Вследствие этого особенно важно рассматривать одновременное существование в словосочетании прямого и переносного смысловых планов. К примеру, «*работать засучив рукава*» означает «с большим усердием и энтузиазмом, старательно и добросовестно». Однако, существует история появления у выражения «*засучив рукава*» идиоматического смысла. Выражение связано с особым покроем одежды в Древней Руси. Верхняя одежда шилась с такими длинными рукавами, что они доходили до колен, а иногда и до самых пяток. Такая одежда была оправдана суровым русским климатом: длинные рукава в какой-то мере заменяли рукавицы, о которых древние письменные источники не упоминают. Делать что-либо со спущенными рукавами было невозможно – начала их засучивали, т.е. поднимали на руки складками [8, с. 123]. Давно исчезла одежда с длинными рукавами, теперь вполне возможно работать, не поднимая предварительно рукавов, но выражение «засучив рукава» путем обычного в языке переноса значения с конкретной ситуации на более широкий круг похожих ситуаций приобрело идиоматический смысл. Сравним два предложения, в которых словосочетание «*засучив рукава*» используется в прямом и идиоматическом смысле:

1. Чтобы достичь хороших результатов, мы должны *работать засучив рукава*.

2. Мама всегда моет посуду, *засучив рукава*.

Обратим внимание на пунктуационный знак – запятую – во втором предложении, которая ставится для выделения деепричастного оборота «*засучив рукава*». Во втором предложении представлена конкретная ситуация, а словосочетание «*засучив рукава*» употребляется в прямом смысле.

Фразеологизмы представляют собой высокоинформативные единицы языка. Именно поэтому вопрос перевода фразеологизмов характеризуется особой важностью в науке перевода. Считается, что возможности достижения полноценного словарного перевода фразеологической единицы зависят в основном от соотношений между единицами исходного языка и языка перевода:

1. фразеологическая единица имеет в языке перевода точное, не зависящее от контекста, полноценное соответствие, то есть фразеологизм в языке оригинала абсолютно идентичен фразеологизму в языке перевода и переводится эквивалентом;

2. фразеологическая единица может быть переведена на язык перевода тем или иным соответствием, обычно с некоторыми отступлениями от полноценного перевода, то есть фразеологизм языка-оригинала приблизительно похож на фразеологизм в языке перевода, и переводится вариантом или аналогом;

3. фразеологическая единица не имеет в языке перевода ни эквивалентов, ни аналогов и непереводаема в словарном порядке. В этом случае фразеологизм в языке перевода передается иными, не фразеологическими средствами [6, с. 89].

Фразеологический перевод предполагает использование в тексте перевода устойчивых единиц различной степени близости между единицей исходного языка и соответствующей единицей языка перевода – от полного и абсолютного эквивалента до приблизительного фразеологического соответствия.

При наличии фразеологического эквивалента мы имеем дело с равноценной по всем показателям фразеологической единицей. Как правило, в таком случае между соотносительными фразеологическими единицами не должно быть различий в отношении смыслового содержания, стилистической отнесенности, метафоричности. Они должны иметь приблизительно одинаковый компонентный состав, обладать рядом одинаковых лексико-грамматических показателей, а также отсутствием национального колорита. Это, по существу, полная или абсолютная эквивалентность [4, с. 11]. В русском и армянском языках можно встретить предостаточное количество таких фразеологических единиц. Например: **влюбиться по уши** – միևնույն ատամները սիրահարվել; **волосы становятся дыбом** – մազերը բիզ-բիզ կանգնել; **умыть руки** – ձեռքերը լվանալ; **не видеть дальше своего носа** – բրօց այն կողմը չտեսնել; **развесить уши** – ատամները կախել; **краем уха** – ատամնի ծայրով:

Относительный фразеологический эквивалент уступает абсолютному фразеологическому эквиваленту лишь в том, что отличается от исходной фразеологической единицы каким-либо показателем. Относительный или частичный фразеологический эквивалент содержит лексические, грамматические или лексико-грамматические расхождения при наличии одинакового значения и одинаковой стилистической направленности [4, с. 11]. Это могут быть другие, часто синонимичные компоненты (образы могут быть весьма далекими, но логически сопоставимыми). Например, похужеть в русском языке ассоциируется с **двумя каплями воды**, а в армянском языке это մի խնձոր է՝ միջից կիսած, մի մազ միջից կիսած (**яблоко, волосы**); русскому фразеологизму **палке негде упасть** эквивалентен армянский фразеологизм **ստեղը զգելու տեղ չկա** (**палка - иголка**). Возможны также небольшие изменения формы, изменение синтаксического построения и т. д. В остальном он является полноценным соответствием переводимой фразеологической единицы, «относительность» которого складывается контекстом.

Лексический перевод, калькирование, описательный перевод – это способы нефразеологического перевода.

Строго лексический перевод применим, как правило, в тех случаях, когда данное понятие обозначено в одном языке фразеологизмом, а в другом – словом. Например, армянские фразы **արվվ բաղել, բոյն բաղել** имеют в русском языке значение слова «умереть», «сдохнуть»; **ջիզարդ ուտել, սիրտդ ուտել, ցավդ տանել, կյանքիդ մեռնել** – «очень сильно любить»; **գետինը մտնես** – **сильно постыдиться**; **հողել գլուխը** – **похоронить**.

Калькирование, или дословный перевод, предпочитают обычно в тех случаях, когда другими приемами, в частности фразеологическими, нельзя передать в целом семантико-стилистическое и экспрессивно-эмоциональное значение. Калькирование возможно только тогда, когда дословный перевод может довести до читателя истинное содержание всего фразеологизма (а не значение составляющих его частей); когда замена образа, заключенного в фразеологизме, другим образом не даст необходимого эффекта [4, с. 11]. Например, **первая ласточка** – **առաջին ծիծեռնակ**, **черная кошка пробежала** – **սևկատու անցավ**:

Описательный перевод фразеологической единицы сводится к переводу не самого фразеологизма, а его толкованию за отсутствием эквивалентов в языке перевода. Это могут быть объяснения, сравнения, описания – все средства, передающие в максимально ясной и краткой форме содержание фразеологической единицы. Например, русский фразеологизм **без пяти минут** переводится на армянский язык описательным переводом: **նրա մասին, ով մի աստիճանի, դիրքի հասնելու վրա է կշռուով դրան պիտի հասնի** или **играть первую скрипку** – **գլխավոր դեր խաղալ**: Представим другой пример армянской фразеологической единицы – **Կիկոսի մահը սարքել** (**герой из сказки Ованеса Туманяна «Смерть Кикоса»**), которая переводится на русский язык посредством описательного перевода: **делать трагедию**

из ничего; напрасно, беспричинно горевать, волноваться.

Особый интерес для сопоставительного анализа представляют фразеологические единицы русского и армянского языков с компонентом «*части тела*» (соматические фразеологизмы).

Фразеологические единицы с компонентом «*части тела*» часто встречаются как в русском, так и в армянском языке. В качестве компонента «*части тела*» используются такие слова, как «*глаза*», «*голова*», «*рука*», «*душа (сердце)*», «*язык*», «*нога*», «*ухо*», «*палец*», «*рот (зуба)*», «*нос*». Реже встречаются такие компоненты, как «*плечо*», «*лоб*», «*спина*», «*горло*», «*волосы*», «*шея*».

Слово *сердце* в русском и армянском языках связано с *душой, чувствами, добротой и любовью, искренностью*. Рассмотрим примеры фразеологизмов с компонентом *душа (сердце)*: *душа в душу* – իրար սրտից ջուր խմել (ջան աւել ջան լւել), *душа не лежит* – սիրտը կախ լինել, *заячья душа* – նապաստակի սիրտ (ծտի սիրտ), *кошки на душе скребут* – սրտից արյուն կաթել (սիրտը կտոր-կտոր լինել): Примечательно, что слово *душа* во всех русских фразеологизмах переводится на армянский язык словом *սիրտ (сердце)*. Возможно, в русских примерах это связано с такой национальной фразой, как «*русская душа*», а у армян данное слово связано с состраданием – *սրտացալիւթյուն*:

Рука имеет следующие значения: *трудолюбие, умение, мастерство*, так как в основном руки связаны с физической работой. Например, *мастер на все руки* – մատները ոսկի են (ծեղքից ամեն բան գալիս է): Отметим, что в армянском эквиваленте этого фразеологизма фигурирует слово *палец* как неотъемлемая и более точная «*подвижная конечная часть кисти руки...*» [5, с. 395], которая непосредственно участвует в выполнении какой-либо работы. Приведем другие примеры фразеологизмов с компонентом *рука*: *махнуть рукой* – ձեռք քաշել (ծեղքերը լվանալ), *взять себя в руки* – իրեն հավաքել: Интересно заметить, что в армянском эквиваленте фразеологизма *взять себя в руки* отсутствует основной компонент «*части тела*» – *рука*. А русская фразеологическая единица *под горячую руку* переводится на армянский язык посредством описательного перевода, а именно толкованием: *զղայնությունից ի վնաս մեկի անխոհեմ մի բան անել, անարդարացի արտահայտվել*: Также *руки* ассоциируются с *бездельем*, например, *сидеть сложа руки* – ձեռքերը ծալած նստել, а также со *свободой, с неволей*: *связать по рукам и ногам* – ձեռք ու վուրքը կապել (ծեղքերը կապել):

Глаза в русских и армянских фразеологизмах с компонентом «*части тела*» используются со значениями, связанными с главной функцией этого органа: «*смотреть*», «*замечать*», «*наблюдать*». Представим примеры: *пускать пыль в глаза* – աչքերը կապել (աչքին թոզ փչել); *куда глаза глядят* – ուր որ աչքը կտրի: Особый интерес представляет русский фразеологизм *опустить глаза*, который переводится на армянский язык как *գլուխը կախել (замена одной части тела – глаза – другим – голова)*.

Уши фигурируют в русских и армянских фразеологизмах с компонентом «*части тела*» с основными значениями – «*слушать с большим вниманием*», «*обращать внимание*», «*быть в курсе*», а также *указание музыкального слуха*. Например, *наострить уши* – ականջները սրել; *краем уха* – ականջի ծայրով լսել (ականջի պոչով լսել); *медведь на ухо наступил* – երաժշտական լսողությունից գուրկ լինել (в армянском языке дается описательный перевод вследствие отсутствия фразеологического эквивалента). Отметим, однако, что в армянском языке существует другая фразеологическая единица, указывающая на *неприятный голос, отсутствие музыкального голоса*, – *ազնավի ձայն (дословно – голос вороны)*. Также интересно отметить, что в данном фразеологизме отсутствует какой-либо компонент «*части тела*», имеющий непосредственное отношение к музыкальному слуху или пению (*ухо, горло, рот*).

Слово *язык* также используется в фразеологизмах, исходя из основной функции этого органа, а также отрицательных черт, связанных с *излишней говорливостью, неискренностью, лестью*. Рассмотрим примеры: *проглотить язык* – լեզուն փորը ընկնել (լեզուն պապանձվել, լեզուն կապ ընկնել, բերանում լեզու չունենալ), *сорваться с языка* – լեզվից թռնել (բերանից թռնել), *держат язык за зубами* – լեզուն իրեն քաշել (բերանը փակ պահել): Как это видно на примерах, в армянских фразеологических

эквивалентах компоненты «*части тела*» – «рот» и «язык» употребляются параллельно.

Большой интерес представляет русский фразеологизм **за словом в карман не полезет**, который переводится на армянский язык շահ լեզու ունենալ (օճը բնից հանել), в котором, как видим, не потерян компонент части тела *язык* как «...орган в полости рта... у человека, участвующий также в образовании звуков речи» [5, с. 747].

Таким образом, при переводе фразеологизмов необходимо уделять особое внимание контексту, в котором употребляется данный фразеологизм, и стараться находить эквивалент в языке перевода, максимально равноценный переводимой фразеологической единице.

В представленных нами примерах большая часть русских и армянских фразеологизмов, связанных с компонентом «*части тела*» совпадает по смыслу и образности, так как этот пласт общеупотребителен и не связан с национальными или историческими особенностями народов.

Проведенный сопоставительный анализ достаточного количества фразеологических единиц русского и армянского языков позволил сделать следующие выводы:

1. Прямой смысл свободного словосочетания всегда предшествует появлению у него идиоматического смысла.
2. Фразеологические единицы русского и армянского языков в большинстве случаев переводятся без потери основной семантики фразеологизмов вследствие родства данных языков.
3. В армянских фразеологизмах с компонентом «*части тела*» часто указывается более точная часть тела, непосредственно участвующая в выполнении того или иного действия.
4. Русская *душа* сопоставляется с *сердцем* в армянских фразеологизмах.
5. Поскольку фразеологические единицы совершенствуют речь и делают ее более выразительной и богатой, усвоение и употребление таких единиц в коммуникативном акте при изучении русского или армянского языка как иностранного не составит особого труда вследствие родства данных языков.

Список использованной литературы:

1. Агаян Р. и др. Русско-армянский словарь фразеологизмов/ Р. Агаян, Н. Байбуртян, Р. Грдзелян, Р. Тер-Аракелян. – Ер.: Макмиллан-Армения, 2003. – 144 с.
2. Бухарева Н.Т., Федоров А.И. Словарь фразеологизмов и иных устойчивых словосочетаний русских говоров Сибири. Изд-во «Наука», Новосибирск, 1972. – 209 с.
3. Дудников А.В. Современный русский яз: Учеб.для филол. спец. вузов союзных и авт. респ. – М.: Высшая школа,1990. – 424 с.
4. Кунин А.В. О переводе английских фразеологизмов в англо-русском фразеологическом словаре. Тетради переводчика.- М.,1964. - №2. – 52 с.
5. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Под ред. Чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. – 19-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1987. – 750 с.
6. Рецкер Я.И. О закономерных соответствиях при переводе на родной язык. - М.: Высшая школа, 1950. – 211 с.
7. Русско-армянский фразеологический словарь под редакцией Р.Л. Мелкумяна и П.М. Погосяна. Издательство Ереванского Университета, Ереван – 1975. – 615 с.
8. Фелицына В.П., Мокиенко В.М. Русские фразеологизмы: Лингвострановедческий словарь/ Под ред. Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова. – М: Рус.яз., 1990. – 220 с.
9. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка: Учеб. пособие для вузов по спец. «Русский язык и литература». – 3-е изд. испр. и доп. – М.: Вышш. шк., 1985. – 160 с.

© Маркарян К.А., 2026

УДК 37

Мирошникова О.В., Шемраева О.В., Яцына Н.В.
МОУ «СОШ «Моя школа» с. Репное»
Белгородский р-н, Белгородский м.о., с. Репное, РФ

РАЗВИТИЕ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ ЧТЕНИЮ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация

В статье рассматривается проблема формирования навыков смыслового чтения на уроках английского языка в условиях клипового мышления современных учащихся. Обосновывается необходимость перехода от репродуктивных заданий к заданиям, направленным на развитие критического мышления. Представлена система упражнений, позволяющая трансформировать работу с текстом в процесс интерпретации, анализа и выработки собственной позиции учащихся.

Ключевые слова:

смысловое чтение, критическое мышление, обучение иностранному языку, интерпретация текста, коммуникативный подход, клиповое мышление

Практика обучения иностранному языку показывает, что учащиеся, успешно выполняя задания на перевод и поиск информации в тексте, нередко испытывают трудности при его смысловой интерпретации. Это свидетельствует о преобладании репродуктивного подхода к обучению чтению.

Традиционная модель работы с текстом, включающая этапы «прочитай — переведи — ответь на вопросы», ориентирована преимущественно на проверку понимания, но не обеспечивает развитие мыслительной деятельности учащихся.

В современных условиях данная проблема усугубляется изменением когнитивных особенностей обучающихся. Возрастает роль клипового мышления, характеризующегося фрагментарным восприятием информации и снижением глубины её переработки [4].

Цель статьи — обосновать необходимость развития критического мышления при обучении чтению и представить практическую модель организации работы с текстом.

Чтение на иностранном языке представляет собой сложный когнитивный процесс, включающий не только декодирование языковой информации, но и её интерпретацию, осмысление и соотнесение с личным опытом учащегося [3].

Современные исследования показывают, что учащиеся всё чаще демонстрируют поверхностный тип восприятия текста. Это проявляется в сканировании текста, опоре на отдельные лексические единицы и использовании догадки без проверки гипотез.

С позиций культурно-исторической теории Лев Выготский обучение должно опережать развитие и формировать новые способы мыслительной деятельности [1]. Следовательно, задача учителя заключается не в адаптации к поверхностному восприятию, а в постепенном переходе к смысловому чтению. Таким образом, обучение чтению должно быть направлено на развитие интерпретации, анализа, критического осмысления и рефлексии.

Анализ учебной практики показывает, что задания к тексту преимущественно ориентированы на извлечение информации и воспроизведение содержания. При этом учащиеся остаются в позиции пассивного потребителя информации, а уровень осмысления текста остаётся низким. Следовательно, возникает необходимость усложнения не самого текста, а мыслительной задачи, которую решает ученик.

Работа с текстом выстраивается как последовательность смысловых этапов: прогнозирование → чтение → интерпретация → высказывание

Этап 1. Прогнозирование

Использование кластеров позволяет активизировать лексический запас и сформировать гипотезы относительно содержания текста. Данный этап способствует включению учащихся в процесс чтения и повышает уровень осмысленного восприятия информации.

Этап 2. Проблематизация

Введение спорных утверждений перед чтением стимулирует аналитическую деятельность учащихся. Работа с доказательствами формирует умение извлекать информацию из текста и использовать её в аргументации.

Этап 3. Интерпретация

Задания, направленные на объяснение поведения героев и выражение собственной позиции, обеспечивают переход от воспроизведения к осмыслению. Данный этап соответствует требованиям формирования универсальных учебных действий и развитию критического мышления [2].

Этап 4. Работа со структурой текста

Задания на восстановление логической последовательности способствуют развитию понимания композиции текста и формированию навыков анализа.

Этап 5. Ролевое чтение

Распределение ролей (аналитик, критик, обобщающий и др.) обеспечивает многоплановое восприятие текста и активное включение всех учащихся в работу.

Этап 6. Выход за пределы текста

Задания типа What if... формируют вариативное мышление и способность рассматривать альтернативные сценарии.

Этап 7. Визуализация

Использование визуальных форм представления информации способствует снижению речевой нагрузки и активизации познавательной деятельности учащихся.

Этап 8. Обобщение

Применение синквейна позволяет учащимся структурировать информацию и выделять ключевые элементы текста, что способствует развитию навыков смыслового чтения.

Представленная система заданий позволяет трансформировать процесс чтения из репродуктивной деятельности в аналитическую. Учащиеся переходят от извлечения информации к её интерпретации, формированию собственной позиции и аргументации. Это соответствует требованиям современных образовательных стандартов и способствует формированию коммуникативной компетенции [5].

Развитие критического мышления при обучении чтению является необходимым условием современного образовательного процесса. Использование заданий, направленных на интерпретацию и анализ текста, позволяет повысить глубину понимания, сформировать речевую реакцию и обеспечить включённость учащихся. Таким образом, чтение выступает не только средством обучения, но и инструментом развития мышления.

Список использованной литературы:

1. Выготский Л.С. Мышление и речь. — М.: Лабиринт, 1999.
2. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования.
3. Гальскова Н.Д. Теория обучения иностранным языкам. — М.: Академия, 2016.
4. Халперн Д. Психология критического мышления. — СПб.: Питер, 2000.
5. Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment (CEFR). — Cambridge, 2020.

© Мирошникова О.В., Шемраева О.В., Яцына Н.В., 2026

УДК 376.3

ББК 74.57

Нестерова Ю.С.

Студент, Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань, Россия

Научный руководитель: Серодеева Р.Ш.

канд. пед. наук, доцент Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань, Россия

ТЕХНОЛОГИИ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНОЙ СТОРОНЫ РЕЧИ У ДОШКОЛЬНИКОВ С НАРУШЕНИЕМ СЛУХА

Аннотация

В статье рассматриваются технологии технологий психолого-педагогического сопровождения формирования произносительной стороны речи у дошкольников с нарушением слуха, приводятся результаты апробации коррекционной логопедической программы, включающей применение как традиционных, так и инновационных технологий. В заключение делается вывод о целесообразности сочетания данных технологий и эффективности предложенной коррекционной логопедической программы.

Ключевые слова:

произносительная речь, дети с нарушением слуха, психолого-педагогическое сопровождение, артикуляция, инновационные технологии, формирование произношения.

Nesterova J. S.

Student, Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russia

Scientific supervisor Serodeeva R. Sh.

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russia

TECHNOLOGIES OF PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SUPPORT FOR THE DEVELOPMENT OF THE PRONUNCIATION ASPECT OF SPEECH IN PRESCHOOL CHILDREN WITH HEARING IMPAIRMENT

Abstract

The article discusses the technologies of psychological and pedagogical support for the formation of the pronunciation aspect of speech in preschoolers with hearing impairments, and presents the results of the testing of a correctional speech therapy program that includes both traditional and innovative technologies. In conclusion, the article concludes that it is advisable to combine these technologies and that the proposed correctional speech therapy program is effective.

Keywords:

pronunciation, children with hearing impairments, psychological and pedagogical support, articulation, innovative technologies, and pronunciation development.

Психолого-педагогическое сопровождение формирования произносительной стороны речи у дошкольников с нарушениями слуха является эффективно функционирующей системой, если представляет собой целостную, системно-организованную деятельность, базирующуюся на специальных

технологиях. Анализ научной литературы показал, что традиционные технологии формирования произносительной речи у детей дошкольного возраста с нарушениями слуха можно разделить на две группы.

Первая группа технологий психолого-педагогического сопровождения базируется на целенаправленном подражании речи педагога при использовании звукоусиливающих технических средств. Данная группа технологий представляет собой неформальное обучение, которое формирует у дошкольников умения восприятия на слух и зрительно образцы речи педагогов. В данном случае дошкольники с нарушениями слуха соотносят свое произношение с образцом речи педагога. Усвоение ритмико-слоговой структуры слов, восприятие словесных ударений, произношения звуков происходит в зависимости уровня нарушения слуха и индивидуальных особенностей ребенка. Ребенку дается обязательная установка: «Послушай и произнеси правильно» [1].

Базой для второй группы технологий педагогического сопровождения формирования произносительной речи у дошкольников с нарушениями слуха являются музыкально-ритмические занятия и фонетические зарядки в рамках специального обучения. Специальное обучение включает использование логопедических зондов и специальных технических средств постановки отдельных звуков.

Все технологии формирования произносительной речи у детей дошкольного возраста с нарушением слуха активно используют артикуляционную гимнастику, направленную на укрепление, развитие и тренировку мышц, участвующих в образовании речи. В настоящее время, в дополнение к традиционным технологиям развития произносительной речи у детей дошкольного возраста с нарушением слуха, педагоги активно применяют инновационные педагогические технологии [2].

В экспериментальном исследовании формирования произносительной речи у детей дошкольного возраста с нарушением слуха нами применена технология неформального обучения в сочетании с такими инновационными технологиями, как мнемотехника и информационно-коммуникативные технологии (ИКТ). Эмпирической базой исследования явились следующие дошкольные образовательные организации:

– Детский сад для глухих и слабослышащих детей при школе-интернате I-II вида имени Е. Г. Ласточкиной;

– МБДОУ ДЕТСКИЙ САД КОМПЕНСИРУЮЩЕГО ВИДА № 486, Екатеринбург

В эксперименте приняли участие 24 ребенка в возрасте 5-6 лет.

На формирующем этапе исследования была проведена диагностика произносительной речи путем применения следующих методик:

– «Альбом для обследования произношения у дошкольников с нарушениями слуха» (Н.Д. Шматко);

– «Проверка навыков произношения» (Ф.Ф. Рау, Н.Ф. Слезина) [3].

Дети были разделены на экспериментальную и контрольную группы по 12 человек. Диагностика произношения посредством применения методики Н.Д. Шматко «Альбом для обследования произношения у дошкольников с нарушениями слуха» показала, наличие проблем в формировании произносительной речи у большинства детей. В процессе диагностики были выявлены проблемы произношения сочетаний согласных, дефекты их воспроизведения. Установлено, что в экспериментальной группе 83,3% детей (10 человек), а в контрольной группе 91,6% (11 человек) при подражании речи педагога произносят сочетания согласных звуков с паузами, призвуками, пропусками, перестановками. При подражании с указанием знака ударения большинство детей (в экспериментальной группе 66,7% детей, 8 человек; в контрольной группе 58,3% детей, 7 человек) не всегда адекватно выделяют голосом ударения. Показано, что в экспериментальной группе 75,0% детей (9 человек), в контрольной группе 83,3% детей (10 человек) не всегда соблюдают нормы орфоэпии. Допускали ошибки в произношении мягких согласных («музэй» вместо «музей»), замену мягких согласных их парными твердыми согласными («пат», вместо «пять»), смягчали твердые согласные, заменяя их парными

согласными, смещали твердые и мягкие звуки речи большинство детей в экспериментальной и контрольной группах. В экспериментальной группе такие ошибки допускали 66,6% детей (8 человек), в контрольной группе – 58,3% детей (7 человек). Наблюдалось так же искаженное произношение звуков [и], [о], [э] в результате не правильной артикуляции. Например, неправильное произношение звука [и] из-за недостаточного подъема языка (звук произносился как английский [i]). Звук [о] произносился с артикуляцией, характерной для звука [а].

Оценка звуковой стороны речи детей проводилась посредством применения методики «Проверка навыков произношения» (Ф.Ф. Рау, Н.Ф. Слезина). Навыки произношения оценивались по следующей шкале:

- отчетливое, правильное произношение всех звуков, умение их разделять, правильные артикуляция, речевое дыхание, тембр речи – 3 балла;
- недостаточная четкость, неустойчивость произношения, ошибки в разделении звуков – 2 балла;
- наличие существенных дефектов в произношении звуков, отсутствие их разделения, нарушения артикуляции и речевого дыхания, неумение регулировать тембр речи – 1 балл.

Результаты диагностики представлены на рисунке 1.

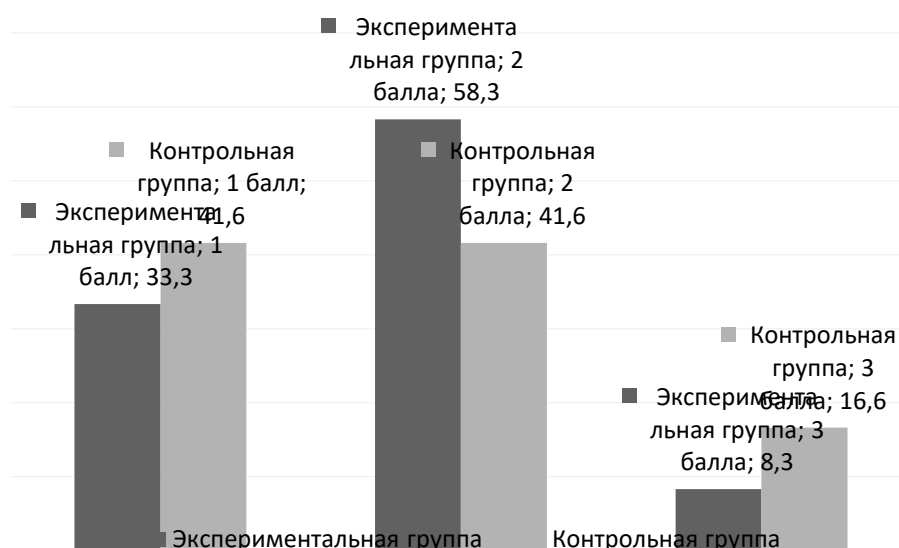

Рисунок 1 – Результаты диагностики звуковой стороны речи, (Ф.Ф. Рау, Н.Ф. Слезина), в %

Согласно данным рисунка 1, в экспериментальной группе 33,3% детей (4 человека) имеют существенные дефекты в произношении звуков, не разделяют звуки, имеют нарушения артикуляции и речевого дыхания, не умеют регулировать тембр речи. В контрольной группе аналогичный результат показали 41,6% детей (5 человек). Недостаточную четкость, неустойчивость произношения, ошибки в разделении звуков продемонстрировали в экспериментальной группе 58,3% детей (7 человек), в контрольной группе – 41,6% детей (5 человек). Всего 8,3% детей (1 человек) в экспериментальной группе и 16,6% детей (2 человека) в контрольной группе продемонстрировали отчетливое, правильное произношение всех звуков, умение их разделять, правильную артикуляцию, речевое дыхание, уверенное управление тембром речи.

Сравнение экспериментальной и контрольной групп путем расчета критерия Фишера (F-критерия) показало отсутствие статистически значимых различий между экспериментальной и контрольной группами в оценке звуковой стороны речи.

Далее нами была разработана и апробирована в работе с экспериментальной группой логопедическая программа коррекции произношения. Программа была полностью реализована в

течение 2 месяцев. Продолжительность одного занятия – 20 минут.

В рамках апробации программы было применено информальное обучение на основе подражание речи педагога и такие инновационные технологии как мнемотехника и информационно-коммуникационные технологии. В рамках применения технологии мнемотехники с детьми разучивались стихи и скороговорки, использовались мнемотаблицы, в которых были изображены герои сказок, природные явления, различные действия. Мнемотаблицы являлись зрительным планом для детей экспериментальной группы. Дети так же обучались составлению текстов с помощью мнемотаблиц.

Для развития произношения и проведения артикуляционной гимнастики нами использовалась компьютерная программа «Видимая речь». Данная программа предназначена непосредственно для формирования произносительной речи у детей с нарушениями слуха.

Для формирования произносительных навыков использовались цифровые тренажеры «Визуальный тренажер произношения» и «Тренажер Красноречие», действие которого направлено на развитие словообразовательных навыков.

После апробации программы нами была проведена повторная диагностика навыков произносительной речи у детей экспериментальной и контрольной групп. Путем применения методики «Альбом для обследования произношения у дошкольников с нарушениями слуха» (Н.Д. Шматко) выявлено, что в экспериментальной группе всего 25,0% детей (3 человека) при подражании речи педагога допускали произношение сочетаний согласных звуков с паузами, призвуками, пропусками и перестановками. У 75,0% детей (9 человек) экспериментальной группы эти ошибки произношения не наблюдались или наблюдались в единичных случаях.

После апробации логопедической программы большинство детей экспериментальной группы 91,6% (11 человек) правильно выделяли голосом ударения, не допускали ошибок в произношении мягких согласных, замен мягких согласных парными твердыми согласными, не делали смягчения твердых согласных. Результаты повторной диагностики в контрольной группе не показали существенных улучшений произношения у детей. Результаты повторной диагностики звуковой стороны речи представлены на рисунке 2.

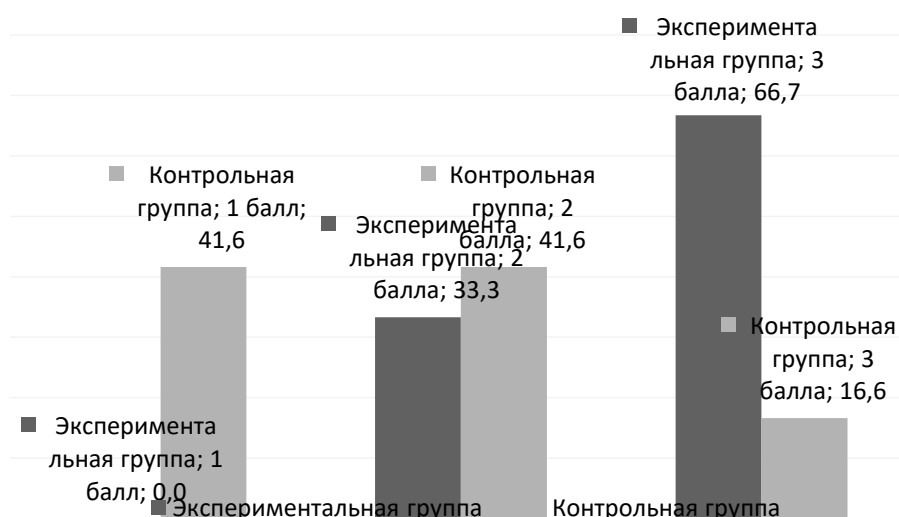

Рисунок 2 – Результаты повторной диагностики звуковой стороны речи, (Ф.Ф. Рау, Н.Ф. Слезина), в %

Согласно данным рисунка, более половины детей экспериментальной группы – 66,7% (8 человек) показали отчетливое, правильное произношение всех звуков, умение их разделять, правильную артикуляцию, речевое дыхание, уверенное управление тембром речи. В контрольной группе не наблюдалось улучшение результатов формирования произносительной стороны речи.

Сравнение экспериментальной и контрольной групп путем расчета критерия F-критерия показало наличие статистически значимых различий между экспериментальной и контрольной группами в оценке звуковой стороны речи. Полученные результаты свидетельствуют об эффективности логопедической программы коррекции произношения.

Таким образом, в настоящее время для формирования произносительной стороны речи у детей с нарушением слуха могут быть использованы как традиционные, так и инновационные технологии. Сочетание традиционных и инновационных технологий психолого-педагогического сопровождения формирования произносительной стороны речи у дошкольников с нарушением слуха позволяет получить положительные результаты логопедической работы, может быть использовано в работе логопедов и педагогов дошкольных образовательных организаций.

Список использованной литературы:

1. Марейченко, М.А. Информационные технологии в обучении детей с нарушениями слуха / М.А. Марейченко, О.В. Инишева, А. А. Семакина. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2024. – № 2 (501). – С. 344-346.
2. Ожгибесова, Е.И. Развитие речи неслышащих дошкольников посредством инновационных технологий / Е. И. Ожгибесова. – Текст: непосредственный // Вопросы дошкольной педагогики. – 2020. – № 1 (28). – С. 43-46.
3. Шлеина, Е.С. Диагностический инструментарий для обследования слухового восприятия и произношения детей с нарушенным слухом / Е.С. Шлеина, Л.В. Большанина. – Текст: непосредственный // Научное обозрение. Педагогические науки. – 2023. – № 4. – С. 21-26.

© Нестерова Ю.С., 2026

УДК 794.417

Новолокина П.В.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет физической культуры спорта и туризма»,
Краснодар, РФ

Научный руководитель: Тронев В.В.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет физической культуры спорта и туризма»,
Краснодар, РФ

АНАЛИЗ НОРМАТИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ В ПРЫЖКАХ НА АКРОБАТИЧЕСКОЙ ДОРОЖКЕ КАК ОСНОВА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СПОРТИВНОЙ ПОДГОТОВКИ

Аннотация

В статье проводится анализ федерального стандарта спортивной подготовки по виду спорта «прыжки на батуте» в контексте изучения дисциплины вида спорта – прыжки на акробатической дорожке, а именно учебно-тренировочного этапа. Данный этап спортивной подготовки является основополагающим для спортсменов в вопросе формирования основных резервов функциональных возможностей организма и освоения основного арсенала технических элементов, необходимых для успешной соревновательной деятельности.

Ключевые слова:

прыжки на акробатической дорожке, анализ нормативных документов.

Novolokina P.V.

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Kuban State University of Physical Education, Sport and Tourism», Krasnodar

Scientific Advisor: Tronev V. V.

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Kuban State University of Physical Education, Sport and Tourism», Krasnodar

ANALYSIS OF REGULATORY DOCUMENTS IN TRAMP JUMPING AS A BASIS FOR IMPROVING SPORTS TRAINING**Abstract**

The article analyzes the federal standard for sports training in the sport of trampoline jumping in the context of studying the discipline of trampoline jumping, specifically the training stage. This stage of sports training is fundamental for athletes in terms of developing the main reserves of their body's functional capabilities and mastering the basic arsenal of technical elements necessary for successful competitive performance.

Keywords:

acrobatic track jumping, regulatory document analysis.

Введение. Прыжки на акробатической дорожке по структуре всероссийской федерации видов спорта является частью вида спорта – прыжки на батуте, и с 2000-ого года является одной из дисциплин данного вида спорта. Находясь наравне с прыжками на батуте, синхронными прыжками на батуте и прыжками на двойном мини трампе. Данная специфика устройства всероссийской федерации аналогично отражена и международной системе спорта, так как прыжки на акробатической дорожке входят в международную федерацию прыжков на батуте [1, с. 123].

Данный факт находит свое отражение и в нормативных документах, регламентирующих спортивную подготовку по данному виду спорта. Основной особенностью является то, что внутри федерального стандарта спортивной подготовки не происходит разделения норм подготовки, нормативов физической и технической подготовленности и требований к уровню освоения программ подготовки на прыжки на батуте, прыжки на акробатической дорожке и на прыжки на двойном мини трампе [2, с. 210].

Представленное положение дел, к сожалению, не дает разделения на специфику каждого вида соревнований, что на наш взгляд является допущением в виду хоть и общей схожести подготовки и специфики соревновательной деятельности в каждом виде спорта, однако не обозначает специфические различия, которые существуют в виду специфики соревновательной деятельности.

Так прыжки на акробатической дорожке по анализу соревновательной деятельности представляются более скоростно-силовым видом спорта в виду необходимости проявления данных физических способностей наравне с высокими требованиями к ловкости в целом и координационным способностям в частности.

Таким образом, для определения всех компонентов специальной физической подготовки и выявлению уровня специальной физической подготовленности прыгунов на акробатической дорожке необходимо провести анализ федерального стандарта спортивной подготовки.

Результаты исследования. Согласно стандарту спортивной подготовки, в прыжках на дорожке выделяют четыре основных этапа становления прыгуна. Классическое распределение между этапами многолетней подготовки происходит согласно общей теории спорта на этап начальной подготовки, учебно-тренировочных этап, этап совершенствования спортивного мастерства и этап высшего спортивного мастерства (Таблица 1)

Как видно из представленных данных, учебно-тренировочный этап является самым продолжительным регламентированным этапом, подготовка на котором начинается с 8 лет, после занятий в течении хотя бы одного года начальной подготовки. Согласно специфике занятий, в прыжках на

акробатической дорожке, группы наполняются до 4 человек, что обеспечивает более узкоспециализированную работу спортсмена с тренером [3, с. 85].

Таблица 1

Этапы многолетней спортивной подготовки в прыжках на акробатической дорожке и основные требования к этапам

Этап спортивной подготовки	Продолжительность этапа в годах	Возраст для зачисления и перевода в группы (лет)	Наполняемость групп (кол-во человек)
Этап начальной подготовки	1-2	7	8
Учебно-тренировочный этап (этап спортивной специализации)	5	8	4
Этап совершенствования спортивного мастерства	не ограничивается	13	2
Этап высшего спортивного мастерства	не ограничивается	15	1

Однако помимо данных об этапах многолетней подготовки следует обратить внимание на объем тренировочной нагрузки, представленной для учебно-тренировочного этапа (Таблица 2).

Таблица 2

Объем тренировочной нагрузки для подготовки прыгунов на дорожке на учебно-тренировочном этапе

Показатель	УТ до 3 лет	УТ свыше 3 лет
Количество часов в неделю	10-12	12-16
Количество часов в год	520-624	624-832
СФП (в %)	25-30	20-25

Как видно из представленных данных, занятия на учебно-тренировочном этапе проходят на намного большем объеме чем на начальном этапе подготовки. Также, как и на начальном этапе подготовки, на учебно-тренировочном этапе норма объема тренировочной нагрузки представлена в двух вариантах, для занимающихся до 3-х лет на этапе и свыше 3-х лет на учебно-тренировочном этапе.

Так тренировочный процесс представляется 5-ти и 6-ти дневными тренировками в неделю, по два часа, в рамках которых решаются основные задачи обучения техническим элементам и повышению уровня как общей, так и специальной физической подготовленности.

При рассмотрении процентного соотношения видов подготовки, следует отметить, что специальной физической подготовке отдается почти треть всего времени в годичном цикле подготовки, что также выражается и при анализе тренировочных мероприятий, где каждая тренировка включает в себя обязательный раздел ОФП и СФП, что также используется для развития специальных физических качеств, необходимых прыгунам [4, с. 185].

И заключительной частью в исследовании федерального стандарта спортивной подготовки является изучение нормативов перевода между этапами. Специальная физическая подготовленность на учебно-тренировочном этапе выражается следующими тестами (Таблица 3):

Таблица 3

Нормативы специальной физической подготовки для перевода на учебно-тренировочный этап

№ п/п	Упражнения	Единица измерения	Юноши	Девушки
1	Напрыгивание на возвышение высотой 30 см за 30 с	кол-во	не менее 15	
2	Мост (расстояние от стоп до кистей)	см	45	40
3	Сгибание и разгибание рук в упоре на параллельных гимнастических скамьях	кол-во	5	-
4	Сгибание и разгибание рук в упоре на параллельных гимнастических скамьях ноги на полу	кол-во	-	5
5	Продольный шпагат (расстояние от пола до бедер)	см	не более 10	
6	Поднимание ног из виса на гимнастической перекладине в положение «угол»	кол-во	15	14

- Напрыгивание на возвышение высотой 30 см за 30 с (количество раз);
- Мост (расстояние от стоп до кистей) (сантиметры);
- Сгибание и разгибание рук в упоре на параллельных гимнастических скамьях (количество раз) для юношей и сгибание и разгибание рук в упоре на параллельных гимнастических скамьях ноги на полу (количество раз) для девушек;
- Продольный шпагат (расстояние от пола до бедер) (сантиметры);
- Поднимание ног из виса на гимнастической перекладине в положение «угол» (количество раз).

Данные тесты в своей сути отражают несколько основных физических качеств, достаточный уровень развития в которых необходим для занятий видом спорта [5, с. 24].

Так мы можем определить быстроту, гибкость и силу. Данный набор физических качеств вполне характеризует соревновательную деятельность в прыжках на акробатической дорожке, поскольку специфика вида спорта заключается в проявлении максимальной быстроты на разбеге, которая сопоставима по скорости с разбегом гимнаста для выполнения опорного прыжка, так как прыгуны на дорожке должны развить максимально возможную скорость, необходимую для выполнения соревновательных комбинаций на достаточной высоте, обусловленной специфическими техническими элементами, позволяющих перевести скорость разбега в высоту прыжка.

Сила проявляется в первую очередь в способности отталкивания от акробатической дорожки, чтобы поддерживать высокий темп выполнения соревновательного упражнения. При этом в виду специфики выполнения технических элементов прыгуну необходима сила всех основных групп мышц, которые мы условно можем поделить на силу ног, рук и туловища, так как отталкивания ногами это основной фактор набора высоты в прыжках, интенсивные сгибания и разгибания туловища во время выполнения как «разгонных» элементов типа «фляк» или «темп», так и при выполнении многократных, в особенности тройных вращений в различных положениях через голову.

И непосредственно гибкость, которая проявляется в способности акробата прыгуна принимать специальные специфические позы: группировки, согнувшись и прогнувшись. Также особое внимание следует уделить технике исполнения таких разгонных элементов типа «фляк» и «темп» во время выполнения которых спортсмены выполняют значительные переразгибы в поясничном отделе для выполнения хлестких, быстрых и сильных сгибаний, также необходимых для набора и поддержания скорости выполнения соревновательной комбинации.

Данный набор тестовых заданий позволяет определить несколько основных физических качеств, а именно специальных физических качеств, которые необходимы в данном виде спорта.

Однако, при анализе специальных физических качеств на учебно-тренировочном этапе для наиболее лучшей оценки физической подготовленности и постановке целей специальной физической подготовки в тренировочных занятиях необходимо ориентироваться на нормативы следующего этапа спортивной подготовки – этапа совершенствования спортивного мастерства (Таблица 4).

Таблица 4

Нормативы специальной физической подготовки для перевода
на этап совершенствования спортивного мастерства

№ п/п	Упражнения	Единица измерения	Юноши	Девушки
1	Напрыгивание на возвышение высотой 50 см 60 раз	с	не более 70	
2	Упражнение «Складка» (расстояние от пола до плеч)	см	не более 10	
3	Сгибание и разгибание рук в упоре на параллельных гимнастических скамьях ноги на полу	кол-во	20	7
4	В висе на гимнастической перекладине поднимание ног до касания перекладины	кол-во	6	4

Анализ позволяет отметить, что при переходе на этап совершенствования спортивного мастерства количество тестов сокращается, но основные показатели специальной физической подготовленности остаются неизменными, так присутствуют тесты:

- Напрыгивание на возвышение высотой 50 см 60 раз (секунды);
- Упражнение «Складка» (расстояние от пола до плеч) (сантиметры);
- Сгибание и разгибание рук в упоре на параллельных гимнастических скамьях ноги на полу (количество раз);
- В виси на гимнастической перекладине поднимание ног до касания перекладины (количество раз).

Следует отметить, что при этом произошли изменения в первом тесте, где изменились условия выполнения, так как увеличивается высота возвышения с 30 сантиметров до 50 сантиметров, и изменяется подход к оценке, где вместо количества раз, фиксируется единое количество прыжков – 60 запрыгиваний, и измеряется время выполнения.

Заключение. Таким образом, данные нормативы позволяют визуализировать требования, которым должен соответствовать прыгуны для перехода на этап совершенствования спортивного мастерства, и как следствие отталкиваясь от данных требований и строить структуру специальной физической подготовки.

Список использованной литературы:

1. Курьсь, В.Н. Спортивная акробатика теория и методика обучения прыжкам на дорожке I том. - Ставрополь, 1994. - 200 с.
2. Матвеев, Л.П. Общая теория спорта и ее прикладные аспекты: Учебник для вузов ФК /Л. П. Матвеев. - 5-е изд., испр. и доп. - М.: Советский спорт, 2010. – 340 с.
3. Пиллюк, Н.Н. Структура соревновательной деятельности высококвалифицированных акробатов /Н.Н. Пиллюк // Актуальные вопросы физической культуры и спорта: Тр. НИИ проблемы физической культуры и спорта КубГАФК. - Краснодар, 2000. - Т. 3. - С. 82-87.
4. Шукшов, С.В. моделирование соревновательной деятельности спортсменов в прыжках на акробатической дорожке на этапе углубленной специализации / С.В. Шукшов, Р.И. Совмен // Материалы научной и научно-методической конференции профессорско-преподавательского состава Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма, Краснодар, 27 апреля – 23 мая 2012 года / Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма. – Краснодар: Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, 2012. – С. 184-186.
5. Шукшов, С.В. Модель основных компонентов соревновательных действий в акробатических прыжках на дорожке на этапе специализированной подготовки / С.В. Шукшов, Н.Н. Пиллюк, С.В. Фомиченко // Физическая культура, спорт - наука и практика. – 2013. – № 4. – С. 23-25.

© Новолокина П.В., 2026

УДК 37.06

Огурцова А.Г.

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный
национальный исследовательский университет», Белгород
Belgorod National Research University, Belgorod

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕМАТИКИ ПРИ ДИСТАНЦИОННОМ ФОРМАТЕ ОБУЧЕНИЯ FEATURES OF LEARNING MATHEMATICS IN DISTANCE LEARNING

Аннотация

Статья посвящена анализу ключевых особенностей процесса изучения математики в дистанционно

м формате обучения. В центре внимания — специфика усвоения математического материала, методы преподавания, инструменты контроля знаний и факторы, влияющие на эффективность обучения в разных условиях. Статья будет полезна преподавателям математики, методистам, администраторам образовательных учреждений, а также студентам и исследователям в области педагогики и информационных технологий.

Ключевые слова:

урок, познавательная деятельность, активизация познавательной деятельности, учебный процесс, технологии, ресурсы дистанционного обучения, образование, учитель, ученик, математика, асинхронные и синхронные методы.

Abstract

This article analyzes the key features of the process of studying mathematics in a distance learning format. The focus is on the specifics of mastering mathematical material, teaching methods, tools for testing knowledge, and factors that influence the effectiveness of learning in different conditions. The article will be useful for mathematics teachers, methodologists, administrators of educational institutions, as well as for students and researchers in the field of pedagogy and information technology.

Key words:

lesson, cognitive activity, cognitive activation, learning process, technology, distance learning resources, education, teacher, student, mathematics, asynchronous and synchronous methods.

В образовании появляется новое направление - *онлайн обучение*, отличаемое широкой доступностью, что является несомненным преимуществом при самообразовании и помощником при дополнительном образовании. Так же развивается различные онлайн платформы и ресурсы, которые используются, как и в дистанционном обучении, так же и находят свое применение и интегрируется в очное обучение, что дает возможность сделать уроки более наглядными, яркими, запоминающимися и интересными

Так же можно сказать, что в зависимости от формата обучения *теория и практика* предоставляются и усваивается по-разному. Несомненно, любой формат обучения может достойно обеспечивать качество усвоения информации. Подача и отработка теоретического материала и его практического закрепления при условии дистанционного обучения может происходить *синхронно*, т. е. в конференции в режиме реального времени, где учитель излагает материал и отрабатывает его вместе с детьми с учетом всех их интересующих вопросов по теме урока, что максимально приближенно к очному занятию; а может происходить *асинхронно*, т. е. ученикам отправляются задания и назначается дедлайн их выполнения, и они самостоятельно изучают материал и к назначенному времени отправляют выполненное на проверку [2].

Асинхронное онлайн обучение возникло в связи тем, что сервер, разработанных для онлайн обучения образовательных программ, зачастую был перегружен из-за количества пользователей и невозможно было проводить занятие полноценно и на должном уровне. В связи с чем учителя отправляли ученикам необходимую теорию, предоставляемую в виде презентаций или самостоятельно записанных видео-уроков, что позволит приобрести необходимые знания. Теоретическая часть подкрепляется практической составляющей, предоставляемой в виде тестирования по вопросам теории или упражнений и заданий для отработки и закрепления материала, которую нужно выполнить самостоятельно и отправить в соответствии с дедлайном, благодаря чему можно будет провести анализ качества усвоения полученных знаний [3].

Но в случаях если асинхронный метод будет использоваться на постоянной основе, происходит снижение мотивации изучения предмета, познавательной активности и качества усвоенного материала. Вследствие возможного непонимания до конца предоставляемого материала выполнение заданий, как правило, не осуществляется в срок. При значительно сниженном взаимодействии с учителями, учащиеся испытывают моральное напряжение, что является причиной отказа выполнения заданий или выполнение

их в ненадлежащем виде. Поэтому использование асинхронного дистанционного обучения должно осуществляться в умеренных количествах, выдерживая определенный баланс. Ведь просто выложенный материал учителем без непосредственного взаимодействия с учениками не может сопровождаться положительными и эффективными результатами процесса обучения.

Применение *асинхронных* и *синхронных* методов дистанционного обучения одновременно наиболее эффективно влияет на учебный процесс, нежели чем применение этих методов по отдельности, т. е. без интеграции друг с другом. Это объяснимо объединением как самостоятельной работы, так и непосредственная работа с учителем, что является разнообразием в смене деятельности [3].

Педагогу важно иметь навыки создания благоприятной атмосферы поддержки в классе, навыки по построению благоприятных коммуникаций со всеми участниками образовательного процесса как при очных, так и при дистанционных занятиях, чтобы учащиеся могли раскрывать свой потенциал и стремиться к знаниям, а учитель мог направлять и помогать решить возникающие проблемы у учеников в этом нелегком пути обучения. В свою очередь, ученики должны быть готовы к взаимодействию с учителем и идти навстречу процессу обучения, так же налаживать коммуникации с педагогом и с другими учащимися [1].

Если в целом рассматривать процесс развития информационных площадок для дистанционного образования, то это действительно положительно влияет на сферу образования, в частности дополнительного. Так как это позволяет учащимся со всего мира изучать, познавать, исследовать что-то интересующее для себя и углублять свои знания, полученные в процессе обучения в школе.

Для современных школьников применение дополнительных средств обучения должно быть оснащено интерактивной составляющей. Учителя так же могут использовать образовательные площадки, вебинары, обучающие видео для наглядной демонстрации материала, ведь это отличное подспорье, служащее дополнительной мотивацией школьников к изучению предмета, к процессу обучения.

Список использованной литературы:

1. Маркеева А.А. Проблема мотивации школьников в дистанционном обучении / А.А. Маркеева // Школьная педагогика. – 2020. – No2 (18). – С. 1–
2. Скоробач И.Р. «Дистанционное обучение: современные реалии» // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. — 2020. — № 05/2. — С. 71–73. — Анализ современных тенденций в дистанционном образовании, включая математику.
3. Фисенко Т. П. Синхронные и асинхронные составляющие смешанного обучения математике // Познание и деятельность: от прошлого к настоящему: материалы III Всероссийской междисциплинарной научной конференции / отв. ред. И. П. Геращенко. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2021. С. 150–153.

© Огурцова А.Г., 2026

УДК 378

Ралдугин Е.С.

студент 2 курса РТУ МИРЭА, г. Москва, РФ

Научный руководитель: Кравец О.С.

ассистент кафедры иностранных языков РТУ МИРЭА, г. Москва, РФ

ЕВРОПЕЙСКАЯ ШКОЛА BUSINESS PROCESS MANAGEMENT: ПРЕДСТАВИТЕЛИ, КОНЦЕПЦИИ И ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Аннотация

В статье анализируется вклад европейских исследователей в развитие Business Process Management.

Рассматриваются концепции А.-В. Шеера, М. Роземанна, Я. Беккера, В. ван дер Аалста, Я. Мендлинга и М. Дюма. Показано, что европейская школа BPM сформировала ряд оригинальных понятий, среди которых архитектура ARIS, модель зрелости BPM, эталонные модели и process mining. Особое внимание уделено лингвистическому и педагогическому значению этих понятий: они формируют профессиональный словарь и одновременно служат инструментами обучения процессному управлению. Делается вывод о том, что европейский подход дополняет американскую традицию и обогащает терминологическую систему BPM.

Ключевые слова:

Business Process Management, BPM, ARIS, process mining, европейская школа управления, моделирование процессов, терминология, лингвистика, педагогика.

Введение

Развитие Business Process Management как научного и практического направления связано не только с американскими исследователями, но и с европейской традицией процессного управления. Если в США акцент был сделан на радикальном пересмотре процессов и связи их с информационными технологиями, то в Европе сформировался самостоятельный подход, в центре которого находятся архитектура процессов, эталонные модели, оценка зрелости управления и анализ реального поведения процессов через данные информационных систем. Поэтому изучение европейской школы BPM имеет значение как для понимания истории менеджмента, так и для расширения профессионального словаря, используемого в обучении бизнес-аналитиков и менеджеров.

Европейская школа BPM представляет интерес и с точки зрения лингвистики, так как именно в работах европейских авторов появились термины, обозначающие специфические аспекты управления процессами: архитектура предприятия, эталонная модель, зрелость процесса, добыча процессов. Эти термины не всегда имеют точные русские эквиваленты, поэтому их освоение требует не механического перевода, а смысловой интерпретации, что является типичной задачей профессиональной подготовки.

Основная часть

Одной из ключевых фигур европейской школы BPM является немецкий ученый Август-Вильгельм Шеер. В работе «ARIS — Business Process Frameworks» он предложил архитектуру интегрированных информационных систем, известную под аббревиатурой ARIS [1]. Эта архитектура рассматривает организацию через пять взаимосвязанных представлений: функции, организационная структура, данные, продукты и управление. Такое многомерное описание позволяет анализировать предприятие как сложную систему, в которой бизнес-процессы соединяют различные аспекты деятельности. Терминологически благодаря А.-В. Шееру в профессиональный язык вошли понятия «архитектура процессов», «процессная карта», «диаграмма цепочки добавленной стоимости», которые сегодня широко используются как в практике, так и в учебных курсах.

Существенный вклад в развитие BPM внесли австралийско-европейский исследователь Михаэль Роземанн и немецкий ученый Йорг Беккер. М. Роземанн вместе с коллегами разработал модели зрелости BPM, которые описывают уровни развития процессного управления в организации: от хаотичных и нерегламентированных процессов до полностью управляемых и непрерывно совершенствуемых [2]. Эта концепция важна с педагогической точки зрения, поскольку позволяет студентам не просто описывать процессы, но и оценивать состояние процессного управления в реальных организациях, опираясь на конкретные критерии. Й. Беккер с коллегами развивал идею эталонных моделей бизнес-процессов и принципов их построения, в частности через концепцию Guidelines of Modeling [3]. Принципы корректности, релевантности, экономической эффективности, ясности, сопоставимости и системности составляют основу профессиональной культуры моделирования, передаваемой в обучении.

Особое место в европейской школе BPM занимает голландский исследователь Вил ван дер Аалст. Он является основателем направления process mining — анализа процессов на основе журналов событий,

которые автоматически фиксируются в информационных системах. В книге «Process Mining: Data Science in Action» В. ван дер Аалст показал, как из реальных данных можно восстановить фактическую модель процесса, сопоставить ее с эталонной и выявить отклонения [4]. С лингвистической точки зрения термин process mining требует особого пояснения: это не «добыча» в буквальном смысле и не сводимое только к статистическому анализу понятие, а специализированная методология, объединяющая управление процессами, анализ данных и информационные технологии.

Современное обобщение европейского подхода представлено в учебнике «Fundamentals of Business Process Management», подготовленном М. Дюма, М. Ла Розой, Я. Мендлингом и Х. Рейерсом [5]. В этой работе систематизирован весь цикл управления процессами — от идентификации и моделирования до автоматизации, мониторинга и непрерывного улучшения. Учебник стал стандартом подготовки специалистов BPM в европейских и российских университетах, поскольку он соединяет теоретическую глубину с конкретными примерами и упражнениями. Для образовательной практики он ценен тем, что закрепляет единый язык BPM и предлагает четкую последовательность изучения процессного управления.

Значительный вклад в развитие BPM внес и австрийский исследователь Ян Мендлинг, чьи работы посвящены качеству процессных моделей, их понятности и пригодности для образовательной коммуникации. Он показал, что качество модели определяется не только формальной корректностью, но и тем, насколько ясно она передает смысл процесса другим участникам — менеджерам, аналитикам, разработчикам и студентам. Это перекликается с педагогической задачей: студент должен научиться строить модель так, чтобы она была понятна не только ему самому, но и другим, что формирует у него навык профессиональной коммуникации через схему.

Таблица 1

Европейские представители BPM и их терминологический вклад

Представитель	Ключевая работа / направление	Основные термины	Значение для обучения BPM
А.-В. Шеер	ARIS — Architecture of Integrated Information Systems	architecture, process map, value chain diagram	Учит описывать предприятие как многомерную систему процессов и данных.
М. Роземанн	BPM Maturity Model	process maturity, capability, governance	Позволяет оценивать уровень развития процессного управления в организации.
Й. Беккер	Guidelines of Modeling, reference models	reference model, modeling guidelines, correctness	Формирует культуру корректного и системного моделирования бизнес-процессов.
В. ван дер Аалст	Process Mining	event log, process discovery, conformance checking	Связывает анализ процессов с реальными данными информационных систем.
М. Дюма, Я. Мендлинг и др.	Fundamentals of BPM	process lifecycle, process model quality, automation	Дает целостное представление о жизненном цикле управления процессами.

Приведенная таблица показывает, что европейская школа BPM формирует особый пласт терминологии, отличающийся от американского. Если в работах М. Хаммера и Дж. Чампи в центре оказались термины reengineering и radical redesign, то в европейской традиции на первый план выходят понятия architecture, maturity, reference model, event log, process discovery. Это различие имеет принципиальное значение: американская школа в большей степени делает акцент на разовом изменении процессов, тогда как европейская — на длительном развитии процессной зрелости, накоплении знаний через эталонные модели и анализе фактического поведения процессов.

С лингвистической точки зрения европейская терминология BPM представляет собой пример системного развития профессионального языка. Многие понятия образованы по продуктивным моделям: process + существительное (process model, process owner, process mining, process discovery, process

architecture) и существительное + maturity (capability maturity, process maturity). Такая регулярность облегчает обучение, поскольку студент может прогнозировать значение нового термина по его структуре. В то же время отдельные термины, такие как conformance checking или event log, требуют пояснения, поскольку их значение нельзя вывести только из перевода: conformance checking — это не просто «проверка соответствия», а методика сравнения реального процесса с эталонным на основе данных журнала событий.

С педагогической точки зрения европейские концепции BPM удобно использовать в качестве учебных моделей. Архитектура ARIS дает студенту целостное представление о предприятии, модель зрелости BPM позволяет оценивать организационный контекст процессов, эталонные модели формируют навык работы с типовыми решениями, а process mining учит соединять управленческий анализ с обработкой данных. Такое сочетание делает обучение многогранным: студент осваивает не только графическую нотацию, но и аналитическое мышление, навыки оценки и работу с реальными данными организационной деятельности.

Важно отметить, что европейский подход к BPM органично соединяется с российской традицией процессного управления. В работах В. В. Репина и его коллег развивается практика регламентации, описания и анализа бизнес-процессов российских организаций, опирающаяся в значительной мере на европейский научный аппарат [6]. Это создает прочную основу для образовательных курсов BPM, в которых международная терминология сочетается с примерами из отечественной практики, а англоязычные понятия объясняются параллельно с их русскими эквивалентами и контекстом применения.

Заключение

Таким образом, европейская школа Business Process Management сыграла значительную роль в становлении современной методологии процессного управления и обогатила его терминологический аппарат. А.-В. Шеер ввел архитектурный взгляд на предприятие, М. Роземанн развил концепцию зрелости BPM, Й. Беккер сформулировал принципы корректного моделирования, В. ван дер Аалст основал направление process mining, а М. Дюма, Я. Мендлинг и их коллеги систематизировали жизненный цикл управления процессами как единую учебную дисциплину. В лингвистическом плане их вклад выражается в формировании устойчивого профессионального словаря, в педагогическом — в возможности использовать предложенные ими понятия как инструменты обучения. Поэтому изучение европейской школы BPM становится необходимой частью подготовки специалистов по процессному управлению наряду с освоением американской традиции и нотации BPMN.

Список использованной литературы:

1. Scheer A.-W. ARIS — Business Process Frameworks. — 2nd ed. — Berlin; Heidelberg: Springer, 1999. — 186 p.
2. Rosemann M., de Bruin T. Towards a Business Process Management Maturity Model // Proceedings of the 13th European Conference on Information Systems. — Regensburg, 2005. — P. 1—12.
3. Becker J., Rosemann M., von Uthmann C. Guidelines of Business Process Modeling // Business Process Management: Models, Techniques, and Empirical Studies / ed. by W. van der Aalst, J. Desel, A. Oberweis. — Berlin: Springer, 2000. — P. 30—49.
4. Van der Aalst W. Process Mining: Data Science in Action. — 2nd ed. — Berlin; Heidelberg: Springer, 2016. — 467 p.
5. Dumas M., La Rosa M., Mendling J., Reijers H. A. Fundamentals of Business Process Management. — 2nd ed. — Berlin; Heidelberg: Springer, 2018. — 546 p.
6. Репин В. В., Елиферов В. Г. Процессный подход к управлению. Моделирование бизнес-процессов. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. — 544 с.

УДК 37

Рзагулыева Л.А.,

Студентка 4-го курса специальности русский язык и литература.

Шамыева Дж.Ч.,

Преподаватель кафедры русского языка и литературы.

Туркменского государственного университета имени Махтумкули.

Ашхабад, Туркменистан.

**ВАРИАТИВНОСТЬ НОРМ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА:
ПРИЧИНЫ, ТИПЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ**

Аннотация

В данной статье рассматривается феномен вариативности языковых норм как неотъемлемая характеристика современного русского литературного языка. Анализируются основные причины возникновения вариантов (исторические, системные, социальные), классифицируются типы вариативности (орфоэпическая, морфологическая, синтаксическая, лексическая), а также оценивается отношение лингвистов к этому явлению. Особое внимание уделяется динамике нормы в эпоху цифровой коммуникации. Автор приходит к выводу, что вариативность — не признак упадка, а свидетельство жизнеспособности и развития языка.

Ключевые слова:

вариативность, языковая норма, русский литературный язык, орфоэпия, акцентология, кодификация, узус, динамика нормы.

1. Введение

Понятие «языковая норма» традиционно ассоциируется с образцовостью, стабильностью и обязательностью. Однако живой литературный язык никогда не бывает абсолютно монолитным. Одним из ключевых свойств современного русского языка является вариативность — способность одной и той же единицы языка существовать в нескольких формах (вариантах), которые признаются правильными и допустимыми. Цель данной работы — выявить причины, формы и границы вариативности в современном русском языке.

2. Причины возникновения вариативности

Лингвисты выделяют три основные группы причин:

1. **Исторические:** Язык постоянно эволюционирует. Старая норма («профиль», «шáсси») соседствует с новой («профíль», «шассí»). Процесс смены нормы занимает десятилетия, и в переходный период оба варианта сосуществуют.

2. **Системные:** Внутренние законы языка допускают разные способы выражения одного значения. Например, варианты окончаний в творительном падеже: «дверью» — «дверями»; варианты видовых пар: «обуславливать» — «обуславливать».

3. **Социальные и территориальные:** Влияние просторечия, профессиональной речи (акцентологический вариант «дóбыча» у шахтёров и «добы́ча» в литературной норме) и диалектов.

Как отмечают исследователи, «норма всегда консервативна, но она не статична: её динамика проявляется именно через зону вариативности».

3. Типы вариативности

В современном русском языке вариативность фиксируется на всех уровнях:

Тип	Примеры вариантов	Примечание
Орфоэпические	«твóрог» и «творóг»; «íначе» и «ина́че»	Самый массовый тип.
Акцентологические	«звóнит» (устар.) — «звонít» (совр.); «бáржа» — «баржа́»	Болезненная зона для носителей.

Тип	Примеры вариантов	Примечание
Морфологические	«инженёры» — «инженерá» (разг., но допустимо); «килограмм» — «килограммов»	Варианты окончаний.
Синтаксические	«ждать поезд» — «ждать поезда»; «бояться маму» — «бояться мамы»	Варианты управления.
Лексические	«бортовка» — «бортовой камень»; «визáви» — «собеседник»	Стилистические иноязычные дублеты.

4. Проблема границ нормы и роль словарей

Задача лингвистов — не запрещать варианты, а **кодифицировать** их, то есть зафиксировать в словарях с пометами. Современные нормативные словари (например, «Большой орфоэпический словарь» под ред. Каленчук) используют шкалу допустимости:

- «и *строгая норма*» (единственно верный вариант);
- «и *допустимо*» (равноправные варианты: «фóрзац» и «форзáц»);

Критерием истины здесь служит узус — реальное употребление образованными носителями языка. Как только 70-80% людей начинают говорить иначе, словари фиксируют смену нормы.

Заключение

Вариативность норм современного русского языка — это не хаос и не признак деградации. Это естественный механизм языковой эволюции. Именно зона вариативности позволяет языку оставаться гибким, отражать изменения в культуре и обществе, сохраняя при этом свою преемственность. Грамотный носитель языка должен не бояться вариантов, а уметь выбирать уместный в данной ситуации — строгий или допустимый, книжный или разговорный.

Список использованной литературы:

1. Горбачевич, К.С. (2009). Нормы современного русского литературного языка. М.: Просвещение. (Классический труд по вариантологии).
2. Шмелёв, А.Д. (2018). «Динамика языковой нормы в конце XX — начале XXI века». Вопросы языкознания, № 2, с. 7-22.
3. Розенталь, Д.Э., Теленкова, М.А. (2010). Словарь трудностей русского языка. М.: Айрис-пресс. (Практические пометы о вариантах).

© Рзагулыева Л.А., Шамыева Дж.Ч., 2026

УДК 81-139

Ри Сен Чжин,
Преподаватель
Пак Чхоль Мин,
Преподаватель,
Политехнический университет имени Ким Чака,
г. Пхеньян, КНДР

МЕТОДЫ ЗАПОМИНАНИЯ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ: ОПЫТ ПРЕПОДАВАНИЯ В КОРЕЙСКОЙ АУДИТОРИИ

Аннотация

В статье обобщается опыт преподавания русского языка как иностранного в Политехническом университете имени Ким Чака (КНДР). На основе практической работы в корейской аудитории авторы

выделяют три группы методов запоминания: семантико-логические (смысловое запечатление, ассоциативное запоминание), перцептивно-моторные (сенсорный, музыкальный) и организационно-повторительные (интервальное повторение, игровой, мультимедийный). В отличие от традиционных мнемотехнических обзоров, в статье делается акцент на педагогических принципах реализации этих методов в условиях иноязычной среды. Каждый метод сопровождается конкретными примерами из реальной учебной практики. Статья адресована преподавателям РКИ, работающим в восточноазиатской аудитории.

Ключевые слова:

мнемотехника, методы запоминания, русский как иностранный, корейская аудитория, педагогический опыт.

Введение

В практике преподавания иностранных языков прочное запоминание учебного материала остаётся одной из центральных проблем. Особенно остро эта проблема стоит при обучении русскому языку как иностранному (РКИ) в восточноазиатской аудитории, где грамматический и лексический строй русского языка существенно отличается от родного языка учащихся.

В данной статье на основе многолетнего опыта преподавания РКИ в Политехническом университете имени Ким Чака (КНДР) анализируются методы запоминания, показавшие наибольшую эффективность. Цель статьи — не просто перечислить эти методы, но и показать конкретные педагогические приёмы их реализации в аудиторной и самостоятельной работе.

Все рассматриваемые в статье методы можно разделить на три группы по характеру когнитивной активности. К первой группе (семантико-логические методы) относятся намеренное запоминание на основе смыслового запечатления, а также ассоциативное запоминание. Вторую группу (перцептивно-моторные методы) составляют запоминание через различные органы чувств и музыкальный способ. Третья группа (организационно-повторительные методы) включает запоминание через очередное закрепление, игровой способ и использование современных мультимедийных средств. Такое деление не является строго формальным, но помогает систематизировать практический материал.

Ниже даётся подробная характеристика каждого метода с примерами из реальной учебной практики в корейской аудитории.

1. Намеренное запоминание на основе смыслового запечатления

При заучивании иностранных слов, предложений или текстов понимание смысла является необходимым условием прочного запоминания. Без осмысления материал быстро забывается.

В своей практике мы используем три режима работы с текстом:

- Целостное чтение — многократное прочтение всего текста без деления на части. Этот метод эффективен для коротких текстов и стихотворений.
- Сепарационное (раздельное) чтение — текст делится на части, каждая часть запоминается отдельно. Применяется при работе с длинными и сложными текстами.
- Смешанный метод — после первичного чтения всего текста он делится на части, которые заучиваются отдельно, затем материал повторно закрепляется в полном объёме.

Пример из практики: При изучении глаголов движения студентам сначала объясняется значение приставок (в-, вы-, под-, от- и т.д.), затем значение самого глагола (идти, ходить, ехать). Только после этого студенты приступают к запоминанию приставочных глаголов. Такой порядок даёт значительно лучшие результаты, чем механическое заучивание списка слов.

Данный подход согласуется с общедидактическим принципом осознанности обучения, который в отечественной педагогике наиболее полно разработан в трудах К.Д. Ушинского и его последователей.

2. Запоминание, основанное на языковых ассоциациях

Материал иностранного языка усваивается легче и быстрее, если он сгруппирован по определённым смысловым или формальным критериям. В своей практике мы выделяем четыре типа ассоциаций:

Тип ассоциации	Характер связи	Пример
По сходству	синонимы, омонимы	большой — огромный — громадный; плод — плот
По смежности	тематическая группа	стол — стул, больница — врач
По противоположности	антонимы	война — мир, молодой — старый
По причинно-следственной связи	логическая пара	зима — холодно, туча — дождь

Пример из практики: При изучении темы «Погода» студентам предлагается не отдельный набор слов (солнце, дождь, ветер, холодно, тепло), а ассоциативные цепочки: солнце — жарко — пляж — купаться; дождь — зонт — лужи — сыро; ветер — холодно — пальто — шапка. Такая группировка значительно ускоряет запоминание.

Ассоциативный метод является практическим приёмом, основанным на психологии памяти. Он не требует обязательной теоретической привязки к какой-либо одной научной школе и может эффективно использоваться в рамках различных методических подходов.

3. Запоминание через очередное закрепление (интервальное повторение)

Исследования памяти показывают, что для долговременного сохранения материала необходимы повторения с определёнными интервалами. На основе многолетней практики мы выработали следующий график:

Повторение	Время после первого запечатления
1-е	в течение суток
2-е	в течение 2–3 суток
3-е	в течение недели
4-е	через 2–3 недели

Пример из практики: При изучении новой лексики (например, 20 слов по теме «Семья») первое повторение проводится на следующем занятии, второе — через одно занятие (через 2 дня), третье — через неделю в форме краткого теста. Такой режим позволяет достичь устойчивого запоминания у 85–90% студентов.

Данный метод восходит к экспериментам Г. Эббингауза и подтверждается многочисленными исследованиями в психологии памяти. В современной методике он известен как система интервального повторения.

4. Запоминание через различные органы чувств (сенсорный метод)

Комплексное использование разных органов чувств (зрения, слуха, осязания, моторики) способствует более быстрому и прочному усвоению материала. При изучении иностранного языка это означает:

- зрительное восприятие — чтение, просмотр субтитров, визуальные карточки;
- слуховое восприятие — прослушивание аудиозаписей, повторение за преподавателем;
- моторное восприятие — прописывание слов, жесты, движения.

Пример из практики: При изучении глаголов движения или действий преподаватель не просто объясняет значение слова, но и просит студентов выполнить действие: встать (встаю), сесть (сажусь), открыть дверь (открываю), закрыть книгу (закрываю). Такое физическое действие закрепляет связь между словом и его значением.

Физиологические основы этого метода связаны с работами отечественных психофизиологов (И.П. Павлов, Б.Г. Ананьев), изучавших условно-рефлекторные связи и сенсорно-перцептивные процессы.

5. Музыкальный способ запоминания

Музыка и ритм облегчают запоминание благодаря образному и эмоциональному характеру восприятия. Данный метод особенно эффективен для изучения:

- названий дней недели;
- чисел и цифр;
- цветов;
- простых грамматических конструкций (например, спряжений).

Пример из практики: При изучении дней недели в корейской аудитории мы используем простую ритмическую песенку:

Понедельник, вторник, среда —

Работаем мы всегда.

Четверг, пятница, суббота —

Отдыхает вся пехота.

А воскресенье — отдых и веселье.

Студенты быстро запоминают последовательность дней недели благодаря ритму и рифме.

Ограничения метода: Сложность соединения произвольного учебного материала с мелодией, а также ограниченная сфера применения.

Метод перекликается с идеями суггестопедии (Г. Лозанов), однако в нашей практике он используется как вспомогательный, а не основной приём.

6. Игровой способ запоминания

Игровые элементы привлекают внимание студентов, снижают психологическое напряжение и облегчают преодоление трудностей. Особенно эффективны игры при изучении грамматического материала.

Пример из практики:

Загадка:

«Два отца и два сына съели три яйца. Каждый съел одно яйцо. Как это возможно?»

Ответ: это дед, отец и внук — три человека.

После разгадки преподаватель обращает внимание студентов на грамматическую конструкцию:

- *два отца* (числительное + существительное в родительном падеже единственного числа — форма, которая часто вызывает трудности у иностранцев);
- *три яйца* (аналогичная конструкция);
- *каждый съел одно яйцо* (числительное *одно* согласуется с существительным в роде и числе).

Таким образом, игровой элемент служит не просто развлечением, а способом привлечь внимание к грамматической форме и закрепить её в памяти.

Другой пример: При изучении падежей можно использовать игру «Что где лежит?». Студент должен правильно назвать предмет с предлогом: «Ручка лежит на столе», «Книга стоит на полке». Ошибка вызывает смех и обсуждение, что способствует запоминанию.

Игровой способ снижает эмоциональное напряжение и создаёт положительный настрой к учёбе — явление, которое в зарубежной методике называется снижением аффективного фильтра (С.Д. Крашен).

7. Запоминание при помощи современных мультимедийных средств

Современные технические средства (компьютер, планшет, смартфон, плеер) открывают новые возможности для изучения иностранного языка. В нашей практике используются:

- Аудиозаписи — для отработки произношения и восприятия на слух;
- Видеоматериалы — короткие диалоги, сценки, учебные фильмы;
- Мобильные приложения — карточки для запоминания слов (например, Anki), словари;
- Электронные тесты — для самопроверки и повторения.

Пример из практики: Для самостоятельной работы студенты получают аудиозапись диалога и текстовый файл. Дома они слушают запись, следя по тексту, затем слушают без текста, затем повторяют за диктором. Такой режим эффективно задействует слуховую и зрительную память.

Использование мультимедийных средств соответствует современным требованиям информатизации образования и позволяет индивидуализировать процесс обучения.

Заключение

Представленные в статье методы запоминания не исчерпывают всего многообразия мнемотехнических приёмов, однако они были отобраны как наиболее эффективные в условиях преподавания РКИ в Политехническом университете имени Ким Чака.

Эффективность каждого метода зависит от индивидуальных особенностей учащихся (тип памяти, мотивация, уровень подготовки) и конкретных учебных задач. В реальной педагогической практике целесообразно комбинировать несколько методов в зависимости от этапа обучения и характера материала. Наибольший результат даёт сочетание семантико-логических, перцептивно-моторных и организационно-повторительных методов.

Ограничением данного исследования является то, что оно сосредоточено преимущественно на лексико-грамматическом материале. Вопросы применения рассмотренных приёмов при обучении произношению, интонации и связной речи требуют отдельного изучения.

Перспективой дальнейшей работы видится разработка системы упражнений, интегрирующей смысловые, ассоциативные и сенсорные стратегии запоминания, а также экспериментальная проверка их эффективности в разных языковых группах.

Список использованной литературы:

1. Зимняя И.А. Педагогическая психология. — М.: Логос, 2014. — 384 с.
2. Солонцова Л.П. Современная методика обучения иностранным языкам. Часть 1. — М.: Просвещение, 2015. — 240 с.
3. Федотова Н.Л. Методика преподавания русского языка как иностранного: практический курс. — М.: Флинта, 2015. — 176 с.
4. Щукин А.Н. Методика преподавания русского языка как иностранного. — М.: Русский язык. Курсы, 2017. — 336 с.
5. Ананьев Б.Г. Сенсорно-перцептивная организация человека // Психология ощущений и восприятия. — М.: МПСИ, 2002. — С. 110–125.
6. Кабанова-Меллер Е.Н. Учебная деятельность и развивающее обучение. — М.: Знание, 1981. — 96 с.
7. Лозанов Г. Суггестопедия при обучении иностранным языкам // Методика преподавания иностранных языков за рубежом. — М.: Прогресс, 1976. — С. 70–88.

© Ри С.Ч., Пак Чхоль Мин, 2026

УДК 372.857

Савич Е.И.

студентка 1 курса магистратуры НИУ «БелГУ»

г. Белгород, РФ

КАК ОНЛАЙН-ФОРМАТ МЕНЯЕТ ПОДХОД К ЭКОЛОГИЧЕСКОМУ ОБРАЗОВАНИЮ СТАРШЕКЛАССНИКОВ

Аннотация

Формирование экологической культуры невозможно без наглядности и погружения в проблему. Как

объяснить школьнику масштабы загрязнения Мирового океана или механизм парникового эффекта, используя только стандартный учебник и мел? Онлайн – технологии открывают новый формат обучения. В статье рассматриваются проблемы обновления содержания и формы внеурочной деятельности по экологии для учащихся 9-11 классов

Ключевые слова:

внеурочная деятельность, экологическая культура, старшеклассники, онлайн-обучение, трансформация обучения, экологическое воспитание, проектная деятельность.

Savich E.I.

1st year master's student of Belgorod State University
Belgorod, Russia

**HOW THE ONLINE FORMAT CHANGES THE APPROACH TO ENVIRONMENTAL
EDUCATION OF HIGH SCHOOL STUDENTS**

Abstract

The formation of environmental culture is impossible without visibility and immersion in the problem. The formation of environmental culture is impossible without visibility and immersion in the problem. How to explain to a schoolboy the extent of pollution of the world's oceans or the mechanism of the greenhouse effect, using only a standard textbook and chalk? Online – technologies open a new format of learning. The article discusses the problems of updating the content and form of extracurricular activities in ecology for students of grades 9-11.

Keywords:

extracurricular activities, environmental culture, high school students, online learning, learning transformation, environmental education, and project activities.

Почему традиционные внеурочные занятия перестали работать? Внеурочная деятельность по экологии в отечественной школе имеет давние традиции кружковцев юных натуралистов, экологических отрядов, акции посвященных защите природы и др. Каждая из этих форм безусловна важна. Как показывает педагогическая практика и анализ исследований И.Д. Зверева [2], А.Н. Захлебного [1], С.Н. Глазачева [3], для современных старшеклассников традиционная модель внеурочных занятий перестает быть эффективной по нескольким причинам.

Первое: учащиеся 9-11 классов находятся в возрасте активного профессионального и личностного самоопределения. Современным школьникам нужна системная, деятельностная работа, результат, который можно «потрогать» предоставить в портфолио, использовать при поступлении.

Второе: ресурсные ограничения школы, устаревшая материальная база.

Третье: разрыв между экологическими знаниями и реальными действиями остается главным препятствием для формирования деятельностного и ценностного компонентов экологической культуры. Учащийся знает про проблемы, но не знает, как их устранить, что именно надо сделать.

В сложившихся ситуациях возникает вопрос на трансформацию внеурочной деятельности, то есть обновление ее содержания, форм и методов с использованием современных технологий. Наиболее перспективным направлением является интеграция онлайн – курсов во внеурочную деятельность.

Онлайн – курс это не просто набор видеолекций и тестов. Это системно организованный комплекс, включающий:

Компонент	Содержание в экологическом курсе
Теоретический блок	Видеолекции, анимации экологических процессов, интерактивные схемы
Практический блок	Расчеты, работа с интерактивными картами, выполнение лабораторных работ на местности с фотофиксацией
Проектный блок	Разработка экологических проектов с использованием цифровых инструментов
Рефлексивный блок	Онлайн - формы для обсуждений, взаимооценка проектов, анкетирование

Какие преимущества дает онлайн – формат для внеурочной экологической работы со старшеклассниками?

Визуализация невидимого. Экологические процессы (парниковый эффект, миграция загрязнителей в грунтовых водах, траектории пластикового мусора в океане и др.) не поддаются простому наблюдению. Спутниковые снимки, 3D – модели, делают эти процессы наглядными. Для сегодняшнего подрастающего поколения, привыкшего к визуальной информации, поднимает интерес и глубину понимания.

Доступ к актуальным данным. Онлайн – курс интегрирует живые источники: данные Росгидромета, спутниковые карты, интерактивные карты. Учащийся учится работать с реальной, а не «музейной» информацией.

Виртуальная мобильность. Онлайн – экскурсия на очистные сооружения, мусоросортировочный завод или биосферный заповедник требует меньше организационных усилий, чем реальная поездка. Для учащихся сельских школ или отдаленных учебных территорий это часто единственная возможность показать современные экологические технологии.

Инструментарий для проектной деятельности. Современные бесплатные сервисы (Google Forms для опросов, Google Sites – для создания сайта проекта, Canva – для создания инфографики, Trello – для планирования и др.) делают проектную работу интересной, управляемой и наглядной. Можно фиксировать каждый этап, получать обратную связь (от учителя, одноклассника, приглашенных экспертов). Учащийся получает не просто итог, а полноценный цифровой продукт.

Стоит учитывать возрастные особенности старшеклассников при проектировании онлайн – курса. Ключевое отличие внеурочного онлайн – курса для 9-11 классов от аналогичных курсов для младших школьников заключается:

Потребность в самоопределении. Старшеклассник хочет понять, куда он может применить свои экологические знания: в вузе (какие направления связаны с экологией), в профессии(кем быть, кем работать), в волонтерстве (какие организации существуют)

Практическую значимость. Сегодня у современной молодежи знания ради знания не мотивирует. Нужен ответ на вопрос «зачем мне это?», «как мне это пригодится?». Механизм: тема → экологическая проблема → локальный кейс → проектное задание → конкретный продукт.

Формирование портфолио. Для поступления на естественнонаучные направления (экология, биология, география и др.) будущему студенту нужны не только баллы ЕГЭ, но и подтвержденный опыт проектной, исследовательской или волонтерской деятельности. Онлайн – курс дает такой опыт.

Рефлексия и обсуждение. Даже самый интересный монолог в старших классах сегодня не работает. Нужны яркие дискуссии, дебаты, разборы кейсов. Онлайн – форум позволяет учащимся школы спорить об этических проблемах («можно ли наказывать за выброс мусора в лесу?», кто должен платить за переработку пластика?» и др.). Данный формат обучения становится пространством формирования экологической ответственности.

На основе анализа литературы и собственного опыта разработки учебно – методических материалов предлагается следующая модель внеурочного онлайн – курса(34 часа).

Модуль	Тематика	Формы работы	Компонент экологической культуры
Модуль1. Экология как наука и мировоззрение.	Экосистема, биосфера, экологические факторы, адаптации.	Видеолекции, интерактивные тесты, работа с картами.	Когнитивный
Модуль 2. Глобальные вызовы и локальные проблемы.	Отходы, климат, загрязнения, биоразнообразии, устойчивое развитие.	Вебинары, виртуальные экскурсии, расчет углеродного следа, кейсы.	Когнитивный + ценностный

Модуль	Тематика	Формы работы	Компонент экологической культуры
Модуль 3. Исследовательский практикум.	Оценка чистоты воздуха(лишайники), анализ воды(экспресс – методы), картографирование	Лабораторные работы на местности с фотофиксацией, обработка данных.	Деятельностный
Модуль 4. Проектный практикум	От идеи до дорожной карты: выбор темы, формулировка проблемы, SMART-цель, ресурсы, риски, план - график	Работа с шаблонами, групповые консультации, взаиморецензия.	Деятельностный + ценностный
Модуль 5. Итоговая защита проекта.	Презентации экологического проекта(индивидуального и группового)	Публичные выступления, ответы на вопросы.	Интегративный

Важно знать: что курс не является чисто «дистанционным». Говорится о смешанном формате: теоретические модули – онлайн, практические работа на местности – самостоятельно или в малых группах, консультации и защиты – синхронно с учителем.

Интеграция онлайн – курса во внеурочную деятельность по экологии приводит:

для учащихся – экологическая культура начинает восприниматься не как «школьный предмет», а как ресурс для самореализации будущей профессии,

появляется опыт проектной деятельности, удовлетворяется потребность в общении с единомышленниками (выход за рамки своего класса, через общие онлайн – форумы и групповые проекты)

для учителя – учитель перестает быть единственным источником информации. Его роль трансформируется: он тьютор, навигатор, организатор, эксперт. Снижается рутинная нагрузка (проверка тестов автоматизирована, методические материалы унифицированы). Появляется возможность привлекать внешних экспертов(онлайн – встречи с экологами, представителями заповедников, сотрудниками предприятий).

для школы – расширяется спектр внеурочных активностей, повышает конкурентоспособность школы(наличие современных форматов внеурочной работы престижно).

Выводы: трансформация внеурочной деятельности по экологии для старшеклассников средствами онлайн – обучения, это не замена традиционных форм, а их обновление и усиление. Онлайн – курс позволяет:

1. Сделать внеурочную работу более системной, а не эпизодической.
2. Визуализировать сложные экологические процессы
3. Обеспечить доступ к актуальным данным и виртуальным экскурсиям.
4. Организовать проектную деятельность с использованием современных цифровых инструментов.
5. Учесть возрастные потребности старшеклассников в самоопределении, практической направленности.

Список использованной литературы:

1. Захлебный А.Н., Суравегина И.Т. Экологическое образование школьников во внеклассной работе. - М.: Просвещение, 1984.
2. Зверев И.Д. Экологическое образование школьников. – М.: Педагогика, 1983.
3. Глазачев С.Н. Экологическая культура учителя. – М.. 1998.
4. Половков М.В. и др. Экология. Индивидуальный проект. Актуальная экология. 10-11 классы. – М.: Просвещение, 2023.

© Савич Е.И., 2026

УДК 37.015.3

Толекова Ф.Х.

Педагог-психолог МКОУ СОШ № 9

с. Кучерла Туркменского МО Ставропольского края,

ЗНАЧЕНИЕ НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ ШКОЛЬНИКОВ

Аннотация

Взаимодействие семьи и школы в духовно-нравственном воспитании школьников всегда будет оставаться актуальной проблемой. Только при условии их взаимодействия задача будет успешно решена. Полноценный процесс воспитания и формирования личности ребенка складывается из нескольких факторов: комфортного климата внутри семьи, между семьей и образовательной организацией, а также в самой организации, то есть отношений «учитель-ученик».

Семья — это первичный и важнейший институт социализации нового поколения. Именно здесь закладываются основы дальнейшего воспитания школьника, его целей и взглядов на жизнь. Семья — это часть всеобщего коллектива. Очевидно, что именно семья играет решающую роль в эффективном развитии. В связи с чем в современных условиях основная задача — не только прививать школьникам правильные нравственные установки, но и взаимодействовать с их семьями, чтобы понять обстановку внутри семьи и оценить возможность ребенка в будущем стать полноценным членом общества с адекватными установками на будущее.

Ключевые слова:

обучение, образование, семья, школьник, воспитание, нравственные установки, личный пример.

Abstract

The interaction of family and school in the spiritual and moral education of schoolchildren will always remain an urgent problem. Only if they cooperate will the task be successfully solved. A full-fledged process of upbringing and formation of a child's personality consists of several factors: a comfortable climate within the family, between the family and the educational organization, as well as in the organization itself, that is, the teacher-student relationship.

The family is the primary and most important institution of socialization of the new generation. It is here that the foundations are laid for the further education of the student, his goals and views on life. The family is a part of the collective. Obviously, it is the family that plays a crucial role in effective development. In this regard, in modern conditions, the main task is not only to instill correct moral attitudes in schoolchildren, but also to interact with their families in order to understand the situation within the family and assess the child's ability to become a full-fledged member of society with adequate attitudes for the future.

Keywords:

education, education, family, student, upbringing, moral attitudes, personal example.

Взаимодействие семьи и школы — это взаимоотношения между учителями и родителями в ходе их совместной деятельности. Это ведет к развитию обеих сторон. Важно, что взаимодействие между школой и семьей является важным механизмом развития детей.

Семья — это основной институт социализации. Ребенок с первых секунд жизни окружен обществом, и главная задача родителей - сделать из него личность, способную комфортно жить в обществе. Именно родители закладывают основы духовно-нравственного воспитания, черты характера и чувства к окружающим, прививают привычки и ценности.

В рамках настоящего времени семейное воспитание можно разделить на четыре разновидности, в

которых прослеживаются черты исторических стилей: авторитарный, свободно-либеральный, гиперопекающий и активно-заинтересованный.

Авторитарный стиль - самый жестокий тип воспитательных отношений. В процессе воспитания используются власть, принуждение, мнение ребенка не учитывается, подавляется. В этом стиле присутствует агрессия, несправедливость. Эти качества передаются ребенку. Ребенок, воспитываемый такими методами, не чувствует любви родителей к себе, из-за чего не будет испытывать любви к окружающим. Он становится грубым, бесчувственным, с повышенным уровнем агрессии и низкой самооценкой. Такие люди, как правило, принимают необдуманные решения, не прислушиваются к мнению окружающих и не пытаются понять чужие мнения и интересы.

Свободно-либеральный стиль дает детям полную свободу действий. Родители не уделяют ребенку внимания, проявляют безразличие и незаинтересованность, т.е. полностью замыкаются в себе в самый важный период жизни, когда ребенок нуждается в поддержке и понимании. Часто такие дети вырастают со склонностью к девиантному поведению.

При гиперопеке воспитание сводит к минимуму самоутверждение и самовыражение детей, они даже не имеют права заботиться о себе. Родители в такой семье часто переоценивают возможности ребенка, балуют его. В результате дети, воспитанные такими методами, вырастают эгоистичными, заторможенными в развитии самостоятельности и неспособными принимать самостоятельные решения. Им трудно находиться в обществе и жить независимой жизнью.

Активный и заинтересованный стиль является наиболее благоприятным в процессе духовно-нравственного воспитания ребенка. Родители относятся сердечно, стараются понять ребенка, помогают в решении его проблем, дают советы, дают свободу творчества и самореализации. Такой педагогический подход можно назвать наиболее грамотным.

Но зачастую родителям не хватает знаний в области педагогики и психологии, поэтому они не знают, как правильно воспитывать детей, поэтому образовательные учреждения обязаны оказывать научно-методическую помощь, пропагандировать культуру семейного воспитания. В связи с этим П.П. Блонский писал: «Невозможно воспитывать детей, не воспитывая их родителей» [1, с. 37].

Важной проблемой в современном мире является то, что не все родители владеют методикой духовно-нравственного воспитания своих детей. Среди причин возникновения этой проблемы А.П. Ситник выделяет следующие:

1) «неполное детство и маленькие дети (особенно в городских условиях) приводят к тому, что люди не получают практических навыков по уходу и воспитанию своих братьев и сестер, не имеют опыта семейных отношений;

2) жизнь вдали от старшего поколения лишает молодые семьи возможности воспользоваться мудростью старших в вопросах воспитания детей;

3) традиции народной педагогики были основательно утрачены;

4) если раньше в условиях деревни, где все люди знали друг друга, родителям было стыдно иметь необразованных детей, а детям было стыдно вести себя недостойно, то в условиях города автономия общения детей и взрослых возросла;

5) возникающие социальные и экономические трудности, материальная незащищенность семей снижают уровень внутрисемейного эмоционального настроения, усиливают конфликтность в семье, ухудшают семейные отношения и образование».

В настоящее время «школа – это комплексная социально-педагогическая технология подготовки детей к социальному функционированию, она решает задачи развития, воспитания, просвещения и социализации учащихся в возрасте от 6 до 18 лет».

Учителя при общении с родителями должны совмещать сразу несколько ролей: воспитателя, вожатого, советчика, консультантки, защитника. Таким образом, педагог сможет указать родителям на

творческий потенциал ребенка, скрытые таланты, указать на недостатки и дать советы, которые помогут избежать ошибок в духовно-нравственном воспитании.

Таким образом, семья – это институт социализации, который закладывает основы духовно-нравственного воспитания. Во взаимодействии семьи и школы образовательное учреждение является направляющим звеном, которое также в какой-то степени влияет на воспитание детей, например, на уроках этики или классных часах. Без взаимоотношений между семьей и школой успешный процесс духовно-нравственного воспитания будет невозможен, а это, в свою очередь, может негативно сказаться на ученике.

Список использованной литературы:

1. Блонский П.П. Очерк научной психологии. – Москва. Труды Московской академии социального воспитания; т. 1. 1921. 94 с.
2. Заочинский М.С. Специфика воспитания младшего школьника, подростка, старшего школьника // Форум молодых ученых. 2019. № 1-1 (29). С. 1324-1334.
3. Зубова С.П. Роль литературного творчества поэтов – земляков в нравственно-патриотическом воспитании школьников // Развитие современного образования: от теории к практике. материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова». Чебоксары, 2023. С. 37-40.

© Толекова Ф.Х., 2026

УДК 377

Тютюник Н.Н.,
преподаватель истории
КГБПОУ «АИРМО»,
г. Бийск, РФ

ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ДИСЦИПЛИНЫ ИСТОРИЯ В СИСТЕМЕ СПО: ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ

Аннотация

Статья актуальна для педагогов. Цель работы: рассмотреть проблемы и направления патриотического воспитания в процессе изучения истории в медицинском колледже. Методы исследования - эмпирического уровня (наблюдение, собеседование) и экспериментально - теоретического уровня (анализ). В итоге - автор утверждает, что только комплексный подход к раскрытию патриотического потенциала дисциплины история создаёт условия для формирования в будущих специалистах гражданственности, ответственности, способствует сохранению и трансляции исторической памяти.

Ключевые слова:

патриотизм, воспитание, историческая память, патриотическое сознание.

С чего начинается Родина? Наверное, каждый думающий человек задавался этим вопросом. Именно сегодня, когда в условиях проведения специальной военной операции наша страна столкнулась с вызовами самому её существованию, с фальсификацией истории, проявлениями русофобии, слово патриот звучит особенно актуально. В связи с этим появляется проблема – как воспитывать любовь к Отчизне в молодежи, как не дать этому процессу скатиться к формализму? Формирование

патриотического сознания начинается в семье, с уважения к истории семьи как частицы истории страны, с искреннего интереса к своему прошлому и истинности знаний об этом прошлом.

Патриотизм сегодня, в условиях военной действительности, это не просто знание фактов и дат, это жизненная позиция, ценностная система, опирающаяся на всё лучшее, что есть в нашем народе, в его прошлом и настоящем, – мужество, справедливость, решимость, широту души, человечность и многое другое, именуемое духовно-историческим кодом нации.

В системе общественных дисциплин история сегодня играет ключевую роль в формировании патриотического сознания: она не только вооружает студентов-первокурсников знаниями, но и выполняет духовную миссию - позволяет очеловечить исторические факты, увидеть за событиями судьбы людей, провести параллели прошлого с настоящим. В связи с этим большая ответственность возлагается на самого педагога – проводника и наставника, который, прежде всего, сам должен обладать не только глубокими знаниями, но и психологической зрелостью и чёткой гражданской позицией, позволяющей решать ряд проблем, возникающих в ходе общения со студентами.

Первая группа проблем связана с мышлением, к ней отнесем: фейки, дискредитацию и фальсификацию нашего прошлого и настоящего; отсутствие у студентов умения ориентироваться в цифровых ресурсах; несформированность критического мышления; отсутствие историко-культурной идентичности.

Вторая группа проблем эмоциональной направленности – это широчайший спектр от отсутствия сострадания и сопереживания у студентов, от гражданской «апатии», равнодушия к происходящим в стране событиям до искренних ярких проявлений чувств при изучении эмоционально заряженных тем. На занятиях по истории особенно сложной и требующей максимальной тактичности является бурная психологическая реакция студента, находящегося в кризисном состоянии из-за гибели близкого человека в зоне боевых действий, на изучаемый материал, связанный с темой войны.

Третью группу проблем поведенческой направленности составляют поступки ребят – проявление ответственности, чувство товарищества или наоборот – возможность легко не выполнить задание и подвести свою группу.

Преодолевать трудности и разрешать проблемы можно только в комплексном подходе к преподаванию истории, что подразумевает постоянную работу в нескольких направлениях в урочное и внеурочное время.

Рассмотрим примеры направлений военно-патриотического воспитания студентов медицинского колледжа в рамках дисциплины история на 1 курсе:

1. Воспитание в процессе изучения истории, например, в разделе «Великая Отечественная война» при рассмотрении каждой темы студенты, помимо различных видов заданий, составляют к каждой теме ассоциативный кластер, таким образом, делая это знание лично значимым. После завершения изучения данного раздела каждый студент сдает срезовой зачет в два этапа: проверка знаний - ответы на вопросы и работа с картами и творческий этап в малых группах – создание и защита лэпбуков - тематических интерактивных папок со множеством кармашков, иллюстраций, вкладышей и разнообразной интересной информацией. Тематика лэпбуков обширна: крупнейшие битвы, исторические личности эпохи Великой Отечественной войны, вклад медиков в приближение Победы, значение искусства в этот тяжелейший для страны период, путь к Победе в дневниках и письмах советских солдат и многие другие. Этот вид рефлексивной работы позволяет студентам погрузиться глубже в какой-то аспект темы Великой Отечественной войны, креативно осмыслить его, научиться работать в команде. Студенты защищают лэпбуки, сопровождая своё выступление презентацией и созданными ими самими тематическими видеороликами, в результате чего в кабинете истории создается импровизированная выставка творческих работ. Студенты уже не забудут эти темы, потому что пропустили их через себя, свои мысли и чувства, понимая, что каждая работа – это вклад в сохранение исторической памяти.

Рисунок 1 – Выставка лэпбуков в кабинете истории

Источник: разработано автором

2. Проведение творческих занятий, посвященных подвигу медицинских работников в годы Великой Отечественной войны в рамках профессионально ориентированного содержания программы по истории. Занятие сопровождается выступлениями студентов о судьбах медиков на войне, их подвигах и жертвенности, песнями, видеофрагментами из художественных и документальных фильмов и конечно, рубрикой «Я помню, я горжусь», представленной рассказами, фото и видеоматериалами о воевавших и работавших в тылу прадедушках и прабабушках нынешних первокурсников. Особенно ценно, что проводят занятие сами студенты, преподаватель выступает в роли фасилитатора. Профессионально ориентированное содержание позволяет соединить воедино ценностную систему будущего профессионала, историческое знание и чувство гордости за свой выбор. В отзывах студентов, в их впечатлениях от такого занятия звучат фразы – «мурашки по коже», «ком в горле», «слезы гордости» - это та эмоциональная реакция, которая не только позволяет осесть изученному материалу в долгосрочной памяти, но и внутренне наполнить личность.

3. Научно-исследовательская работа студентов, объединяющая историю и медицину: на протяжении нескольких лет студенты изучают темы, связанные со способами эвакуации раненых от Первой мировой войны до специальной военной операции (СВО); специфику работы медиков в красной, желтой и зеленой зонах, исследуют материал о героизме и мужестве военных медиков в зоне СВО, включая выпускников и студентов нашего колледжа. Сегодня особенно актуально изучение этих тем –

ведь мы современники крупнейшего военного конфликта после Второй мировой войны и, являясь представителями самой гуманной профессии на Земле, наши студенты не должны оставаться равнодушными к теме войны, ведь сейчас Родину защищают их старшие коллеги, отцы и братья. Исследовательские работы студентов не только опираются на факты, но и содержат мощный психоэмоциональный заряд: медики во всех войнах – «солдаты жизни» и «ангелы в белых халатах», благодаря отваге и самоотверженности которых бойцы возвращались и возвращаются в строй. Главная цель – не только дать знания и опыт исследовательской работы, но и привить уважение к профессии сквозь призму исторических событий.

4. Литературно-музыкальные композиции, посвященные ключевым датам отечественной истории, например, Дню народного единства, Дню Защитника Отечества, Дню Победы, позволяют студентам раскрыть свои личности в творчестве. Сам процесс подготовки к такому мероприятию способен мотивировать к достижениям, сплачивать ребят в единую команду, реализовывать и развивать творческие способности студентов. Особенно ценно сочетать всё это с живым общением с ветеранами и участниками локальных войн, конфликтов.

5. Использование возможностей социальных сетей. Например, в социальной сети ВКонтакте для каждой группы 1 курса создан свой чат, в котором не только обсуждаются рабочие моменты и вопросы в рамках дисциплины, но и ведется рубрика «День в истории», посвященная значимым событиям, процессам и личностям.

Включаясь в различные виды и формы работы, студенты осознают свою сопричастность к истории России и её современному периоду, полному суровых испытаний. Сегодняшние реалии мотивируют нас обратиться за мужеством и мудростью к предкам, ценой собственной жизни доказавшим любовь к Родине на всех переломных этапах отечественной истории.

Патриотизм – понятие ёмкое: это ценность, чувство, явление, мировоззрение, внутренний стержень личности, формировать который необходимо сообща – силами государства, семьи, общества и системы гуманитарного образования, прежде всего – исторического. Любая тема отечественной истории дает богатейший материал для воспитания любви к Родине, искреннего интереса к её прошлому и настоящему, осмысления себя как продолжения своих предков, безграничного уважения к своей самой благородной из профессий. Студенты должны осознать, что для будущих медиков любовь к Родине и профессиональное служение ей и её народу - неразделимы.

©Тютюник Н.Н., 2026

УДК 371.213.1

Улякова Н.В.

магистрант 2 курса Института педагогики и психологии

ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»

г. Сыктывкар, РФ

Научный руководитель: Торлопова Н.И.

старший преподаватель ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»

ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КЛАССНЫХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ, РАСПОЛОЖЕННЫХ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ

Аннотация

Приведены особенности деятельности классных руководителей в школах сельской местности с

выявлением достоинств (малочисленность классов, возможность лично-ориентированного подхода в процессе работы с обучающимися и их законными представителями, высокий уровень эффективности воспитания на базе традиционных ценностей) и недостатков (дефицит культурных объектов, многофункциональность педагогов, высокий риск профессионального выгорания).

Ключевые слова:

классный руководитель, образовательный и воспитательный процесс, сельская школа, малочисленность, индивидуальный подход, многозадачность, профессиональное выгорание.

Ulyakova N.V.

Second-year Master's student, Institute of Pedagogy and Psychology
Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«Pitirim Sorokin Syktyvkar State University»
Syktyvkar, Russian Federation

Research supervisor: Torloпова N.I.

Senior Lecturer at the Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education
"Pitirim Sorokin Syktyvkar State University"
Syktyvkar, Russian Federation

CHARACTERISTICS OF THE ACTIVITIES OF CLASSROOM TEACHER IN RURAL EDUCATIONAL ORGANIZATIONS

Annotation

This paper presents the characteristics of class teachers in rural schools, identifying their strengths (small class sizes, opportunities for a student-centered approach when working with students and their legal representatives, and a high level of effective education based on traditional values) and weaknesses (lack of cultural facilities, multi-tasking of teachers, and a high risk of professional burnout).

Keywords:

classroom teacher, educational and developmental process, rural school, small class sizes, individualized approach, multitasking, and professional burnout.

Деятельность классного руководителя в школах в условиях сельской местности является важным аспектом образовательного и воспитательного процесса, отличаясь рядом специфических особенностей: повышенной степенью ответственности, необходимостью принятия эффективных решений в условиях удалённости от центров культуры, определённой социальной и культурной среды, а также недостатка квалифицированных кадров и ограниченных ресурсов.

В первую очередь необходимо отметить, что в сельских школах реализация ключевых требований ФГОС о воспитании на базе традиционных ценностей осуществляется с высоким уровнем эффективности. Классные руководители имеют возможность интеграции в рабочую деятельность местных промыслов, обычаев и истории села, поэтому воспитательный процесс становится для обучающихся глубоко личным, а не абстрактным.

Одной из особенностей деятельности классного руководителя является возможность глубокой персонализации и построения индивидуальной траектории развития каждого ребёнка. В условиях небольшого количества населения педагог хорошо знаком не только с самим ребёнком, но и его близкими, взаимоотношениями в семье и бытовыми условиями, что ликвидирует один из наиболее

существенных недостатков городских школ – дефицит внимания к личности каждого обучающегося и его родителей. В сельских школах классный руководитель имеет достаточно тесную связь с сообществом и семьёй, ведёт тотальную работу с родителями при высоком уровне доверия, что способствует построению сотрудничества на принципиально новом уровне в естественной среде воспитания при активном содействии классного руководителя во взаимодействии школы с окружающим миром. Кроме того, малочисленность классов, создавая уникальные возможности для личностно-ориентированного подхода, способствует обеспечению преемственности воспитательной работы при переходе обучающихся из начального звена, что в разы повышает уровень её эффективности [1, с. 33].

Как и в городских школах, в школах сельской местности классные руководители активно формируют гражданскую позицию и ответственность у обучающихся, однако в сельской местности возможности значительно шире. Классные руководители могут создать единый коллектив разновозрастных обучающихся и их родителей, в том числе посредством вовлечения в реализацию совместной проектной деятельности (благоустройство села, проведение праздников, ярмарок, творческих вечеров, культурно-просветительских мероприятий), что также способствует формированию единого ценностного и смыслового пространства.

В связи с малой наполняемостью классов педагогическая деятельность в сельской школе отличается многофункциональностью: классный руководитель выступает в роли не только педагога, но и наставника, социального работника и психолога. Соответственно, он несёт повышенную ответственность, являясь примером для подражания, значимым образцом культуры и воспитания, особенно для обучающихся из семей, находящихся в социально опасном положении (СОП), а также из семей с низким уровнем социализации. При этом классные руководители сталкиваются с необходимостью регулярного посещения определённых категорий семей, выполняя в том числе функции органов опеки и попечительства. Когда родители обучающихся уезжают на заработки, а дети остаются на попечении родственников, классный руководитель разъясняет родителям необходимость оформления доверенности на законных представителей (бабушек, дедушек) для возможности принятия ими решений в сфере образования и воспитания.

С целью повышения успехов обучающихся классные руководители стараются интегрировать опекунов (законных представителей) в воспитательный и образовательный процесс посредством проведения бесед и поиска новых подходов к сотрудничеству, а также проведения дополнительных занятий с учениками во внеурочное время. Кроме того, в связи с высокой степенью информированности жителей села друг о друге («прозрачностью» жизни односельчан) классный руководитель работает над предотвращением стигматизации обучающихся из семей, находящихся в социально опасном положении, проводит беседы с учениками и родителями, формируя толерантное отношение и не допуская распространения негативных стереотипов [3, с. 94].

Сельская школа также отличается специфическими условиями адаптации обучающихся к проведению культурного досуга. В связи с острым дефицитом организаций дополнительного образования и культурных объектов организация практически всех направлений внеурочной деятельности обучающихся ложится на плечи классных руководителей. Для эффективной компенсации недостатка культурно-образовательного воспитания они используют комплекс различных форм и методов работы: расширяют культурно-образовательное пространство посредством привлечения и подготовки обучающихся к участию в городских и региональных олимпиадах, организации кружков и театральной деятельности, проведения интерактивных экскурсий, в том числе с привлечением к сотрудничеству краеведческих организаций, домов культуры из соседних сёл и городов, а также иных культурных учреждений [2, с. 24].

Особое внимание классные руководители в сельской местности уделяют профессиональной ориентации обучающихся старших классов. На фоне ограниченного рынка труда в ближайших к селу местностях они сталкиваются с проблемой низкой мотивации и скудным выбором трудовой деятельности для выпускников, которые по тем или иным причинам не поступают на дальнейшее обучение. В связи с этим одной из важнейших задач классного руководителя является знакомство учеников с разнообразными профессиями, востребованными в сельской местности: не только с аграрными специальностями (растениеводство, животноводство), но и с профессиями учителя, врача (фельдшера), сотрудника полиции, водителя, тракториста.

Знакомство с местным сельскохозяйственным производством осуществляется посредством встреч с передовиками производства, а также проведения экскурсий на фермы, предприятия и в учреждения села. Данная мера способствует повышению мотивации, раскрытию новых способностей у обучающихся, а также привлечению выпускников вузов в село.

Помимо общих аспектов организационно-педагогической работы (организация учебного процесса, планирование и проведение мероприятий, работа с родителями, создание благоприятной атмосферы) в сельских школах классные руководители зачастую выполняют и функции, которые в городских школах распределяются между различными специалистами: социального педагога (работа с семьями СОП, опека), педагога-организатора (организация досуга и внеурочной деятельности), педагога-психолога (элементарное психологическое сопровождение). Следовательно, классный руководитель должен обладать высоким уровнем профессионализма, навыками принятия оптимальных и эффективных решений в различных ситуациях, а также быстрой адаптации к возможным изменяющимся условиям. При этом такого рода многозадачность, равно как и недостаточный уровень финансирования, ведёт к значительному снижению мотивации и, как следствие, к оттоку молодых педагогов, не готовых морально и физически к высокой степени нагрузки и многозадачности. Кроме того, участие во внеурочной деятельности, регулярное посещение семей, находящихся в социально опасном положении, необходимость привлечения к совместной деятельности родителей, не желающих участвовать в жизни школы и обучающегося, крайне негативно сказываются на психологическом состоянии классных руководителей и ведут к профессиональному выгоранию. В таких условиях воспитательная и образовательная деятельность может сводиться исключительно к выполнению конкретных, установленных уставом школы функций: проведению уроков, внеурочных занятий (включая классные часы) и запланированных на год экскурсий, что снижает уровень мотивации к обучению и самих учеников.

Таким образом, несмотря на наличие федеральных государственных образовательных стандартов и примерных программ воспитания, предъявляющих определённые требования к деятельности классного руководителя, реальная работа в сельской местности существенно отличается. Она предполагает более высокий уровень ответственности и профессиональной нагрузки, а также выполнение несвойственных для городских школ дополнительных функций, что не всегда учитывается в нормативных документах и приводит к перегрузкам педагогов.

Список использованной литературы:

1. Александрова Е.А., Степанова Е.Н. Классному руководителю сельской школы: методическое пособие. Саратов: ИЦ «Наука», 2022. 128 с.
2. Гурьянова М.П. О развитии социальной инфраструктуры воспитания в сельском социуме // Воспитание школьников. 2023. № 6. С. 22-28.
3. Савина Л.Ю., Сушков, В.А. Наставничество в малокомплектной сельской школе // Сельская школа. 2021. № 2. С. 91-98.

©Улякова Н.В., 2026

УДК 37

Чеснокова Е.А.

воспитатель

МОУ «Новосадовская

СОШ «Территория Успеха»

Белгородского района Белгородской области

Адаменко О.А.

воспитатель

МОУ «Новосадовская

СОШ «Территория Успеха»

Белгородского района Белгородской области

Лахина Л.С.

воспитатель

МОУ «Новосадовская

СОШ «Территория Успеха»

Белгородского района Белгородской области

ТЕАТРАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК УСЛОВИЕ УСПЕШНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Аннотация

В данной статье рассматриваются психолого-педагогические механизмы влияния театральной игры на формирование коммуникативных навыков, усвоение социальных норм, а также эмоционального интеллекта. Театральная деятельность создает уникальную «безопасную» среду для освоения социального поведения, способствует профилактике коммуникативных трудностей и гармонизации отношений в детском коллективе.

Ключевые слова:

социализация, дошкольный возраст, театрализованная деятельность, игра, ролевое поведение, коммуникативные навыки, эмоциональный интеллект.

Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования определяет социализацию и развитие общения как одну из ключевых образовательных областей. В связи с этим, мы педагоги ищем такие формы работы, которые были бы органичны природе дошкольника, но и обладали бы социализирующим потенциалом. Театральная деятельность, подошла, как нельзя лучше синтезируя в себе игру, искусство и общение, представляет собой уникальное педагогическое условие, которое позволяет решать широкий спектр задач социального развития личности. И как отмечал Л.С. Выготский, именно в дошкольном возрасте игра выступает ведущей деятельностью, а всякая игра, особенно ролевая, по своей сути глубоко социальна. Театрализованная деятельность является одной из высших форм сюжетно-ролевой игры. Но в отличие от спонтанной бытовой игры, театральная деятельность, как правило требует более высокой степени осознанности и произвольности. Дошкольник не просто манипулирует, какой-либо игрушкой или действует импульсивно, а осознано выстраивает логику поведения своего персонажа. Исполняя какую-либо роль, будь то капризная принцесса или смелый зайчик, ребенок пропускает через себя эмоциональный опыт персонажа, который зачастую отличается от его собственного. Проживая ситуацию изнутри персонажа, дошкольник на эмоциональном уровне постигает такие этические категории, как доброта, справедливость, трусость, отзывчивость.

Также театральная деятельность создает уникальную психологическую безопасную среду,

«ширму». Надевая костюм или маску, даже самый застенчивый ребенок получает «защитный панцирь». Он действует не от себя, своего имени, а от имени персонажа, что снимает страх, раскрепощает дошкольника. Особенно важно это для детей с трудностями в социализации: аутичных по складу личности или, напротив, гиперактивных, которым трудно соблюдать границы. Для замкнутого ребенка роль становится неким мостом к коллективу: он вовлекается в общее действие через посредство куклы или образа. Для гиперактивного ребенка необходимость удерживать роль служит тренажером поведения и саморегуляции. Воспитательный потенциал театрализации уникален, он воспитывает опосредованно. Сопереживая героям, ребенок присваивает моральные оценки событий. Коллективное обсуждение характера персонажа после просмотра или постановки спектакля развивает способность к моральному суждению. Педагог как правило получает возможность в процессе обсуждения с детьми ситуаций из сказки («Почему Лиса поступила плохо?», «Как бы ты помог Зайчику?») формировать у детей систему просоциальных установок. Групповой характер театральной постановки формирует чувство коллективной ответственности, когда успех общего дела зависит от слаженности действий всех артистов. Для того чтобы театральная деятельность стала действительно эффективным условием социализации, а не осталась формальным разучиванием заученных движений для утренника, необходимо соблюдение ряда педагогических условий. Во-первых, требуется постепенное расширение игрового опыта: от просмотра театральных сценок, исполняемых взрослым, и простейших имитационных этюдов («Покажи, как кошечка умывается») дети переходят к играм-драматизациям по знакомым сказкам и, наконец, к самостоятельным режиссерским играм и полноценным спектаклям. Во-вторых, обязательным принципом должна стать добровольность и привлекательность участия; совершенно недопустимо заставлять ребенка исполнять роль против его воли и желания. В-третьих, огромное значение имеет создание в группе развивающей предметно-пространственной среды, насыщенной различными видами театров (пальчиковый, бибабо, теневой, настольный, театр марионеток), костюмами и декорациями. А доступность этой среды в свободное время позволяет детям отрепетировать и прожить значимые для них социальные ситуации самостоятельно, без вмешательства взрослого. Практический опыт работы дошкольных учреждений показывает, что систематическое включение театрально-игровой деятельности в режим дня качественно меняет характер взаимодействия в детском коллективе, а также снижается количество конфликтов среди детей. Дети становятся более внимательными друг к другу, учатся оказывать помощь и поддержку. Например, возьмем совместное изготовление атрибутов для спектакля (рисование афиши, лепка бутафории) это создает пространство для продуктивного сотрудничества переговоров, распределения обязанностей и взаимопомощи. Можно сказать, что театр выходит за рамки сценической площадки и пронизывает всю жизнедеятельность группы.

В заключение необходимо подчеркнуть, что театральная деятельность в детском саду является не просто средством художественно-эстетического развития, а фундаментальным социально-педагогическим инструментом.

Список использованной литературы:

1. Мигунова, Е.В. Организация театрализованной деятельности в детском саду / Е.В. Мигунова. – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2006. – 126 с.
2. Доронова, Т.Н. Играем в театр: Театрализованная деятельность детей 4–6 лет / Т.Н. Доронова. – М.: Просвещение, 2005. – 127 с.
3. Выготский, Л.С. Игра и ее роль в психическом развитии ребенка / Л.С. Выготский // Вопросы психологии. – 1966. – №6. – С. 62–76.
4. Козлова, С.А. Дошкольная педагогика: учебник / С.А. Козлова, Т.А. Куликова. – М.: Академия, 2015. – 416 с.
5. Смирнова, Е.О. Психология ребенка от рождения до семи лет / Е.О. Смирнова. – М.: Школа-Пресс, 1997. – 344 с.

© Чеснокова Е.А., Адаменко О.А., Лахина Л.С., 2026

УДК 378.147

Шаповалов Д.С.,
студент 2 курса бакалавриата
Научный руководитель: Кравец О.С.
ассистент
ФГБОУ ВО «МИРЭА — Российский технологический университет»
г. Москва, Россия

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ УЧЕБНОЙ МОТИВАЦИИ СТУДЕНТОВ В ЦИФРОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

Аннотация

В статье рассматриваются педагогические условия развития учебной мотивации студентов в цифровой образовательной среде. Проанализированы особенности организации самостоятельной работы, обратной связи, интерактивных форм обучения и оценивания. Сделан вывод о необходимости сочетания цифровых инструментов с личностно ориентированным взаимодействием преподавателя и обучающихся.

Ключевые слова:

мотивация, студенты, цифровизация, самостоятельность, обучение, вовлечённость, педагогика.

Введение

Вопрос развития учебной мотивации студентов относится к числу устойчиво значимых проблем педагогической науки. Даже при наличии современной материально-технической базы и широкого набора цифровых сервисов результат обучения во многом зависит от того, насколько обучающийся понимает цель учебной деятельности, видит её практический смысл и готов выполнять задания не только формально, но и осознанно. Для высшей школы эта проблема особенно актуальна, поскольку студент постепенно переходит от внешнего контроля со стороны преподавателя к более самостоятельной организации своего образования.

Цифровая образовательная среда изменила привычную структуру учебного процесса. Лекции, практические занятия, консультации, самостоятельная работа и контроль знаний всё чаще сопровождаются электронными курсами, онлайн-тестами, интерактивными материалами, образовательными платформами и средствами дистанционного взаимодействия. С одной стороны, это расширяет возможности преподавателя и делает обучение более гибким. С другой стороны, сама по себе цифровизация не гарантирует повышения интереса к учёбе. Если цифровые инструменты используются только как способ передачи файлов или формального контроля, они не решают мотивационную задачу.

Актуальность данной темы определяется необходимостью выделить такие педагогические условия, при которых цифровая образовательная среда становится не внешним дополнением к занятию, а средством повышения вовлечённости, самостоятельности и ответственности студентов за результат обучения. Цель статьи заключается в теоретическом анализе педагогических условий развития учебной мотивации студентов в цифровой образовательной среде. Для достижения цели рассматриваются сущность учебной мотивации, особенности цифровой среды и практические способы организации учебной деятельности.

1. Учебная мотивация как педагогическая проблема

Учебная мотивация представляет собой систему внутренних и внешних побуждений, которые определяют отношение обучающегося к учебной деятельности, её целям, содержанию и результатам. В педагогической психологии мотивация рассматривается не как отдельное качество личности, а как

сложное образование, связанное с потребностями, интересами, ценностями, опытом успеха и характером взаимодействия с преподавателем [1]. Для студента важно не только получить оценку, но и понимать, как учебная работа связана с будущей профессиональной деятельностью, личным развитием и реальными задачами.

В структуре учебной мотивации обычно выделяют внутренние и внешние мотивы. Внешние мотивы связаны с оценкой, зачётом, требованиями преподавателя, ожиданиями родителей или формальными условиями обучения. Они могут обеспечивать дисциплину и регулярность выполнения заданий, но часто оказываются недостаточными для устойчивого интереса к предмету. Внутренние мотивы основаны на познавательном интересе, стремлении разобраться в материале, желании применить знания на практике и почувствовать собственный прогресс. Именно внутренние мотивы в большей степени связаны с качественным освоением содержания образования.

При этом противопоставлять внешнюю и внутреннюю мотивацию неправильно. В реальном учебном процессе они обычно сочетаются. Задача преподавателя состоит в том, чтобы внешняя организация обучения постепенно переводилась во внутреннюю заинтересованность студента. Например, оценивание может восприниматься не только как контроль, но и как обратная связь о продвижении; обязательное задание может стать способом решить практическую проблему; работа в цифровой среде может быть не формальной загрузкой файла, а частью общего проекта.

Важное значение имеет деятельностный подход. Согласно данному подходу, развитие личности происходит в деятельности, а знания усваиваются более осознанно, если студент не только воспринимает информацию, но и выполняет учебные действия: анализирует, сравнивает, выбирает способ решения, обсуждает результат, исправляет ошибки [2]. Поэтому мотивация напрямую зависит от того, насколько активной является позиция обучающегося. Чем больше студент включён в постановку цели, поиск решения и оценку результата, тем выше вероятность появления устойчивого учебного интереса.

Для студентов младших курсов проблема мотивации имеет особую специфику. На этом этапе ещё не всегда сформировано ясное представление о будущей профессии, часть дисциплин воспринимается как общая или недостаточно связанная со специальностью. В результате возникает риск формального отношения к заданиям. Поэтому преподавателю важно показывать смысл изучаемого материала, связывать темы с профессиональными ситуациями, использовать понятные примеры и давать задания, в которых студент видит практическую ценность.

2. Цифровая образовательная среда и её влияние на активность студентов

Цифровая образовательная среда включает электронные курсы, образовательные платформы, системы управления обучением, мультимедийные материалы, онлайн-коммуникацию, интерактивные задания и электронные формы контроля. Её педагогическое значение состоит не только в техническом удобстве, но и в возможности по-новому организовать взаимодействие между преподавателем, студентом и учебным материалом [6].

Одним из преимуществ цифровой среды является доступность учебных ресурсов. Студент может повторно обратиться к материалам занятия, изучить дополнительные источники, выполнить тренировочные задания, посмотреть комментарии преподавателя. Это особенно важно для самостоятельной работы, так как студент получает возможность распределять время и выбирать темп освоения темы. Однако такая свобода требует развитой саморегуляции. Если задания плохо структурированы, сроки не обозначены, а критерии оценивания непонятны, цифровая среда может привести не к росту самостоятельности, а к откладыванию работы.

Второе преимущество связано с разнообразием форм представления информации. Текст, схема, видеофрагмент, интерактивный тест, практический кейс или форум для обсуждения позволяют учитывать разные способы восприятия материала. Для повышения мотивации важно, чтобы цифровые ресурсы не дублировали друг друга механически, а выполняли разные дидактические функции: объясняли,

закрепляли, проверяли, помогали применить материал в новой ситуации.

Третье направление влияния цифровой среды связано с обратной связью. В традиционном формате студент нередко получает итоговую оценку уже после завершения темы, когда исправить ошибки сложно. Электронные тесты, промежуточные задания и комментарии в цифровой системе позволяют быстрее увидеть пробелы и скорректировать работу. Быстрая и понятная обратная связь поддерживает мотивацию, поскольку студент видит не только ошибку, но и путь её исправления.

Вместе с тем цифровая среда имеет ограничения. Избыточное количество платформ, постоянные уведомления, однотипные тесты и отсутствие живого обсуждения могут снижать вовлечённость. Поэтому цифровизация должна рассматриваться как педагогически организованный процесс, а не как простая замена очного взаимодействия электронными инструментами. Личность преподавателя, ясность требований и содержательная коммуникация остаются важнейшими условиями эффективного обучения.

3. Педагогические условия развития учебной мотивации студентов

Первым педагогическим условием является постановка понятных и достижимых учебных целей. Студенту необходимо понимать, что именно он должен освоить, почему это важно и каким образом результат будет оцениваться. Цель, сформулированная только в виде темы занятия, часто не создаёт достаточной мотивации. Более продуктивным является объяснение через конкретное действие: научиться анализировать ситуацию, подготовить аргументированное решение, составить схему, выполнить расчёт, разработать фрагмент проекта. Такая постановка задачи делает учебную деятельность более предметной и осмысленной.

Вторым условием выступает связь содержания обучения с будущей профессиональной и жизненной практикой. Для студентов технологического университета особенно важно видеть применение знаний в проектной, исследовательской, организационной или инженерной деятельности. Даже дисциплины гуманитарного и педагогического цикла могут быть представлены через реальные коммуникативные, управленческие и образовательные ситуации. Практическая направленность не отменяет теоретического содержания, но помогает студенту понять, зачем оно изучается.

Третье условие связано с активными и интерактивными методами обучения. Дискуссия, анализ кейсов, работа в малых группах, проектные задания, деловые игры и проблемные вопросы позволяют студенту занять более активную позицию. В таких формах обучения он не только воспроизводит материал, но и применяет его для решения задачи. Как отмечается в исследованиях активного обучения, контекстность и приближение учебной ситуации к реальной деятельности повышают осмысленность и результативность освоения материала [5].

Четвёртым условием является организация самостоятельной работы. В цифровой среде самостоятельная работа должна быть не набором разрозненных заданий, а логически выстроенной системой. Желательно, чтобы каждое задание имело цель, краткую инструкцию, критерии оценивания, срок выполнения и возможность получения обратной связи. При таком подходе студент понимает требования и может оценивать собственное продвижение. Кроме того, самостоятельная работа должна включать задания разного уровня сложности: от базового закрепления до творческого применения знаний.

Пятым условием выступает поддерживающая обратная связь. Для мотивации важно, чтобы преподаватель не ограничивался фиксацией ошибки, а показывал, что именно необходимо исправить. Комментарий типа «не раскрыта причина» или «нужно добавить пример» более полезен, чем общая отрицательная оценка. В цифровой среде обратная связь может быть письменной, устной, автоматизированной или групповой. Главное, чтобы она была своевременной, конкретной и связанной с критериями выполнения задания.

Шестым условием является создание ситуации успеха. Это не означает искусственного завышения оценок. Речь идёт о такой организации обучения, при которой студент видит собственный рост: сначала

выполняет простое действие, затем переходит к более сложному, получает комментарий и улучшает результат. Ситуация успеха особенно важна для студентов, которые испытывают неуверенность или считают предмет трудным. Положительный опыт постепенно формирует внутреннюю мотивацию и снижает страх ошибки.

4. Практические аспекты организации учебной деятельности

На практике развитие учебной мотивации в цифровой образовательной среде может осуществляться через сочетание нескольких методических решений. Во-первых, электронный курс целесообразно строить по модульному принципу. Каждый модуль должен включать краткое описание цели, основные материалы, задания для закрепления, вопросы для самопроверки и критерии оценки. Такая структура снижает неопределённость и помогает студенту планировать работу.

Во-вторых, полезно использовать проблемные задания, которые требуют не только воспроизведения определения, но и выбора способа решения. Например, студентам можно предложить педагогическую ситуацию: группа обучающихся формально выполняет задания в электронной среде, но не проявляет интереса к обсуждению. Необходимо определить возможные причины и предложить способы повышения вовлечённости. Подобные задания развивают аналитическое мышление и позволяют связать теорию с практикой.

В-третьих, важную роль играет групповая работа. Цифровая среда позволяет организовать совместное редактирование документов, обсуждение в форумах, подготовку презентаций, взаимное рецензирование и мини-проекты. При этом групповая работа должна иметь распределение ролей и понятный итоговый продукт. Если ответственность участников не определена, активность может распределяться неравномерно, что снижает мотивационный эффект.

В-четвёртых, целесообразно включать элементы рефлексии. После выполнения задания студент может кратко ответить на вопросы: что получилось, что вызвало трудности, какие знания удалось применить, что нужно повторить. Рефлексия переводит обучение из режима «сдать работу» в режим осознанного анализа собственного продвижения. Это соответствует идее формирования субъектной позиции обучающегося.

В-пятых, оценивание должно быть прозрачным. Студенту необходимо заранее знать, за что начисляются баллы, какие ошибки являются существенными, как можно улучшить результат. Прозрачные критерии уменьшают тревожность и повышают доверие к преподавателю. Кроме того, критерии помогают студенту самостоятельно проверять работу до сдачи, что развивает ответственность и учебную самостоятельность.

Особое значение имеет педагогическая мера при использовании цифровых инструментов. Не стоит перегружать курс большим количеством сервисов, если они не связаны с целями обучения. Более эффективно использовать ограниченный набор понятных инструментов, но выстраивать вокруг них качественную методику: инструкции, примеры, сроки, обратную связь и обсуждение результатов. В этом случае цифровая среда становится не формальным требованием, а реальной поддержкой учебной деятельности.

Заключение

Развитие учебной мотивации студентов в цифровой образовательной среде требует не только технического оснащения, но и продуманной педагогической организации. Цифровые инструменты создают условия для доступности материалов, индивидуализации темпа, быстрой обратной связи и разнообразия форм работы. Однако их эффективность зависит от того, насколько осмысленно они включены в учебный процесс.

К основным педагогическим условиям развития мотивации можно отнести постановку понятных целей, связь содержания с практикой, применение активных методов обучения, системную организацию самостоятельной работы, поддерживающую обратную связь, прозрачное оценивание и создание

ситуации успеха. Все эти условия взаимосвязаны. Если хотя бы один элемент отсутствует, цифровая среда может превратиться в формальную систему размещения заданий и контроля.

Таким образом, мотивационный потенциал цифровой образовательной среды раскрывается тогда, когда преподаватель использует её как средство организации деятельности студента, а не только как техническую платформу. Перспективы дальнейшего изучения темы связаны с анализом конкретных цифровых инструментов, сравнением различных форм обратной связи и разработкой методик оценки мотивации студентов в смешанном и дистанционном форматах обучения.

Список использованной литературы:

1. Выготский Л. С. Педагогическая психология. — М.: Педагогика, 1991. — 480 с.
2. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. — М.: Политиздат, 1975. — 304 с.
3. Зимняя И. А. Педагогическая психология. — М.: Логос, 2004. — 384 с.
4. Беспалько В. П. Слагаемые педагогической технологии. — М.: Педагогика, 1989. — 192 с.
5. Вербицкий А. А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход. — М.: Высшая школа, 1991. — 207 с.
6. Роберт И. В. Современные информационные технологии в образовании. — М.: Школа-Пресс, 1994. — 205 с.
7. Полат Е. С. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования / под ред. Е. С. Полат. — М.: Академия, 2009. — 272 с.
8. Маркова А. К. Формирование мотивации учения. — М.: Просвещение, 1990. — 192 с.

© Шаповалов Д.С., 2026

УДК 37

Язбердыева А.

старший преподаватель

Туркменский государственный институт финансов

МЕТОДИКА ТАНДЕМА КАК СОВРЕМЕННЫЙ СПОСОБ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ СРЕДИ СТУДЕНТОВ

Изучение иностранных языков в современном мире стало одной из важнейших составляющих образования. Развитие международных отношений, глобализация экономики, активное использование интернета и социальных сетей привели к тому, что знание иностранных языков стало необходимым навыком для студентов и молодых специалистов. Традиционные методы преподавания иностранных языков продолжают использоваться в образовательных учреждениях, однако в последние годы всё большую популярность приобретают современные интерактивные подходы к обучению. Одним из таких подходов является методика тандема. Данная методика основана на взаимном обучении двух людей, которые помогают друг другу изучать родной язык партнёра. Тандем-обучение стало эффективным средством развития языковых навыков, межкультурной коммуникации и самостоятельного обучения студентов.

Методика тандема представляет собой особую форму языкового взаимодействия, при которой два человека с разными родными языками объединяются для совместного изучения языков друг друга. Например, студент, изучающий английский язык, может общаться с носителем английского языка, который в свою очередь изучает русский или другой язык. Во время общения каждый из участников

помогает своему партнёру совершенствовать произношение, словарный запас, грамматику и разговорные навыки. Основной особенностью данной методики является равноправие участников и естественный характер общения. Студенты получают возможность использовать язык в реальных жизненных ситуациях, что значительно повышает эффективность обучения.

История тандемного обучения началась ещё в XX веке, когда преподаватели иностранных языков начали искать способы повышения коммуникативной активности учащихся. С развитием технологий и появлением интернета методика получила широкое распространение во всём мире. Сегодня студенты могут находить языковых партнёров через специальные мобильные приложения, образовательные платформы и социальные сети. Онлайн-коммуникация значительно упростила процесс поиска собеседников и сделала тандем-обучение доступным практически для каждого человека.

Одним из главных преимуществ методики тандема является развитие разговорных навыков. Во многих учебных заведениях основное внимание уделяется грамматике и письменным упражнениям, тогда как устная практика часто оказывается недостаточной. В результате студенты могут хорошо знать правила языка, но испытывать трудности во время реального общения. Тандем-обучение помогает преодолеть языковой барьер и научиться свободно выражать свои мысли на иностранном языке. Регулярное общение с носителем языка способствует развитию уверенности, улучшению

Методика тандема также способствует развитию самостоятельности студентов. В традиционной системе обучения преподаватель играет главную роль и контролирует весь учебный процесс. В тандемном обучении студенты сами планируют занятия, выбирают темы для общения и определяют цели обучения. Такой подход формирует ответственность за собственный результат и развивает навыки самоорганизации. Студенты учатся самостоятельно находить информацию, анализировать ошибки и искать способы улучшения своих языковых навыков.

Одной из популярных форм тандемного обучения является языковой обмен через видеосвязь. Во время видеозвонков участники могут видеть друг друга, наблюдать за мимикой и жестами собеседника, что делает коммуникацию более естественной. Такая форма общения особенно полезна для развития произношения и навыков аудирования. Кроме того, студенты могут демонстрировать различные предметы, фотографии и презентации, что делает процесс обучения более интересным и интерактивным.

Методика тандема особенно полезна для студентов языковых специальностей. Будущие переводчики, преподаватели иностранных языков и специалисты международных отношений нуждаются в постоянной языковой практике. Общение с носителями языка помогает им лучше понимать особенности произношения, интонации и культурных различий. Кроме того, студенты получают опыт реального общения, который невозможно полностью заменить традиционными учебными занятиями.

В последние годы тандемное обучение стало активно использоваться не только для изучения английского языка, но и для освоения других иностранных языков, включая немецкий, французский, испанский, китайский и японский языки. Это связано с ростом интереса к международному образованию и развитию международного сотрудничества. Многие студенты стремятся участвовать в программах академического обмена и обучения за рубежом, поэтому владение иностранными языками становится особенно важным.

Методика тандема также положительно влияет на психологическое состояние студентов. Во время дружеского общения снижается страх совершения ошибок, который часто мешает студентам свободно говорить на иностранном языке. Неформальная атмосфера способствует более комфортному обучению и повышает мотивацию к изучению языка. Студенты начинают воспринимать иностранный язык не как сложный учебный предмет, а как средство реального общения и получения новой информации.

References:

1. Richards, J. C., & Rodgers, T. S. (2014). *Approaches and Methods in Language Teaching*. Cambridge University Press.

2. Chen, H. (2016). Teaching Chinese as a Second Language: Principles and Practices. Routledge.
3. Gao, Y., & Zhang, Y. (2018). Innovative Methods in Teaching Chinese to Secondary Students. Springer.

© Язбердыева А., 2026

УДК 37

Язбердыева А.

старший преподаватель

Туркменский государственный институт финансов

РОЛЬ ТАНДЕМ-МЕТОДИКИ В ПОВЫШЕНИИ МОТИВАЦИИ СТУДЕНТОВ К ОБУЧЕНИЮ

В современном образовательном процессе мотивация студентов играет одну из ключевых ролей в достижении успешных результатов обучения. Особенно важна мотивация при изучении иностранных языков, поскольку данный процесс требует регулярной практики, высокой активности и постоянного совершенствования навыков. Однако традиционные методы обучения не всегда способны поддерживать интерес студентов на протяжении длительного времени. Многие учащиеся теряют желание изучать иностранный язык из-за однообразных заданий, недостатка практического общения и отсутствия реального применения полученных знаний. В связи с этим особое значение приобретает использование современных образовательных методик, среди которых важное место занимает тандем-обучение. Данная методика способствует не только развитию языковых навыков, но и значительному повышению мотивации студентов к обучению.

Тандем-методика представляет собой форму взаимодействия двух людей, являющихся носителями разных языков, которые помогают друг другу изучать иностранный язык посредством общения. Каждый участник выступает одновременно и учеником, и помощником для своего партнёра. Главной особенностью данной методики является естественный характер коммуникации, основанный на реальном общении, взаимной поддержке и обмене знаниями. Благодаря этому процесс обучения становится более интересным, активным и эмоционально насыщенным.

Одной из основных причин снижения мотивации студентов при изучении иностранных языков является отсутствие практического применения знаний. Во многих образовательных учреждениях студенты выполняют грамматические упражнения, переводят тексты и заучивают слова, однако редко получают возможность использовать язык в реальных ситуациях. В результате учащиеся начинают воспринимать иностранный язык как обычный учебный предмет, а не как средство общения. Тандем-обучение помогает решить данную проблему, поскольку студенты начинают использовать язык для настоящей коммуникации с людьми из других стран. Это делает процесс обучения более осмысленным и полезным.

Во время тандемного общения студенты видят реальные результаты своих знаний. Они понимают, что способны поддерживать разговор, выражать мысли и понимать иностранную речь. Осознание собственного прогресса положительно влияет на самооценку и усиливает желание продолжать обучение. Чем больше успехов достигает студент в процессе общения, тем выше становится его внутренняя мотивация к дальнейшему изучению языка.

Регулярное общение с носителями языка также способствует поддержанию устойчивой мотивации. Студенты начинают видеть практическую ценность изучаемого языка, поскольку могут использовать его для знакомства, обмена опытом и международного общения. Многие участники тандемных программ со

временем устанавливают дружеские отношения со своими партнёрами, что делает обучение ещё более интересным и эмоционально значимым.

Тандемное обучение способствует также развитию познавательной мотивации. Во время общения студенты обсуждают различные темы, узнают новые факты о культуре, образовании, технологиях и жизни в других странах. Это делает процесс обучения более содержательным и интеллектуально интересным. Студенты получают возможность изучать язык через реальные жизненные ситуации и актуальные темы, что повышает их заинтересованность в обучении.

Несмотря на многочисленные преимущества, использование тандем-методики требует определённой организации. Для поддержания высокой мотивации важно правильно подбирать языковых партнёров с похожими интересами и уровнем подготовки. Также необходимо учитывать психологическую совместимость участников, поскольку комфортное общение играет важную роль в эффективности обучения. Регулярность занятий и наличие общих целей помогают сохранять интерес студентов к процессу обучения.

Тандем-методика особенно полезна для студентов, которые планируют обучение или работу за границей. Возможность заранее познакомиться с культурой и языковой средой другой страны помогает им чувствовать себя более уверенно и мотивированно. Кроме того, регулярное общение с иностранными партнёрами способствует развитию адаптационных и коммуникативных навыков.

Таким образом, тандем-методика играет важную роль в повышении мотивации студентов к обучению. Она делает процесс изучения иностранного языка более интересным, практическим и эмоционально насыщенным. Реальное общение, межкультурное взаимодействие, использование современных технологий и развитие самостоятельности способствуют формированию устойчивого интереса к обучению. Несмотря на некоторые трудности, тандем-методика обладает большим образовательным потенциалом и является эффективным инструментом современного языкового образования. В условиях глобализации и международного сотрудничества использование данной методики становится особенно актуальным для подготовки активных, коммуникабельных и конкурентоспособных специалистов.

References:

1. Richards, J. C., & Rodgers, T. S. (2014). *Approaches and Methods in Language Teaching*. Cambridge University Press.
2. Chen, H. (2016). *Teaching Chinese as a Second Language: Principles and Practices*. Routledge.
3. Gao, Y., & Zhang, Y. (2018). *Innovative Methods in Teaching Chinese to Secondary Students*. Springer.

© Язбердыева А., 2026